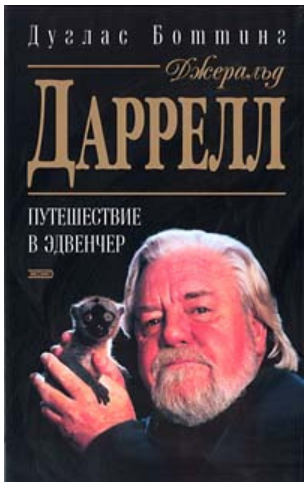

Далеко-далеко, — в самом сердце африканских джунглей жил маленький белый человек. Самым удивительным в нем было то, что он дружил со всеми зверями в округе.

«Друг зверей», книга, написанная Джеральдом Дарреллом о возрасте 10 лет.

Тот, кто спасает жизнь, спасает мир.

Талмуд

Когда вы подойдете к райским вратам, святой Петр спросит у вас: «Что же вы совершили за свою жизнь?» И если вы ответите: «Я спас один вид животных от исчезновения», — уверен, он вас впустит.

Джон Клиз

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я лишь однажды встречался с Джеральдом Дарреллом. Это произошло вначале лето 1989 года в лондонском Доме бабочек, что расположен в Сионском парке. Джеральд вместе со своей женой Ли проводили мероприятие в рамках «Программы для Белиза», направленной на спасение тропических лесов, расположенных на северо-западе этой страны. Чета Дарреллов должна была выпустить в Дом бабочек несколько бабочек из Белиза. Даррелл прошел к входу через толпу восторженных поклонников. Он был очень сдержан, вежлив и сосредоточен. В тот момент ни он, ни я не могли представить, что мне придется писать о нем книгу. Знай мы об этом, нам было бы о чем поговорить. А если бы нам повезло, то мы могли бы общаться и по сей день.

Я почти забыл об этой встрече. Но вот в сентябре 1994 года мы с моей старшей дочерью Кейт сидели на террасе белоснежно-белого дома в Катами, на северо-западе Корфу, где перед войной жил Лоуренс Даррелл. Перед нами по пляжу бродили чайки, выпрашивая лакомство у туристов. Над водой разносились оживленные голоса греческих экскурсоводов. «Сейчас мы с вами приближаемся к прекрасному пляжу Калами, — выкрикивали они. — Слева вы видите знаменитый белоснежно-белый дом, где жил Джеральд Даррелл и где он написал свою замечательную книгу «Моя семья и Другие звери»...»

Джеральд Даррелл, конечно, ничего подобного не делал. Я повернулся к Кейт. «Они ошибаются, — сказал я. — Кто-то должен их поправить. Похоже, настало время написать подлинную биографию Джеральда Даррелла».

Кейт, которая всегда очень любила Даррелла, заметила: «А почему бы тебе самому не сделать этого?»

Эта идея не показалась мне безумной. Я уже написал две книги о натуралистах-путешественниках. Недавно опубликованная биография Гэвина Максвелла имела такой успех, что я стал подумывать о том, чтобы написать нечто в этом роде. Я читал почти все книги Джеральда Даррелла, даже писал рецензии на две из них. Мне казалось, я понимаю внутренний мир этого человека. Черт побери, да я ведь даже встречался с ним в Доме бабочек! Вернувшись в Англию, я позвонил помощнику Джеральда Даррелла по Джерсийскому зоопарку. По его совету я обратился к литературному агенту Даррелла, приложив к письму экземпляры моих книг, и предложил свои услуги в качестве биографа его клиента.

Через несколько часов мои книги попали в руки самому Джеральду Дарреллу, который лежал в лондонской клинике после тяжелой операции. Разумеется, он знал Гэвина Максвелла и даже писал статью о его книге «Круг чистой воды» для «Нью-Йорк таймс». Джеральд открыл книгу и прочел первые строчки предисловия: «Сегодня вечером море в маленьком заливе очень спокойно, полная луна проложила прямую дорожку, уходящую от берега в бесконечность. На пляже потрескивает небольшой костерок. Через открытое окно я слышу все звуки и вижу все призраки этой ночи — вот цапля схватила рыбешку у самого берега, вот тюлень заводит свою заунывную песню в заливе и его почти детский голосок взмывает и опадает в: ночи, как колыбельная...» И вот среди больничной суеты, в мире шприцов, катетеров, капельниц и каталок, в мире боли, страданий и отчаяния, этот седовласый человек снова заглянул в свою жизнь и свои мечты. Он перевернул страницу. «Настоящий гуру для целого поколения. Гэвин Максвелл, подобно Джону Верроузу, В. Г. Хадсону и Джеральду Дарреллу, является одним из лучших писателей, писавших о живой природе в последние

сто лет...»

Даррелл сел в постели. Порой он сам собирал воедино отдельные фрагменты своей биографии. Но в бесконечной череде лихорадок и кризисов, рецидивов и ремиссий он не находил в себе сил взяться за перо. Время от времени он получал предложения написать его биографию. К нему обращались и известные, и еще только начинающие писатели. Многие из них не заслуживали внимания, но один-два были вполне достойными кандидатами. Но пока Джеральд был полон сил и энергии, история его жизни принадлежала только ему, ему одному. Сейчас же ситуация изменилась. Он попросил свою жену Ли прочесть ему мою книгу вслух. И пока она читала, Джеральд Даррелл понял, что нашел своего биографа. Его биография была описана реалистично, в ней просматривалась цель, к которой стоило стремиться. В том тяжком положении, в котором он сейчас оказался, создание биографии могло стать последним делом его жизни.

Джеральд захотел встретиться со мной, чтобы поговорить о нашем проекте лично и принять окончательное решение. Но каждый раз, когда Ли звонила мне и назначала время, когда я мог бы прийти в больницу, она была вынуждена перезванивать и отменять встречу, потому что Джеральд оказывался в интенсивной терапии. Нашей встрече не суждено было состояться. Вскоре после его смерти в январе 1995 года Ли позволила мне самому написать полную и честную историю жизни и работы этого выдающегося человека.

В течение последующих двух лет я узнал о Джеральде Даррелле больше, чем знаю о себе самом. Как мне кажется, я постиг этого человека. Однажды мне попали в руки его совершенно удивительные любовные письма. Это был человек, который знал страсть, радость, страх, любовь возвышенную и земную, который с благодарностью и любовью относился к самой жизни и к миру. Читая эти письма, я пел, и смеялся, и декламировал вместе с ним. А потом я дошел до письма, написанного 31 июля 1978 года, и погрузился в молчание.

«Я видел тысячи закатов: осенние, похожие на золотые монеты, зимние — белоснежные, как ледяные иголки... Я видел молодые луны, напоминавшие перья птенцов лебедя... Я чувствовал теплые и нежные, как дыхание возлюбленной, дуновения ветра. Этот ветер прилета прямо с Южного полюса. Он стонал и жаловался, как потерявшийся ребенок... Я знал тишину: непередаваемую, каменную тишину глубокой пещеры, тишину, которая наступает после звучания великой музыки... Я слышал пение лягушек, такое же стройное и сложное, как звучание баховского органа. Я видел лес, освещенный миллионами изумрудных светлячков. Я слышал, как летучие мыши рвут паутину, как волки воют на зимнюю луну... Я видел, как мерцающие, подобно опалам, колибри окружают ярко-красные цветы. Я видел китов, черных, как деготь, резвящихся среди васильково-синего моря. Я лежал в воде, теплой, как молоко, нежной, как шелк, и вокруг меня резвились стаи дельфинов... И все это я сделал без тебя. Вот единственное, о чем я сожалею...»

Читая это письмо, я начал понимать, сначала не веря себе, а потом, испытывая некоторое стеснение, что голос, звучащий в моем мозгу, принадлежит не мне. Я так часто слушал изысканную, спокойную английскую речь Джеральда Даррелла на кассетах, по радио и телевидению, что мог с уверенностью сказать — я слышал именно его. Сомнений не оставалось. Голос, читавший это страстное любовное послание, принадлежал самому Дарреллу. Не только я постиг Джеральда Даррелла. Джеральд Даррелл постиг меня. Я вспомнил слова сэра Дэвида Эттенборо, которые он произнес на погребальной службе: «Джеральд Даррелл был волшебником».

И теперь вы держите в руках биографию Джеральда Даррелла — натуралиста, путешественника, рассказчика, юмориста, провидца, журналиста, прекрасного писателя, одного из лучших писателей XX века, пишущих о природе, замечательного собеседника, лидера современного мира, чемпиона животного царства, основателя и почетного директора Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, спасителя исчезающих видов, защитника скромных, беззащитных и обреченных на смерть.

Не думаю, что будет преувеличением сказать, что Джеральд Даррелл был святым человеком — хотя и не лишенным определенных недостатков Он вел святую жизнь, исполняя священную миссию — он спасал исчезающие виды животных, гибнущие по вине человека. Он был современным святым Франциском, но ему приходилось бороться со злом, которое святому Франциску не могло привидеться в самом страшном сне. И эта борьба убивала его. Мы можем сказать, что Джеральд Даррелл отдал свою жизнь ради спасения животного мира и мира живой природы, который он так страстно любил.

С самого начала моей работы мне оказывала поддержку и помощь в создании полного и неприкрашенного портрета этого замечательного человека, в честном рассказе о его жизни и о его работе Ли Даррелл, жена Джеральда. Я получил полную свободу действий. Портрет Джеральда Дар-

релла и рассказ о его жизни принадлежит мне, и только мне, — хотя создать его без помощи многих и многих людей я бы никогда не смог.

Мне было позволено ознакомиться с личным и профессиональным архивами Джеральда Даррелла, с документами организованного им Фонда охраны дикой природы, который теперь носит его имя. Я встречался со многими людьми, о которых Джеральд Даррелл писал в своих книгах.

Я хочу особенно поблагодарить доктора Ли Даррелл (почетного директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джекки Даррелл, Маргарет Дункан (урожденную Даррелл), Джереми Маллинсона (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла), Джона Хартли (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по международным связям), Саймона Хикса (директора Фонда охраны дикой природы имени Даррелла по развитию) и Тони Олчерча (главного администратора Джерсийского зоопарка). Я также признателен Питеру Харрисону, который в перерывах между чтением лекций в Польше, России и в странах Персидского залива неустанно рассказывал мне о молодых годах Джеральда Даррелла, о Корфу и о людях, его населявших. Питер Харрисон оказал мне неоценимую помощь в работе над первым, черновым вариантом этой книги. Я благодарен также Джону и Вивьен Бартон за ценные замечания и советы, Энтони Смит за замечания относительно зоологии, сэру Дэвиду Эттенборо за полезную критику. Я бесконечно благодарен моему издателю Ричарду Джонсону и редактору Роберту Лэйси из издательства «Харпер Коллинз» за заботу и поддержку моего проекта. Спасибо моему агенту, Эндрю Хьюсону из агентства «Джон Джонсон», и агенту Джеральда Даррелла, Антее Мортон-Санер, из агентства «Кертис Браун».

Я благодарен агентству «Кертис Браун», представляющему интересы миссис Ли Даррелл, за разрешение привести в своей книге фрагменты из опубликованных и неопубликованных работ Джеральда Даррелла.

Выдержки из книги Джекки Даррелл «Звери в моей постели» приводятся с любезного разрешения автора. Цитаты из книги Джона Хьюза «Он и другие звери: Портрет Джеральда Даррелла» приводятся с разрешения автора и издателей.

Дуглас Боттинг 14 декабря 1998 года

ПРОЛОГ

Голубое королевство моря — это настоящая сокровищница, полная странных существ, которых так интересно собирать и за которыми так занимательно наблюдать маленькому мальчику. Сначала это занятие кажется мальчику не слишком увлекательным, потому что он может всего лишь бродить вдоль берега, как раненая морская птица, вынужденная удовольствоваться прибрежными мальками, а иной раз чем-то более аппетитными таинственным, что выбросило море. Но как только у мальчика появилась лодка, он открыл для себя новый мир, в котором возвышаются золотисто-красные каменные замки, где существуют глубокие бассейны и подводные пещеры, где, подобно сугробам, поднимаются дюны из белоснежного песка.

Отправляясь в длительные путешествия на своей лодке, мальчик всегда берет с собой пищу и воду, на случай кораблекрушения. Если он берет ее с собой всю команду, которая состоит из трех собак, совы и голубя, и до отказа нагружает лодку двумя дюжинами контейнеров с морской водой для собранных образцов, грести становится нелегко.

Однажды мальчик решил навестить небольшой заливчик, где обитали очень занятные создания. Как-то давно он поймал там морского конька, странную рыбу, напоминающую угря с выпуклыми глазами и толстыми губами, почти как у гиппопотама. Мальчику хотелось поймать еще несколько таких замечательных рыбок. Наступал период размножения, и он надеялся поселить их в своем аквариуме, чтобы наблюдать за захватывающим процессом ухаживания и спаривания.

После получаса ходьбы он подошел к заливу, окруженному серебристыми оливковыми деревьями и ракитовыми кустами. Над спокойной водой разносился тяжелый мускусный аромат. Мальчик бросил якорь возле рифа, вооружился сачком и банкой с широким горлом и вошел в прозрачную воду, теплую, как в ванне.

Повсюду кипела жизнь — улитки, морские уточки, морские ежи крабы буквально кишели в воде. Мальчику нужно было сосредоточиться и не отвлекаться от своей задачи. Сначала он поймал замечательного самца, невероятно яркого, почти сверкающего в брачном наряде. К обеду мальчик уже добыл две зеленых морских звезды, каких он раньше никогда не видел.

Солнце пригревало все сильнее, жизнь обитателей моря замерла. Все попрятались под скалами, чтобы укрыться от полдневного жара. Мальчик выбрался из воды, уселся под оливами и с аппетитом принялся за бутерброды. Воздух был наполнен ароматом ракитника. Повсюду раздавалось пение цикад. Покончив с бутербродами, мальчик загрузил лодку, свистнул собаке и принялся грести по направлению к дому, чтобы поскорее выпустить свою добычу в аквариум.

На следующее утро он обнаружил, что рыбки совершили свой брачный обряд на рассвете. На дне в специально положенном туда обломке глиняного горшка виднелись отложенные яйца. Какая из самок отложила яйца, мальчик не знал, но из самца вышел очень заботливый и отважный отец. Он яростно набрасывался на палец мальчика, когда тот пытался вытащить черепок, чтобы рассмотреть яйца получше.

Мальчику очень хотелось вывести маленьких морских коньков, но, по-видимому, аэрация воды в аквариуме оказалась недостаточной, и вывелось только два крохотных конька. Одного, к ужасу мальчика, тут же сожрала бесчувственная мамаша. Не желая быть свидетелем второго детоубийства, мальчик отсадил второго конька в банку и выпустил в заливчик, где были пойманы его родители. Мальчик надеялся, что маленький конек даст жизнь еще не одному десятку таких же очаровательных, ярких созданий.

Разведение морских коньков в неволе не увенчалось безусловным успехом. Но это был лишь первый шаг. В конце концов, ведь морским конькам не угрожает исчезновение. Море вокруг Корфу кишит ими. А у мальчика впереди еще много времени. Джеральду всего двенадцать лет. Перед ним еще вся жизнь, в которой будет много животных. Перед ним вечность.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«ПАРЕНЬ СУМАСШЕДШИЙ... ТАСКАЕТ В КАРМАНАХ УЛИТОК!»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДЕТСТВО В ДЖАМШЕДПУРЕ: ИНДИЯ 1925-1928

Джеральд Малкольм Даррелл родился в Джамшедпуре, в индийской провинции Бихар, 7 января 1925 года. Он был четвертым ребенком в семье Луизы Флоренс Даррелл (урожденной Дикси), тридцати восьми лет, и гражданского инженера Лоуренса Сэмюэля Даррелла, сорока лет.

Когда Джеральд стал старше, мать рассказала ему об обстоятельствах его появления на свет. На последних месяцах беременности Луиза Даррелл так увеличилась в размерах, что стыдилась выйти из дома. Если учесть ее крохотный рост, то новые объемы были просто чудовищными. Поведение жены встревожило мужа. Лоуренс Даррелл сказал однажды, что жена должна пересилить себя и пойти с ним в клуб, где собирались все представители местного английского общества. «Я не могу показаться в клубе в таком виде, — в отчаянии возражала Луиза. — Я похожа на слона!» Тогда муж предложил ей соорудить паланкин, в котором она могла добраться до клуба незамеченной. Это так обидело Луизу, что она два дня не разговаривала с мужем.

«Других женщин во время беременности тянуло на кокосы или другие необычные продукты, — писал Джеральд в своих неопубликованных мемуарах о детстве, проведенном в Индии. — Мою же мать страстно тянуло к шампанскому, которое она употребляла в огромных количествах вплоть до самого моего рождения. Именно этому факту я обязан тем, что могу выпить сколько угодно. А уж о шампанском и говорить не приходится».

Джеральд был самым крупным из детей. Вот почему его мать так «разрослась» во время беременности. Когда он вырос, то оказался выше не только матери, но и обоих своих братьев и сестры. Но роды прошли на удивление легко. «Я выскочил из нее, как выдра ныряет в воду», — писал Джеральд, вспоминая то, что рассказывала ему мать. Вся прислуга, а также те, кто работал с Лоуренсом, пришли поздравить сахиба и мэм-сахиб с прибавлением семейства. «Все индусы признавали, что я — необыкновенный ребенок. Я родился с серебряной ложкой во рту, и все в моей жизни должно было идти по моему желанию. Оглядываясь назад, я должен признать, что они были абсолютно правы».

Родители Джеральда, а также его дед с материнской стороны были англо-индийцами в старинном смысле этого слова (не евроазиатами, а британцами, родившимися в Индии). Они родились и выросли в этой стране. Отец Джеральда родился в Бенгалии 23 сентября 1884 года, а его мать — в Рурки 16 января 1886 года. Ее отец тоже родился в Рурки. Ему было шесть лет, когда в 1857 году разгорелся индийский мятеж.

Семья Джеральда мало знала о Британии, далекой, но священной родине. Глубина их связи с Индией, которую они всегда считали своим настоящим домом и родной землей, была настолько сильна, что когда, много лет спустя, мать Джеральда обратилась за получением британского паспорта, она заявила: «Я гражданка Индии». Хотя Джеральд прожил в Индии недолго, влияние этой страны на его личность оказалось весьма ощутимым. Он никогда не считал себя англичанином в отношении национальности, культуры и поведения. У его старших братьев и сестры это ощущение было еще более сильным. Лоуренсу Джорджу Даррелу в момент рождения Джеральда было тринадцать лет. Он учился в Англии. Лесли Стюарту было семь лет, и он тоже оказался в Англии. И только пятилетняя Маргарет Изабель Мабель присутствовала при рождении своего младшего братишки.

Мать Джеральда происходила из ирландской протестантской семьи. Семейство Дикси вышло из города Корк, теперь расположенного в Ирландии. Наверное, именно благодаря ирландской крови два сына Луизы, Джеральд и Лоуренс, обладали хорошо подвешенным языком. Отец Луизы, Джордж Дикси, который умер еще до ее свадьбы, работал клерком и бухгалтером на строительстве канала в Рурки. Именно там Луиза Дикси познакомилась с Лоуренсом Сэмюэлем Даррелом. Даррелу было двадцать пять. Он был студентом. В ноябре 1910 года Луиза и Лоуренс поженились. Старший брат Джеральда, Лоуренс, так описывает индийские корни своей семьи: «Богобоязненное, бодрое, набожное наследие Мятежа... Моя бабушка сидела на веранде дома, держа на коленях заряженное ружье, в ожидании мятежников. Но стоило им завидеть ее, как они сворачивали в сторону. Таков об-

лик моей семьи... Я — один из людей, лишенных родины».

Луиза Даррелл была очаровательной женщиной, застенчивой, скромной, обладающей замечательным чувством юмора. Она полностью посвятила себя детям. Луиза была так поглощена своими детьми, что всегда стремилась пораньше уйти с любых вечеринок и приемов, чтобы убедиться, что они в безопасности и здоровы. Ее тревоги были небезосновательны. Вторая ее дочь Марджери Рут умерла от дифтерии в раннем детстве, а Лоуренс и Лесли постоянно чем-то болели. Муж обожал ее, но запрещал жене заниматься домашними делами, обычными для жены и матери. Она не должна была заниматься домом и семьей, для этого были индийские слуги. Луиза должна была вести себя так, как пристало мэм-сахиб.

Но, несмотря на то, что Луиза полностью подчинялась своему энергичному, патриархальному и соблюдающему все условности мужу и стремилась исполнить все его желания, она оставалась уникальной женщиной, независимой и сильной. Она во всем стремилась идти своим путем и отвергала многие ограничения, налагаемые на нее ее полом, что было естественно для того времени. Она выросла в Индии, поэтому обращала меньше внимания на свое положение, чем обычная мэм-сахиб, считающая время, проведенное в Индии, настоящей ссылкой. Будучи молодой женщиной, она пренебрегала условностями и была настоящей няней для своих детей и даже мыла полы в своем доме, что для белой женщины в Индии было просто неслыханно! Если ее муж по служебным делам отправлялся в поездку по стране, его молодая жена вместе со всеми детьми сопровождала его без малейшего слова жалобы. Когда же они возвращались в город или размещались на новой стройплощадке, она проводила долгие часы в жару и чаду кухни, постигая секреты приготовления карри. Из нее вышла отличная кулинарка. Любила она приложиться к бутылочке джина, хотя Лоуренс Сэмюэль строго следил, чтобы она не увлекалась. Именно от матери унаследовал Джеральд (и оба его брата) свой юмор и пристрастие к алкоголю. Отец же наградил сыновей яркими голубыми глазами и светлыми волосами, прямыми и спадающими на глаза. От него же Джеральд унаследовал и тучность, удивительную в довольно мелком семействе.

Миниатюрная, непрактичная, любопытная и порой странная Луиза выглядела настоящей жительницей Востока. Она и мыслила так же. Ее старший сын, Лоуренс, описывал мать как прирожденную буддистку. «Моя мать была невротичкой, — однажды заметил он. — Именно ей мы обязаны своей ирландской истеричностью и чувствительностью, с ней связанной. Ей нужно было бы упрекать себя за нас — я считаю, что ей следовало убежать от нас давным-давно». У Луизы был удивительный интерес ко всему сверхъестественному. Возможно, сказывались ее ирландские корни, возможно, это было влияние Индии, но она постоянно думала о привидениях и совершенно их не боялась. Однажды их дом располагался так, что буквально упирался в девственный лес. Индийская прислуга тряслась от страха. Индусы жаловались Луизе, что по ночам они слышат стоны и причитания одинокого духа. Тогда Луиза взяла фонарь и отправилась в лес ночью, совершенно одна. Слуги пытались ее остановить, но она была непреклонна. «Приди ко мне, приди ко мне», — взывала она в глубине индийских джунглей, желая встретиться с одиноким, отчаявшимся духом.

Мать всегда оказывала сильнейшее влияние на жизнь своих детей. «Я был счастливой поганкой, которой досталось все ее внимание, — вспоминал впоследствии Джеральд. — Она абсолютно отказалась от себя, полностью отдав свою жизнь детям». Но хотя Джеральд и был к матери ближе всех, ее любимчиком всегда оставался Лесли, возможно, потому, что он сильнее всех нуждался в ней. Луизу любили все — все, кроме ее старшего сына, Лоуренса. Лоуренс так и не простил матери того, что его отправили в Англию заканчивать образование, бросили его среди «дикарей».

Отец Джеральда, Лоуренс Сэмюэль Даррелл, строго говоря, Дарреллом и не был. Его происхождение тонет в глубинах викторианской эпохи. Первый муж бабушки Лоуренса Сэмюэля Махалы Тай, Вильям Даррелл, покончил жизнь самоубийством. Махала родила незаконного ребенка, чьим биологическим отцом был суффолкский фермер, Сэмюэль Стирн. Вскоре после рождения ребенка Махала вышла замуж за рабочего Генри Пейджа, который стал мальчику отчимом. От Пейджа Махала родила еще пятерых детей. Позже жизнь забросила незаконного ребенка — будущего деда Джеральда Даррелла — в Индию. В 1883 году он женился во второй раз, теперь на Доре Джонсон, дочери сержанта-майора бригады королевской кавалерии. Невесте был двадцать один год. В семье Дарреллов родилось восемь детей. Дед Даррелл служил в Китае во время подавления боксерского восстания, дослужился до чина майора и умер в Портсмуте в 1914 году. Однако он еще успел побывать добровольцем на Первой мировой войне. Ему было шестьдесят три года. Первым его ребенком от второй жены стал отец Джеральда Даррелла, Лоуренс Сэмюэль. С самого рождения ему приходилось преодолевать наследие незаконного происхождения своего отца, карабкавшегося по

социальной лестнице от деревенщины в класс офицеров.

Лоуренс Сэмюэль Даррелл, по воспоминаниям, был порядочным, но довольно отстраненным человеком. По роду своей работы он не мог принимать активного участия в воспитании детей. Ему приходилось колесить по всей британской Индии от Пенджаба и Гималаев до Бенгалии и джунглей Бирмы. Старший сын Лоуренса Сэмюэля вспоминает, что отец был серьезным, искренним человеком, абсолютно убежденным в том, что наука способна разрешить любые проблемы. Он не обладал богатым воображением, не имел хорошего образования. Он служил империи, но все же не мог полностью соблюдать все условности общества — он жил не как англичанин, а как англо-индиец. Лоуренс Сэмюэль вышел из своего клуба, когда члены клуба забаллотировали рекомендованного им доктора-индийца, закончившего Оксфорд. Этот врач спас жизнь его старшему сыну. Луиза полностью разделяла взгляды своего мужа на расовые проблемы.

Отец Джеральда отличался замечательными способностями. Он четко сознавал свои цели и очень скоро стал прекрасным инженером, строителем железных дорог, гражданским инженером из тех, кого воспевал Редьярд Киплинг. Это был строитель империи в лучшем смысле этого слова. Он посвятил себя созданию инфраструктуры современной, индустриальной Индии. Он строил шоссе, железные дороги, каналы и мосты, больницы, фабрики и школы. Лоуренс Сэмюэль колесил по пустыням, джунглям и горам, а семья следовала за ним, как цыганский табор. Инженер Даррелл всегда получал самые лучшие рекомендации от своего руководства. «Великолепный специалист, — гласил один из отзывов. — Очень энергичный и внимательный к мельчайшим деталям человек. Мистер Даррелл прекрасно руководит своими подчиненными, поскольку обладает тактом и даром убеждения».

К 1918 году Лоуренс Сэмюэль Даррелл уже был главным инженером строительства железной дороги от Дарджилинга к Гималаям, проходившей вдоль границы Индии и Тибета. Через два года он основал собственную компанию в молодом индустриальном городе Джамшедпуре. Этот город должен был стать городом-садом, но в те дни это был всего лишь пыльный, мелкий городишко. За четыре года, предшествующие рождению Джеральда, Лоуренс Сэмюэль сумел стать настоящим «жирным котом» Британской Индии. Он добился успеха и богатства, но работал он очень много.
Большинство построек, осуществленных компанией Лоуренса Сэмюэля Даррелла в Джамшедпуре, стоят и по сей день. Это заводы и больницы, школы и фабрики. До сих пор стоит и Бельди, усадьба, где Джеральд Даррелл появился на свет и провел первые годы своей жизни. Бельди — это типичная усадьба, соответствовавшая статусу главного инженера Лоуренса Даррелла. По своему положению он считался ниже офицеров и выше торговцев. Дом не слишком большой, но комфортабельный. В больших комнатах довольно прохладно, бамбуковые занавесы защищают широкую веранду от палящих лучей солнца. Перед домом раскинулся большой сад с прекрасным газоном, по которому маленький Джерри сделал свои первые шаги.

Джеральд мало общался со своими братьями и сестрой в Индии. Его старший брат Лоуренс уже был отправлен в Англию, а Лесли, который вернулся в Индию, и Маргарет не особенно стремились играть с младенцем и развлекать его. Еще реже Джеральд общался с другими представителями семейства Даррелов — с многочисленными тетушками и с громоздкой бабушкой Дорой, получившей прозвище Большой Бабушки за свои огромные размеры и решительный характер, способный подавить кого угодно. Большую часть времени Джеральд проводил в обществе своей индийской няни, айи. «В те дни дети видели своих родителей только тогда, когда те приходили на традиционный пятичасовой чай, — вспоминает Маргарет. — Наша жизнь определялась индийскими айями и католическими гувернантками. Джерри был ближе к своей няне, чем мы, старшие дети. Поэтому в нем сильнее чувствуется влияние Индии, чем Европы».

Впоследствии Джеральд утверждал, что помнит многое из происходившего в Джамшедпуре. Самым ярким воспоминанием стал для него первый поход в зоопарк. Впечатления ребенка были настолько сильны, что можно сказать, это событие и заложило основу страсти Джеральда Даррелла к животным и зоопаркам. Однако в детстве Даррелла в Джамшедпуре не было зоопарка. Он открылся только в наши дни. Но даже если бы там и был зоопарк, вряд ли Джеральд мог запомнить это — ведь ему было всего четырнадцать месяцев, когда вся семья, включая мать, отца, бабушку Дору и сестру Маргарет, покинула Джамшедпур и никогда больше туда не возвращалась. 11 марта 1926 года семейство Даррелов отплыло из Бомбея в Англию. В апреле семья обосновалась в Лондоне.

В те времена было нормальным, что британцы, находящиеся на службе у раджи, каждые два года отправлялись в отпуск в Англию, но Даррелы ехали на Альбион с определенной целью. Лоуренс Сэмюэль собирался купить в Лондоне дом либо с целью вложения денег, либо в качестве резиденции. Удачливый инженер, он сумел сколотить небольшое состояние. Лоуренс вложил часть

средств во фруктовое хозяйство в Тасмании, которое приобрел заочно. Ему было сорок два года, но его работа стала настоящим проклятием. Много лет спустя его будущая невестка Нэнси, жена его старшего сына Лоуренса, вспоминала: «Отец решил закончить работу, переехать в Англию и вести совсем иной образ жизни. Теперь он мечтал выйти на сцену и аккомпанировать Эвелин Лэй». Было ли это правдой (что кажется совершенно невероятным) или это было одной из шуток Лоуренса (что кажется вполне возможным), тем не менее отец решил на время бросить якорь и покинуть Индию, где усиливались тенденции к самоопределению, грозившие перерасти в настоящую войну. Так или иначе, Лоуренс Сэмюэль Даррелл приобрел большой дом по Аллейн Парк в Далвиче, неподалеку от школы, где учились Лоуренс и Лесли.

12 ноября 1926 года Большая Бабушка Дора отправилась в Бомбей на корабле «Равалпинди» после шести месяцев, проведенных в Англии. Спустя какое-то время за ней последовали Луиза, Лесли, Маргарет и Джеральд. На этот раз они поселились не в Джамшедпуре, а в Лахоре, где Лоуренс Сэмюэль заключил новый контракт на работу. Семья поселилась в новом доме на Дэвис-стрит. Именно с Лахором связаны все воспоминания Джеральда об индийском детстве. Однако воспоминания эти фрагментарны и обрывочны. Несомненно, они сформировались под влиянием рассказов матери и братьев.

С самого раннего детства Джеральд, как и его брат Лоуренс, обладал уникальной, почти фотографической памятью. В своих неопубликованных мемуарах он писал:
«Мои воспоминания того периода напоминают изящные виньетки, яркие, цветные картинки, наполненные звуками, вкусом и ароматами. Я помню ослепительные закаты, пронзительные крики павлинов, аромат кориандра и бананов, вкус риса различных сортов. Особенно запомнился мне вкус моего любимого завтрака, когда рис варили в буйволином молоке с сахаром. Я помню, что носил очаровательные костюмчики из туссора. Помню его восхитительный цвет — бледно-бледно-коричневый. Помню приятное ощущение шелковистости и шуршащий звук, который раздавался, когда моя индийская айя одевала меня по утрам. Помню, что айя отказывалась будить меня иначе, чем под звуки песен Гарри Лаудера с граммофонной пластинки. Если я не слышал этой музыки, то весь день был мрачным и недовольным, как бы няня меня ни развлекала. Граммофон был старым. Он хрипел так, словно в нем поселилась целая мышиная семья. Но тем не менее он был для меня настоящим чудом. Заслышав звуки музыки, я просыпался с улыбкой на лице, а моя айя вздыхала с облегчением».

Именно в Индии проявилось удивительное ощущение цвета, присущее Джеральду. Именно здесь мальчик столкнулся с иными формами жизни, которые оказали на него глубочайшее влияние. Это столкновение было мгновенным и случайным, но Джеральд запомнил его на всю жизнь. Он шел со своей айей по краю дорога, вдоль которого тянулась неглубокая канава.

«В канаве я увидел двух огромных улиток. Я был ребенком, поэтому они показались мне огромными, хотя, скорее всего, они были не больше трех-четырех дюймов. Улитки были бледно-кофейного цвета с темными шоколадными полосками. Они медленно наползали друг на друга, словно в загадочном танце. Слизь, оставляемая ими, блестела, словно они только что выползли из воды. Улитки были прекрасны. Я подумал, что никогда в жизни не видел столь замечательных созданий. Заметив, что я поглощен улитками, айя потащила меня вперед и сказала, что я не должен трогать этих чудовищ, что они грязные и ужасные. Даже в таком нежном возрасте я не мог понять, как она может считать этих прекрасных созданий грязными. В своей жизни мне не раз доводилось общаться с людьми, которые считали животных грязными, отвратительными или опасными, хотя на самом деле это были совершенно замечательные создания природы».

Вскоре маленький Джеральд впервые посетил зоопарк, и жизнь его изменилась навсегда. Зоопарк располагался в Лахоре, а не в Джамшедпуре, как утверждал Даррелл в своих воспоминаниях. Впечатления от этого посещения у мальчика были громадными. Вот что вспоминает Джеральд о первом зоопарке в своей жизни:

«От клеток с тиграми и леопардами исходил густой аммиачный запах, со стороны обезьянника раздавались громкие крики и визг, мелкие птички мелодично щебетали повсюду. Все это покорило меня с первой же минуты. Помню очаровательные черные пятнышки на шкуре леопарда. Помню роскошного тигра, который напомнил мне волнующееся золотое море. Зоопарк был очень маленьким, количество клеток с животными сведено к минимуму. Похоже, их никогда не чистили. Если бы я увидел такой зоопарк сегодня, то немедленно потребовал бы его закрытия. Но для ребенка он стал магическим местом. Стоило мне побывать там всего один раз, как меня уже невозможно было оттуда утащить».

Мама вспоминает, что одним из первых слов, произнесенных маленьким Джеральдом, было

слово «зоопарк». Когда его спрашивали, куда он хочет пойти, он тут же отвечал: «В зоопарк!» Ответ ребенка был четким и недвусмысленным. Если же в зоопарк его не вели, мальчик начинал вопить так, что «его было слышно от вершины Эвереста до Бенгальского залива». Однажды Джеральд заболел и не мог отправиться в зоопарк. Тогда он решил устроить какое-то подобие заветного места дома. Вместе с камердинером Джоменом он смастерил из красной глины фигурки различных зверей — носорогов, львов, тигров и антилоп — и расставил их в своей комнате. Возможно, именно эта коллекция глиняных фигурок подтолкнула Джеральда к идее когда-нибудь устроить собственный настоящий зоопарк. Эта мысль не покидала его с того момента, как ему исполнилось шесть лет.

Любовь Джеральда к животным не ограничивалась только посещениями зоопарка.

«Как-то раз дядя Джон, любимый мамин брат, великий *шикар* (охотник), живший в Ранчи и зарабатывавший на жизнь охотой на тигров-людоедов и бешеных слонов, в приступе помрачения рассудка прислал нам двух упитанных медвежат гималайского медведя. Их только что отняли от матери, но никто не пытался их приручить. У медвежат были длинные острые когти и очень острые белые зубы. Они постоянно ворчали от голода и раздражения. На время медвежат поселили в большой корзине на заднем Дворе нашего дома. Одному из слуг поручили присматривать за животными. Разумеется, мне ужасно нравилось иметь собственных медведей, хотя пахли они весьма специфически. К сожалению, в тот момент Маргарет достигла возраста, в котором дети горазды на разные шалости. Когда медвежий смотритель отлучился от клетки, отправившись за едой, она опрокинула корзину и бросилась в дом, крича: «Медведи убежали! Медведи убежали!» После двух дней пребывания медвежат в нашем доме нервы у мамы были на пределе. Она постоянно боялась, что медведи вырвутся из клетки и сожрут меня, когда я буду безмятежно играть на газоне. Поэтому медвежат загнали в клетку и отправили в местный зоопарк».

Золотые деньки детства Джеральда, проведенные в окружении многочисленных слуг, закончились трагедией, которая оказала влияние на жизнь всей семьи Даррелов.

В начале 1928 года отец Джеральда серьезно заболел. Хотя точный диагноз так и не был поставлен, симптомы указывали на наличие опухоли мозга. Маргарет вспоминала, что отца постоянно мучили жестокие головные боли, он говорил с трудом, а его поведение пугало детей. Однажды она увидела, как отец пьет чернила из настольной чернильницы, словно это виски или чай. Друзья и родственники подумали, что больному пойдет на пользу прохлада холмистой местности. Семья покинула жаркий и пыльный Лахор и отправилась в Дэлхауси. Это местечко располагалось на высоте восьми тысяч футов на границе снежного покрова Гималаев. В Дэлхауси разместился небольшой английский госпиталь. Воздух Гималаев был свежим, порой даже морозным.

Лоуренса Сэмюэля разместили с максимальным комфортом, но его состояние продолжало ухудшаться. Луиза подолгу оставалась рядом с ним, а младшие дети находились под присмотром гувернантки-ирландки. Порой вся семья отправлялась на прогулку по ближним холмам, покрытым сосновыми лесами. Под ногами шуршала рыжая хвоя, повсюду кричали птицы, слышалось журчание лесных ручейков. Джеральд получил новые впечатления от мира живой природы. Ему даже позволили покататься на отцовском гнедом жеребце. Конечно, мальчика окружала целая толпа слуг на случай, если он упадет. И даже смерть жеребца (он упал в пропасть) не остудила страсти Джеральда к животным.

16 апреля 1928 года, когда Джеральду было три года и три месяца, его отец скончался от кровоизлияния в мозг. Он был похоронен на английском кладбище в Дэлхауси. Ни Джеральд, ни Маргарет на похоронах не присутствовали. Луиза была полностью разбита.

Семья ощущала, что преждевременная смерть Лоуренса Сэмюэля в возрасте сорока трех лет принесет всем массу проблем и тревог. Лоуренс добился успеха, строя железные дороги, но порой он решался на весьма рискованные предприятия. Однажды он подрядился строить дорогу за фиксированную сумму, а прибыв на место, обнаружил, что почва, по которой предстояло проложить дорогу, представляет собой сплошной камень. Элси, сестра Лоуренса, считала, что он сам довел себя до смерти своей работой. Она рассказывала, что Лоуренс заболел от того, что «провел целый день на палящем солнце, наблюдая за ответственным моментом в строительстве моста». Нэнси Даррелл, жена старшего сына Даррелов, Лоуренса, говорила, что муж рассказывал ей о том, как ссорился его отец с индийскими партнерами по бизнесу. «Это были очень неприятные моменты, связанные с юридическими тонкостями. Отец все делал сам, у него не было адвокатов. Но это его очень тревожило. Не знаю, что точно там произошло, но отец буквально вышел из себя, с ним случился припадок. Очень скоро он умер».

В июле 1928 года было оглашено завещание Лоуренса Сэмюеля. Луиза, его жена, получила 246 217 рупий, что равнозначно 18 500 фунтам стерлингов по обменному курсу того времени. Если

перевести эти деньги по современному курсу, то состояние Луизы оценивалось бы в полмиллиона фунтов. В финансовом плане ей было не о чем беспокоиться, но она очень страдала из-за утраты любимого мужа и опоры семьи. Луиза чувствовала себя одинокой и беспомощной. Ее отчаяние было так велико, что она даже подумывала о самоубийстве, в чем призналась детям много лет спустя. И только мысль о маленьком Джерри, который целиком и полностью зависел от ее любви и заботы, остановила ее. Между матерью и сыном возникла удивительная близость, основанная на долге и любви. Это был настоящий подарок жизни.

«Когда умер мой отец, — вспоминал Джеральд, — мама была так же подготовлена к реальной жизни, как только что вылупившийся птенец. Папа был настоящим эдвардианским мужем и отцом. Он решал все деловые вопросы и полностью контролировал финансовую сторону нашей жизни. Моей матери не приходилось беспокоиться, где взять деньги. Она привыкла относиться к ним так, словно они растут на деревьях».

Самого Джеральда семейная трагедия почти не затронула.

«Я должен сознаться, что смерть отца почти не оказала воздействия на меня, так как он всегда был очень далек и отстранен. Я видел его пару раз в день не больше чем на полчаса. Он рассказывал мне сказку про трех медведей. Я знал, что он мой папочка, но мама и айя были мне гораздо ближе. Когда он умер, моя айя забрала меня с собой к своим друзьям. Маме предстояло начать новую жизнь. Сначала она хотела остаться в Индии, но затем прислушалась к советам членов английской колонии. У нее на руках осталось четверо несовершеннолетних детей, которым нужно было дать хорошее образование. Сделать это в Индии было невозможно. За образованием английские дети ехали «домой», в Англию. Мама продала дом вместе со всей обстановкой, мы сели на корабль и отправились «домой».

Мама с Маргарет и Джеральдом на поезде проехали пол-Индии и остановились у родственников в Бомбее, ожидая пассажирского лайнера, который должен был доставить их в Лондон. Джеральд покинул страну своего детства. Вернуться сюда ему удалось лишь спустя полвека седовласым и седобородым джентльменом. Как и большинство детей на пароходе, он отлично переносил качку, чего нельзя было сказать о взрослых. «Через два дня пути, — писал он в своих неопубликованных мемуарах, — разразился ужасный шторм. Огромные серо-зеленые волны обрушивались на корабль, все вокруг скрипело и дрожало. У женщин немедленно случился приступ морской болезни, причем поразила она и белых женщин, и индийских нянь. Очаровательные индуски из смуглых красавиц превратились в зеленых страдалиц. Судя по доносившимся отовсюду звукам, на корабле поселилось целое стадо лягушек, которые непрерывно квакали. В воздухе сильно пахло рвотой».

Экипажу пришлось взять на себя присмотр за дюжиной или более того детей, находившихся в том же возрасте, что и Джеральд. Дважды в день детей связывали длинной веревкой в цепочку, чтобы никто из них не упал за борт, и выводили на палубу подышать свежим воздухом, а потом снова отправляли вниз, играть в жмурки и салочки в душной столовой. У кого-то из членов экипажа был с собой кинопроектор и несколько мультфильмов про кота Феликса. Их бесконечно крутили, чтобы дети скоротали долгий путь до Адена и Суэца.

«Я был поражен, — вспоминал Джеральд. — Я знал про картинки, но представления не имел, что они могут двигаться. Конечно, Феликс был очень стилизованным, примитивным зверем, но его проделки приводили нас всех в восторг. Нам давали бумагу и карандаши, чтобы мы могли писать. Пока остальные учились писать, я пытался нарисовать Феликса. Этот кот стал моим героем. Я приходил в ярость оттого, что не могу его правильно нарисовать, хотя рисунок был очень простым. Когда же мне это наконец удалось, я пришел в еще большую ярость, потому что он не мог двигаться».

С чем бы ни сталкивался мальчик — с живой зверушкой, с нарисованным зверьком или персонажем из мультфильма, — его страсть и нежность к животным была настолько сильной, что, казалось, он впитал ее вместе с генами. И последующие годы не смогли остудить этой привязанности.

Долгое путешествие подошло к концу. Джеральд приехал в новый дом, в новую страну. Ему предстояло начать новую жизнь — без отца. Утрата главы семьи оказала глубокое воздействие на детей Даррелов. Лишенные строгой отцовской руки, они выросли слишком своевольными, привыкшими все делать по-своему.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«САМЫЙ НЕВЕЖЕСТВЕННЫЙ РЕБЕНОК ВО ВСЕЙ ШКОЛЕ»: АНГЛИЯ 1928-1935

Отныне домом семьи Даррелов стал особняк по Аллейн-стрит в процветающем, зеленом пригороде Лондона Далвич. Это был довольно основательный дом, достойный семьи строителя империи. На трех этажах особняка располагались просторные комнаты. Дом окружал большой сад. Вместе с Луизой поселилась тетя Джеральда Пруденс. В доме постоянно жил камердинер, а для охраны от грабителей был заведен огромный мастиф. Чтобы маленький Джеральд не скучал, ему завели пару маленьких собачек. Но новый дом оказался большим, дорогим и страшным. Как-то вечером мама увидела призрак умершего мужа. Лоуренс сидел в кресле и курил сигарету — по крайней мере, так утверждал Джеральд.

В начале 1930 года, когда Джеральду было пять лет, семья перебралась в большую квартиру в доме 10 по Квинз-Корт в пригороде Лондона Норвуд. Это была пристройка к громадному, неуклюжему отелю «Квинз», построенная в викторианском стиле. Здесь жила кузина мамы, Фэн, а также множество бывших служащих индийской армейской и гражданской службы. Мама почувствовала себя здесь как дома. Семья Даррелов расположилась в большой квартире странной конфигурации. Входить в нее следовало через отель, но имелась и боковая дверь, через которую можно было попасть в большой сад с газонами, огромными деревьями и прудом. «Квартира наша состояла из просторной столовой, которая служила нам гостиной, — вспоминал Джеральд. — В комнате напротив поселился Ларри. Рядом с его комнатой была маленькая комнатка, где я хранил свои игрушки. Следом шли миниатюрная ванная и кухня, а затем мамина спальня. Если лечь на постель в ее спальне, можно было увидеть всю квартиру вплоть до входной двери».

Мамина склонность к сверхъестественному не проходила даже в трезвой Англии. Теперь ее посещали сразу три привидения, причем одно она видела, а два других слышала. Первое привидение было женщиной. Она появилась у маминой постели, когда та очнулась от послеобеденного сна. Женщина улыбнулась маме, а затем медленно растаяла в воздухе. Через несколько недель она снова явилась. На этот раз ее увидели кузины Джеральда, Молли и Филлис. Девочки вбежали в кухню с криками: «Тетя, тетя, в твоей комнате какая-то странная леди!»

Второе привидение убеждало маму засунуть голову в газовую печь, а третье материализовалось в комнате Ларри, когда тот развлекался, играя в джазовой группе где-то в городе. Это привидение сумело сдвинуть огромный стол, спроектированный еще отцом Ларри. Шум от этого, по воспоминаниям Джеральда, был невероятный. Той ночью мама лежала в постели и курила, дожидаясь возвращения старшего сына. Она услышала шум передвигаемого стола. «Мама крепко взяла меня за руку, — вспоминал Джеральд, — и мы пошли по нашей длинной квартире, прислушиваясь к шуму, который то становился сильнее, то утихал. Но когда мы открыли дверь в комнату Ларри, там никого не было».

В саду отеля «Квинз» Джеральд впервые попытался ловить птичек, посыпая им хвосты солью. Именно здесь мальчик столкнулся с более чувственной стороной жизни. Он познакомился с прелестной молодой женщиной, которую звали Табита. «У нее были огромные, соблазнительные карие глаза, — вспоминал Джеральд, — темно-коричневые, как созревшие каштаны, широкая улыбка, каштановые вьющиеся волосы и прелестная челка». Табита часто присматривала за маленьким Джеральдом, забирая его в свою маленькую квартирку, когда маме нужно было отлучиться по делам. У Табиты был кот по имени Катберт и две золотые рыбки, которых звали мистер Джеикинс и Клара Батт, а также множество друзей-джентльменов. Джентльмены приходили и уходили, проводя некоторое время в спальне Табиты. Они вели деловые переговоры, как объясняла Табита своему маленькому дружку.

«Мне нравилось проводить время с Табитой, — писал Джеральд Дар-релл в своих неопубликованных мемуарах. — Я очень любил эту женщину. Она была очень нежной и веселой. Ее улыбка просто лучилась любовью. А как восхитительно она пахла! Это было для меня очень важно, потому что от мамы тоже всегда замечательно пахло. Табита была не только очень веселой и доброй, но и невероятно смешной. У нее был хрипящий граммофон и несколько пластинок Гарри Лаудера и Джека Бьюкенена. Мы сдвигали мебель, и Табита учила меня танцевать чарльстон и вальс. Порой мы кружились так неистово, что в конце концов, обессиленные, падали на диван. Табита хохотала, а я хихикал. Табита научила меня нескольким песенкам. Но потом кто-то рассказал маме об истинных занятиях моей подружки, и наши встречи прекратились. Прелестные карие глаза и восхитительный аромат Табиты исчезли из моей жизни. Мне было очень грустно оттого, что я не могу больше танцевать вальсы и чарльстоны, не могу распевать глупые песенки с этой замечательной девушкой».

Оглядываясь назад, Джеральд удивлялся, как его мать могла быть такой чопорной. «В конце

концов, — признавал он, — у нее на руках остались дети, рано развившиеся в сексуальном отношении и продвигавшие в жизнь собственные интересы с энергией динамомашины. Такие скороспелые птенцы должны были лишить маму ее викторианских предрассудков и привить ей более современный взгляд на жизнь. Когда мне был двадцать один год, я приехал домой на уик-энд с подружкой. На столе я нашел мамину записку, которая гласила: «Милый, я приготовила для вас две отдельные постели и одну двуспальную, так как ты не сообщил мне, спите ли вы вместе или порознь. Простыни свежие, а в столовой ты найдешь джин».

Именно в отеле «Квинз» мама познакомилась с семьей Браун — типично английским провинциальным семейством, недавно вернувшимся из Соединенных Штатов. Семья состояла из бабушки Ричардсон, ее дочери миссис Браун и ее младшей внучки, Дороти. Брауны занимали почти такую же квартиру, как и Даррелы. Матери быстро подружились. Особенно их сблизило то. что обе вернулись из-за границы на чужую для них родину. Дороти Браун было одиннадцать лет, когда она впервые увидела пятилетнего Джеральда. «Он был настоящим непоседой, — вспоминала Дороти. — Уже тогда он с ума сходил от животных. Когда наша кошка приносила котят, он всегда торчал под нашей дверью, умоляя разрешить ему посмотреть. Он всегда был маменькиным сынком. Джеральд безумно любил свою мать. Он был абсолютно убежден, что мама не может ни в чем ошибаться».

Как и Луиза Даррелл, Брауны подыскивали себе дом. В конце концов они нашли себе подходящее жилище в Борнмуте, небольшом курортном городке на южном побережье Англии, где коротали дни бывшие офицеры и благовоспитанные леди, проживавшие свои скромные пенсии. В Борнмуте было теплее и менее дождливо, чем в других городах Англии, а красота окружающих пейзажей просто завораживала. Мама решила последовать примеру друзей и тоже перебраться в Борнмут. В начале 1931 года Даррел-лы стали гордыми обладателями виллы Берридж-Хаус на Спер-Хилл. Мама наняла камердинера, экономку и двух слуг. С этого дня началась тесная связь Даррелов с Борнмутом, которая длится и по сей день.

Берридж-Хаус был огромной викторианской усадьбой, раскинувшейся на четырех акрах земли. Дом окружали рощи и сады. На просторном газоне могли играть в теннис сразу две пары, а цветочный бордюр, по воспоминаниям Джеральда, был «шире, чем Нил». «Мама посадила практически все существующие в мире растения, — пишет он в своих неопубликованных мемуарах, — за исключением разве что мандрагоры». Когда маму спрашивали, не великоват ли дом для вдовствующей леди с шестилетним мальчиком (Маргарет училась в Малверне, Лесли — в Далвиче, а Ларри — у репетитора), она всегда отвечала, что ей нужны комнаты для друзей ее детей. Маленькому Джеральду этот дом напоминал гигантский кукольный домик, с огромным количеством спален, ванных комнат и мансард. В доме была огромная гостиная, столовая и кухня, а также грандиозный бальный зал с паркетным полом. В дождливые дни Джеральд играл в этом бальном зале. Здесь он мог шуметь и кричать сколько угодно, не боясь потревожить никого из взрослых.

В честь переезда мама купила Джеральду кокер-спаниеля. Это была его первая собственная собака. Ее доставили домой в специальной коробке. Когда Джеральд открыл коробку, оттуда выскочило восхитительное существо — «собака, мягкая и пушистая, с шерстью цвета спелой кукурузы, с большими карими глазами и уморительной мордочкой». Джеральд назвал Щенка Саймоном. С первого момента их знакомства собака стала самым близким другом маленького Джеральда.

Однако у мамы такого друга не было. Одиночество стало тяготить ее. «Жизнь в огромном, гулком, пустом доме с маленьким мальчиком стала тягостно действовать на мамину нервную систему», — писал Джеральд в своих мемуарах. Днем она постоянно что-то готовила, учила Джерри готовить, ухаживала за садом, но потом наступал вечер, и вместе с ним приходило одиночество. «Она была одинока, — писал Джеральд, — и она пыталась заглушить боль, причиненную ей смертью моего отца, при помощи горячительных напитков. Мама прикладывалась к бутылке все чаще и чаще».

Маме становилось легче, когда Джеральд спал рядом с ней. «По вечерам я принимал ванну, а потом прямо в пижаме забирался в мамину постель и тщательно сдувал с простыни все пылинки, чтобы нам было приятно спать. Затем появлялась мама, я прижимался к ее теплому телу, вдыхал ее аромат и засыпал, чтобы проснуться с ощущением полного счастья». Мать и сын были так близки друг другу, как только могут быть близки живые существа.

В конце концов ситуация стала критической. «С мамой произошло то, — вспоминал Джеральд, — что в те дни называлось «нервным срывом». И тогда в мою жизнь вошла мисс Берроуз». Мисс Берроуз была первой и единственной английской гувернанткой Джеральда. «На ее лице постоянно было написано разочарование в жизни, — вспоминал Джеральд, — и это

разочарование отражалось в ее глазах, серых и острых, как две щепки». Мисс Берроуз никогда прежде не занималась с маленькими мальчиками. Почему-то она очень боялась, что Джеральда могут похитить. Ребенка держали под замком, словно он был особо опасным преступником. «Меня запирали в кухне, в гостиной и в столовой. Но самым ужасным было то, что мисс Берроуз запрещала мне брать Саймона в мою спальню. Она говорила, что на собаке масса опасных бактерий. Мисс Берроуз запирала меня на ночь. К утру мой мочевой пузырь был настолько переполнен, что я не мог удержаться, чтобы не намочить постель. Я поднимал уголок ковра, чтобы хоть как-то соблюсти приличия».

Кулинарные способности мисс Берроуз оставляли, как бы потактичнее сказать, желать лучшего. Джеральд вспоминал, что она была единственным человеком в его жизни, кто клал саго в ту бурду, которую она называла супом, после чего это блюдо более всего напоминало лягушачью икру. Когда погода была плохой, мальчику позволялось играть в бальном зале, где они с Саймоном изобретали собственные игры. Мальчик и собака полностью понимали друг друга, как только могут понимать друг друга хозяин и его пес.

«Иногда Саймон становился диким львом, — вспоминал Джеральд, — а я изображал одинокого христианина на арене. И когда я готовился задушить его, он вел себя совсем не как лев. Он лизал меня бархатистым, влажным языком и всячески выказывал мне свою приязнь. А потом я сам превращался в собаку и маршировал по бальному залу вслед за Саймоном на четвереньках. Я сопел так же, как он, я скреб пол так же, как он. Я становился настоящей собакой, как мой маленький приятель».

На самом деле, Саймон был страшным трусом. Он бежал от газонокосилки, как от огня. Трусость не раз спасала ему жизнь, однако, по иронии судьбы, именно из-за трусости он и погиб. Испугавшись звука мотоцикла, на котором отъезжал от дома трубочист, он бросился бежать, выбежал на дорогу и попал под колеса автомобиля. Джеральд вспоминал, что Саймон умер практически мгновенно.

После смерти собаки Джеральд стал так же одинок, как и его мать, вернувшаяся к тому времени из больницы и на время избавившаяся от пагубного пристрастия. Мама решила, что сыну пора дать образование и больше общаться с другими детьми. Ниже по холму располагался детский сад под названием «Березки». Детским садом заведовала крупная пожилая женщина, которую все звали Тетя. Также там работала стремительная, добрая, интеллигентная женщина, мисс Сквайр. Дети прозвали ее Сквик. Джеральд вспоминал «Березки» с нежностью. Закончить курс он смог только здесь.

Джеральду нравилось в «Березках», потому что и Тетя, и мисс Сквайр умели обращаться с маленькими детьми и учить их. Каждое утро он набирал полные карманы улиток, слизняков, уховерток и других не слишком привлекательных созданий и показывал их мисс Сквайр, порой в спичечных коробках, порой просто на ладони. Так формировался его первый зоопарк. «Парень сумасшедший! — возмущался старший брат Джеральда Лоуренс. — Таскает улиток в карманах!!!»

«Разве они не красивые?» — спрашивал маленький Джеральд у мисс Сквайр.

«Конечно, милый, они очень красивы, — соглашалась учительница. — Но я думаю, им будет лучше в саду».

Заметив, что и остальные дети с интересом относятся к увлечению Джеральда, мисс Сквайр купила аквариум и поселила в нем нескольких золотых рыбок и прудовых улиток, чтобы дети могли наблюдать за жизнью этих созданий прямо в детском саду. Примерно в это время Джеральд, которому как раз исполнилось шесть лет, заявил матери, что хочет устроить собственный зоопарк. У него была коллекция игрушечных фигурок зверей, отлитых из свинца — верблюд, пингвин, слон, два тигра, — собранная еще в годы жизни в отеле «Квинз». Но на этот раз он говорил о собрании настоящих животных, описывал, кого именно он поселит в своем зоопарке, какие клетки сделает для своих зверей и в каком доме он будет жить вместе со своей мамочкой.

В 1932 году мама купила новый дом по Уимборн-Роуд, который она назвала «Дикси-Лодж» в честь своей семьи. Этот дом тоже был довольно большим, хотя и уступал предыдущей резиденции Даррелов. Окружавший его сад был гораздо меньше, поэтому за ним было легче ухаживать. Да и обходилось новое жилище гораздо дешевле. По мнению Джеральда, новый дом был гораздо лучше. В саду росло множество деревьев, по которым можно было лазить и на которых селились удивительные насекомые. В этом доме Джеральд был совершенно счастлив. За ним присматривала строгая, но очень доброжелательная швейцарка Лотти.

Когда же Джеральду исполнилось восемь лет, разразилась новая катастрофа.

«Мама сделала нечто настолько ужасное, что я лишился дара речи. Она отдала меня в местную школу. Не в прелестный детский сад, наподобие «Березок», где можно было лепить из пластилина фигурки и рисовать, а в настоящую школу. Школа Вичвуд была обычной школой, в которой детей учили алгебре и истории — и другим предметам, которые стали для меня настоящей пыткой, как, например, физкультуре. Мой интерес к учебе и спортивные достижения были нулевыми. Учителя считали меня — и не без основания — настоящим тупицей».

Футбол и крикет казались Джеральду скучными, гимнастика и плавание были для него настоящим мучением, поскольку он никогда не увлекался физическими упражнениями. Единственным предметом, который заинтересовал мальчика, была естественная история. Но ей уделялось всего полтора часа в неделю. «Эти уроки вела преподавательница физкультуры, мисс Аллард, — вспоминал Джеральд, — высокая светловолосая леди с выпуклыми голубыми глазами. Как только она почувствовала мой искренний интерес к естественной истории, то изменила свое отношение ко мне и стала моей любимой учительницей».

Джеральд ненавидел школу так сильно, что Луизе пришлось забрать его оттуда. «Мать отвозила Джеральда в школу по утрам, — вспоминает один из друзей семьи Даррелов. — И это было нелегко. Она тащила его, а он упирался и кричал. В конце концов, его приходилось оставлять дома, потому что у него поднималась температура. Вызванный доктор сказал, что это очень нехорошо для ребенка и что его можно обучать на дому». И действительно, местный врач поставил Джеральду диагноз так называемой «школьной болезни». У него обнаружилось психосоматическое заболевание, которое не позволяло ему учиться в обыкновенной школе.

После того как семья Даррелов переехала в Дикси-Лодж, Лоуренс, который, как Лесли и Маргарет, жил отдельно, подружился с Аланом Томасом, помощником менеджера крупного борнмутского книжного магазина. Алан был ровесником Лоуренса и разделял литературные и интеллектуальные интересы своего нового друга. Очень высокий, худой, бородатый, похожий на паука, Алан жил в Боскомбе, поблизости от Борнмута. Скоро он познакомился со всей семьей Даррелов и стал братом и другом всех членов семьи. Незадолго до того как Джеральд покинул так не нравящуюся ему школу Вичвуд, директор этой школы пришел в магазин, где работал Алан.

«В вашей школе учится брат моего друга», — сказал Алан.

«Да? — удивился директор школы. — И кто же это?»

«Даррелл, Джеральд Даррелл», — ответил Алан.

«Самый невежественный ребенок во всей школе!» — отрезал директор и в возмущении покинул магазин.

Джеральд продолжал бороться с трудностями. Но в один прекрасный день его несправедливо обвинили в каком-то проступке, за что он был наказан директором школы. Мама забрала запуганного мальчика из школы, и на этом формальное образование Джеральда завершилось. Ему было всего девять лет.

Чтобы помочь Джеральду побыстрее справиться с травмой, мама решила купить ему подарок. Они на трамвае отправились в центр Борнмута, где располагался зоомагазин. Джеральду предстояло самому выбрать себе собаку. Он вспоминал:

«В витрине я увидел множество кудрявых черных щенков. Я долго стоял, выбирая, какого из них купить. Наконец я остановил свой выбор на самом маленьком, которого совсем затерроризировали его более крупные собратья. Мы купили его за символическую сумму в десять шиллингов. Я принес его домой и назвал Роджером. Роджер был одним из самых разумных, смелых и добрых собак, какие только у меня были. Он быстро вырос и стал напоминать небольшого эрдельтерьера с пушистой шерстью, которая бы больше пристала пуделю. Роджер был очень умным. Он быстро выучил несколько трюков и великолепно умирал за короля и отчизну».

Роджеру было суждено прославиться и, в некотором роде, обрести бессмертие.

Избавившись от невыносимого груза формального образования, Джеральд вернулся к своему привычному, веселому времяпрепровождению. Он исследовал сад, лазил по деревьям, играл с собакой, набивал карманы улитками и слизняками и мучил всех своими проделками. Дороти Браун вспоминает, что именно Джеральд засунул вонючие бомбы в ящик для угля, когда Даррелы пришли к Браунам на Рождество. Мама правила своим домом мягкой рукой. «В их доме могли накормить каждого, — вспоминает Дороти. — Она радостно принимала любого друга своих детей. «Сколько человек придет сегодня вечером?» — спрашивала она и находила место за столом для каждого, и для молодых, и для старых. Мама была очень маленькой, но обладала огромным сердцем. Она была очень дружелюбной, могла поговорить с каждым, а готовила она совершенно замечательно!»

Восхитительные ароматы, распространявшиеся с маминой кухни, бесконечное разнообразие

вкуснейших блюд, которые она подавала к обеду, энтузиазм, веселье и способности замечательной рассказчицы доставляли удовольствие всем собиравшимся за ее столом. Эти качества оказали огромное влияние на младшего сына Луизы. Став взрослым, Джеральд превратился в настоящего гурмана и великолепного повара. Свои кулинарные навыки Луиза унаследовала от матери. Многому она научилась у своих индийских кухарок, поскольку, несмотря на неодобрение мужа, проводила на кухне очень много времени. Вернувшись в Англию, она привезла с собой все поваренные книги и заметки, сделанные в годы жизни в Индии. Некоторые из любимых рецептов Луизы — английские, англо-индийские и индийские — были записаны в красивом викторианском блокноте ее матерью: «чаппати», «тофу», «Пирог», «молочный пунш», «немецкие булочки», «еврейский маринад» (сливы, перец чили, финики, манго и зеленый имбирь). Многие записи сделаны ее собственной рукой и отражают уже ее вкусы — «цветная капуста по-афгански», «индийские отбивные», «цыпленок, жаренный по-американски», «голландский яблочный пудинг», «индийский сливовый пирог», «русские сладости», «пирог на каждый день», «спиральные носочки» (загадочное название!) и «детская вязаная шапочка» (еще одна неожиданность!). Но индийские блюда всегда были ее любимыми. Не утратила мама интереса и к алкоголю: вино из одуванчиков, вино из изюма, имбирное вино (для которого требовалось шесть бутылок рома) и вино из маргариток (четыре кварты цветков маргаритки, дрожжи, лимоны, манго и сахар).

Неудивительно, что Алан Томас вскоре стал проводить все вечера и выходные дни с семьей Даррелов. Он быстро понял, что это незаурядное семейство:

«Я никогда не видел такой безоговорочной щедрости и гостеприимства. Никто из друзей этой семьи не сможет отрицать, что их общество украшало жизнь всех вокруг. Все шесть членов семьи Даррелов были замечательны сами по себе, а во взаимодействии друг с другом они были еще лучше, чем в отдельности. Раскаты раблезианского хохота, чисто английское остроумие, песни Ларри под аккомпанемент гитары или пианино, яростные споры и оживленные беседы затягивались далеко за полночь. Я чувствовал, что моя жизнь обрела новое измерение».

Лоуренс вспоминает, что именно тогда Маргарет взбунтовалась и отказалась возвращаться в школу, а Лесли «вполголоса напевал, любовно перебирая свою коллекцию ружей». Из Джеральда уже в те дни вырастал выдающийся натуралист. Все ванные в доме были забиты его тритонами и головастиками, а также им подобными созданиями.

«Хотя было трудно сказать, что миссис Даррелл управляла жизнью семьи, — вспоминает Алан, — однако только благодаря ее мягкосердечию, ее забавному, безграничному терпению эта семья оставалась семьей. Она умела смягчать даже самые яростные вспышки ирландского темперамента, я помню, как Джерри возмущался тем, что Ларри, собравшись помыться, вытащил затычку из ванны, где было полным-полно всякой живности. Захлебываясь от невыразимой ярости, подыскивая самое оскорбительное слово в своем словаре, Джерри выкрикнул: «Ты, ты... ты... Ты — ПИСАТЕЛЬ!»

Но Джеральд во многом опирался на бескорыстную и искреннюю поддержку старшего брата: «Когда мне было шесть или семь лет, а Ларри был еще неизвестным писателем, борющимся за признание, он постоянно советовал мне начать писать. Опираясь на его советы, я написал несколько стихотворений, и Ларри с глубоким уважением отнесся к моим виршам, словно они вышли из-под пера Т.С. Элиота. Он всегда бросал свои занятия, чтобы перепечатать мои стихи. Именно на его машинке я впервые увидел свое имя в напечатанном виде».

Незадолго до смерти, когда в живых осталось меньше половины семьи, Джеральд любовно и честно описал свое бурное детство. Дрожащей рукой на желтой бумажной салфетке из ресторана он написал: «Моя семья — это омлет из ярости и смеха, приправленный диковинной любовью, сплав глупости и любви».

Примерно в то же время, когда мама купила Дикси-Лодж, Лоуренс познакомился с Нэнси Майерс, изучавшей искусство в Слейде. Нэнси была немного моложе Ларри. Она очень напоминала Грету Гарбо — высокая, стройная, светловолосая, голубоглазая. Лоуренсу исполнилось двадцать, он вел богемную жизнь в Лондоне — играл на пианино в ночном клубе, писал стихи, работал над своим первым романом и увлеченно читал, став завсегдатаем читального зала Британской библиотеки. «Мое так называемое воспитание было довольно бурным, — вспоминал он. — Я постоянно нарушал спокойствие. Я кутил и распутничал в Лондоне. Я встретил Нэнси, и она была почти такой же. Мы с ней заключили нелепый союз». Вскоре Лоуренс с Нэнси сняли комнату на Гилфорд-стрит возле Расселл-сквер. «Мы много пили и почти умирали. Мы вместе бегали в фотостудию. Это было ужасно. Мы сочиняли надписи для плакатов, создавали короткие рассказы, подрабатывали журналистикой — но мы не собирались продаваться церковникам. Я написал дешевый роман.

Продал его — и ситуация изменилась. Я обрел стабильную профессию. Искусство ради зарабатывания денег».

Наконец Лоуренс решил, что Нэнси пора пройти крещение огнем, и познакомил ее со своей семьей. Много лет спустя Нэнси так вспоминала об этом знакомстве:

«Мы взяли машину на уик-энд. Мне очень хотелось познакомиться с этой семьей, потому что Ларри все драматизировал — сумасшедшая мать, ужасные дети, мать-пьяница, пустила на ветер все их состояние, продала все... ужасная, глупая, сумасбродная женщина. Я считала, что все это звучит очень увлекательно, и безумно хотела познакомиться с его семьей.

Дом не отличался особыми архитектурными изысками, но комнаты были просторными и довольно удобными, если можно считать беспорядок удобным. В гостиной стояло несколько простых стульев и диван, полы были покрыты коврами, повсюду валялись разные вещи. Беспорядок царил страшный. Но я помню, что мне понравился этот дом — понравился царящий в нем бедлам, понравились люди, которые жили ради жизни, а не ради порядка в доме. Вы сразу же чувствовали, что эти люди не придерживаются сковывающих их условностей, как все остальные. Они ели в любое время, они кричали друг на друга, не задумываясь. Никто никем не командовал.

Я впервые попала в настоящую семью — в веселую семью. Я впервые смогла сказать, что мне нравится. В этом доме никому не запрещали высказываться. Это стало для меня настоящим открытием. Мне было непривычно слышать, как они свободно обзывают друг друга и отругиваются до последнего. Это было прекрасно! Я сразу же влюбилась в семью Ларри.

В то время Джерри было шесть или семь лет. Он был очень стройным, деликатным, очаровательным мальчиком, напоминавшим Кристофера Робина. Джерри был слишком чувствителен, чтобы ходить в школу. Уже тогда ощущалась напряженность в отношениях между Ларри и Лесли. Ларри безжалостно издевался над братом. Лесли не отличался остроумием, и Ларри мог в любой момент выставить его на посмешище. Ларри пользовался каждым удобным случаем, чтобы посмеяться над Лесли, и тот очень переживал.

Однако мой первый визит закончился катастрофой. В первое же утро Ларри пришел в мою комнату и лег со мной в постель. Затем пришел Джерри и тоже забрался в мою постель. Мы оказались под одеялом втроем, что оказалось не по нраву маме. Она вошла ко мне и сказала, что никогда в жизни не видела ничего более отвратительного. «Разве можно себя так вести! — кричала она. — Убирайтесь, немедленно убирайтесь из моего дома, вы оба! Даю вам пять минут на сборы! Я не позволю развращать Джерри!» Когда мама хотела, она могла быть настоящей трагической актрисой.

Я была смущена и расстроена, но Ларри успокоил меня: «Глупая женщина, она уже все забыла! Поехали. Пройдет день — и она будет рада снова видеть нас. Все это женские глупости. Не будь дурочкой, мама...»

Вот так нас выставили из дома. Но уже следующим вечером или вскорости после этого нас снова пригласили, и мама согласилась закрыть глаза на то, чем мы с Ларри занимались. Она была очень внимательна ко мне. Я ощущала себя гусем среди уток — все вокруг были такими маленькими, а я оказалась тощей верзилой. Но они не могли относиться ко мне лучше. С первого же момента мама стала моей лучшей подругой. Она подумала, что у меня болезненный вид и стала поить меня сливками, кормить бутербродами с маслом и жирным сыром. Она восхитительно готовила, по большей части предпочитая индийские блюда, карри и жаркое...

Мне безумно нравилась атмосфера в этом доме. Мама в то время пила много джина. Она ложилась тогда же, когда и Джерри. Джерри просто не мог заснуть без нее — он боялся оставаться в одиночестве, как мне кажется. Мама брала свою бутылку и отправлялась спать. Заметив это, мы тоже стали ложиться с бутылкой джина. Мама спала в большой двуспальной кровати. У нее был огромный серебряный поднос для чая, серебряные чайники и другие принадлежности. Мы коротали вечера на ее постели за джином, чаем и разговорами, а Джерри спал в своей кровати в той же комнате. Думаю, он мог спать в любом шуме. Все это было очень интересно».

Хотя друзья восхищались Даррелламы, родственники — тетушки и бабушки — не одобряли такую простоту нравов. Они обвиняли маму в некомпетентности и экстравагантности, особенно когда дело касалось денег. Мама не помогала своей кузине Фэн, а уж детей своих воспитывала, по мнению родственников, совершенно отвратительно. Она не умела управлять ими, они вели дикую, недисциплинированную жизнь, дом велся из рук вон плохо — и все это происходило в консервативном Борнмуте! Особенно много беспокойства доставлял Лесли. Молли Бриггс, дочь тети Джеральда, Элси, вспоминала:

«Лесли с ума сводил тетю Лу. Он оставался в постели до полудня и сутулился. Он ничем не

занимался, ничего не замечал. Мы не слишком его любили. Порой он снисходил до того, чтобы поиграть с нами, но никогда нельзя было быть уверенным, что он выкинет в следующую минуту. Он мог вспылить без малейшего повода. Джерри и Лесли сводили тетю Лу с ума, они были совершенно неуправляемыми. Но Джерри был очаровательным маленьким мальчиком и большим весельчаком. Он забирался на дерево, где у него было собственное убежище. Мы не могли залезть за ним. Он играл с веретеницами, ласкал их, брал в руки. Мы выросли на Цейлоне и боялись змей. Мы терпеть не могли любимцев Джерри и никогда к ним не прикасались. Помню, как мы с Джерри учились кататься на велосипеде на полузатопленном газоне, окруженном вересковыми зарослями. Мы страшно шумели, хохотали, когда падали, а случалось это очень часто. Ларри, который что-то сочинял, высовывался из окна и кричал: «Прекратите этот ужасный шум!»

«Любопытно, хотя никто из нас этого тогда не понимал, но мама позволяла нам жить, — вспоминал Джеральд. — Она беспокоилась о нас, она давала нам советы (когда мы спрашивали у нее советов). И советы ее всегда заканчивались словами: «Но в любом случае, милый, ты должен поступать так, как считаешь нужным». Это было своеобразное внушение, своего рода наставничество. Она открывала нам новый взгляд на проблему, который позволял нам открыть что-то новое. Мы могли справиться с проблемой или нет, но это новое намертво поселялось в наших душах. Мне никогда не читали нравоучений, меня никогда не ругали».

Лоуренс и Нэнси прожили вместе почти год, снимая коттедж в Локсвуде, графство Сассекс, вместе со своими друзьями, Джорджем и Пэм Вилкинсон. Здесь Лоуренс написал свой первый роман, который был опубликован в 1935 году. В конце 1934 года Вилкинсоны решили эмигрировать и перебрались на греческий остров Корфу. Климат в Греции был прекрасным, курс обмена очень выгодным, а жизнь легкой и дешевой. Лоуренс и Нэнси отправились в Дикси-Лодж. Время от времени приходили письма от Джорджа Вилкинсона, где тот описывал идиллическую жизнь, которую они ведут на своем прекрасном, зеленом и пока не испорченном острове. В голове Лоуренса начал созревать план. Сначала он решил отправиться на Корфу вдвоем с Нэнси. Греческий остров казался ему идеальным местом для молодого, подающего надежды писателя и молодой, подающей надежды художницы. К тому же оба они увлекались археологией и искусством Древней Греции. Лоуренса ничто не удерживало в Англии. Родился он не на Альбионе, у него не было английских корней, английский образ жизни — «английский образ смерти», как он его называл, — его совершенно не привлекал. Он возненавидел Англию с самого первого дня, когда одиннадцатилетним мальчиком ступил на английскую землю, покинув родную Индию, чтобы получить образование «дома». «Остров пудингов» — вот как называл он чужую для себя Британию. «Этот подлый, потрепанный, маленький остров, — говорил он друзьям, — выворачивает меня наизнанку. Он пытается истребить все уникальное и индивидуальное во мне». Сырой климат стал еще одной причиной для переезда. «Алан, — говорил Лоуренс Алану Томпсону после получения очередного письма от Джорджа Вилкинсона, в котором тот описывал апельсиновые рощи, раскинувшиеся вокруг его виллы, — в Англии все, кого ты знаешь, простужены!» Хотя идея перебраться в Грецию принадлежала Лоуренсу, вскоре она овладела умами всех членов семьи.

Пока мама была жива, Джеральд утверждал, что идея массового переселения под живительные лучи греческого солнца целиком принадлежала его старшему брату. Вот как он описывает хмурый августовский день под свинцово-серым небом: «Резкий ветер задул июль, как свечу, и над землей повисло свинцовое августовское небо. Бесконечно хлестал мелкий колючий дождь, вздуваясь при порывах ветра темной серой волной. Купальни на пляжах Борнмута обращали свои слепые деревянные лица к зелено-серому пенистому морю, а оно с яростью кидалось на береговой бетонный вал. Чайки в смятении улетали в глубь берега и потом с жалобными стонами носились по городу на своих упругих крыльях. Такая погода специально рассчитана на то, чтобы изводить людей».

Вся семья собралась в Дикси-Лодж — не слишком веселая перспектива провести день. У Джеральда из-за сырой погоды обострился катар, он прерывисто дышал открытым ртом. У Лесли болели и кровоточили уши. Маргарет вся покрылась прыщами. Мама простудилась, и к тому же у нее обострился ревматизм. Только Ларри был полон сил и энергии. В тот день его раздражение дошло до крайности, и он возопил: «Кто заставляет нас жить в этом чертовом климате? Посмотри на улицу! Посмотри на нас... Надо что-то делать. Я не могу создавать бессмертную прозу в такой унылой атмосфере, где пахнет мятой и эвкалиптовой настойкой... Почему бы нам не собраться и не отправиться в Грецию?»

После смерти мамы Джеральд по-иному описал те мотивы, которые подтолкнули семью к переезду в Грецию. Мама нашла себе в Дикси-Лодж спутницу и компаньонку в лице Лотти,

швейцарской няни Джеральда. Но вскоре муж Лотти серьезно заболел, по-видимому, раком, и Лотти была вынуждена оставить работу, чтобы ухаживать за ним. «И мы вернулись к прежнему состоянию, — пишет Джеральд в своих неопубликованных мемуарах. — Долгими вечерами у мамы не было другого общества, кроме моего, а мне было всего девять лет. Одиночество все сильнее подталкивало маму к бутылке. Ларри, осознавая опасность, решил, что нужно предпринять какие-то шаги. Он сказал маме, что нужно собираться и отправляться к Джорджу на Корфу. Мама, как обычно, возражала.

«Что мне делать с домом?» — спрашивала она.

«Продай его, пока он еще в приличном состоянии, — посоветовал ей Ларри. — Я думаю, что переезд пойдет нам всем на пользу».

У самого Ларри была еще одна, весьма убедительная причина для эмиграции, о которой он писал Джорджу Вилкинсону на Корфу. «Дни стоят настолько дождливые и туманные, что мы буквально забыли о солнце. Моя мать полностью запутала свои финансовые дела и решила ото всего убежать. Она слишком пуглива, чтобы наслаждаться красотами Средиземноморья в одиночку, поэтому она хочет, чтобы в Грецию отвезли ее мы. Она хочет поселиться на Корфу. Если ей понравится, она обязательно купит дом...»

Похоже, что все три причины — выпивка, деньги и солнце — сыграли определенную роль в принятии окончательного решения. Но маму не пришлось долго убеждать. Лоуренс писал, что она терпеть не может отказывать, да и к тому же ее ничто не удерживало в Англии. Эта семья покинула родную для себя Индию и еще не успела пустить глубокие корни на Острове Надежды и Славы. «Это была романтическая идея и важное решение, — замечала Маргарет. — Я должна была вернуться в школу, но я сказала: «Я ни за что туда не вернусь!» Мама, не любящая скандалов, согласилась с моим решением».

Итак, решение было принято. В путь отправилась вся семья — Ларри с Нэнси, мама, Лесли (которому в те дни исполнилось восемнадцать), Маргарет (пятнадцать) и Джеральд (десять). Сообщая Джорджу Вилкинсону о своем намерении перебраться на Корфу, Ларри поинтересовался, есть ли на острове школа для Джерри. Несколько встревоженный Джордж ответил: «Что ты имеешь в виду под словами «приедем»? Сколько вас?» Но в Грецию должны были отправиться или все, или никто. Дом был выставлен на продажу, вся обстановка упакована и отправлена на Корфу.

Джеральда больше всего беспокоила судьба домашних животных — ведь они принадлежали именно ему. Белых мышей он подарил сыну булочника, канарейку отдал соседу. Спаниеля Плуто взял доктор Макдональд, семейный врач Даррелов, а черепаха Билли отправилась к Лотти в Брайтон. Спустя двадцать семь лет, когда Джеральд уже добился признания, она написала ему, спрашивая, не хочет ли он, чтобы она вернула черепаху, приписав: «Ты всегда любил животных, даже самых мелких. Я была уверена, что ты обязательно вырастешь добрым человеком». С семьей отправлялся только Роджер. Ему оформили специальный собачий паспорт с большой красной печатью.

Лоуренс и Нэнси должны были отправиться в путь в начале 1935 года. Незадолго до отъезда они решили тайно пожениться. Новость следовало сохранить в секрете от родителей Нэнси, которые не одобрили бы брак их красавицы дочери с буйным писателем. Свадьба состоялась 22 января в борнмутской регистрационной палате. Алан Томас был свидетелем и поклялся сохранить тайну. Церемония сопровождалась некоторой неразберихой. Алан и Нэнси были очень высокими, а Лоуренс маленьким. Регистратор чуть было не поженил совсем не ту пару, даже не осознав этого. «Чтобы избежать случайностей, — вспоминал Алан, — мы нашли пару карликов, выступавших на местной ярмарке, и попросили их быть свидетелями, но хозяин отказался отпустить таких ценных артистов».

2 марта 1935 года Лоуренс и Нэнси сели на корабль в Тилбери и отплыли в Неаполь, который должен был стать их первой остановкой на пути к Корфу. Через неделю тронулась в путь и вся остальная семья. 6 марта они зарегистрировались в отеле «Рассел» в Лондоне, откуда на следующий день Лесли послал открытку Алану Томпсону: «Если повезет, то уже сегодня вечером мы сядем на корабль. P.S. Запиши адрес — мы ведь постоянно переезжаем. Номер 12/6 и так далее!!!»

В опубликованной греческой эпопее Джеральд так описал путешествие семьи, что могло показаться, что они пересекли Францию, Швейцарию и Италию. На самом же деле мама, Лесли, Маргарет, Джеральд и Роджер отправились из Тилбери на японском грузовом судне в каютах второго класса в Неаполь. Единственным из Даррелов, кто писал письма с дороги, оказался Лесли. Его открытки и письма и стали свидетельством этого события в истории семьи. 8 марта он писал Алану Томасу: «Теперь у меня есть собственная каюта. Люди, путешествующие вторым классом, очень милы и веселы. Корабль немного качает, но все Даррелы в порядке».

Два дня спустя, уже из Бискайского залива, Лесли посылает новую открытку: «Утром разразилась настоящая снежная буря, и нам пришлось собраться на верхней палубе возле спасательных шлюпок и провести с этой ******* собакой несколько занятий. Господи, ну и задачка нам выдалась! Собака носится вокруг, снег залепляет глаза, ветер дует, как в аду... Ну и поездочка! Похоже, никто не знает, как спускать спасательные шлюпки, так что нам всем приходится положиться на милость бога (если он есть, конечно). Не уверен, что нам удастся снова увидеть берега старой, доброй Англии!»

15 марта корабль миновал Гибралтар. «Никто из Даррелов от морской болезни не страдает, даже ******** собака», — сообщал Лесли. Корабль остановился в Марселе, следующей остановкой должен был стать Неаполь. Там семья пересела на поезд, следующий до Бриндизи, и на пароме переправилась на Корфу, проделав 130 миль по Ионическому морю.

Паром отплывал ночью. «Крохотный кораблик отчалил от берега Италии, — вспоминал Джеральд об этом путешествии. — Море было залито лунным светом, а мы спали в своих крохотных каютах, не сознавая, что где-то на этой водной глади пролегает невидимая черта. Мы пересекли ее и очутились в ярком, залитом солнцем мире Греции. Постепенно ощущение перемен, происходивших в нашей жизни, утихло. Мы встретили восход на палубе. Какое-то время остров казался маленькой, шоколадно-коричневой полоской на горизонте, окутанной туманом.

Потом солнце вдруг сразу выплыло из-за горизонта, и все небо залилось ровной голубой лазурью, как глаза у сойки. Море вспыхнуло на миг всеми своими мельчайшими волночками, принимая темный, пурпуровый оттенок с зелеными бликами, туман мягкими струйками быстро поднялся вверх, и перед нами открылся остров. Горы его как будто спали под скомканным бурым одеялом, в складках зеленели оливковые рощи. Среди беспорядочного нагромождения сверкающих скал золотого, белого и красного цвета бивнями изогнулись белые пляжи. Мы обогнули северный мыс, гладкий крутой обрыв с вымытыми в нем пещерами. Темные волны несли туда белую пену от нашего кильватера и потом, у самых отверстий, начинали со свистом крутиться среди скал. За мысом горы отступили, их сменила чуть покатая равнина с серебристой зеленью олив. Кое-где к небу указующим перстом поднимался темный кипарис. Вода в мелких заливах была ясного голубого Цвета, а с берега даже сквозь шум пароходных двигателей до нас доносился торжествующий звон цикад».

Десятилетия спустя, старый и больной, находящийся на грани смерти Джеральд Даррелл снова вспомнил тот волшебный пейзаж, который навсегда изменил его жизнь. И вспомнил его с болью, присущей всем нам, когда мы вспоминаем об утраченной юности. «Мы словно вернулись в рай, — прошептал он. — Приплыв на Корфу, мы будто родились заново».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РАЙСКИЕ ВРАТА: КОРФУ 1935-1936

Через несколько часов после прибытия на Корфу Даррелы сошли на берег и отправились в город. Процессия состояла из Джеральда, вооруженного сачком для ловли бабочек и держащего в руках банку, битком набитую гусеницами, и мамы, «имевшей вид захваченного в плен беспокойного маленького миссионера» и пытавшейся удержать на поводке крупную собаку, отчаянно стремящуюся к ближайшему фонарному столбу. Две повозки, в одну из которых погрузились члены семьи, а в другую сложили багаж, отправились в путь по узким, залитым солнцем улочкам элегантной, маленькой столицы острова. Очень скоро семья Даррелов сделала свою первую остановку на Корфу. Они выбрали «Швейцарский пансионат», располагавшийся неподалеку от центральной площади Платиа. Здесь их уже поджидали Ларри и Нэнси. «Сегодня семья наконец-то сползла на берег, — писал Лоуренс Алану Томасу, — и сразу же застала нас в постели, так что... Описать красоту этого образцового места просто невозможно, я до сих пор не верю своим глазам».

На следующее утро мама и все остальные члены семьи отправились на поиски дома. В сопровождении агента из гостиницы они объехали огромное множество домов самых разнообразных видов и размеров. Но маме не понравился ни один из них, поскольку все они обладали одним весьма существенным недостатком — в них не было ванны. Поэтому семья продолжала жить в «Швейцарском пансионате». 29 марта Лесли написал Алану с просьбой выслать ему газеты и журналы — «Дейли миррор» и другие газеты для Лоуренса, пару детских журналов для Джерри, журналы по шитью и домоводству для мамы, а также несколько журналов, посвященных оружию, для него самого. Мама приписала к письму постскриптум, в котором жаловалась на то, что Корфу не

оправдал ее ожиданий.

«Мы по-прежнему остаемся в отеле, но надеемся вскоре переехать. Не верьте ни одному слову, что вам будут говорить об этом вонючем острове. Природа вокруг восхитительна, не могу не признать. Но вот город... Пожалуй, будет разумнее не говорить о нем вообще. Однако, если вы соберетесь приехать, мы всегда найдем для вас местечко. Вы можете спать с Лесли или с Джерри, но вряд ли нам удастся найти на Корфу что-нибудь подходящее».

У мамы были все основания находиться в подавленном настроении. Все были не в духе. Они очутились в чужой стране, языка которой не знали и обычаи которой были для них незнакомы. Неудивительно, что все были встревожены, подавлены и постоянно ворчали друг на друга. Хуже всего было то, что лондонский банк до сих пор не перевел в Грецию ни фунта, поэтому семья сидела без гроша в кармане. К тому же багаж Лоуренса и Нэнси не прибыл, и молодожены оказались без одежды и книг. Даррелы снимали душные комнаты в «Швейцарском пансионате» в долг. Маргарет, или Марго, как ее стали называть на Корфу, чувствовала себя отвратительно и постоянно плакала, а Джерри подвывал ей в унисон. Надежды питались только красотой природы и восхитительным теплым морем.

В первые же дни пребывания на Корфу Джеральд овладел новым навыком, который кардинальным образом изменил его отношение к этому острову. Он научился плавать. В то недолгое время, что он провел в школе, уроки плавания не дали ему ничего, кроме безумного страха перед водой. Но стоило ему очутиться на острове, как все изменилось.

Джеральд писал в своих неопубликованных мемуарах:

«Мы с мамой в сопровождении отчаянно лающего Роджера отправлялись в маленькую скалистую бухточку, расположенную под старинным венецианским фортом, возвышавшимся над городом. Именно здесь я открыл для себя, какой восхитительной и волшебной может быть вода. Сначала я заходил в воду по колено, потом вода поднималась до подмышек, и вот я уже плыл по этой теплой, шелковистой, голубой глади. Мои губы ощущали соленый вкус морской воды. Вода была теплой и ласковой, мои страхи исчезли, словно их никогда и не бывало. Очень скоро я стал заплывать так далеко, что встревоженная мама принималась носиться взад и вперед по берегу, как обезумевший кулик, призывая меня немедленно вернуться в безопасные воды».

Пока остальные члены семьи томились в пыльном городе, Лоуренс и Нэнси нашли для себя небольшой домик на холме, неподалеку от виллы Агазини, где жили их друзья Вилкинсоны. Этот дом располагался возле Перамы, на южном побережье острова. С холма они могли видеть бескрайние морские просторы, а к дому вела узкая проселочная дорога. Вскоре после переезда Лоуренс писал Алану Томасу:

«По-моему, я уже писал тебе о том, как здесь удивительно красиво, на нашем холме, или нет? Ну так можешь умножить мои восторги на четыре. Сегодня мы поднялись с восходом и завтракали в лучах восходящего солнца. Мы поставили стол на террасе, откуда видно море. Рыбацкие лодки проплывали взад и вперед. Албанский берег сегодня был затянут дымкой. Днем жара лишает всяких сил. Повсюду кишат пчелы, ящерицы и черепахи... Господь создал этот остров!»

За этим письмом последовало новое. Мама все еще продолжала подыскивать для себя дом. Лоуренс снова написал Алану, поскольку никак не мог сдержать восторгов по поводу собственного приобретения:

«Ты не представляешь, сколько запахов и звуков окружает меня в нашем доме. Вот, к примеру, я сижу в доме. Окно. Свет. Серая голубизна. Два небольших кипариса гнутся под порывами сирокко. Они острые и веселые, как груди девушки. На море слабое волнение, волны набегают на берег, который изгибается к Лефкимо. Я вижу единственную лодку. По дороге... едут крестьяне на ослах. Восторги, проклятья, скрип колес, яркие пятна цвета, шарфы и экзотические наряды. На севере ничего. Впереди Эпир и Албания, укутанная сливочно-белой дымкой. На юге туманы. Там скрываются другие острова, но сейчас я не могу их видеть».

Тем временем мама решила арендовать автомобиль, чтобы они могли съездить в Перамy, посмотреть дом, который предложил им владелец «Швейцарского пансионата». И вот в этот момент Даррелы встретились с человеком, который изменил их жизнь на острове раз и навсегда. Семейство Даррелов отправилось на стоянку такси, располагавшуюся на главной площади. Толпа крикливых таксистов, говоривших только по-гречески, набросилась на невинных англичан, словно коршуны на добычу. И тут раздался глубокий, сочный, низкий голос, «какой мог бы быть у вулкана», который по-английски или почти по-английски произнес:

«Эй! Почему вы не брать с собой кого-нибудь, кто говорить на вашем языке?»

«Обернувшись, мы увидели древний «Додж», припаркованный у обочины, — вспоминает

Джеральд. — За рулем сидел маленький, плотный человек с огромными руками и широким, обветренным лицом. На нем была кепка, лихо сдвинутая на бок.

«Эти ублюдки облапошат собственную мать, — прорычал этот человек. — Куда вы хотеть поехать?»

Вот так семейство Дарреллов впервые встретилось со Спиро Хакьяопулосом. На острове его звали Спиро-американцем, потому что он восемь лет провел в Америке. Он работал в Чикаго и скопил достаточно денег, чтобы вернуться домой. Спиро был колоритной личностью с сердцем из чистого золота. Очень скоро он стал проводником, философом и другом в самом высоком смысле этого слова. Джеральд называл Спиро «грузным, нескладным ангелом с дубленой кожей... громадной загорелой горгульей»; Лоуренсу Спиро больше всего напоминал «здоровенную бочку оливкового масла».

«Ванны? — переспросил Спиро. — Вы хотеть ванны? Я знаю виллу, где есть ванны!»

Усевшись в «Додж», семейство отправилось в долгую поездку по лабиринту пыльных греческих улочек. Затем машина выехала на белую проселочную дорогу, петлявшую между виноградников и оливковых рощ.

«Вы англичане? — спросил Спиро. Обращаясь к пассажирам, он поворачивался к ним всем телом, отчего машина начинала метаться по дороге от одной обочины к другой. — Так я и думал... Англичане всегда хотеть ванны... Я любить англичан... Честное слово, если бы я не быть грек, я бы хотеть быть англичанин».

Похоже, Спиро был англофилом до мозга костей.

«Честное слово, миссисы Дарреллы, — сообщил он маме чуть позже, — если вы вскрыть меня, то найти внутри Юнион Джек».

Машина выехала на берег моря, затем дорога стала подниматься по холму. Внезапно Спиро ударил по тормозам, и машина остановилась, подняв облако белой пыли.

«Вот, — сказал Спиро, указывая вперед своим коротким, толстым пальцем. — Вот дом с ванны, как вы хотели».

Перед ними стоял маленький, квадратный одноэтажный домик, землянично-розового цвета. Отсюда до дома Ларри можно было дойти пешком. Домик расположился в небольшом садике, границы которого были отмечены небольшими стройными кипарисами. Склоны холма покрывали оливковые деревья, раскиданные живописными рощицами. Небольшой балкон был увит цветущей бугенвиллеей. Ставни на окнах кто-то выкрасил зеленой краской, но она давно выгорела и потрескалась от солнца. «Горячий воздух был напоен ароматами сотен увядающих цветов, — вспоминал Джеральд. — Повсюду нежно и тонко пели разнообразные насекомые. Как только мы увидели этот дом, нам сразу же захотелось в нем поселиться — вилла словно поджидала, когда же мы наконец приедем. Мы поняли, что обрели свой дом».

На следующий же день весь багаж перевезли в дом на холме. Ставни распахнулись, полы были вымыты, белье проветрено, кровати застелены. На кухне запылал очаг, кастрюли и сковородки выстроились на полках. Дом постепенно приобретал совсем жилой вид. Все свое время Джеральд проводил в саду. Это был удивительный сад. Лепестки, облетавшие с увядающих цветов, образовывали звездочки, полумесяцы, треугольники и круги. Садик стал для Джеральда настоящим открытием, «волшебной страной, где в цветочной чаще суетилась такая живность, какой я еще никогда не встречал». Никогда еще он не видел такого изобилия природы. Под каждым камнем Джеральд находил по двадцать различных созданий, на каждом растении сидело еще двадцать совершенно новых: божьи коровки, пчелы-плотники, яркие бражники, гигантские муравьи, паучки-крабы, которые умели менять окраску, словно хамелеоны. Завороженный богатством жизни за порогом дома, Джерри бродил по саду в совершеннейшем изумлении, а потом часами наблюдал за существованием загадочных созданий. «Пока мы не поселились в нашем первом доме, — позднее вспоминал Джеральд, — мы не понимали, что попали в рай... Я чувствовал себя так, словно со скал Борнмута меня перенесли на небеса. Наконец-то я ощутил себя по-настоящему дома».

Итак, семья наконец обрела дом. Спиро принял на себя все заботы по устройству бестолковых англичан. Он яростно спорил по поводу каждой покупки. Именно Спиро сумел навести порядок в вопросе пропавших маминых денег. А таможенные чиновники, задержавшие багаж семьи, вернули все чемоданы и ящики с извинениями. Спиро, с «громовым голосом и вечно нахмуренными бровями», сообщал Дарреллам все, что они должны были знать относительно жизни на острове. Он стремился удовлетворять их самые мелкие желания. Маму Спиро буквально боготворил, повсюду ее сопровождал, словно ангел-хранитель. Однажды Лесли сказал ему: «Знаешь, она ведь совсем не хорошая мать!» Спиро был в ужасе. Он немедленно выступил на мамину защиту. «Не говорить так!

— ревел Спиро. — Если бы я иметь такая мать, я бы каждое утро опускаться на колени и целовать ее ноги!»

Все члены семьи Даррелов приспосабливались к новой жизни сообразно своим привычкам и вкусам. Марго устроилась на Корфу быстрее всех. Маленькая, светловолосая, веселая, в крохотном купальнике, она, к восхищению всех местных парней, часами загорала в оливковых рощах. Молодые греки возникали словно по мановению волшебной палочки, даже если она отправлялась в самое уединенное место. По крайней мере, так утверждал Джеральд в своей великолепной книге, посвященной дням, проведенным на Корфу, «Моя семья и другие звери». Он написал ее двадцать лет спустя и порой не придерживался строгой хронологии событий. Марго же вспоминала о греческом путешествии иначе. «Джеральд выставил меня полной идиоткой, которая только и думала, что о парнях, — жаловалась она много лет спустя. — Джерри никогда не понимал меня, никогда не хотел заглянуть в глубь моей души. Оглядываясь назад, я вижу романтичную, чувствительную девушку, которая стремилась постичь дух Греции. Я единственная сумела понять подлинную натуру Корфу».

Акклиматизация Лесли оказалась весьма шумной. Как только багаж прибыл, он распаковал свои ружья и пистолеты, вычистил их, смазал и зарядил, а потом принялся стрелять по консервным байкам из окна своей спальни. Мама целые дни проводила на кухне, помешивая что-то в кипящих на плите кастрюльках. Дом был наполнен ароматами трав и чеснока. «Мы с мамой Даррелл увлеклись готовкой, — вспоминала Нэнси. — Она любила готовить невероятно острые блюда, которые было почти невозможно есть. Мы заготавливали банки с различными чатни, томатной пастой, кабачковой икрой. Вообще в нашем рационе было множество местных овощей, включая такие экзотические плоды, как плоды опунции».

Лоуренс же, по воспоминаниям Джеральда, был «самим провидением создан для того, чтобы нестись по жизни, словно маленький светловолосый огонек, разбрасывающий вокруг себя искры идей, а затем сворачивающийся в чисто кошачьем равнодушии и снимающий с себя всякую ответственность за последствия». Читая «Мою семью и других зверей», можно подумать, что Лоуренс жил вместе со всей семьей, однако они с Нэнси снимали собственный дом почти все время, проведенное семьей Даррелов на Корфу. Хотя Лоуренс любил публично заявлять, что он не встречался со своей семьей в Греции, кроме как на Рождество, на самом деле они с Нэнси проводили много времени в мамином доме. Пока они жили возле Перамы, это было несложно. Затем, когда семья перебралась на северное побережье, видеться стало сложнее. Нэнси хорошо запомнила свои контакты с семьей Даррелов.

«Ларри постоянно терзал Лесли. Он говорил, что тот дурак, что он бесцельно тратит свою жизнь. Ему доставляло удовольствие унижать младшего брата. У Лесли было три или четыре пистолета. Когда Ларри доводил его до крайности, Лесли хватался за пистолет и угрожал, что сейчас его пристрелит. Думаю, он вполне был способен это совершить. Иногда Лесли принимал мою сторону. Он хватал пистолет и тогда, когда мы с Ларри ссорились. Бедный старина Лесли, он бродил по полям с полевой полицией — очень неинтересными людьми с ружьями наперевес: У него была повреждена барабанная перепонка, поэтому он не мог плавать и развлекаться, как мы все. Не слишком веселое времяпрепровождение для девятнадцатилетнего парня».

В землянично-розовом доме было всего три спальни, поэтому, хотя Джеральду и не приходилось больше сворачиваться клубочком в материнской кровати, он по-прежнему жил вместе с ней в одной комнате. В уголке для него была поставлена кушетка. Лоуренсу досталась роль отца. Разница в возрасте была такова, что Джерри видел в старшем брате скорее отца, чем брата. Он все знал и умел, его авторитет в семье был непререкаем. Такой человек вполне мог заменить мальчику недостающего отца.

Постепенно семья привыкла к тому, что не может общаться почти ни с кем, кроме Спиро. Греческий язык довольно сложен для изучения. Даррелам пришлось потрудиться, чтобы хоть как-то им овладеть. Младшие члены семьи сумели все же справиться с этой задачей — не изучая грамматику и не заучивая новые слова, а просто общаясь с крестьянами из соседних деревень. Греческий язык они помнили всю свою жизнь. «Понемногу я научился понимать их разговор, — вспоминал Джеральд. — Сначала мое ухо стало выделять из общего неясного потока отдельные звуки, потом эти звуки приобрели вдруг значение, и я начал медленно, с запинками выговаривать их сам».

Корфу был самым красивым из всех средиземноморских островов, а во времена Даррелла он оставался практически не затронутым современной цивилизацией. Корфу расположен в одной из самых красивых областей Греции. За свою историю он часто переходил из рук в руки — его захватывали венецианцы, французы, англичане. Завоеватели оказали сильное влияние на образ жизни местного населения. Венецианцы стали аристократией острова. Именно они построили столицу

острова и самые изысканные виллы. Англичане же, которых изгнали с Корфу в 1864 году, познакомили островитян с имбирным пивом, почтовой службой и крикетом. Дарреллам в этом отношении повезло — корфиоты всегда относились к англичанам с глубоким уважением. Греки считали каждого англичанина лордом и воплощением самых высоких человеческих добродетелей. Джеральда местные крестьяне прозвали «маленьким английским лордом». Ему были рады в каждом доме.

Но, как и любой невинный Эдем, остров имел и свою оборотную сторону. «Крестьяне оказались неисправимыми ворами и лжецами, — писал Ло-уренс вскоре после переезда в Пераму. — Но они полностью компенсировали эти недостатки своей восхитительной манерой вилять задом при ходьбе. Это объясняется тем, что им постоянно приходится переносить тяжести на голове». Вскоре Лоуренс переменил свое отношение к корфиотам. Даррелы подружились со многими жителями острова. Но все же мир греческого острова оставался им чужд. Позже Джеральд писал:

«Корфу был замечательным местом, странным и немного сумасшедшим. Когда продавец в магазине с присущим всем корфиотам шармом говорил, что приготовит для вас все, что нужно завтра, он погружался в мир, который поставил бы в тупик самого Эйнштейна. Слово «завтра» могло означать все, что угодно, — полтора часа, две недели, два месяца или вообще никогда. Слово «завтра» никогда не имело нормального значения. Оно могло превратиться во вчера, в прошлый месяц или в следующий год. Мы были Алисами, попавшими в страну чудес».

В те дни Греция не пользовалась такой популярностью, как в наши дни. Она считалась слишком далекой и грубой страной. Туристы, отправлявшиеся за границу, предпочитали Италию. Греция же оставалась дикой страной, не соответствовавшей запросам рафинированных европейцев. Иностранец, поселившийся в этой стране, сталкивался с массой практических проблем. Не составлял исключения в этом отношении и Корфу.

До изобретения ДДТ, как писал Лоуренс, «Корфу был одной огромной блохой — одной ужасающей волосатой отвратительной блохой, — а также несколькими клопами, тоже слоновьих размеров». Он жаловался, что жизнь на острове почти так же примитивна, как в Африке, что крутом кишат насекомые, распространена малярия, летняя жара почти невыносима, а почва камениста. Обычная греческая деревня мало изменилась со средних веков. Медицина была совершенно неизвестна. Если кто-то заболевал, то его лечили народными средствами — массажем, припарками, травяными настоями — или отправляли к костоправу. Хотя в городах и были квалифицированные медики, но обратиться к греческому врачу, по воспоминаниям Джеральда, было равнозначно «пересечению Ниагарского водопада в бочке». Дороги на острове были плохими, на три дюйма покрытыми белой пылью. На северное побережье было сложно добраться даже летом, а зимой эти дороги полностью размывало. В отдаленные части острова добирались на пассажирских рыбачьих лодках, но зимой, когда море штормило, эти лодки переставали ходить.

Поскольку Даррелы поселились неподалеку от города, их жизнь была более или менее устроенной. Фруктов и овощей — картофеля, кукурузы, моркови, помидоров, зеленого перца и баклажанов — было неимоверно много, и продавались они за чисто символическую цену. Каждый день можно было купить свежую рыбу. Но на острове просто не существовало сливочного масла, а молоко было только козьим. Тощие костлявые цыплята не привлекали взгляд, что такое говядина, островитяне не знали, хотя в изобилии была прекрасная баранина и порой свинина. Из консервов на Корфу можно было найти только горошек и томатную пасту, а хлеб был тяжелым, серым, мокрым и кислым. На острове не было газа, электричества и угля. Очаги топили древесным углем, поэтому, чтобы вскипятить чайник, требовалось не меньше двадцати минут. Белье гладили тяжелыми черными утюгами на древесном угле. В качестве источников света использовались масляные лампы. Они наполняли комнату специфическим запахом. Для обогрева помещений использовались масляные печки, а также камины. Для торжественных случаев приобретались большие церковные свечи, которые устанавливали на веранде и в саду. Для освещения стола использовали сушеные мандарины, которые заполняли маслом и куда опускали маленькие фитили. На Корфу не было холодильников, но для мамы Спиро устроил ледник, куда он каждый день привозил лед из города. В отсутствие холодильника его роль исполнял глубокий колодец, куда опускали продукты в специальной корзине. Часть продуктов хранилась в пещере на берегу, где тоже было довольно прохладно. «Иногда было так жарко, — вспоминал Лоуренс, — что мы выносили обеденный стол на берег и устанавливали его так, чтобы сидеть в воде. Если вода доходила до пояса, то становилось вполне комфортно. Море было настолько чистым и спокойным, что по ночам не колебались даже свечи. А луна была невероятно огромной и оранжевой!»

Но все свои недостатки Корфу с избытком компенсировал необычайными достоинствами. Арендная плата была очень низкой. Дарреллы платили всего два фунта в месяц за большой дом на берегу. Пища также доставалась практически даром. «На Корфу продается отличное местное вино, — писал Лоуренс Алану Томпсону. — На вкус и на вид оно больше всего напоминает замороженную кровь. Вино стоит 6 драхм за бутылку. Чего еще можно желать? В Англии за такие деньги не купишь даже бутылки лошадиной мочи. Вчера мы по-королевски пообедали красной кефалью — пища подлинных эпикурейцев! — и стоил наш обед всего 20 драхм». Одежда на острове также не отличалась изысканностью. Джерри большую часть времени проводил в шортах. Он отпустил длинные волосы, поскольку терпеть не мог ходить к местному парикмахеру. Когда воздыхатель подарил Марго большую шелковую шаль, которую та не собиралась носить, Джеральд выпросил у нее этот подарок и стал носить его вместо плаща во время прогулок на деревенском пони. Шаль была разукрашена золотыми, зелеными, красными и фиолетовыми цветами, а по краям шла длинная красная бахрома. «Я представлял себя настоящим рыцарем, — вспоминал Джеральд, — когда в своем наряде мчался по холмам».

Жизнь на острове была довольно спартанской. В доме были деревянные полы, которые раз в неделю мыли и чистили песком. Каждое утро прислуга вывешивала простыни на улицу, чтобы проветрить. Обстановка в доме была простой, деревенской и совершенно греческой. Мама украсила дом экзотическими индийскими предметами, которые она привезла из Англии. На окнах красовались темно-синие занавеси с огромными павлинами, в гостиной расположились круглые медные столики с затейливым чеканным орнаментом и изящно изогнутыми ножками, пепельницы украшали драконы и павлины.

Жизнь семейства Дарреллов на Корфу была простой, неспешной, спокойной и уравновешенной. Остров был прекрасен, не испорчен цивилизацией — настоящий земной рай, окруженный кристально-чистым морем. Джеральд был совершенно счастлив.

«Мало-помалу остров незаметно, но властно подчинял нас своим чарам. Каждый день нес в себе такое спокойствие, такую отрешенность от времени, что хотелось удержать его навсегда. Но потом ночь опять сбрасывала свои темные покровы, и нас ждал новый день, блестящий и яркий, как детская переводная картинка и с тем же впечатлением нереальности. В те дни я вел странную тройную жизнь. Я существовал одновременно в трех мирах. Один мир принадлежал моей семье, второй — эксцентричным друзьям, а третий — местным крестьянам. По всем трем мирам я проходил незамеченным, но внимательным наблюдателем».

Для Джеральда Корфу был своеобразным средиземноморским Конго, населенным аборигенами и кишащим животными и насекомыми. Любая прогулка по острову превращалась в увлекательное приключение, любой шаг в сторону от привычного пути таил в себе что-то новое, неожиданное и невероятно интересное.

Семья решила пробыть в Греции полгода, а затем решить, стоит ли оставаться на Корфу. Это время стало для Джеральда временем полной свободы, нескончаемым праздником — ни уроков, ни обязанностей, ни домашней работы. Только прогулки по острову, только знакомство с земным раем, только новые открытия, поджидавшие его, стоило ему только отойти от землянично-розового дома.

Каждое утро спальню Джеральда заливали лучи восходящего солнца, а затем доносился аромат растапливаемого очага на кухне. Раздавалось кудахтанье кур, лай собак, звон овечьих колокольчиков. После завтрака под мандариновыми деревьями, состоявшего из кофе, тостов и яиц, Джеральд натягивал сапоги — мама купила ему резиновые сапоги и поначалу требовала, чтобы он обязательно их надевал, она еще помнила опасных индийских змей — и отправлялся на прогулку по утренней прохладе. В руках мальчик держал сачок, его карманы были полны пустых спичечных коробков, а за ним несся лохматый черный Роджер — верный друг и спутник во всех путешествиях Джеральда.

Для жителей деревень, расположенных в радиусе шести миль от землянично-розового дома, Джеральд был чем-то вроде местной газеты или программы новостей. В те дни местные крестьяне редко виделись друг с другом, разве что пару раз в год на сельских праздниках. Такой неутомимый путешественник, каким был Джеральд, разносил новости от деревни к деревне. Он сообщал, что Мария умерла, а у Спиро погиб урожай картофеля (речь шла о том Спиро, который держал слепого осла, а не о Спиро-американце). «По! По! По! — в ужасе восклицали крестьяне. — И теперь ему придется зимовать без картошки?! Храни его святой Спиридон!»

Джеральд быстро перезнакомился с местными крестьянами, и многие из них стали его настоящими друзьями. К числу его друзей относился веселый деревенский простак, дружелюбный, но немного заторможенный юноша с круглым, как блин, лицом, постоянно ходивший в котелке с

обрезанными полями. Очень любил Джеральд веселую и толстую Агати. Агати уже перевалило за семьдесят, но ее волосы по-прежнему оставались блестящими и черными. Она пряла шерсть на ступеньках своего дома и напевала пронзительные народные песни, чаще всего свою любимую, «Миндальное дерево». Еще одним другом Джеральда был старый беззубый пастух Яни с крючковатым носом и огромными бандитскими усами. Яни угощал десятилетнего Джеральда оливками, инжиром и местным красным вином, разведенным до бледно-розового цвета.

Но самым удивительным и притягательным человеком для Джеральда был Человек с Золотыми Бронзовками, странствующий коробейник, отличавшийся уникальной эксцентричностью. Когда Джеральд впервые увидел его во время своих странствий, он играл на пастушьей свирели. Наряд Человека с Золотыми Бронзовками поразил мальчика. На нем была бесформенная потрепанная шляпа, за ленту которой были заткнуты самые разнообразные перья — совиные, удодовые, зимородковые, петушиные и лебединые. Из карманов пиджака торчали гребешки, воздушные шарики и цветные образки святых. На спине он нес бамбуковые клетки с голубями и цыплятами, несколько загадочных мешков и большой пучок свежего зеленого лука. «Одной рукой он держал свирель, а в другой сжимал пучок нитей, к каждой из которых была привязана золотая бронзовка, размером с миндальный орех. Сверкая на солнце, золотисто -зеленые жуки летали вокруг шляпы и отчаянно гудели, стараясь сорваться с ниток, крепко обхватывающих их тельца». Жуки, как показал жестами человек (он был не просто странным, а немым), деревенским ребятишкам заменяли игрушечные самолеты.

Мешок Человека с Золотыми Бронзовками был набит черепахами. Особенно понравилась Джеральду одна из них, с более яркими, чем у ее товарок, глазами и обладающая, как показалось мальчику, уникальным чувством юмора. Джеральд назвал черепашку Ахиллесом. «Разумеется, такой прекрасной черепахи я еще никогда не видел. По-моему, она стоила раза в два дороже, чем я за нее заплатил. Я погладил черепаху пальцем по чешуйчатой головке, осторожно положил в карман и, прежде чем спуститься с пригорка, оглянулся. Человек с Золотыми Бронзовками стоял на том же самом месте, но теперь он танцевал что-то вроде джиги, раскачивался, прыгал, подыгрывая себе на свирели, а на дороге, у его ног, копошились маленькие черепахи».

У Человека с Золотыми Бронзовками Джеральд приобрел нескольких зверушек, которые поселились в землянично-розовом доме, — жабу, ласточку с поврежденным крылом и всех его золотых бронзовок, которые летали по всему дому, падали на постели и врезались в людей, как маленькие изумруды. Самым беспокойным жильцом оказался молодой голубь, который наотрез отказывался летать и предпочитал спать в изножье постели Марго. Птица была настолько некрасивой и толстой, что Ларри прозвал ее Квазимодо. Именно Ларри заметил, что при звуках музыки голубь начинает кружиться вокруг граммофона в неком подобии вальса, а при звуках марша Саузы гордо вытягивался во весь рост и раздувал грудь. В один прекрасный день Квазимодо поразил всех тем, что снес яйцо. Характер вздорной голубихи становился все невыносимей, она позабыла о граммофоне и внезапно научилась летать. Она вылетела из дома и поселилась на соседнем дереве, устроив свою жизнь с крупным голубем весьма мужественного вида.

Джеральд быстро постигал секреты природы Корфу. Но мама решила, что ему нужно получить образование. За это неблагодарное дело взялся Джордж Вилкинсон. Каждое утро он приходил в дом Даррелов, длинный, нескладный, бородатый очкарик, в шортах и сандалиях, держащий под мышкой стопку книг из собственной небольшой библиотеки. Для обучения десятилетнего Джеральда Джордж выбрал «Энциклопедию» Пирса и книги Уайльда и Гиббона. «Джерри делал все, чтобы только увильнуть от занятий, — вспоминала Нэнси. — Уроки казались ему страшно скучными, а из Джорджа вышел неважный преподаватель». Привлечь внимание ученика Джорджу удавалось только тогда, когда он заговаривал о животных и природе в связи с каким-нибудь изучаемым предметом от истории («Господи боже мой, живой ягуар!» — воскликнул Колумб, впервые ступив на землю Америки) до математики («Если две гусеницы за неделю съедают восемь листьев, сколько времени потребуется четырем гусеницам, чтобы съесть то же количество листьев?»). Именно Джордж убедил Джеральда вести дневник наблюдений за живой природой, куда мальчик тщательно записывал все, что он видел и чем занимался каждый день. К сожалению, эти толстые разлинованные в голубую линейку тетради были впоследствии потеряны.

Джеральд не любил сидеть дома, но на улице он совершенно преображался. Ему было все равно, где гулять, — по ухоженному газону или по болоту, кишащему змеями. Поняв это, Джордж разработал для своего ученика план занятий на природе. Они отправлялись в оливковые рощи или спускались на небольшой пляж у подножия холма Пондиконисси (Мышиный остров). Здесь учитель с учеником сосредоточенно обсуждали, какую историческую роль сыграла коллекция птичьих яиц

Нельсона в исходе Трафальгарской битвы, лениво плавая по тихому заливчику. Но больше всего Джеральда увлекала флора и фауна морского дна — темные водоросли-ламинарии, крабы-отшельники, голотурии, лениво перекатывающиеся по песку, втягивающие в себя воду с одного конца и выпускающие ее с другого. «Море, как теплое шелковистое одеяло, окутывало мое тело, — писал Джеральд, — и легонько покачивало его. Волн не было, только слабое, убаюкивающее меня подводное движение, пульс моря».

Джордж Вилкинсон был выдающимся романистом, но его уроки английского настолько утомляли Джеральда, что однажды мальчик предложил написать собственный роман. В то время Лоуренс как раз работал над своим вторым романом, «Черная книга». Произведение Джеральда называлось «Друг зверей» и было написано с массой грамматических ошибок, ужасным почерком, неуверенной рукой. Сюжет заключался в описании приключений человека, каким Джеральду суждено было стать впоследствии.

«Долеко-долеко, в самом серце африканских жунглей жывет малинкий белый чиловек. Самое удевительное в нем то, что он дружит со всеми звирями в акруге. Сичас он петается только травами и симинами, хотя совершено их не любит. Чтобы не голодать, он взял лук и стрелы и подстрелил какую-то птицу. Он не любит убевать сваих друзей, но он настолько аслабел, что с трудом мог хадить!

Любимым жывотным этого чиловека был большой серый павиан, каторого он назвал Сотине. Этот павиан был очень умный. Когда хозяин сказал ему: «Сотине, мне нужна бальшая палка, чтобы я мог сделать лук», он атправился в жунгли и принес бамбук для лука и стрел. Павиан принес бамбук и палажил перед белым чиловеком, и стал ожидать благодарности. Не стоит и гаварить, что хазяин был ему крайне признателен... »

И так далее в том же духе. Вполне в духе экспериментальной прозы молодой писатель смело переходит с третьего лица на первое, и дальнейшие приключения Друга зверей описывались уже не от лица рассказчика, а от лица самого героя повествования.

«Аднажды, когда я брадил вокруг сваего дома в Африке, на мое пличо легла Тежелая Валасатая Рука. Она зашвырнула миня в самое серце жунглей. Я лител и лител, и наконец упал (нильзя сказать, чтобы на очень мякую поверхность). Очнувшись, я увидил большого серого бабуина. «Господи боже мой, — проворчал я, — какого хрена ты миня сюда притащил?» Я заметил, что бабуин риагирует на май слова. Он падашел ко мне и снова схватил своей Большой Валасатой Рукой...»

В то же время Джеральд увлекся и написанием стихов. Сначала в этих произведениях сочеталась простота содержания и грамматики, но искренняя любовь к живой природе придала виршам Джерри подлинную содержательность.

Яркая пчела парит над миром насекомых,
Она летит в лучах света,
У нее бьется сердечко и пульсируют вены,
И эта крылатая красотка стремительно падает вниз,
Садится на цветок, раздвигает лепестки
И жадно пьет нектар.
А пыльца прилипает к ее красно-желтым крылышкам.
Голод утолен, и пчела улетает домой
И уносит с собой частицу живого цветка.

Очень скоро в соседней оливковой роще Джеральд обнаружил таинственные, затянутые паутиной дверцы. Эти кружочки были не больше монеты в один шиллинг, но они полностью изменили жизнь Джеральда. Озадаченный таким странным явлением, мальчик отправился на виллу Джорджа Вилкинсона, чтобы посоветоваться со своим учителем. Джордж был дома не один. «Около него на стуле сидел человек, которого я сначала принял за брата Джорджа, так как у него тоже была борода, — вспоминал Джеральд. — Однако, в отличие от Джорджа, он был безукоризненно одет: костюм из серой фланели, жилетка, белоснежная рубашка, со вкусом подобранный, хотя и мрачноватый галстук и большие крепкие башмаки, начищенные до блеска.

«Джерри, это доктор Теодор Стефанидес, — сказал Джордж. — Он знает почти все, о чем ты только можешь спросить, он сам тебе расскажет. Так же, как и ты, он помешан на природе. Теодор, это Джерри Даррелл».

Джеральд рассказал Теодору о странных тайниках, обнаруженных им в оливковой роще.

Доктор Стефанидес внимательно его слушал, а затем предложил отправиться на место, чтобы увидеть этот феномен собственными глазами. Это было несложно, так как оливковая роща располагалась как раз на пути Теодора домой.

«По дороге я украдкой разглядывал Теодора. У него был прямой, хорошей формы нос, насмешливые губы, скрытые пепельной бородой, а из-под ровных, довольно пушистых бровей на мир глядели проницательные глаза, смягченные веселым огоньком и добрыми морщинками в уголках. Теодор шел бодрым шагом, что-то напевая про себя».

Теодор с первого же взгляда понял, что перед ним норки земляных пауков, ловушки, в которые пауки ловят зазевавшуюся добычу. Тайна была разрешена. Доктор Стефанидес пожал Джеральду руку и собрался уходить. «Он повернулся и, размахивая тростью, зашагал вниз по склону. Я глядел ему вслед, пока он не скрылся из виду, а потом побрел к себе домой... Теодор привел меня в смущение и в то же время вызвал восторг. Он был единственным взрослым из всех, кого я знал, кто разделял мой интерес к зоологии. Я был очень польщен тем, что он обращался и разговаривал со мной так, будто мы были одного возраста. Теодор обращался со мной, как с равным не только по возрасту, но и по знаниям».

Джеральд не думал, что увидит этого человека вновь, но, по-видимому, его интерес, серьезность и наблюдательность произвели на Теодора впечатление. Два дня спустя Лесли вернулся из города и принес небольшой сверток для Джеральда. Внутри свертка обнаружились маленькая коробочка и письмо.

«Дорогой Джерри Даррелл,

после нашей недавней беседы я подумал, что тебе для исследования местной природы неплохо было бы иметь какой-нибудь увеличительный прибор. Поэтому я решил послать этот карманный микроскоп в надежде, что он тебе пригодится. У него, конечно, не очень сильное увеличение, но ты увидишь, что для работы в поле оно достаточно.

Желаю тебе всего хорошего, искренне твой *Тео Стефанидес*.

P. S. Если в четверг ты ничем не занят и захочешь прийти ко мне на чашку чая, я смогу показать тебе кое-какие препараты».

Доктор Тео Стефанидес открыл Джеральду незнакомый и удивительный мир, в котором мирно соседствовали поэт Затопеч и камердинер последнего греческого короля, микроскопические малиновые клещи и одноглазые циклопы, необычайное богатство черепаховых холмов, озеро лилий и фосфоресцирующее лиловое море. Прогулки с Теодором изменили Джеральда. Он усвоил язык и манеру поведения греческих крестьян, полюбил их музыку и сказки, научился пить их вино, петь их песни, избавился от тонкого налета «английскости». По сути дела, Джеральд никогда не был настоящим англичанином, и этот недостаток, в сочетании с отсутствием формального образования, причинил ему много неприятностей в последующие годы.

Когда Джеральд познакомился с Теодором Стефанидесом, тому исполнилось сорок. Хотя семья Стефанидесов происходила из Фессалонии, Тео (как и Джеральд) родился в Индии, благодаря чему владел английским языком так же хорошо, как и греческим. В Бомбее семья Стефанидесов говорила только по-английски. Вернулись они на Корфу в 1907 году, когда Тео исполнилось одиннадцать. В этом возрасте он впервые начал изучать греческий язык. Во время Первой мировой войны он служил в греческой армии в Македонии, а когда шла война с Турцией, оказался в Малой Азии. После окончании войны Тео отправился в Париж, чтобы изучать медицину. Затем он вернулся на Корфу. В 1929 году Тео Стефанидес открыл первый на острове рентгеновский кабинет. Вскоре он женился на Мэри Александер, внучке бывшего британского консула на Корфу. Хотя Тео был доктором, он не преуспел. По большей части, он лечил бесплатно. Почти всю свою жизнь он и его жена прожили в одном и том же маленьком арендованном домике.

Тео отличался удивительной цельностью и вежливостью. Он одинаково уважительно относился к старикам и к детям, к друзьям и к совершенно посторонним людям. Он был очень застенчив и позволял себе расслабиться только в обществе самых близких людей. Но Теодор обладал удивительным чувством юмора. Он любил хорошую шутку, даже самую глупую, и мог хохотать над ней от всего сердца. Он любил греческие танцы и порой сам танцевал kalamatianos. В свободное время он излазил весь остров вдоль и поперек. Там, где были дороги, он путешествовал на автомобиле, а туда, куда машина не могла проехать, отправлялся пешком. Всю дорогу он что-то напевал себе под нос. Прогуливаясь с Джеральдом, Теодор распевал дурацкую песенку, которую он очень любил.

Жил себе старик в Иерусалиме,

Глори аллилуйя, И — ерo — джерум,
И носил он шляпу, и был настоящим франтом,
Глори аллилуйя, И — ерo — джерум,
Скинермер ринки дудл дам, скинермер ринки дудл дам,
Глори аллилуйя, И — ерo — джерум...

«Это был удивительный мотив, — вспоминал Джеральд, — который придавал новые силы утомленным ногам. Приятный баритон Теодора и мой дрожащий дискант далеко разносились под кронами сумрачных деревьев».

Тео имел собственный взгляд на проблемы экологии. Он намного опередил свое время, особенно для Греции. Семена, зароненные Тео Стефанидесом в душу Джеральда, дали свои входы в последующие годы. Когда Тео отправлялся за город, он всегда рассеивал семена деревьев из окна автомобиля в надежде на то, что хотя бы несколько из них прорастет. Он всегда выбирал время, чтобы научить крестьян бороться с эрозией почвы и убедить их не пасти коз повсеместно, чтобы не уничтожать растительность. Хороший врач, он многое сделал для развития здравоохранения на Корфу. Он убеждал крестьян заселять водоемы особым видом пескарей, которые уничтожали бы личинки малярийных комаров.

Для Джеральда общение с Теодором стало курсом Оксфорда или Гарварда без промежуточных школ и колледжей. Тео был живой, говорящей энциклопедией, откуда можно было почерпнуть самые разнообразные, точные и детальные сведения. Он родился до эпохи узкой специализации и знал кое-что, а порой и очень много, обо всем. В течение дня он давал маленькому Джеральду знания по антропологии, этнографии, музыковедению, космологии, экологии, биологии, паразитологии, биохимии, медицине, истории и по множеству других наук. «У меня было мало книг, которые могли бы дать ответы на мои вопросы, — писал Джеральд. — И Тео стал для меня чем-то вроде ходячей, бородатой энциклопедии».

Тео обладал уникальной способностью коллекционировать в своей памяти отдельные, не связанные между собой факты. Он был настоящим эрудитом, умевшим связать события прошлого и настоящего, увидеть цельную картину, научно достоверную, но порой парящую в облаках фантазии. «Школьные уроки биологии были для меня закрытой книгой, — во взрослом возрасте признавался Джеральд своему приятелю, — а во время прогулок с Теодором мы говорили с ним обо всем: от жизни на Марсе до особенностей микроскопического жучка. Я знал, что все это части единого целого. Я понимал взаимосвязь всего в природе».

Тео Стефанидес сумел преодолеть железный занавес, отделяющий науку от искусства. Он был не только биологом и врачом, но и поэтом. Друзья считали Тео выдающимся греческим поэтом. «Если бы я обладал даром волшебника, — однажды заметил Джеральд, — я бы сделал каждому ребенку на земле два подарка: беззаботное детство, какое было у меня на острове Корфу, и дружбу с Теодором Стефанидесом». Под руководством Тео Джеральд стал настоящим натуралистом в том смысле этого слова, какой в него вкладывали в девятнадцатом веке. Он не походил на прямолинейных современных зоологов, выходивших из британских университетов, хотя и всегда указывал в качестве профессии именно зоологию. Тео учил Джеральда не только тому, как живут и развиваются биологические организмы, но и объяснял ему роль человека в экологической системе. Он считал, что жизнь на планете должна существовать и развиваться без вмешательства человека. Человечество, по мнению Теодора, являлось всеведущим и смиренным — и доминировать среди этих качеств должно было именно смирение.

«Немногим молодым натуралистам посчастливилось сделать первые шаги под руководством такого всеведущего, доброжелательного и веселого греческого бога, — вспоминал Джеральд. — Теодор обладал самыми лучшими качествами натуралиста викторианской эпохи. Его интерес к миру был безграничен. Он умел оживить любую тему собственными наблюдениями и размышлениями. Широта его интересов доказывается тем фактом, что в его честь назвали микроскопическое морское ракообразное и кратер на Луне».

В период с 1935 по 1939 год Тео и Мэри Стефанидес раз в неделю навещали семейство Даррелловв. Они приходили после обеда и оставались до ужина. Свою маленькую дочку Алексию они обычно оставляли дома с няней-француженкой. Девочка часто болела, и к тому же Тео не хотел делить внимание Джеральда ни с кем другим. Джеральд стал для Тео Стефанидеса настоящим сыном. Джеральду крупно повезло, что он встретил такого одаренного наставника в очень ответственный период своей жизни, Теодору повезло не меньше. Не каждый учитель встречает ученика, который полностью разделял бы его воззрения на жизнь и научные интересы. Помимо безграничной энергии и

энтузиазма, неутолимой жажды знаний — уникальной в столь юном мальчике, как замечал Тео, — Джеральд проявлял задатки настоящего натуралиста. Для начала, он обладал удивительным терпением. Он мог часами сидеть на дереве, не двигаясь, и наблюдать за каким-нибудь крохотным созданием. Даже Нэнси заметила это его качество: «Джеральд обладал невероятным терпением даже в столь юном возрасте. Он делал из травы специальные силки для ловли ящериц и часами просиживал возле норки, чтобы поймать юркое существо. А когда ящерица высовывалась, он ловко набрасывал на нее петлю».

Тео привлекало в Джеральде отсутствие высокомерия по отношению к животным, свойственное многим людям. Мальчик инстинктивно чувствовал, что животные равны человеку вне зависимости от того, насколько они малы, уродливы или невзрачны. Животные были его друзьями и компаньонами — часто единственными, потому что он был практически лишен общения со сверстниками. Животные чувствовали это и относились к Джеральду точно так же. И проявлялось это не только на Корфу, но и на протяжении всей жизни великого натуралиста.

Именно тогда Джеральд пришел к выводу о том, что существует фундаментальный моральный закон, согласно которому все виды имеют право на существование. И это в то время, когда человечество не испытывало моральных обязательств по отношению к другим живым существам! Джеральду было сложно изучать биологию так, как это было принято в то время. Он не мог убивать и рассекать животных, чтобы постичь их образ жизни и классификацию. «Я хочу жить рядом с живыми существами, — заявил он гораздо позже, — а не запихивать их в бутылку со спиртом!» Джеральд постепенно превращался в зоолога-бихевиориста (или этолога). Биология для него была изучением живых существ — порой даже слишком живых, на взгляд других членов его семьи.

Наступила первая зима, холодная и очень сырая. Ларри и Нэнси перебрались на другое побережье острова, в Калами, небольшую деревушку на северо-западе Корфу. Там они купили одноэтажный побеленный домик — Белый дом. Новое жилище Ларри стояло на самом берегу, всего в паре миль от берегов Албании. Зимние дожди на Корфу по своей интенсивности приближаются к тропическим. Море с яростью набрасывалось на прибрежные скалы. Единственным источником тепла в доме были вечно пылающие жаровни, которые ставили в центр комнаты.

На Рождество к Дарреллам приехал девятнадцатилетний Алекс Эммет, школьный приятель Лесли. Мама даже ради гостя не рассталась с любимой бутылкой джина. Джерри остался полностью поглощенным своими пауками и уроками биологии с Тео Стефанидесом. А Лесли бесцельно слонялся по острову со своим ружьем. Не будь Тео, замечал Алекс, Джеральд с легкостью мог бы превратиться в такого же бездельника, как Лесли.

Приехав на Рождество, Эммет пробыл с Дарреллами до весны. Весна на острове оказалась удивительной. Джерри восторженно наблюдал за пробуждением природы: «Остров покрылся цветами, заблагоухал, заиграл светлой зеленью. Кипарисы... стояли теперь прямые и гладкие, под легким плащом из зеленовато-белых шишечек. Всюду цвели восковые желтые крокусы, кучками выбивались среди корней деревьев, сбегали по откосам речных берегов. Под кустами миртов гиацинты набирали свои похожие на фуксиновые леденцы бутоны, а по дубовым рощам разлилась синеватая дымка буйно цветущих ирисов. ...Да уж, это была весна так весна: весь остров дрожал и гудел от ее шагов, все живое откликалось на ее приход. Это узнавалось по сиянию цветочных лепестков, по яркости птичьих перьев, по блеску в темных, влажных глазах деревенских девушек».

Семья реагировала на приход весны по-разному. Лесли отправился стрелять горлиц. Лоуренс купил гитару, здоровенную бочку крепкого красного вина и принялся распевать меланхолические елизаветинские любовные романсы. Марго поправилась, стала часто купаться и увлеклась красивым, но смертельно скучным молодым турком — не самый лучший выбор для греческого острова.

Экскурсии Джеральда по острову стали более увлекательными и дальними, когда семья перебралась в другой дом. Это произошло летом 1936 года. Джеральд вспоминал, что инициатором переезда стал Ларри. Он пригласил нескольких друзей — поэта Затопеча (его настоящее имя было Зариан), трех художников — Жонкиль, Дюрана и Майкла, и совершенно лысуго Мелани, графиню де Торро. И Ларри хотел, чтобы всех этих гостей мама разместила в землянично-розовом доме. Но в Розовой вилле с трудом размещались даже члены семьи. Что уж было говорить о каких-то гостях! Мама со свойственной ей изощренной логикой решила, что легче всего решить проблему, переехав в более просторный дом. В любом случае, ванна землянично-розового дома не заслуживала своего гордого названия. Это был простой умывальник и примитивный туалет, где было невозможно даже повернуться.

Новый дом, который Джеральд окрестил Нарциссово-желтой виллой, оказался высоким,

просторным венецианским особняком. Его называли вилла Анемоянни, по фамилии владельцев. Он располагался на холме у моря в деревушке Сотириотисса, неподалеку от Кондокали к северу от столицы острова. С веранды можно было наблюдать за тем, как раз в неделю к острову подплывает большой корабль, перевозящий почту. Дом пустовал уже три года. Зеленые ставни и бледно-желтые стены потрескались. Повсюду росли одичавшие оливковые, лимонные и апельсиновые деревья. Джеральд вспоминал:

«Все здесь наводило на грустные мысли о прошлом: дом с облупленными, потрескавшимися стенами, огромные гулкие комнаты, веранды, засыпанные прошлогодними листьями и так густо заплетенные виноградом, что в нижнем этаже постоянно держались зеленые сумерки... Заброшенный дом постепенно ветшал, и все вокруг приходило в запустение на этом холме, обращенном к сияющему морю и к темным изрезанным горам Албании».

Новый дом для семьи нашел все тот же Спиро, и он же организовал переезд. Длинная вереница тяжело нагруженных повозок потянулась по проселочным дорогам, поднимая облака белой пыли. Но даже после того, как перевезли все вещи, дом все равно оставался пустым и гулким. Повсюду стояла древняя мебель, которая рассыпалась, стоило лишь коснуться ее рукой (или бедром). Дом оказался достаточно большим, и Джеральду выделили собственную комнату на первом этаже. Он назвал ее студией, а остальные члены семьи беспардонно прозвали обиталище Джерри «Клоповником». Клоповник стал первым рабочим кабинетом Джеральда. Вот что он писал о своей комнате:

«В комнате приятно пахло эфиром и метиловым спиртом. Здесь я хранил книги по биологии, дневники, микроскоп, различные инструменты, сачки, сумки для образцов и другие ценные предметы. В больших деревянных ящиках, разделенных на ячейки, я разместил свою коллекцию птичьих яиц, жуков, бабочек и стрекоз. На полках рядами выстроились бутылки с метиловым спиртом, в которых хранились другие мои сокровища — цыпленок с четырьмя ножками, разнообразные ящерицы и змеи, головастики в различных степенях развития, маленький осьминог, три бурых крысенка (подарок от Роджера) и крохотная черепашка, которая не сумела пережить зиму. Стены были скромно, но со вкусом украшены сланцевой плиткой с окаменевшими останками рыбы, моей собственной фотографией, где я пожимал руку шимпанзе, и чучелом летучей мыши. Я набил чучело самостоятельно, без посторонней помощи, и очень гордился результатом».

Для Джеральда зима была скрашена регулярными уроками биологии с Тео Стефанидесом. Каждый четверг Джерри отправлялся в город к своему учителю. Комната Тео была набита книгами, блокнотами, рентгеновскими пластинами, банками и бутылками, где копошились речные и морские обитатели. В небо уставился довольно мощный телескоп, а на столе возле микроскопа валялись различные инструменты и предметные стекла. Джеральд часами мог рассматривать ротовые части крысиной блохи, яичные сумки самки циклопа или прядильный орган садового паука. Когда погода улучшалась, они отправлялись на природу. Тео приходил в Нарциссово-желтый дом пешком. Он всегда брал с собой жену, а порой и Алексию, которую на такси привозил Спиро. Тео с Джерри отправлялись исследовать окружающую природу. Учитель и ученик шли плечом к плечу, громко распевая народные песни.

Как-то раз компанию им составил Алан Томас, приехавший на Корфу навестить друзей. По воспоминаниям Алана, на Тео был элегантный белый костюм и шляпа, составившая бы честь царственной особе. Джерри носился вокруг, буквально пританцовывая от возбуждения. И Джерри, и Тео несли сумки с различными принадлежностями. «Я повернулся к Ларри, — вспоминал Томас, — и сказал: «Как замечательно, что у Джерри есть Теодор!» И Ларри ответил: «Да, Теодор для Джерри настоящий герой!» Джерри обычно брал с собой бутылку лимонада и коробку с бутербродами или бисквитами, а также целую кучу разных сачков, сумок, коробок и бутылок для образцов. Теодор так вспоминал об этих экскурсиях: «Мы с Джерри предпочитали исследовать живые создания и сводили собирание образцов к минимуму».

Исследуя природу окрестностей, Джерри и Тео проявляли недюжинную сосредоточенность. Они не оставляли неперевернутым ни одного камня, заглядывали под все палки и в каждую лужу. «Каждый прудок, каждая канава с водой были для нас словно неисследованные джунгли, битком набитые зверьем, — вспоминал Джеральд. — Крохотные циклопы, водяные блохи, зеленые и кораллово-розовые, парили среди подводных зарослей, будто птицы, а по илистому дну крались тигры прудов: пиявки и личинки стрекоз. Всякое дуплистое дерево, если в нем оказывалась лужица воды, где обитали личинки комаров, подвергалась самому тщательному исследованию, всякий замшелый камень переворачивался, а трухлявое бревно разламывалось». По возвращении Тео с Джерри совершали набег на мамину кухню и запасались суповыми тарелками и чайными ложками. С помощью этих инструментов они разбирали свои трофеи и рассортировывали их по банкам и

бутылкам, где водяным созданиям предстояло жить. Тео вспоминал, что им удалось собрать весьма представительную коллекцию водяной живности.

Вскоре Джеральд стал совершать длительные прогулки вокруг Нарциссово-желтого дома самостоятельно. Мама настаивала, чтобы он надевал яркие пуловеры, благодаря чему она всегда видела, где он находится. В миртовых рощах неподалеку от дома маленькие черепашки пробудились от зимней спячки. Джеральд целыми часами наблюдал за их брачными играми под лучами жаркого солнца. «Настоящий сексуальный акт, — записал он в своем дневнике, — был самым неловким и странным действием, какое мне только доводилось видеть. Самец крайне неуклюже и неловко пытался взгромоздиться на панцирь самки. Он раскачивался и был готов в любой момент сорваться. За ним было больно наблюдать. Желание помочь несчастному созданию переполняло меня». Не менее интригующей для двенадцатилетнего натуралиста оказалась сексуальная жизнь богомолов. Мальчик в ужасе наблюдал за тем, как удовлетворенная самка медленно нацеливается на голову самца, в то время как он старается оплодотворить ее, даже оставшись без головы: великолепная демонстрация двух основных целей жизни — питание ради выживания отдельной особи и совокупление ради выживания рода, — совмещенных в едином процессе.

Порой по ночам Джеральд отправлялся на охоту за летучими мышами. Это был удивительный мир, погруженный в молчание и залитый лунным светом, где царили обитатели ночи — шакалы, лисы, белки, сони и козодои. Они бесшумно пролетали по ночному небу, словно привидения. Однажды Джеральду удалось поймать маленького совенка сплюшки. Мальчик принес его домой и назвал Улиссом. Улисс обладал сильным характером и не позволял собой помыкать. Когда он вырос, то стал свободно перемещаться по Клоповнику. По ночам он летал в саду, а вечерами сопровождал Джеральда в его прогулках, уцепившись за шерсть на спине Роджера.

Теперь Джеральд стал собирать более крупных представителей животного мира. Его комната становилась мала для домашнего зоопарка, и обитатели Клоповника расползались и разлетались по всему дому, что приводило к различным недоразумениям. Остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда и резонно возражали, когда обнаруживали в своих комнатах скорпионов или ящериц. Однажды дом заполнили огромные москиты. Никто не понимал, откуда они взялись, пока Тео не обнаружил, что Джеральд натащил полный аквариум крупных личинок Theobaldia longeareolata, самых крупных москитов на острове, которых он принял за головастиков. Но худшее было еще впереди.

Джеральду всегда нравились черные скорпионы, несчастные создания, пользующиеся дурной репутацией. Пастух Яни объяснял мальчику, что от яда скорпиона можно умереть, особенно если тот заберется вам в ухо, пока вы спите. Так умер молодой пастух, приятель Яни, и смерть его была нелегкой. Джеральд не испытывал страха перед опасными созданиями. Когда он обнаружил, что на стене, окружавшей сад Нарциссово-желтого дома, живут целые стаи черных скорпионов, то только обрадовался. «У этих странных малюток плоское овальное тельце, — писал Джеральд, — аккуратные изогнутые ножки и огромные, словно крабьи, вздутые клешни с сочленениями, как на скафандре. Хвост их, похожий на нитку коричневых бусин, заканчивается жалом вроде шипа розы». По ночам Джерри выходил в сад с факелом и наблюдал за восхитительными брачными танцами скорпионов. «Сцепив клешни, они тянулись вверх и нежно обвивали друг друга хвостами». «Я проникся большой любовью к скорпионам, — писал Джеральд. — Они казались мне очень милыми и скромными созданиями с восхитительным, в общем-то, характером». Правда, если забыть об их каннибализме.

Однажды Джеральд нашел на стене крупную самку скорпиона. На ее спине копошилось множество мелких скорпиончиков. Радостный Джерри посадил мать с семейством в пустой спичечный коробок, намереваясь вырастить скорпионов в Клоповнике, где бы он мог наблюдать за их развитием. К несчастью, как только он вошел в дом, его позвали обедать. Джерри положил коробку на камин и присоединился к остальным членам семьи. Обед прошел великолепно, а затем Лоуренс поднялся и подошел к камину, чтобы закурить. И вот тут-то его ожидал словно специально приготовленный коробок спичек.

Джерри с интересом следил за тем, как Лоуренс открывает коробок. Скорпиониха мгновенно выскочила из коробка и побежала по руке Ларри. Маленькие скорпиончики по-прежнему восседали у нее на спине. Лоуренс закричал от ужаса и инстинктивно махнул рукой. Скорпиониха очутилась на столе, рассыпая вокруг себя своих малюток. Безобразие продолжалось. Лугареция уронила тарелку, Роджер начал бешено лаять, Лесли опрокинул стул, а Марго вылила на скорпиониху стакан воды, но промахнулась и попала в маму.

«Опять этот проклятый мальчишка!» — проревел Ларри, пытаясь перекрыть царящий в столовой шум. Роджер решил, что во всем виновата Лукреция, и цапнул ее за лодыжку.

«Это все он! — продолжал орать Ларри. — Он нас всех прикончит. Посмотрите на стол... Там по колено скорпионов...»

Вскоре скорпионы попрятались под тарелки и салфетки, и все немного успокоились.

«Этот чертов мальчишка, — продолжал жаловаться Ларри, — каждый спичечный коробок в доме таит опасность!»

Во время другого не менее впечатляющего инцидента пострадавшей стороной оказался Лесли. Жарким сентябрьским днем Джерри решил, что его водяным змеям слишком душно в их аквариуме. Он принес рептилий в дом и выпустил в ванну, налив туда холодной воды. Вскоре с охоты вернулся Лесли и решил принять ванну, чтобы немного освежиться. В тот же момент из ванны донесся душераздирающий вопль, и на веранду выскочил совершенно голый Лесли.

«Джерри! — орал он с покрасневшим от гнева лицом. — Где этот чертов мальчишка?»

«Успокойся, дорогой, — рассеянно сказала мама. — Что случилось?»

«Змеи, — прошипел Лесли, — вот что случилось... Этот чертов мальчишка напихал полную ванну чертовых змей, вот что случилось... Отвратительные твари толще нашего шланга... Удивительно, что они меня не укусили!»

Джеральд вытащил змей из ванны, посадил их в большую кастрюлю и вернулся к столу как раз в тот момент, когда Ларри рассказывал гостям: «Наш дом — это смертельная ловушка. Любой укромный уголок или трещина кишмя кишат опасным зверьем, которое только и поджидает, чтобы наброситься. Как я сумел уцелеть, ума не приложу...»

Однажды Джерри и Тео вернулись домой с банкой, полной медицинских пиявок, каждая из которых достигала трех дюймов в длину. В озере Скотини, единственном пресном озере на Корфу, и по сей день водится множество этих ужасающих созданий. По какому-то недоразумению банка опрокинулась, и пиявки расползлись по дому. Ночью Лоуренс в ужасе проснулся оттого, что все простыни были залиты кровью. Ужасное создание сосало его кровь. Это было воплощением самых страшных кошмаров Ларри, апофеозом проделок Джерри.

Лоуренс по-разному оценивал младшего брата. Когда тот копался со своими многоножками, скорпионами или жабами, уважение старшего брата падало до нуля. Но потом он слышал, как мальчик насвистывает Восьмую симфонию Бетховена, что вызывало в нем безграничное изумление. Но даже по прошествии многих лет Лоуренс не изменил своего отношения к занятиям Джеральда. «В детстве он был совершенно невыносим, — говорил Лоуренс своим друзьям много лет спустя. — Ужасная заноза в заднице! В своей книге он выставил себя и самым худшим, и самым лучшим образом. До сих пор не могу забыть эти спичечные коробки, полные скорпионов. Я не мог спокойно присесть в этом доме. А мама постоянно защищала его — стоило произнести лишь слово критики, как она вскидывалась, словно медведица. А тем временем в супе копошились жуки! Нет, он был просто невыносим! Его нужно было как следует выпороть».

Хотя остальные члены семьи не разделяли увлечения Джеральда странными созданиями, Тео всемерно поддерживал своего ученика. Общение с Тео было для Джерри словно папское благословение. Позже Джеральд вспоминал, как они с Теодором отправились исследовать местные водоемы, которые как раз наполнились дождевой водой.

«Я искал черепашку-террапина, жабу, лягушку или змею, чтобы пополнить свой зоопарк, а Тео, вооруженный сачком с бутылкой, выискивал более мелких животных, порой даже невидимых глазом.

«Ага! — воскликнул он, вытаскивая сачок из воды и поднося бутылку к глазам. — Вот это... Гм... Очень интересно. Я не видел ничего подобного с того времени, когда жил в Эпире...»

«Взгляни, Тео», — сказал я, протягивая ему маленького змееныша.

«Гм... э-э-э...да... — ответил Теодор. — Очень славная».

Услышать, что взрослый человек говорит о змее «очень славная», было для меня подобно райской музыке».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

САД БОГОВ: КОРФУ 1937-1939

Вот так совершенно счастливый мальчик жил на своем райском острове, а формальное образование проходило мимо. Время от времени мама решала, что ребенку нужно чему-то учиться, и отправляла его на уроки французского языка к бельгийскому консулу, еще одному колоритному обитателю Корфу. Консул жил на верхнем этаже высокого, неустойчивого здания в центре

еврейского квартала столицы острова. Это был экзотичный и колоритный район с узкими улицами, где было полно лошадей, орущих торговцев, нагруженных ослов, квохчущих куриц и голодных, одичавших котов. Консул был милым маленьким человеком с золотыми зубами и удивительной трехконечной бородкой. Он всегда был одет соответственно своему официальному статусу, носил шелковые галстуки, блестящую шляпу и гетры.

Французскому языку Джеральд так и не научился, но скуку этих уроков скрашивало удивительное увлечение преподавателя. Выяснилось, что консул, как и Лесли, страстный охотник. Порой во время урока он вскакивал из кресла хватал пневматическое ружье прицеливался и стрелял из окна. Сначала Джеральд считал, что консул исполняет ритуал кровной мести, хотя то, что никто не стрелял в ответ, его несколько удивляло. К тому же после каждого выстрела консул утирал слезы и говорил: «Ах, бедная крошка...» В конце концов Джерри понял, что консул, страстно любивший кошек, отстреливал самых тощих и больных животных. «Я не могу накормить их всех, — говорил он. — Поэтому я стремлюсь осчастливить хоть нескольких из них, убивая их. Им так лучше, но мне так грустно...» И он снова хватал ружье и стрелял по другой кошке.

Бельгийский консул оказался не лучше остальных учителей Джеральда. Ему не удалось зажечь в мальчике искру интереса к обучению. Только под влиянием Ларри и Тео Стефанидеса Джеральд сумел научиться хотя бы чему-нибудь. «Ларри обладал уникальной способностью заставить человека поверить в себя, — писал Джеральд о своем старшем брате. — Всю жизнь он подбадривал меня настойчивее кого-либо другого. Если я и добился хоть какого-то успеха, всем этим я обязан только ему». Сразу же после переезда на Корфу Лоуренс начал заниматься литературным образованием младшего брата. Именно под его эклектичным, но вдохновенным руководством Джеральд познакомился с миром литературы и начал писать. Живой, постоянно ищущий ум Лоуренса увлекал мальчика.

«Мой брат Ларри был для меня настоящим богом, — вспоминал Джеральд. — И я пытался ему подражать. Ларри приглашал к себе интересных людей вроде Генри Миллера. К тому же я мог пользоваться его богатой библиотекой». Ларри давал Джеральду книги, кратко объясняя, какой интерес они представляют. Если слова брата увлекали мальчика, он принимался за чтение. «Господи, каким же я был всеядным! Я читал все: от Дарвина до полной версии «Любовника леди Чаттерлей». Я восхищался книгами В. Г. Хадсона, Джилберта Уайта и бэйтсовым «Натуралистом на Амазонке». Я верю, что все дети должны расти в окружении книг и животных», — писал Джеральд. Именно Лоуренс подарил младшему брату экземпляр классических трудов Анри Фабра «Жизнь насекомых: наблюдения натуралиста» и «Жизнь и любовь насекомых». На страницах этих книг жили осы, пчелы, муравьи, комары, пауки и скорпионы. Эти книги открыли для Джеральда Корфу. Он продолжал любить их всю жизнь, благодаря ясности и простоте, с какой они были написаны. Эти книги давали пищу для воображения. Даррелл писал:

«Если бы кто-нибудь подарил мне способность превращать в золото все, к чему я ни прикоснусь, я и то не был бы ему так благодарен. С того момента Фабр стал моим личным другом. Он раскрыл передо мной множество загадок, которые меня окружали, показал мне чудеса и объяснил, как они происходят. Благодаря его уникальным книгам я превращался в осу-охотницу, парализованного паука, цикаду, неуклюжего, громоздкого жука-скарабея и во многих других необыкновенных созданий».

По иронии сдобы, именно ленивый, не увлекающийся литературой, живущий в мире ружей и пистолетов брат Лесли открыл Джеральду его призвание. Он принес в дом экземпляр приключенческого журнала «Широкий мир», где с продолжением печатались рассказы о приключениях американского зоолога Айвена Сандерсона об экспедициях за животными Перси Слейдена, о диких джунглях Камеруна. Истории Сандерсона заронили в душу мальчика зерно, которому суждено было прорасти в далеком будущем. Джеральд дал себе клятву, что однажды он сумеет совместить свою любовь к животным и страсть к приключениям. Он решил отправиться в Африку за животными. И привезти этих животных в Европу он намеревался живыми, а не застреленными и не удушенными в силках, как это сделал Перси Слейден.

Лоуренс подарил Джеральду не просто напечатанные книги. Он подарил ему язык, уникальный чистейший язык, богатый метафорами и сравнениями. Прогресс, достигнутый Джеральдом на пути от его первых робких литературных опытов до настоящих бестселлеров, стал возможен только благодаря влиянию старшего брата. За один год Джеральд стал взрослым, и произошло это летом 1936 года, когда Джерри было всего одиннадцать лет. В своем следующем стихотворении «Смерть», написанном под явным влиянием Лоуренса, Джеральд писал:

На кургане мальчик лежал,
У подножия текла река;
Лиловые ирисы стояли вокруг него,
Словно стараясь укрыть его от ока смерти,
Которая всегда захватывает человека врасплох
И не дает ему собраться с духом.
Рододендроны склонились украдкой.
Глядя, как мальчик считает овец.
О, ужас!
Мальчик мертв,
Но смерти он не увидел.

Прогресс Джеральда был невероятен. Стихотворение потрясло Лоуренса, и он отослал его в Америку, своему другу Генри Миллеру, сообщив, что автором этого стихотворения является его младший брат. «Он сам написал это стихотворение, — писал Лоуренс, — и я ему завидую». Позже Лоуренс поместил «Смерть» в американском литературном журнале «Бастер», выходившем в Париже. В этом журнале сотрудничали Миллер, Альфред Перлес и Уильям Сароян.

Вскоре мама нашла для Джеральда нового учителя, призванного заменить Джорджа Вилкинсона, вернувшегося в Пераму. Это место занял двадцатидвухлетний Пэт Эванс, еще один приятель Лоуренса. «Пэт был высоким, красивым молодым человеком, — вспоминал Джеральд, — только что окончившим Оксфорд». Эванс серьезно подошел к вопросу образования своего ученика. Джеральд же считал, что усилия нового учителя заслуживают лучшего применения. Но беспокоиться ему было не о чем. Очень скоро волшебный остров оказал на вновь прибывшего свое чарующее действие, и все разговоры о дробях и прилагательных прекратились, уступив место более ориентированным на природу занятиям, таким, как плавание в лодке по морю за приятной беседой о теплых океанских течениях и о происхождении прибрежных пород. Эванс глубоко интересовался естественной историей и биологией. Он старался передать свой интерес ученику, не напрягая и не пугая его сложными сведениями. «Они просто бродили вокруг и рассматривали жуков», — вспоминала Марго.

Джеральд убедил Пэта Эванса позволить ему написать книгу. Это должно было стать его домашней работой по английскому языку. Очень скоро мальчик увлекся описанием «увлекательного кругосветного путешествия со своей семьей ради ловли диких зверей». Лоуренс назвал это произведение «великим романом о флоре и фауне нашего мира». В одной из глав этого произведения рассказывалось о том, как на маму набросился ягуар, а в другой Ларри задыхался в смертельных объятиях гигантской анаконды. К сожалению, рукопись безвозвратно погибла. Когда семья Даррелов окончательно решила покинуть остров, Джерри спрятал свое творение в жестяной банке и забыл его в доме. Он полагал, что нацисты жестоко истребили его произведение во время войны.

Один из фрагментов раннего творения Джеральда сохранился. Это стихотворение в прозе «В театре». Лоуренс опубликовал его в «Бастере» — и это была первая публикация Джеральда Даррелла. Было совершенно ясно, что Джеральд обладает присущим его старшему брату живым, конкретным воображением, чутьем на сравнения и метафоры, составляющими основу поэтического видения мира. Свои образы мальчик почерпнул из дикой жизни Корфу.

«Они положили его на носилки, белые и прочные, каждый стежок на которых напоминал о больнице. Они положили его на холодный каменный стол. Он был в пижаме, его лицо напоминало каракатицу. Студент суетился, кто-то тяжело и хрипло кашлял. Доктор мельком взглянул на новенькую сестру: она была бледна, как мрамор, и отчаянно теребила в руках голубой кружевной платок.

Скальпель тихо прошуршал, рассекая ткани. Показались внутренности, напоминавшие клубок весенних червей. Руки доктора двигались со скоростью атакующей кобры. Он резал, раздвигал, исследовал. Наконец в скорпионьем зажиме пинцета показалось что-то розовато-серое, напоминавшее сосиску. А затем зашивать — игла погружается в мягкую глубину и выходит снова по другую сторону бездны. Края раны соединяются, кожа стягивается, словно магнитом. Носилки прогибаются под неожиданной тяжестью».

Впервые прочитав творения своего одиннадцатилетнего братца, Лоуренс решил, что на самом деле это стихотворение в прозе написал Пэт Эванс. Но Эванс категорически все отрицал. «Неужели ты думаешь, — сказал он Лоуренсу, — что если бы я мог так писать, то стал бы тратить свое время на частные уроки?»

Но Пэт Эванс сыграл определенную роль в литературном образовании Джеральда. Позже Джерри написал письмо Алану Томасу и приложил к нему свое самое свежее поэтическое творение.

«Посылаю тебе свой последний опус. Мы с Пэтом каждую неделю пишем стихи. Это моя первая домашняя работа. Называется «Ночной клуб».

Любезничают, кокетничают со смертью. Тоска.
Спой мне что-нибудь бесполое, как растение,
Бессмертное, как платина, циничное, как любовь.
Меня охватила тоска, мой танец бессмыслен.
Вокруг сплошная пустота.
Танцуют дактили, саксофонист и пони,
Рыдают саксофоны...
Кругом содом, кокетство и тоска.
Мне нравятся тоскливые звуки саксофона.
Любовь должна торжествовать — даже трахаясь в гардеробе,
Когда никому нет дела, осталась ли еще любовь, которая должна
Торжествовать.

Я тебя очень люблю. Нэнси рисует для тебя картинку. Зачем?

Джерри Даррелл».

Мог ли одиннадцатилетний мальчик с невинной любовью к паукам и морским конькам написать это отчаянное, напряженное и изысканное стихотворение? Удивителен не только выбор темы, но и экзистенциальное настроение, лексикон, сила воображения, стремление шокировать. Здесь явно чувствуется влияние Ларри-поэта, не говоря уже о Ларри-романисте, бескомпромиссном писателе-анархисте, который как раз в то время заканчивал свой первый серьезный роман — «Черную книгу». Может быть, это стихотворение написал Ларри? Если же нет, то это явное подражание старшему брату, изысканный бред, обладающий неким подобием смысла.

Позже Джеральд написал стихотворение «Африканский диалог». С помощью Лоуренса оно было опубликовано летом 1939 года. В последнем четверостишии юный автор суммирует метафизический смысл всего произведения:

Она вошла в дом и зажгла свечу. Свеча зарыдала: «Я убита, убита». Пламя сказало: «Я тебя убиваю». Служанка ответила: «Это правда, правда. Теперь я вижу твою белую кровь».

Тем временем семейная жизнь Даррелов все больше и больше превращалась в сумбур и неразбериху. «Мы так распустились, — писал Ларри Алану Томасу, — что Лесли спокойно может пукнуть за столом, а мы ходим почти весь день нагишом и постоянно мокнем в море». Нэнси считала, что мама не может справиться с семьей. «Даже Джерри пошло бы на пользу немного порядка, — жаловалась она. — Я имею в виду, что он растет, не имея ни малейшего представления о дисциплине». Нэнси и Ларри отдыхали душой в тишине и покое своего белого рыбацкого домика в Калами, подальше от шумной семьи. «Десять миль к югу, — писал Ларри Томасу, — и все семейные неурядицы и вопли остаются позади».

Со временем Даррелы пристроили к своему дому большой балкон, с которого можно было любоваться морем и холмами на закате. И для Джеральда, и для остальных членов семьи Корфу приобретал особое значение.

«Покой этих вечеров на нашем балконе, когда еще не зажжены лампы, не сравним ни с чем, — писал Лоуренс. — Покой небес снисходил на зеркальную гладь залива... Это было как тишина, которую ощущаешь на китайских акварелях». Они сидели на балконе, и море постепенно сливалось с небом, а где-то далеко в холмах невидимый пастух начинал наигрывать на флейте.

«Над заливом раздавались тихие, льдистые звуки флейты... Сидя на балконе, окутанные приятным теплым воздухом, мы слушали молча. Поднималась луна — не та белая, яркая луна, которую можно увидеть в Египте, а луна греческая, теплая и дружелюбная... Мы босиком шли через темные комнаты, ощущая под ногами прохладный пол, а затем спускались на скалы. В полном молчании мы входили в воду и осторожно, чтобы не нарушить тишину плеском, плавали по серебряной глади. Мы не разговаривали. Потому что любой звук в этой тишине прозвучал бы фальшиво. Мы плавали, пока не уставали, а затем поднимались на белые скалы, заворачивались в полотенца и ели виноград».

«Это земля Гомера, — с восторгом писал Лоуренс Алану Томасу. — В ста ярдах от нас приставал корабль Улисса...» Питалась семья Даррелов весьма оригинально. «Хлеб и сыр, и греческое шампанское... инжир и виноград, когда они есть... Но все недостатки с лихвой компенсируются самым лучшим купанием в мире и удивительной красотой — ОСТРОВАМИ!»

Совершенно ясно было, что рано или поздно, ежедневно наблюдая за ослепительной красотой моря, семья должна была оказаться в воде. Основным вдохновителем морских купаний стал Лесли. До приезда на Корфу он хотел поступить в торговый флот, но врач решил, что его здоровье недостаточно крепко. На Корфу Лесли построил маленькую лодку, назвал ее «Морская корова» и стал выходить в море, сначала на веслах, а потом с помощью небольшого мотора. Чаще всего он плавал в одиночку, но порой брал и других членов семьи.

«Ты должен нас увидеть, — писал Лесли в одном из писем домой. — Целая толпа придурков в море. Ты бы от души посмеялся.

Однажды к нам присоединились Ларри и Нэн. Я сказал, что отвезу всех домой — маму, Пэта, Джерри, Ларри, Нэн и себя самого. Мы запустили мотор и вышли в довольно бурное море. Пэт улегся на палубу и вцепился в нее изо всех сил. Мама, Ларри, Нэн и Джерри перегнулись через борта — далеко им до настоящих моряков! Парус намок, все промокли. Это продолжалось довольно долго. Ситуация ухудшалась. Внезапно лодка сделала элегантный поворот, и на нас обрушились тонны морской воды. Это переполнило чашу маминого терпения, и мы вынуждены были вернуться, Ларри, Нэн, Пэт и я выпили немного виски. Когда наша одежда просохла, они отправились домой на машине».

Порой, когда погода благоприятствовала, Лоуренс и Нэнси на лодке отправлялись в Албанию и устраивали там полуночные пикники. Затем они возвращались домой, с удовольствием вспоминая о фантасмагорическом путешествии. Вскоре Лоуренс купил собственную лодку, черную с коричневым двадцатидвухфутовую яхту. Он назвал ее «Ван Норден» — «моя мечта, мой черный дьявол». На ней Лоуренс с Нэнси совершали прогулки к близлежащим островам. Лесли за три фунта приобрел еще одну лодку, вскоре получившую гордое название «Бутл Толстогузый», которую они с Пэтом Эвансом подарили Джеральду на день рождения. Джеральд вспоминал, что по своему строению эта лодка являла собой удивительный пример в истории морского судостроения. «Бутл Тостогузый» имел семь футов в длину, плоское дно и почти круглую форму. Внутри он был выкрашен зеленой и белой краской, а по бокам шли черные, белые и оранжевые полосы. Лесли соорудил замечательно длинную мачту из кипариса и предложил торжественно водрузить ее и отправиться в небольшое путешествие по заливу, раскинувшемуся перед домом. Но все пошло наперекосяк. Как только мачта была установлена, «Бутл Толстогузый» «со скоростью, удивительной для его комплекции», перевернулся, увлекая за собой Пэта Эванса.

Через некоторое время Лесли скорректировал свои расчеты и наконец сумел сделать мачту требуемой длины. Эта длина составляла всего три Фута. Мачта не могла нести парус, так что «Бутл» остался гребной лодкой, скользившей по зеркальной глади воды «с ленивой грацией целлулоидной утки». Свое первое путешествие на собственной лодке Джеральд совершил на рассвете. Солнце уже поднялось, дул легкий ветерок. Мальчик оттолкнулся от берега и стал грести, время от времени заходя в небольшие заливчики и приставая к маленьким островкам архипелага, где морская жизнь буквально кипела. «Какая радость иметь собственную лодку! — писал Джеральд. — Хотя потом я все время плавал на «Бутле» и пережил немало приключений, но с этой первой поездкой ничто сравниться не могло».

Джеральд пробрался на нос и улегся там рядом с Роджером, пока лодка неспешно дрейфовала вдоль берега. Мальчик принялся рассматривать морское дно сквозь кристально-чистую морскую воду. «На серебристых песчаных прогалинах гроздьями висели приоткрытые раковины моллюсков-разинек. ...Рядом с моллюсками обитали серпулиды — венчики красивых пушистых лепестков на конце длинной толстой трубки сероватого цвета. Всегда подвижные золотисто-оранжевые и голубые лепестки казались удивительно не на месте на конце этих толстых обрубков — прямо орхидея на ножке гриба. ...Из углублений на вас таращились и махали плавниками надутые морские собачки. ...Кругом лепились пухлые, глянцевитые актинии, щупальца их исполняли какой-то чувственный восточный танец, пытаясь схватить проплывавших мимо прозрачных, как стекло, креветок. ...На поверхности рифов встречались толстые зеленые крабы, машущие клешнями как бы в дружеском приветствии, а внизу, на покрытом водорослями дне, — крабы-пауки с их необычным колючим панцирем и длинными тонкими ногами. Каждый из этих крабов носит на себе водоросли, губки,

иногда актинию. Везде на рифах, среди скоплений водорослей и на песчаном дне двигались сотни раковин-волчков, искусно расписанных полосками и пятнами синего, серебряного, серого и алого цвета». Солнце склонялось к закату, и Джеральд собрался домой. Все банки и бутылки были заполнены всевозможными трофеями. «Солнце уже пряталось за стволами олив и на море лежали золотые и серебряные полосы, когда круглая корма «Бутла» легонько толкнулась в пристань. Голодный, усталый, умирающий от жажды, с вихрем разнообразных впечатлений в голове, я медленно взбирался вверх по склону...»

Порой летом, во время полнолуния вся семья отправлялась на ночные купания. По ночам морская вода немного остывала и дарила желанную прохладу. На воду спускали «Морскую корову» и отплывали на ней в удобное место. Вода фосфоресцировала в лунном свете. Как-то раз, когда Джеральд отплыл на приличное расстояние и от берега и от лодки, он очутился в стае дельфинов, которые шумно вздыхали, пищали, всплывали и вновь погружались, выпрыгивали вверх и шумно плюхались в воду. Какое-то время мальчик плавал среди них, наслаждаясь присутствием этих удивительных созданий. Но вдруг дельфины, словно подчиняясь неслышному приказу, повернулись и устремились к далеким берегам Албании. «Я высунулся из воды и смотрел, как они плывут вдоль светлой лунной дорожки, то выныривая на поверхность, то с блаженным вздохом снова уходя под воду, теплую, как парное молоко, — вспоминал Джеральд. — За ними тянулся след из крупных, дрожащих пузырей пены, которые вспыхивали, | точно маленькие луны, прежде чем исчезнуть в волнах».

Вскоре семья открыла для себя и иные прелести ночного Корфу — свечение моря и обилие светлячков на оливковых деревьях, растущих вдоль берега. Эти явления наблюдать было легче в новолуние. В ту ночь, когда мама отправилась на морское купание в собственноручно изготовленном купальном костюме, дельфины, светлячки и свечение моря поразили воображение всех членов семьи Даррелов. Вот что пишет об этом Джеральд:

«Никогда нам не приходилось видеть такого огромного скопления светлячков. Они носились среди деревьев, ползали по траве, кустам и стволам, кружились у нас над головой и зелеными угольками сыпались на подстилки. Потом сверкающие потоки светлячков поплыли над заливом, мелькая почти у самой воды, и как раз в это время, словно по сигналу, появились дельфины. Они входили в залив ровной цепочкой, ритмично раскачиваясь и выставляя из воды свои точно натертые фосфором спины... вверху светлячки, внизу озаренные светом дельфины — это было поистине фантастическое зрелище. Мы видели даже светящиеся следы под водой, у самого дна, где дельфины выводили огненные узоры, а когда они подпрыгивали высоко в воздух, с них градом сыпались сверкающие изумрудные капли, и уже нельзя было разобрать, светлячки перед вами или фосфоресцирующая вода. Почти целый час любовались мы этим ослепительным представлением, а потом светлячки стали возвращаться к берегу и постепенно рассеиваться. Вскоре и дельфины потянулись цепочкой в открытое море, оставляя за собой огненную дорожку, которая искрилась и сверкала и наконец медленно гасла, будто тлеющая ветка, брошенная в залив».

Моторная лодка давала Даррелам замечательную возможность путешествовать вдоль острова, чего раньше они сделать не могли. Первым это оценил Лесли. Теперь он мог отправиться на охоту в дикую северную часть острова. Иногда он брал с собой Лоуренса и Нэнси, так как его путь пролегал мимо Калами (эта деревушка лежала к северу от Кондокали). «Неделю или две тому назад, — писал Лоуреис Алану Томасу, — мы с Нэнси и Лесли отправились поохотиться на мертвое, заболоченное озеро на севере. Это настоящие тропики. Толстый слой ила покрывал дороги. Он пузырился от горячих болотных газов. Повсюду торчали корни деревьев. Кое-где ил сверкал изумрудным блеском от усевшихся на него стрекоз и москитов. Озеро называется Антиниотисса (враг юности)».

Со временем Луоренс превратился почти в такого же страстного охотника, как и Лесли. Удивительно, что Джеральд сумел сохранить свою любовь к животному миру — ведь он вырос в обществе двух старших братьев, только и мечтавших, чтобы перестрелять всю живность на несколько миль вокруг. Но ему это удалось, несмотря на то, что он честно носил за Лесли его охотничьи сумки, а порой даже принимал участие в охоте на голубей. Лесли стрелял и по голодным, одичавшим собакам, которые увязывались за семьей во время пикников.

Лоуренс относился к миру живой природы с полнейшим безразличием. Единственным, что его заинтересовало, было ночное представление со светлячками. А путешествие с Лесли на озеро пробудило в нем охотничий инстинкт. «Я с ума схожу от стрельбы, — писал он Алану Томасу. — Стрелять цапель я не могу, но вот утки — это совсем другое дело. Утки для меня — это летающая ветчина, снабженная клаксоном. Я не воспринимаю их как живых существ. А принести

подстреленную утку домой — это ни с чем не сравнимое ощущение гордости. БУМ. Словно стеклянный стакан разбился где-то вдалеке. Я могу настрелять сотню уток без малейшего угрызения совести». Утки для Лоуренса были почти тем же, что и осьминоги, на которых он научился охотиться по греческому способу с помощью палки с крючком — «нечто грязное и отвратительное».

После нескольких охотничьих вылазок на север острова Лоуренс начал менять свое мнение о Лесли. «Клянусь, ты бы не узнал Лесли, — писал он Алану Томасу летом 1936 года. — Он стал удивительно цельной и сильной натурой, он может поддерживать разговор почти как доктор Джонсон. Когда он идет с двумя ружьями и еще с одним за спиной, так и кажется, что вот сейчас он начнет палить направо и налево». Лесли воображал себя крутым парнем в крутом мире, лучшим стрелком на острове. Он ходил повсюду «грязный, небритый и распространял вокруг себя запах ружейного масла и крови».

Дарреллы приобрети фотоаппарат «Кодак» и занялись фотографией. Они снимали друг друга и восхитительные виды острова. Чаще всего снимал Лесли, у него открылся настоящий дар фотографа. Но замечал он не только красоту окружающей природы, но и красоту женщин. На снимке Марии, служанки в доме Даррелов, он написал: «Мария, наша служанка (веселая милашка)».

Ближе к осени 1936 года мама решила отказаться от услуг Пэта Эванса. Как утверждал Джеральд, это произошло потому, что Пэт влюбился в Марго, и Марго ответила ему взаимностью. Так Джеральд лишился самого верного помощника и товарища по литературным занятиям и изучению естественной истории. Изгнанный из рая, безутешный Эванс отправился на материк. Он так и остался в Греции. Во время войны он стал национальным героем, сражаясь за свою родину за линией фронта. Эванс был английским разведчиком в оккупированной нацистами Македонии. Застенчивый и неуверенный в себе Эванс, по словам Марго, «был очень, очень привлекательным». Маргарет глубоко влюбилась в него. Известие об его отъезде потрясло ее. Она заперлась на чердаке и предалась неумеренному обжорству. «В этот период Марго находилась в отвратительном настроении, — вспоминала Нэнси. — Она очень сильно располнела. Я хочу сказать, что она стала по-настоящему жирной. Марго стыдилась своей внешности и не хотела выходить из комнаты — она даже не спускалась к обеду». Проблемы с весом были вызваны не обжорством и не разбитым сердцем. Позже медицинское обследование показало, что у нее возникло эндокринное заболевание, из-за которого она прибавляла по фунту в день.

Вскоре Джеральду нашли нового учителя. Это был польский эмигрант, в жилах которого текла французская и английская кровь, Краевски. Джеральд в своих книгах называет его Кралевски. Это был похожий на гнома горбун, главным увлечением которого были, по утверждению Джеральда, зяблики и другие птицы. Он держал их на верхнем этаже своего полуразрушенного дома, примостившегося на окраине города. Краевски жил здесь вместе со своей старой, похожей на ведьму, матерью («старой, больной королевой»).

Уроки Краевски были смертельно старомодны и скучны — история превращалась в бесконечную череду дат, а география — в список городов. Для мальчика было огромным облегчением узнать, что у его наставника есть другое увлечение. Краевски был настоящим фантастом. Он жил в воображаемом мире, где жизнь его состояла из удивительных приключений — кораблекрушение на пути к Мурманску, нападение разбойников в сирийской пустыне, удивительная храбрость на секретной службе во время Первой мировой войны, инцидент в Гайд-парке, когда хрупкий горбун сумел задушить разъяренного бульдога голыми руками. И все эти подвиги совершались во имя таинственной Леди. С этого времени уроки стали более приятным времяпрепровождением для Джеральда. Краевски очень много сделал для развития воображения и навыков рассказчика у своего ученика. К сожалению, знаний эти занятия Джеральду не прибавили.

«Как и все на Корфу, — вспоминал Джеральд, — мое обучение складывалось необычно, но счастливо. Я никогда не забуду эту бесконечную череду удивительных профессоров, которые не научили меня ничему полезному, что помогло бы мне добиться успеха в жизни, но дали мне настоящее богатство. Они научили меня жизни». И они показали мальчику не только жизнь, но и свободу, наслаждение, восхитительную красоту и чувственность Корфу.

Джеральд взрослел. В январе 1937 года он отметил свой двенадцатый день рождения. В честь этого события был устроен прием. Джерри разослал всем гостям приглашения, украшенные автопортретом и написанные в стихах. Удивительно, что на этих открытках Джеральд изобразил себя с пышной бородой, довольно плотным человеком, почти таким, каким он стал гораздо позже.

Одним из приглашенных был преподобный Джеффри Карр, капеллан Церкви Святой Троицы, которую посещали все члены английской общины на Корфу. Джеффри был близким другом Тео Стефанидеса и его семилетней дочери Алексии.

Карр вспоминал, что вечеринка удалась на славу. Приглашены были Тео и Спиро, и бельгийский консул, и множество друзей семьи Даррелов. Лесли, Тео и камердинер последнего короля Греции танцевали «Каламатианос», звери вели себя безобразно, в том числе и вновь прибывшие (на день рождения Джерри подарили двух щенков, которых окрестили Вьюн и Пачкун — и не без оснований). С потолка спускался большой самодельный абажур, собственноручно изготовленный Марго из красной бумаги. Он был наполнен конфетти, мелкими игрушками, сладостями и угощением для крестьянских детишек, которые были голодны не меньше, чем дикие собаки. В самый торжественный момент Тео метким выстрелом из ружья времен Первой шаровой воины, принадлежавшего Лесли, перебил веревку, и абажур рухнул на пол, к восторгу всех собравшихся. Дети мгновенно бросились подбирать подарки, разлетевшиеся во все стороны.

Лесли и Лоуренс отлично разведали окрестности озера Антиниотисса в северной части острова. Вскоре за ними последовали и другие члены семьи. «Это продолговатое мелкое озеро, окруженное густой гривой тростника и камышей, — вспоминая Джеральд. — Оно имеет около мили в длину и отделяется с одной стороны от моря широкий пологой дюной из замечательного белого песка». Наилучшим временем для посещения Антиниотиссы был сезон цветения песчаных лилий. Эти роскошные растения выпускали толстые зеленые листья и ароматные белые цветы. Вся дюна, по словам Джеральда, превращалась в «сверкающий белизной глетчер». И вот, как-то раз теплым летним днем, вся семья, включая Тео и Спиро, отправилась на озеро Антиниотисса. Все погрузились на «Морскую корову» и «Бутла Толстогузого». Когда двигатель умолк, обе лодки бесшумно заскользили к берегу. Аромат лилий плыл навстречу путешественникам — «тяжелый, пряный запах, очищенный аромат лета, теплое благоухание, заставлявшее вас все время глубоко вдыхать воздух и задерживать его в груди».

Выгрузив снаряжение для пикника среди лилий, все разбрелись в стороны. Лесли принялся за охоту, Марго стала загорать, мама удалилась на прогулку с собаками, вооружившись ведерком и совком. Спиро, «похожий в своих трусах на смуглого волосатого доисторического человека», стал ловить рыбу с помощью остроги. Джеральд и Тео отправились на озеро, прихватив с собой бутылки и банки для мелких трофеев. «Райское место, — бормотал Ларри. — Я хотел бы лежать здесь вечно. Через столетия я, конечно, забальзамируюсь от постоянного вдыхания этого аромата». Через какое-то время все собрались к ланчу, затем принялись пить чай. После чая Джеральд и Тео снова отправились за ценными образцами местной фауны. День клонился к закату. Спиро разложил костер и принялся жарить на вертеле пойманную им рыбу. Скоро совсем стемнело — на берег опустилась магическая темнота, трещал костер, во все стороны летели искры. Джеральд знал, что он попал в уникальное место, и старался впитать в себя всю красоту волшебного озера.

«Над горами поднялась луна и превратила лилии в серебро. Только там, где на них падали дрожащие отсветы костра, они вспыхивали розовым пламенем. По светлому морю бежали легкие волночки и, коснувшись берега, с облегчением вздыхали. На деревьях начинали ухать совы, а в густой тени зажигались и гасли нефритовые огоньки светлячков.

Зевая и потягиваясь, мы перетащили наконец свои вещи в лодки, добрались на веслах до устья залива и, ожидая, пока Лесли заведет мотор, оглянулись на Антиниотиссу. Лилии сияли, как снежное поле под луной, а темный задник из олив был усеян смутными огнями светлячков. Костер, затоптанный нами перед отъездом, светился гранатовым пятном у края покрытой цветами дюны».

В конце 1937 года мама, Марго, Лесли и Джеральд перебрались в новый дом. Третье жилище семьи было меньше и симпатичнее громадной, гулкой виллы в Кондокали. Это был элегантный особняк в георгианском стиле, построенный в 1824 году в деревушке Кризеда. В то время островом правили англичане, и в этом доме жил губернатор британского протектората Ионических островов. Новый дом стоял на холме, неподалеку от землянично-розового дома. Его назвали Белоснежным домом. Широкая, заплетенная виноградом веранда выходила в маленький, запущенный садик, осененный огромной магнолией. По краю садика росли традиционные оливы и кипарисы. Лоуренс и Нэнси иногда приезжали погостить на несколько дней, когда им становилось скучно в Калами. Лоуренс писал: «Порой даже рай наскучивает. Хочется немного ада. К тому же это полезно для моей работы — общение с семьей не позволяет моему мозгу застаиваться. Джерри любой дом превратит в настоящий ад».

С задней стороны дома открывался восхитительный вид на холмы и долины, поля и оливковые рощи. Для Джеральда это был прекрасный мир — мир, обещавший бесконечные вылазки на природу и знакомство с различными созданиями, большими и малыми — от гигантских жаб и

птенцов сороки до гекконов и богомолов. Парадным входом вилла была обращена к морю и длинной, мелкой заводи, почти полностью отделенной от моря. Заводь называлась озером Хакьяопуло. У ее дальнего конца располагалась полоса прорезанных каналами полей, которую Джерри прозвал Шахматными полями. Когда-то венецианцы прорыли сеть ирригационных каналов, чтобы спустить соленую воду из заводи в соляные чаны. Теперь же эти каналы стали настоящим раем для морской живности и для гнездования морских птиц. Со стороны моря лабиринт каналов окружали песчаные берега, где любили жить птицы — бекасы, пегие кулики, чернозобики и крачки. А в песке на отмели всегда можно было найти устриц, сердцевидок и наловить креветок. Со стороны же острова каждый квадратик земли был тщательно обработан и засажен виноградом, инжиром, кукурузой, дынями и овощами. Это были охотничьи угодья Джерри. Здесь он мог раздобыть для себя и морскую птицу, и водяную змею, и черепашку-террапина. Здесь Джеральд пытался поймать большую, очень старую черепаху, которую он назвал Старым Шлепом, здесь он раздобыл своего любимца — морскую чайку Алеко, Лоуренс называл его «чертовым альбатросом». Алеко ему подарил арестант, осужденный за убийство своей жены. Этого арестанта отпустили из местной тюрьмы, чтобы он мог провести выходные дома.

Корфу стал для Джеральда подлинной сельской Аркадией. В те времена там не было аэропорта, не было широких, оживленных дорог у подножия холмов, не было отелей и мини-маркетов, почта не было машин. На Мышином острове в келье жил монах-отшельник, а рядом с его кельей стояло несколько рыбацких хижин (теперь разрушенных). Иногда Джерри и Марго отправлялись на пляж у подножия холма и переплывали на Мышиный остров. Здесь Джерри разыскивал для себя интересных животных, а Марго загорала в своем весьма откровенном купальнике. Старый монах спускался и, потрясая кулаками, вопил симпатичной англичанке: «Ты белая ведьма!» Склонность европейцев к загоранию в почти обнаженном виде шокировала благочестивых греков.

Вскоре после тринадцатого дня рождения Джерри греческая идиллия была нарушена. Тео Стефанидес, друг и учитель Джеральда, собрался покинуть Корфу, чтобы приступить к работе в противомалярийном союзе, организованном на Кипре фондом Рокфеллера. Его отъезд ознаменовал завершение утопического существования семьи Даррелов.

Лесли зачастил в ближайшую деревушку. Он целыми днями пьянствовал с крестьянами, как только представлялась такая возможность. Ларри и Нэнси занимались ремонтом своего дома в Калами, но этого им было явно мало. Молодожены, оставшиеся наедине друг с другом в заброшенной северной деревушке, постоянно ссорились, порой весьма серьезно. Летом 1936 года Нэнси забеременела. Тео помог ей сделать аборт, и это событие сказалось на моральном климате семьи далеко не лучшим образом. Мама, узнав об этом, пришла в ужас. Семейное единство начинало рушиться. Лоуренса уединенность и заброшенность его островного рая начинала тяготить. Когда на Корфу по его приглашению приехали две молоденькие балерины, он спал на пляже с ними обеими, посоветовав Нэнси пойти спать в другое место. «Он устал быть женатым человеком, — с горечью вспоминала Нэнси, — и поэтому он всячески пытался оттолкнуть меня. Он постоянно унижал меня и порой очень жестоко». В конце концов, Лоуренс решил перебраться в Париж и Лондон, оставив на время греческий рай. Марго к тому времени исполнилось двадцать лет, она тоже решила найти свой путь в реальном мире, для чего было необходимо вернуться в Лондон.

И для Джеральда период детской невинности тоже закончился. У него появились новые интересы, и интересы эти вступали в конфликт с безграничной любовью к животному миру. Время от времени Джерри играл в «отцы-матери» с маленькими девочками — вполне естественное занятие для подрастающего мальчика. Став взрослым, Джеральд говорил своему другу: «Прежде чем ты успевал понять, что происходит, панталоны уже снимались и все происходило само собой».

Хотя остальные члены семьи Даррелов не имели ничего против бесцельного существования на райском острове, атмосфера вокруг Корфу сгущалась. В Европе замаячил призрак войны. На севере гитлеровская Германия готовилась начать Вторую мировую войну. На юге Муссолини пытался установить итальянское господство над Албанией и начинал предъявлять территориальные претензии к Греции. Корфу также относился к сфере итальянских интересов.

Лоуренс и Лесли готовились защищать остров от итальянцев, но события развернулись иначе. В апреле 1939 года Мэри Стефанидес и ее дочь Алексия уехали с Корфу и переселились в Англию. Джеральд сожалел об отъезде своей верной маленькой подружки. Война в Европе казалась все более неизбежной. Луиза стала подумывать, что неразумно оставаться на греческом острове. В книге «Моя семья и другие звери» Джеральд утверждает, что к переезду семью подтолкнуло беспокойство мамы относительно его образования. Мальчику уже исполнилось четырнадцать, и он, по воспоминаниям

Мэри Стефанидес, был «очень независимым и не терпел контроля со стороны взрослых. Лоуренс пытался время от времени стать для него отцом, но им редко доводилось жить в одном доме, да и к тому же Ларри был чересчур снисходителен к младшему брату. А мамой Джеральд вертел, как хотел. Только Теодор мог хоть как-то его контролировать, да и то это длилось не больше недели. Поэтому, даже если бы в 1939 году не началась война, дни на Корфу для Джеральда Даррелла были сочтены».

Окончательно к решению покинуть Корфу маму подтолкнул ее английский банк. Маме сообщили, что в случае войны ее средства станут недоступны и тогда вся семья останется в Греции без средств к существованию. В июне 1939 года Луиза покинула Корфу вместе с Джеральдом, Лесли и тридцатилетней греческой служанкой Марией Кондос.

«Когда пароход вышел в открытое море и остров Корфу растворился в мерцающем жемчужном мареве, — писал Джеральд об окончательном расставании с Грецией, — на нас навалилась черная тоска и не отпускала до самой Англии». Из Бриндизи семейство Даррелов, состоявшее из четырех людей, трех собак, двух жаб, двух черепах, шести канареек, четырех щеглов, двух зеленушек, коноплянки, двух сорок, чайки, голубя и совы, двинулось на север к Швейцарии.

«На швейцарской границе в вагон вошел ужасающе вышколенный чиновник и проверил наши паспорта. Он возвратил их маме вместе с небольшим листком бумаги, без улыбки поклонился и оставил нас с нашей тоской. Чуть позднее мама взглянула на заполненный чиновником бланк и застыла на месте.

— Вы только посмотрите, что он тут написал, — сказала она с возмущением. — Какой наглец!

На маленькой карточке в графе «Описание пассажиров» аккуратным крупным почерком было выведено: «Передвижной цирк и штат служащих».

Теперь на Корфу оставались только Лоуренс и Нэнси. Они продолжали жить в белом домике возле Калами вплоть до осени. Когда немцы вошли в Чехословакию, а итальянцы оккупировали Албанию, расположенную всего в нескольких милях от острова, покинули Грецию и последние члены семьи Даррелов. Но это было не последнее явление Даррелов на Корфу. Однажды Марго решила, что Корфу — это ее настоящий дом, где живут все ее друзья. И она вернулась на остров. Она поселилась в крестьянском доме рядом с семейством Кондос в Пераме. Марго спала в одной постели со своими подружками Катериной и Рене, мылась в маленькой бочке во дворе и рассчитывала пересидеть войну на любимом острове, притворившись крестьянской девушкой.

Лоуренс и Нэнси уехали чуть позже. Будущее их тревожило. Близость войны становилась все более очевидной. Северная часть острова находилась так близко от театра военных действий, что приходилось решать — либо уезжать, либо быть захваченными вместе с островом. Марго получила таинственное послание от Спиро: «Дорогая мисси Марго, сообщаю вам, что война объявлена. Никому ни слова!» Лоуренс вспоминал день объявления войны со страданием. «Мы стояли на балконе и смотрели на море, — писал он своей подруге Анне Ридлер в октябре 1939 года. — Казалось, мир погибает... Это был самый печальный период моей жизни...»

Были мобилизованы все, кто мог держать в руках оружие, и все лошади. Столицу Корфу наполнили толпы людей, пытавшихся покинуть остров. На лодках, с которых разгружали оружие и муку, пылали огромные нефтяные факелы. В Калами плакали деревенские дети. Критская пехота маршировала вокруг города. «Пахли солдаты ужасно, но моральный дух был как никогда высок». Местное командование планировало разместить минометы возле белого дома и минировать проливы. Затем всех мужчин из деревни отправили в глубь острова в секретный лагерь. Забрали всех, включая Анастасиу, «нашего обходительного, красивого, обаятельного хозяина, слишком женственного и истеричного, чтобы брать в руки оружие». В деревне остались одни женщины, рыдавшие у колодцев, и малолетние дети. «Мне не с кем было попрощаться, кроме самого острова, — вспоминал Лоуренс. — У меня душа болела за всех».

Лоуренс и Нэнси приготовились к отъезду, сожгли рукописи и рисунки, упаковали несколько книг, которые могли нести в руках. Маленький черно-коричневый «Ван Норден» остался на острове. В доме остались и картины Нэнси — «ленивые, красивые портреты наших деревенских друзей». Они висели на каждой стене. Хмурым осенним днем над Корфу сгустились тучи, пришедшие со стороны Албании. Моросил мелкий дождик, море волновалось. Лоуренс и Нэнси сели на маленький пароходик и покинули остров. «Я отлично все помню, — писал Лоуренс. — Мои сожаления были так глубоки, что я не смог справиться с эмоциями... Мы никогда не говорили о бегстве с Корфу».

На острове осталась одна Марго. Перед отъездом Лоуренс пытался уговорить сестру поехать с ними, но она осталась непреклонна. Тогда он посоветовал ей в экстренном случае спускать на воду «Ван Норден» и Эгейским морем добираться до Афин — совет довольно странный, если учесть, что Марго никогда в жизни не управляла лодкой. Но она смотрела в будущее с оптимизмом: «Я была молода, а когда ты молод, то ничего не боишься». Марго перебралась в город, чтобы узнавать новости и читать военные бюллетени, которые вывешивали на центральной площади. Здесь за чашкой кофе или чая со льдом она иногда встречалась с летчиками морской авиации, все еще летавшими по маршруту Великобритания — Карачи. Летчики пытались убедить Марго в том, что пересидеть войну в холмах Корфу не удастся, и советовали ей покинуть остров, пока он еще не захвачен и имеет связь с внешним миром. Марго особенно подружилась с молодым авиационным инженером, которого звали Джек Бриз. Именно ему удалось убедить Марго уехать. Он помог ей выбраться с острова. Сразу же после Рождества Марго улетела с Корфу на одном из последних английских самолетов. Она рассталась с островом своей юности навсегда.

В октябре 1940 года итальянские войска вошли в Грецию, а на следующий год оккупировали Корфу. Белый дом в Калами был разрушен, а лодка Ларри затонула. Под холмом, на котором стоял землянично-розовый дом, где Джерри впервые погрузился в мир живой природы, итальянцы устроили палаточный лагерь. Здесь целыми днями маршировали и стреляли. Позже на острове появились немцы. Они уничтожили Шахматные поля, где когда-то Джерри охотился за Большим Шлепом. Город разбомбили. Погибли родители Тео Стефанидеса, наставник Джеральда Краевски, его больная мать и все птицы. Какая судьба постигла великий труд Джеральда о флоре и фауне мира, осталось неизвестным.

Семья Даррелов покинула свой Эдем и очутилась в мире, разрываемом войной. Единственным, что они увезли со своего райского острова, были несколько фотографий и воспоминания о волшебной жизни, которые продолжали жить в их памяти так же ярко и живо, как греческое солнце.

Жизнь на Корфу оказала огромное влияние на Джеральда и во многом определила его дальнейший жизненный путь. Но на острове его окружали только любовь и радость, счастье и мир. В результате он оказался совершенно не приспособленным к реальной жизни, постоянно стремившейся поставить его на колени.

Оглядываясь назад, вспоминая волшебный сад, магический островок в жестоком мире, Лоуренс много лет спустя писал: «На Корфу нам удалось восстановить индийский период нашей жизни, который мы все пропустили. Остров позволил нам немного пожить простой, открытой жизнью, подставить свои тела теплым лучам солнца. Без Корфу Джерри бы никогда не смог стать таким, каким он стал. Ему бы никогда не сделать того, что он сделал... Мне кажется, я родился на Корфу. Это было подлинное благословение между двумя войнами, и назвать его можно было только одним словом — рай».

ГЛАВА ПЯТАЯ
ДЖЕРАЛЬД В ГОДЫ ВОЙНЫ: АНГЛИЯ 1939-1945

Мама, Лесли и Джеральд вернулись в Англию накануне объявления войны — 3 сентября 1939 года. После высадки собаки были помещены в карантин, а все остальные животные, которых Джеральд вывез с Корфу, а также мармозетка и сороки, добавившиеся к домашнему зоопарку уже в Англии, разместились на верхнем этаже лондонского дома, снятого мамой на время поисков более подходящего жилища. Затем семейство Даррелов перебралось в квартиру на Кенсингтон Хай-стрит. Маме хотелось вернуться в Борнмут, с которым ее многое связывало. Пока она разъезжала повсюду в поисках дома, Джеральд, впервые надевший длинные брюки, исследовал столицу. «Лондон показался мне в то время очень увлекательным местом, — вспоминал он. — Самым крупным городом, который я до этого видел, была столица Корфу, своими размерами не превышавшая самого крохотного провинциального английского городишка. В бурлящем, огромном Лондоне я обнаружил массу интересного».

Иногда Джеральд отправлялся в ближайший кинотеатр и погружался в иллюзорный мир приключений и страстей, открывавшийся перед ним на белом экране. Любовь к кино он сохранил на всю жизнь. В другие дни он отправлялся в музей естественной истории или в зоопарк. Эти походы только укрепили мальчика в мысли о том, что его истинное призвание — это работа в зоопарке.

В то время Лондон жил довольно спокойно — без ночных налетов, без бомбоубежищ и воздушных тревог. Джеральд нашел себе первую работу. Он стал помощником хозяина зоомагазина

«Аквариум», располагавшегося неподалеку от дома, где жила семья. Магазин был отлично оборудован. Вдоль стен тянулись ряды огромных аквариумов, где жили яркие тропические рыбки, в стеклянных банках копошились ужи, змеи, большие зеленые ящерицы, черепахи, тритоны с гофрированными хвостами и огромные лягушки с выпученными глазами. В обязанности Джеральда входило кормление животных и уборка их клеток и аквариумов. Очень скоро стало ясно, что юноша знает о потребностях обитателей магазина куда больше, чем сам хозяин. Познания мальчика и его умение инстинктивно понять, что нужно для благополучия животных, поражали владельца магазина.

Джеральд слегка изменил питание животных, чего хозяин магазина никогда не делал. Мальчик отказывался от собственного обеда, чтобы собрать мокриц в Кенсингтонском парке для рептилий и амфибий, которых владелец магазина кормил одними мучными червями. Он запустил водяных блох в аквариумы, чтобы немного разнообразить кормежку рыбок. Затем Джеральд занялся устройством клеток. Он бросил немного влажного мха в корзину, где жили большие леопардовые лягушки, чтобы те могли укрыться от палящих лучей лампы, постоянно освещавшей их жилище. Джеральд смазал их воспаленные лапки оливковым маслом и промыл им слезящиеся глаза. Но вот права украсить большой аквариум, расположившийся в центральной витрине магазина, он добиться никак не мог. В этом аквариуме жили восхитительные, яркие рыбки, но в остальном он напоминал подводную пустыню.

«Я трудился над большим аквариумом с настойчивостью, достойной подражания. Я возвел покатые песчаные дюны и высокие, красивые скалы из гранита. Затем между гранитными скалами я устроил небольшие долины и насадил там леса из валлиснерии и других, более деликатных водяных растений. По поверхности воды я пустил мелкие белые цветочки, которые напоминали водяные лилии. Закончив работу, я запустил в аквариум блестящих черных моллинезий, серебристых топориков, блестящих, как площадь Пиккадилли, неонов и отступил, чтобы полюбоваться творением рук своих. Собственные способности внушили мне уважение».

Произвел впечатление большой аквариум и на владельца магазина. «Восхитительно! Великолепно! — восклицал он. — Просто великолепно!» Скоро Джеральду стали поручать и более ответственные задания. Периодически он отправлялся в Ист-Энд за рептилиями, амфибиями и змеями. «В мрачных, похожих на пещеры магазинчиках, расположившихся на узких улочках, — писал Джеральд, — мне открылся мир, где стояли большие ящики с ящерицами, корзины, полные черепашек, огромные аквариумы, где колыхались водоросли, между листьями которых шныряли тритоны, лягушки и саламандры... и контейнеры с игуанами, этими ярко-зелеными драконами из детских сказок». Во время одной из таких поездок у Джеральда выпало дно из коробки, в которой он вез 150 маленьких черепашек-террапинов. Черепашки разбежались по автобусу. Но с помощью бравого полковника с моноклем, ехавшего в том же автобусе, Джеральду удалось собрать всех беглянок. В первый момент он был близок к отчаянию — его профессиональная карьера рушилась на глазах. Но тут раздалось радостное восклицание. «Бог мой! — воскликнул полковник, — Расписной террапин! Chrysemis picta! Сто лет таких не видел! Вон там еще одна, под сиденьем. Хей-хо! Ба-бах!>>

К тому моменту, когда мама наконец нашла жилище, способное вместить всю семью, большинство из ее членов уже нашли свой путь в жизни. Лоуренс и Нэнси остались в Афинах. В апреле 1940 года там родилась их дочь Пенелопа. В начале того же года Лоуренс получил сообщение о том, что Марго наконец-то вышла замуж за своего летчика. Джека Бриза. Свадьба происходила в Борнмуте, а Лесли исполнял роль отца невесты. Вскоре Джека отправили в Южную Африку, и Маргарет последовала за ним. Все военные годы они провели в Африке, постепенно перемещаясь к северу — сначала в Мозамбик, затем в Эфиопию, а потом, как и Ларри, в Египет.

Когда немецкие войска перешли границу Греции и двинулись на юг к Афинам (а случилось это в апреле 1941 года), король и правительство покинули столицу и укрылись на Крите. Лоуренс и Нэнси последовали их примеру. Это было довольно опасное путешествие. Им удалось покинуть Пелопоннес на рыбацкой лодке за день до того, как в Афины вошли немцы. Шесть кошмарных недель Лоуренс с Нэнси провели на Крите под воздушными налетами немецкой авиации. Наконец им удалось с одним из последних пассажирских кораблей отплыть в Египет. Они высадились в Александрии за два дня до окончательного падения Греции. Лоуренс вскоре нашел себе работу — он стал сотрудником по иностранной прессе при британском посольстве в Каире — и пробыл в Египте до окончания войны. Однако в июле 1942 года, когда возникла прямая угроза захвата Египта немцами, Нэнси с маленькой Пенелопой перебрались в Палестину. Этот отъезд ознаменовал

крушение брака. Через год Лоуренс влюбился в девушку из Александрии, Еву Коэн, которая вскоре стала его второй женой.

Для мамы возвращение в Англию, сопровождавшееся всеми прелестями военного времени — затемнениями, противогазами, карточками, — стало еще одним крушением, которые следовали в ее жизни одно за другим с того самого момента, как она вышла замуж за своего обожаемого мужа в Индии, стране, которую она по праву считала родной. Но мама не роптала. Без малейшей жалобы она делала то, что и всегда, — готовила, убирала, помогала. Но после дешевой жизни в Греции возвращение в Англию существенно пошатнуло финансовое положение семьи. Наступили трудные времена. Большая часть денег, оставленных Луизе мужем, растаяла в сомнительных сделках, предпринятых мамой перед войной. А когда японцы захватили Бирму, деньги, вложенные в бирманскую нефтяную компанию, исчезли навсегда. Скромный образ жизни, который Даррелы вели в Борнмуте в годы войны, казался нормальным для их друзей и родственников, часто навещавших гостеприимную семью. Однако Лоуренс, все это время проведший за границей, был просто шокирован тем, что увидел, вернувшись домой.

Все это время Луиза продолжала ухаживать за оставшимися с ней сыновьями. старалась их повкуснее накормить, когда это было возможно.

К сожалению, возвращение в Англию не пошло на пользу Лесли. Он надеялся вступить в Королевские Военно-воздушные силы, где мог бы реализовать, свои детские мечты. Но ружейная стрельба, которой он так увлекался на Корфу, не пошла на пользу его слуху. Военно-медицинская комиссия постановила, что он не годен к военной службе. Расставшись с мечтой о карьере летчика, Лесли был вынужден в военные годы работать на местном авиационном заводе, выполняя самые разнообразные мелкие поручения.

Для Джеральда возвращение в Англию стало не просто переходом от одного образа жизни к другому. Он покинул залитый солнцем средиземноморский остров, где люди жили в полной гармонии с природой**,** и очутился на туманном острове посреди Северного моря, который был ему совершенно чужд. Он попал в пустоту. Все последующие годы он почти не писал об Англии. Ему просто нечего было о ней сказать. Шок от переезда был почти физически ощутимым. Потребовалось довольно много времени, пока Джеральд сумел приспособиться к новой климатической и культурной среде обитания.

Он не был больше мальчиком. Джеральд превратился в подростка, и превращение это сопровождалось свойственными периоду взросления проблемами. Он довольно много времени провел в Греции и усвоил манеры и облик греков. У него не было образования — совершенно никакого, и власти Великобритании вынуждены были это признать. Не то чтобы Джеральд не хотел учиться, но его возраст был таким, что он просто не мог получить нужного ему образования. А сдать требуемые экзамены было выше его сил.

Мама совершила последнюю попытку дать сыну образование. Она отправила его в небольшую школу в пригороде Борнмута в надежде, что Джеральд проявит интерес к учебе. Эта затея увенчалась успехом лишь частично. Директор школы решил проверить способности нового ученика и попросил его написать по памяти «Отче наш». Джеральд сумел вспомнить лишь шесть первых слов, а все остальные выдумал. Посещение биологической лаборатории казалось более перспективным — учитель как-то провел отпуск в Греции. Но даже там Джеральда оценили как «среднего ученика, хотя и со способностями». Неудивительно, что Джеральд не захотел больше идти ни в какую школу.

Считая, что ее дети лучше знают, что им нужно, мама нашла для Джеральда частного преподавателя. Гарольд Биннз был аккуратным, спокойным человеком с изуродованным шрапнелью лицом. Он писал книги об английской поэзии и страстно любил употреблять одеколон не но назначению. Во время уроков Гарольд частенько отлучался в туалет, чтобы приложиться к заветному пузырьку. Мистер Биннз обладал двумя замечательными умениями, которыми и поделился со своим учеником. Он научил Джеральда пользоваться британской библиотечной системой и открыл перед ним мир английского языка с его ассоциациями и ассонансами, нюансами и обертонами. Урок продолжался час, затем учитель брал с полки том стихов и предлагал Джеральду читать самостоятельно. В своих неопубликованных мемуарах, написанных в последние годы жизни, Джеральд так вспоминал о мистере Биннзе и о той любви, которую этот человек привил ему к музыке и магии родной речи.

«Он врывался в комнату, распространяя вокруг себя сильнейший аромат одеколона. «Итак, милый мальчик, — говорил он, закатывая глаза к небу и вздымая руки. — Настало время смести

паутину с мозгов, а? Бросай геометрию, это тебе все равно не по силам, и давай займемся Суинберном. Ты знаешь Суинберна? Думаю, у вас с ним есть кое-что общее... Ммм... Так, вот это сойдет для начала».

Он бросал книгу мне на колени и выбегал из комнаты, а за ним. словно шлейф невесты, распространялся запах его любимого одеколона.

Спустя некоторое время он снова врывался в комнату и спрашивал: «Он тебе понравился?»

«Я люблю поэзию, — отвечал я. — И мне нравятся аллитерации».

«Мне тоже, — пылко говорил он. — Это стихотворение воплощает в себе то, какой должна быть поэзия. Лишь немногим современным поэтам удается шептать на ухо, как морской раковине. По крайней мере. Суинберн вызывает в твоем воображении какие-то образы, пробуждает твой мозг роскошными словами...»

Эти уроки стали для Джеральда настоящим откровением и оказали на него влияние не меньшее, чем оказал на него когда-то Ларри. Мистер Биннз подтолкнул своего ученика к писательству.

Хотя новый учитель, как когда-то на Корфу Лоуренс, научил Джеральда любить родной язык, хорошего учителя биологии в Англии не нашлось. Джеральд обратился в местную библиотеку и стал продираться сквозь премудрости науки самостоятельно. В таком эклектичном обучении были свои преимущества — он научился смотреть на проблемы под совершенно неожиданным утлом зрения. Но у подобного подхода были и весьма сущест венные недостатки. В знаниях Джеральда оставались огромные пробелы. Он всегда это осознавал, особенно когда стал известным зоологом и ему пришлось выступать с лекциями о науке, которую он никогда формально не изучал. Значительно позже он признавался:

«Конечно, степень могла бы мне помочь — но помогла ли бы? Если подумать, то формальное образование могло бы уничтожить другую сторону моей натуры. Поскольку у меня не было степени, я не мог получить работу. Единственное, что мне оставалось, — это писать, чтобы заработать на жизнь. Идея получения степени развевается перед людьми, как флаг. Все считают, что степень необходима, но необходима она только нашему обществу. Сколько болванов в моей области знаний получили заветную бумажку, но остались способны лишь накапливать знания, как белки, и отрыгивать их на бумагу в нужный момент. Я проявляю свой комплекс неполноценности, не так ли?»

Недостаток формального образования Джеральд компенсировал необычайно развитым и изобретательным интеллектом. Детство, проведенное на Корфу под руководством Тео Стефанидеса, подарило ему глубокое понимание феномена природной жизни, овладение прикладной биологией, совершенно недоступной для студентов Соединенного Королевства. А старший брат научил его принципам художественной литературы лучше любого школьного учителя. Свой вклад в формирование личности Джеральда внесли и другие члены семьи, в особенности мама. «Мама поддерживала нас во всем, что бы мы ни затеяли, — вспоминал Джеральд. — Она всегда говорила: «Что ж, попытайся, дорогой!» А если нас ждала неудача — ничего страшного. Мне позволялось читать все, что угодно. На любой мой вопрос я получал совершенно честный ответ, если на него вообще был ответ. Я получил совершенно уникальное образование, я сталкивался с бесконечной эксцентричностью. Пожалуй, теперь ничто в человеке не может меня удивить».

Но знания Джеральда в других областях знаний были отрывочны и неопределенны. Он был самым необычным подростком в Британии на тот момент. Типичная жизнь подростка с подъемом, уроками, играми со сверстниками и выпускными экзаменами прошла мимо него. Начальное образование Джеральда было фрагментарным, среднее — нулевым, а шансов на получение высшего не существовало вовсе. Для подростка с такими странными наклонностями в военном Борнмуте оставался лишь один путь — идти на работу, неквалифицированную и низкооплачиваемую, пока он не достигнет призывного возраста и не сможет сложить голову на войне.

Единственная работа, которая привлекала Джеральда, заключалась в уходе за животными. Хотя звучит это не особенно интересно, но дни, проведенные в зоомагазине в обществе белых крыс, не были потрачены впустую. Джеральд научился обращаться с птицами и даже держал некоторых в своем саду. Самым крупным животным из тех, за которыми ему приходилось ухаживать, была небольшая косуля, подаренная Джеральду мальчиком, жившим в Ныо-Форесте, а затем переехавшим в Саутгемптон. Мальчик писал об олененке, маленьком домашнем зверьке, а когда животное прибыло, оказалось, что это раздражительный взрослый олень примерно четырех лет от роду, совсем не похожий на милого Бемби, которого воображал себе Джеральд. Потребовалось много усилий и

терпения, чтобы приручить Гортензию (так Джеральд назвал косулю). Ему нравилось почесывать ей за ушами. Но все же под давлением семьи Гортензию отправили на ближайшую ферму.

Во время войны несколько бомб упали на Борнмут. Одна из них попала в книжный магазин Коммина. Но все же Джеральд имел мало представления о войне и не особенно ею интересовался.

«Мы часто смотрели в сторону Саутгемптона, наслаждаясь красотой заката. На небе часто мелькали вспышки выстрелов и взрывов — но в целом война проходила мимо нас. Я имею в виду всех членов семьи. Мы слушали девятичасовые новости, радовались победе, я каждый день следил за продвижением наших войск... но из чисто эгоистических интересов. Мне хотелось, чтобы война поскорее кончилась и в нашей жизни появилось что-нибудь более интересное. Мне хотелось вернуться на Корфу и посмотреть, что немцы сделали с тамошними бабочками и пауками. Даже в эти дни я старался как можно больше времени проводить на улице, рискуя попасть под бомбежку в Ковентри или в каком-либо другом месте. Я помогал убирать урожай. Я ездил повсюду — теперь уже не на ослике, а на велосипеде, — разыскивая птичьи гнезда и животных, исследуя местную фауну с настойчивостью и терпением взрослого натуралиста. Я мог в любое время дня или ночи часами дожидаться, когда птица вернется в свое гнездо, чтобы определить ее вид. Точно так же я поступал и на Корфу. Дом для меня был всего лишь местом ночлега. Настоящий мой дом был снаружи. В двухстах ярдах от нашего дома стояло несколько деревьев, за которыми я присматривал, а за дорогой раскинулись поля для гольфа. Дальше начинала сельская местность. Настоящая деревня. Борнмут в те времена был захолустным городишком. С моей точки зрения, лучше него найти было невозможно — но все же это был не Корфу».

«Настоящая деревня» для Джеральда воплощалась в болотах Пербека, дикой чащобе Нью-Фореста, широком побережье, раскинувшемся вокруг Пул-Харбора. В своих походах Джеральд забирался все дальше и дальше. Как-то раз, наблюдая за птицами, он добрался до Корнуолла.

Англия казалась Джеральду чопорной и надутой после свободной, привольной жизни на средиземноморском острове. Особенно это касалось вопросов секса и отношений с девочками. Джеральд повзрослел на Корфу.

С помощью местной крестьянской девчонки он познал секс — по крайней мере, прелюдию к сексу. Ему были незнакомы страдания и ощущение вины, так мучившие его английских сверстников. На Корфу секс был чистым и и естественным — любовь среди олив и миртов, хихиканье и сплетение тел.

На Корфу все учителя рассказывали мальчику о сексе, не была эта тема запретной и в доме. В Англии же царила сдержанность и замкнутость. «Я никак не мог понять, почему в Англии мальчики моего возраста считают секс грязным и никогда о нем не говорят, — вспоминал Джеральд. — От своих подружек в Борнмуте я скоро узнал, что с ними нельзя обращаться как с приятелями, иначе они сочтут меня бессовестным и порочным. В некотором смущении я был вынужден вести целомудренный образ жизни, время от времени получая поцелуй в лоб. Я перенесся из мира Рабле к Вильяму Моррису».

Джеральд был симпатичным молодым человеком, с привлекательным, открытым лицом и подкупающими манерами. Его внешность, однако, чуть не сыграла с ним злую шутку, когда была изнасилована, задушена и изуродована местная девушка. Ее тело нашли под азалиями на одном из местных курортов. Газета «Борнмутское эхо» писала, что полиция разыскивает высокого, привлекательного молодого человека с голубыми глазами и хорошими манерами — вылитый Джеральд. Мама, конечно, немедленно заметила угрозу своему любимому сыну.

«Ты не должен выходить, дорогой, — предостерегла она Джеральда. — Тебя могут арестовать за убийство. Оставайся дома. Ты же знаешь этих полицейских. Если они тебя арестуют, то не успокоятся, пока не повесят. А повешение — это не повод для шуток».

Через день-другой детективы действительно позвонили в резиденцию Даррелов, чтобы вызвать молодого натуралиста на допрос. Ответы Джеральда вполне их удовлетворили, и его отпустили, не сняв даже отпечатков пальцев. Когда он вернулся, к нему тут же подбежала мама.

«Что ты им сказал, дорогой? — спросила она. — Это очень важно, чтобы мы говорили одно и то же в суде».

В то время Джеральд выглядел несколько женственно. Но он прилагал героические усилия, чтобы избавиться от этого обаяния, отчасти из-за того, что он почувствовал внимание со стороны гомосексуалистов. Порой это доставляло ему неудобство и совершенно не нравилось, так как он был абсолютно гетеросексуален. «В те дни я смазывал свои светлые волосы вазелином, — вспоминал

Джеральд, надеясь, что они мужественно потемнеют. И тогда я смог бы очаровать всех женщин, которые считали меня слишком слабым и милым. Я не понимал, что таким образом превращаю свои длинные локоны в некое подобие мокрых и скользких угрей. Только самая добрая и уродливая девочка могла бы согласиться выйти со мной в таком виде».

Этот период жизни продлился недолго. Очень скоро Джеральд научился пробуждать в женщинах интерес к себе. «Я всегда умел привлекать женщин, — говорил он, — но, надеюсь, никогда не пользовался этим — разумеется, за исключением тех случаев, когда хотел их соблазнить». Джеральд признавался, что был опытным соблазнителем, хотя ему никогда не был свойственен цинизм и жестокость. «Я относился к женщинам по-человечески, что было роковой ошибкой». В те дни сексуальная карьера Джеральда развивалась не слишком успешно: «Я должен признать, что в возрасте шестнадцати лет я все еще придерживался мнения, что нужно брать девушек на мушку, и это было ошибкой».

Джеральд не просто ценил физическую красоту. Он любил и уважал женщин. В отличие от большинства своих ровесников, он не ходил в школу, много вращался в женском обществе и дома, и вне его. Он всегда предпочитал женское общество, хотя общество животных доставляло ему еще большее удовольствие. Джеральд мог восхищаться, даже обожать представительниц противоположного пола, но головы из-за них он никогда не терял. Он всегда помнил о том, что женщины ничем не отличаются от остальной части человечества. Инцидент, произошедший незадолго до окончания войны, подтвердил справедливость подобной точки зрения.

«Темные волосы, большие блестящие глаза, похожие на спелые каштаны, лицо, аккуратно поддерживаемое костной структурой, прелестное, как коралловый риф. Ротик влажный, большой и мягкий, очаровательный ротик. Тело гибкое, как молодая березка. Коричневые ладони, похожие на морскую звезду. Когда она говорила, то поднимала их, как дирижер, управляющий большим оркестром. Это была девушка, которая не только навеки западала вам в душу и сердце. Она заставляла вас останавливаться и прислушиваться к звуку ее голоса и к чарующим словам, ею произнесенным. Ее восхитительная головка была посажена на стройную, длинную шейку, как у Нефертити. Я хотел познакомиться с ней, привести ее в тайный сад, где благоухали ночной жасмин, мандарины и тропические цветы, которые попытались бы соперничать с ней в красоте, но смогли бы лишь оттенить ее. Она была для меня настоящим садом Эдема, где Адам пожертвовал своим пупком. Ради нее я готов был пожертвовать гораздо большим. Официант принес счет, и я расплатился. Проходя мимо ее столика, я услышал, как это неземное создание кричит так громко и пронзительно, что от ее голоса могла бы расколоться устричная раковина: «Ты, мерзкий, глупый ублюдок! Понять не могу, почему я вышла за тебя! Твои яйца словно сварены вкрутую, и толку от них не больше!» С тех пор я никогда не относился к женщинам с таким трепетом, как раньше».

В молодости обаяние Джеральда было настолько неотразимым, что его считали похитителем женских сердец. Став старше, он приобрел привычку флиртовать со всеми женщинами, находящимися поблизости, и обзавелся репутацией дамского угодника. В старости он рассказывал столько удивительных историй о своих любовных приключениях, что складывалось впечатление, что его молодость являла собой одну непрерывную оргию. Разумеется, Джеральд несколько преувеличивал свои сексуальные склонности. «Он не был излишне сексуальным мужчиной, — вспоминала Маргарет. — Я имею в виду, что я не считала его очень сексуальным мужчиной.

Ему было далеко до Ларри. Хотя он часто говорил о своей сексуальности, все его проделки были лишь невинным флиртом. Я бы сказала, что Джерри был более ориентирован на мать, чем на секс. Секс был для него мечтой, а не призванием. Ему просто не нравилось быть в одиночестве. Он всегда любил, когда рядом с ним была женщина, пусть даже она мешалась на кухне». В старости Джеральд подтвердил слова старшей сестры: «Секс меня не слишком занимал, поскольку у меня было много других увлечений... Если ничего не выходило, я не комплексовал».

Помимо других увлечений Джеральд активно занимался самообразованием. Он гораздо больше времени проводил за книгами, чем с девушками. Книги открывали перед ним новый мир, мир безграничных знаний и разнообразия, мир, будивший его воображение, мир настоящей науки и строгих фактов. Джеральд постоянно работал в местной библиотеке, а когда мог себе это позволить, покупал книги в ближайшем книжном магазине. Позднее он говорил: «Я считаю книги сутью жизни. Возможность быть окруженным книгами, читать и перечитывать их позволяет человеку укрыться под панцирем знаний, а затем путешествовать по жизни, подобно черепахе, таща библиотеку на спине. Книги окружают человека подобно материнской утробе».

Порой Джеральд любил вспоминать, какие книги он прочел в молодости. Тогда он читал все,

что попадалось под руку, — от детской классики до викторианских приключенческих романов для мальчиков, от классических произведений Шекспира и Рабле, от Библии и «Очерков Илии» Лэмба до романов Редьярда Киплинга и Д. Г. Лоуренса. Увлекали Джеральда книги известных юмористов — Эдварда Лира, Джерома К. Джерома, П. Г. Вудхауза, Джеймса Тербера и Патрика Кэмпбелла. Он не покладая рук продирался через многочисленные тома двух знаменитых энциклопедий — «Ларусса» и «Британники». В области естественной истории его интересы были более разнообразны. Его привлекала и классика — Чарлз Дарвин, Альфред Уоллес, Генри Бэйтс, Анри Фабр, Джилберт Уайт, Ричард Джеффрис, В. Г. Хадсон, — и более современные работы, включая произведения Джулиана Хаксли и Г. Уэллса, в том числе его биологический обзор «Наука жизни».

Во многом Джеральд Даррелл обязан отсутствию формального образования. Он получил возможность развивать свой живой, оригинальный ум самостоятельно, не сковывая себя никакими рамками, увлекаясь тем, что его интересовало, и не обращая внимания на скучное и ненужное. Он открывал для себя новые пути и продвигался к прогрессу своей дорогой, не подстраиваясь под ограничения, свойственные официальному образованию. Джеральд проверил свой подход к образованию на себе: «Я считаю, что рутина современной образовательной системы убивает в ребенке воображение. Я учился так, что мое воображение развивалось и расцветало. Оно открыло мне многое из того, чему невозможно научиться в школе, сделало из меня настоящего натуралиста и писателя. Мое эксцентричное окружение оказало мне огромную услугу».

Именно отсутствие заранее запрограммированного образования заставило Джеральда очень рано задуматься над уменьшением популяции животных (он был совершенно потрясен практически полным исчезновением черноногих хорьков в прериях Северной Америки). Джеральд еще в детстве стал составлять собственную «неполную и любительскую» Красную книгу исчезающих видов животных — одним из первых в Соединенном Королевстве. Если бы он отправился в университет изучать зоологию, то вышел бы оттуда с точным знанием сравнительной анатомии и линиеевским определением видов, но сомнительно, чтобы его имя стало известно во всем мире.

Итак, детство Джеральда осталось позади. В конце 1942 года, когда маятник войны качнулся в сторону союзных войск — хотя впереди еще были годы кровопролитных сражении, — Джеральд получил повестку. Ему было почти восемнадцать лет, и он отправился на медицинскую комиссию в Саутгемптон. Сначала его и пришедших с ним юношей выстроили — «как скот на бойне» — и приказали раздеваться. Затем каждому из них дали по баночке и велели помочиться. Перед осмотром Джеральд выпил несколько пинт пива, чтобы наполнить мочевой пузырь, но, к сожалению, перестарался. Баночка переполнилась, а остановиться он не мог. «Эй, ты! — закричал врач. — Немедленно выплесни все. Надеюсь, у тебя нет инфекционных заболеваний». В своих неопубликованных мемуарах Джеральд так вспоминал это событие в своей жизни.

«Следующим оказался маленький, толстенький доктор, более всего поминавший гнома, которых так любят устанавливать в саду под деревьями. Он заглянул мне в рот, потом в уши, а затем приставил жирный палец к кончику моего носа.

— Следуй за моим пальцем, — сказал он и стал отодвигать пален в сторону. Я пошел за его пальцем, недоумевая, каким образом такой нехитрый трюк может рассказать о состоянии моего организма.

— Я не говорил тебе идти за моим пальцем, — взорвался доктор.

— Но вы только что мне так сказали, — в смущении возразил я.

— Я не говорил, следуй за моим пальцем, я сказал, следуй за моим пальцем, — с раздражением проговорил врач.

— Я так и сделал, — настаивал я.

— Я не имел в виду, что ты должен последовать за моим пальцем всем телом.

Тут уже я начал сомневаться в умственной полноценности толстого медика.

— Я не могу следовать за вашим пальцем без участия тела, — терпеливо объяснил я.

— Мне не нужно твое тело, — заорал врач. — Мне нужны только твои глаза!

Я начал прикидывать, из какого сумасшедшего дома выпустили этого типа и не следует ли рассказать другим врачам о его поведении. Но все же я решил быть терпеливым и спокойным.

— Но вы же не можете получить мои глаза без тела, — объяснил я врачу. — Глаза находятся в теле, поэтому, если они последуют за вашим пальцем, то и тело двинется туда же.

Лицо доктора своим цветом стало напоминать старую кирпичную стену.

— Ты идиот? — спросил он, закипая.

— Не думаю, сэр, — успокаивающе ответил я. — Я просто не понимаю, как я могу

последовать за вашим пальцем глазами без тела.

— Мне не нужны твои чертовы глаза, — закричал он. — Я хочу, чтобы ты последовал за моим пальцем! Только и всего!

— Но я так и сделал, сэр, а вы рассердились.

— Следуй за моим пальцем глазами, идиот несчастный, — возопил врач. — Твоими чертовыми глазами!

— Я понимаю, сэр, — ответил я, хотя, по правде говоря, ничего не понимал.

После этого я перешел к следующему представителю медицинской профессии, мрачному мужчине с сальными волосами, более всего напоминавшему метрдотеля-неудачника на грани самоубийства. Он внимательно осмотрел меня от носа до кормы, бормоча что-то себе под нос, как несчастный медведь, сосущий лапу. Доктор распространял вокруг себя аромат корицы, а его большие фиалковые глаза показались мне очень красивыми.

— А теперь, — сказал он, — я хочу, чтобы ты посмотрел на свой нос, для чего мы опустим шторы и окажемся в полной темноте.

«Еще один сумасшедший», — подумал я. — Не кажется ли вам, сэр, что лучше будет проделать это при свете? — осведомился я.

— Нет, нет, обязательно в темноте, — объяснил доктор, — потому что мне нужно будет кое-что засунуть тебе в рот.

— Что же именно? — поинтересовался я, решив отстаивать свою честь до последней капли крови.

— Лампочку, — ответил он. — Это совершенно не больно, честное слово. Шторы были опущены, в мой рот был засунут небольшой фонарик, и доктор принялся осматривать мое горло.

— Черт, — пробормотал он. — Батарейки сели.

Он вытащил фонарик, который сиял, как небольшой костерчик.

— Смешно, — сказал он и снова засунул фонарик мне в рот. — Что ты засунул себе в нос?

— Ничего, сэр, — искренне ответил я.

— Тогда почему же я не вижу света? Я не вижу света, — проворчал он. — Я должен увидеть твои пазухи, но я ничего не вижу.

— У меня с детства заложен нос, — объяснил я, — и никакие средства не помогают.

— Господи! — поразился доктор. — Ты должен обратиться к специалисту. Я не могу взять на себя такую ответственность. Твои пазухи выглядят, как... как... как Черная Дыра Калькутты!»

Джеральда отправили к доктору Маджилликадди, квалифицированному отоларингологу, который не занимался никакими глупостями.

«Сидя за огромным столом, он внимательно прочитал мою историю болезни, время от времени сурово посматривая на меня бледно-голубыми глазами.

— Подойди сюда, — ворчливо произнес он. В его речи сильно чувствовался шотландский акцент.

Доктор снова засунул фонарик в мой рот. Какое-то время он молчал. потом издал глубокий, прочувствованный вздох.

— Господи боже мой, — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного. У тебя там темно, как в Эдинбургском замке. Если кто-нибудь захочет вычистить эти пещеры, им придется вызывать экскаватор!

Он вернулся к столу, сел, сцепил пальцы и посмотрел на меня.

— Скажи мне честно, парень, — сказал он, — ты не хочешь идти в армию, флот или в авиацию, не так ли?

В этот момент я понял, что спасти меня может только правда.

— Нет, сэр, — ответил я.

— Ты трус?

— Да, сэр, — без запинки отрапортовал я.

— Я тоже, — кивнул он. — Но я не думаю, что им пригодится трус, у которого нос похож на ущелье Чеддер. Убирайся, парень.

— Спасибо, сэр, — ответил я и направился к двери. В дверях я услышал прощальное напутствие доктора:

— И не стоит себя недооценивать — чтобы признать себя трусом, требуется немалая храбрость. Удачи, парень!»

Вскоре Джеральд получил извещение о том, что он не годен к военной службе, но может послужить родине иначе. У него было два варианта. Он мог пойти работать на фабрику, производящую амуницию, или работать на земле. Естественно, Джеральд выбрал работу на земле. «Это означает какую-нибудь ферму?» — поинтересовался он у клерка в Трудовом отделе. В его воображении уже возникла ферма с овцами и коровами, с огромными полями, засаженными капустой и кукурузой. «Естественно, — фыркнул клерк. — Меня это не интересует. Там вечно воняет какой-то гадостью!»

Итак, Джеральд оседлал свой велосипед и отправился на поиски идеальной фермы. Ему повезло. Он нашел школу верховой езды к северу от Борнмута, где держали нескольких коров. Мистер Браун, владелец школы, был маленьким, кругленьким, краснолицым мужичком, с дрожащим голосом. Он жил со своей матерью и никогда не надевал ничего, кроме жокейского костюма. Этому лилипуту Джеральд должен был показаться настоящим великаном. Джеральду предстояло убираться в конюшне и ухаживать за двадцатью двумя лошадьми и устраивать примерно шесть верховых прогулок в день. Мистер же Браун в благодарность должен был сообщить властям, что Джеральд работает на ферме. Этим Джеральд Даррелл и занимался до конца войны, совмещая верховые прогулки с английскими дамами с уроками верховой езды для американских пехотинцев, с детства мечтавших стать ковбоями.

Вспоминая это бесцельное, но идиллическое времяпрепровождение, Джеральд испытывал определенную ностальгию с примесью романтической мифомании. Он вспоминал очаровательных женщин, приезжавших на ферму, чтобы научиться верховой езде. Тут дело было не в его собственной привлекательности и не в искусстве обольщения. Романтическая обстановка, уединенность и волшебство окрестных лесов содействовали любовным увлечениям. Это было, как романы на корабле. Любовные приключения свершались сами собой — настолько далеки они были от повседневной жизни, от обязанностей дома и семьи (по крайней мере, так казалось в те несколько часов, что они проводили вместе). Наиболее продолжительным оказался роман с Джин Мартин, очаровательной простушкой, работавшей в конюшнях Брауна. Но Джеральд проявил себя настоящим рыцарем. Он ни разу даже не поцеловал Джин, ограничившись клятвой в вечной любви.

Вскоре Джеральд завел собственную лошадь и назвал ее Румба. В свободное время он уезжал на ней в тихие и пустынные сосновые леса. Джеральд по-настоящему подружился со своей лошадью. Он мог часами чистить ее, рассказывая о своих мыслях, читая стихи, вдыхая аромат самой природы. Лошадь хорошо запоминала привычные маршруты. Она часто привозила замечтавшегося седока к его любимому пабу, расположенному в лесу, и отказывалась двигаться с места, пока он не выпивал пинту эля «на дорожку».

Месяцы шли за месяцами. Джеральд не считал, что уклоняется от военных обязанностей и предает свою страну. Какую страну? Он никогда не считал Англию своей родиной, она не была для него даже приемной матерью. Неудивительно, что он не испытывал никаких патриотических чувств. Отвращение к войне было в Джеральде столь велико, что он просто не осознавал, что Англия воюет не только за себя.

Наконец пушки в Европе умолкли. Это случилось в мае 1945 года. Обязанности Джеральда перед Англией были исполнены. Через несколько недель он сделал первые шаги к исполнению своей заветной мечты. Много лет назад, еще до Корфу, он твердо решил, чем хочет заниматься в жизни. Сначала он станет путешествовать, собирая зверей для зоопарков, а затем организует собственный зоопарк. Оба намерения были весьма необычны и довольно трудны для исполнения. Оба требовали серьезных навыков, которыми Джеральд в 1945 году никак не обладал. Позже он писал: «Я понял, что если хочу добиться исполнения своей мечты, то должен получить навыки обращения не только со скорпионами и морскими коньками». У Джеральда оставался единственный выход — получить работу в зоопарке.

«Решив так поступить, я сел и написал, как мне казалось, весьма скромное письмо в Лондонское зоологическое общество, которое, несмотря на войну, по-прежнему обладало крупнейшей коллекцией животных, сосредоточенной в одном месте. К счастью, я не осознавал чудовищности своих амбиций и откровенно изложил свои планы на будущее, намекнув, что я — именно тот человек, которого они всегда стремились нанять. Затем задал совершенно конкретный вопрос: «Когда я смогу приступить к исполнению своих обязанностей?»

Естественно, такое письмо должно было попасть туда, где ему было место, — в мусорную корзину. Но, к моему счастью, оно попало на стол к добрейшему и культурнейшему человеку,

Джеффри Веверсу, директору Лондонского зоопарка. Очевидно, нахальство моего письма показалось ему интересным, и, к моему удовольствию, он написал мне, предлагая приехать на собеседование в Лондон. Во время собеседования, поддавшись мягкому обаянию этого человека, я изложил все, что знал о животных, о собирании животных и о собственном зоопарке. Не столь добрый человек, наверное, окатил бы меня ушатом холодной воды, указав на совершеннейшую неисполнимость моих замыслов. Но Веверс выслушал меня с величайшим терпением и тактом, одобрил мой подход к решению проблемы и сказал, что ему нужно подумать о моем будущем. Я ушел от него еще более окрыленный, чем раньше».

Спустя несколько недель Джеральд получил вежливое письмо, в котором сообщалось, что, к сожалению, в настоящий момент свободных вакансии для младшего персонала в Лондонском зоопарке нет, но, если у него нет возражении, он мог бы стать дежурным в Уипснейде, загородном зоопарке Зоологического общества.

Пост дежурного был самым низшим в иерархии зоопарка. Но поскольку энтузиазм молодого человека произвел на Веверса неизгладимое впечатление, он придумал для Джеральда несуществующую должность «студента-смотрителя». «Если бы он предложил мне взять на воспитание пару взрослых снежных барсов, — вспоминал Джеральд, — я и то не был бы столь счастлив».

Через несколько дней восторженный Даррелл отправился в Уипснейд. Он взял с собой два чемодана — один со старой одеждой, а другой с книгами по естественной истории и множеством толстых блокнотов, куда он собирался записывать свои наблюдения за животными, а также то, что он узнает от коллег по работе. 30 июля 1945 года Джеральд Даррелл начал работать в зоопарке. Если книги, прочитанные в юности, дали ему среднее образование, то Уипснейд стал его университетом.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МАЛЬЧИК НА ПОЗВЕРЮШКАХ: УИПСНЕЙД 1945-1946

Для начала Джеральд отправился в кабинет директора зоопарка, капитана Вильяма Била, бывшего армейского ветеринара, служившего на Золотом Берегу (в Гане). Директор сидел за огромным столом, засучив рукава и демонстрируя симпатичные полосатые подтяжки.

«Когда капитан встал, я понял, что передо мной человек весьма внушительного роста и веса. Он обогнул стол и навис надо мной, тяжело сопя. - Даррелл? — прогудел он вопросительно. — Даррелл?

Голос капитана был очень низким и напоминал приглушенное рычание.

— Думаете, вам здесь понравится? — спросил капитан Бил так неожиданно и так громко, что я подскочил в кресле.

— Э-э-э... да, сэр. Уверен, что понравится, — ответил я.

— Вы никогда не занимались подобной работой раньше?

— Нет, сэр, — отрапортовал я, — но у меня было много разных животных дома.

— Ха! — почти презрительно воскликнул капитан. — Морские свинки, кролики, золотые рыбки — все ясно. Ну, у нас-то вам придется работать с более серьезными животными».

Практически сразу же после этого разговора Джеральд приступил к работе. На следующее утро его отправили ко львам.

Деревушка Уипснейд, как обнаружил Джеральд, была довольно маленькой. Один паб и несколько коттеджей угнездились в долине, заросшей орешником. Новый сотрудник поселился в одном из таких коттеджей — окруженном цветами и пчелами домике Чарли Бейли, работавшего в слоновнике. Для Чарли и его жены Джеральд оказался довольно неожиданным жильцом. По своему языку и внешнему виду молодой Даррелл больше походил на джентльмена, чем на младшего служителя зоопарка.

«Что привело вас в Уипснейд, Джерри?» — спросил Чарли нового жильца за обильным деревенским ужином.

«Видите ли, — ответил Джеральд, — меня всегда интересовали животные, и мне хотелось собирать зверей — знаете, ездить в Африку и другие страны и ловить там животных для зоопарков. Мне хотелось набраться опыта в обращении с более крупными животными. Понимаете, в Борнмуте

трудно держать крупных зверей. Не станешь ведь выгуливать стадо оленей в собственном палисаднике».

«Ага, — согласился Чарли. — Конечно, не станешь».

Расправившись с сытным ужином, Джеральд отправился в свою комнату. «Со счастливым вздохом я растянулся на кровати, — вспоминал Даррелл. — Я прибыл. Я в Уипснейде! С этой мыслью я заснул».

Джеральду крупно повезло. Лучше места для практики найти было невозможно. Уипснейд был совершенно особенным зоопарком. Он раскинулся на пятистах акрах земли в Бедфордшире, в тридцати пяти милях к северу от Лондона. Открылся Уипснейдский зоопарк в 1931 году. С самого начала он устраивался как загородный зоопарк — первый публичный зоопарк в Британии, где животные содержались в условиях, по возможности приближенных к естественным. Звери в Уипснейде не ютились в тесных, негигиеничных клетках, как большинство обитателей зоопарков во всем мире. Идея была не нова: великий немецкий зоолог Карл Гагенбек еще в середине девятнадцатого века организовал в Гамбурге подобный зоопарк. Но в Уипснейде пошли дальше. Поскольку зоопарк располагался за городом, львы и тигры могли уютно расположиться в лесистых долинах, зебры и антилопы свободно носились по огромным привольным пастбищам, а волки стаями бегали по лесам. Джеральд отмечал, что этот зоопарк был максимально приближен к сафари, насколько это было возможно в то время.

Но целью зоопарка в Уипснейде была не простая демонстрация животных посетителям в идеальных условиях. Здесь велась серьезная работа по сохранению некоторых видов диких животных, находящихся под угрозой уничтожения. Сотрудники зоопарка пытались разводить почти исчезнувший вид диких лошадей Пржевальского, американских бизонов, мускусных быков и оленей Давида. Джеральду крупно повезло — он попал не просто в зоопарк, а в научное учреждение. Может быть, Уипснейд и уступал Парку дикой природы Сан-Диего или Птичьему миру, расположившемуся в Нью-Йорке, но для послевоенного времени это был просто образцовый зоопарк. Уипснейд оказал огромное влияние на жизнь и работу Джеральда Даррелла.

Джилл Джонсон в те годы также работала в Уипснейдском зоопарке. Ей было восемнадцать лет, и в ее обязанности входил уход за эскимосскими собаками и шетлендскими пони. Она вспоминает о первом рабочем дне Джеральда в Уипснейде:

«Меня позвали познакомиться с новым сотрудником. Я спустилась в офис. Передо мной стоял светловолосый юноша, с открытым, дружелюбным лицом в белой рубашке с распахнутым воротом и закатанными рукавами. Он был выше меня. У него были яркие голубые глаза. Помню, я спросила: «Как вас зовут?» Он ответил: «Вы можете называть меня Джерри или Даррелл». Тогда я сказала: «Что ж, я выбираю Джерри. Берите велосипед и отправляйтесь за мной». Пока мы ехали по территории зоопарка, я спросила: «Почему вы не в армии?» Он объяснил, что является греческим подданным и что хочет в будущем собирать животных для зоопарков. Я отнеслась к подобным планам с изрядной долей скептицизма. Я показала Джеральду собак и прокатилась с ним по всему зоопарку. Впоследствии мы стали хорошими друзьями».

Хотя должность Джеральда официально именовалась «студент-смотритель», на самом деле он был обычным «мальчиком на позверюшках», занимая самую низшую ступеньку на служебной лестнице. Но благодаря своему счастливому характеру он быстро перезнакомился и подружился со всеми сотрудниками зоопарка. Он находился в распоряжении любого из них, ему можно было поручить любое задание, он работал со всеми животными — с маленькими и большими, спокойными и смертельно опасными. В Уипснейде Джеральд научился всему — он ухаживал за крупными, опасными животными (львами и тиграми, медведями и буйволами), выполнял рутинную повседневную работу, которой полным-полно в любом зоопарке. Он всегда мечтал именно о такой работе. Но ему хотелось большего.

Джеральд продолжал читать специальную литературу. Но теперь он уделял основное внимание книгам, посвященным зоопаркам. Он понял, что еще с викторианских времен зоопарки превратились в места развлечения праздной публики. Люди ходили в зоопарки так же, как их предки давным-давно находили интерес в посещении сумасшедших домов. Научные исследования в зоопарках практически не велись, а если животное погибало, то его просто заменяли другим. Но Джеральду уже тогда стало ясно, что богатства природы отнюдь не безграничны.

«Изучая литературу, я с ужасом узнавал, как хищнически человек обращается с природой, какие страшные опустошения производит в животном мире. Я узнал о безобидном, беззащитном дронте, который был истреблен практически сразу же после его открытия. Я узнал о странствующем

голубе из Северной Америки. Когда-то огромные стаи этих птиц буквально затмевали небо, а их гнездовья располагались на сотнях квадратных миль. Но их мясо оказалось слишком вкусным. Последний странствующий голубь умер в зоопарке Цинциннати в 1914 году. Квагга, эта странная полулошадь-полузебра, когда-то весьма распространенная в Южной Африке, была полностью истреблена бурскими фермерами. Последняя квагга умерла в лондонском зоопарке в 1909 году. Мне казалось удивительным и невероятным, что работники зоопарков оказывались настолько невежественными, что не осознавали нависшей над животными, вверенными их попечению, угрозы уничтожения и не делали ничего, чтобы предотвратить исчезновение вида. Разве не является основной задачей любого зоопарка спасение животных, находящихся на грани вымирания?»

Джилл Джонсон вспоминала, что Джеральд часто говорил: «Множество животных вымирает. Как было бы славно разводить их в неволе и выпускать в места естественного обитания!» Но затем его одолевали сомнения, и он замечал: «Может быть, они вымирают по какой-то иной причине. Возможно, окружающий мир изменяется. Может быть, они вымирают потому же, почему вымерли саблезубые тигры. Может быть, таков ход природы, и их должны заменить какие-то новые виды». Но разве может быть справедливым «биоцид» одного вида животных против всех остальных? Ведь человек собственными руками способствовал вымиранию почти половины видов животного царства! Шестьдесят миллионов бизонов когда-то паслись в прериях Дикого Запада — величайшее сообщество животных, когд-либо существовавшее на Земле. А затем появился белый человек и стал убивать бизонов по миллиону голов в год. К 1880 году в США осталось всего двадцать бизонов. Можно было часами скакать по прерии и не увидеть ни одного бизона — ни живого, ни мертвого. Разве это нормально? Убедила Джеральда в правильности принятого им решения ситуация с оленем Давида.

Олень Давида — вот классический пример животного, находящегося на грани исчезновения и разведенного в неволе. Отдаленный родственник красного оленя, олень Давида был широко распространен в Китае, но к концу девятнадцатого века практически истреблен человеком. Во время боксерского восстания в 1900 году несколько сохранившихся представителей этого вида были убиты в Императорском зоопарке в Пекине. Однако, к счастью, до полного истребления этих замечательных животных в среде их естественного обитания несколько особей были отправлены в парк Вобурн, располагавшийся неподалеку от Уипснейда. Их вывез английский аристократ, герцог Бедфорд. На основе небольшой группы из нескольких животных была создана плодовитая колония. Олени Давида были разведены в неволе и выпущены в среду естественного обитания. Сейчас этих животных можно встретить почти повсеместно. Джеральд знал об этой удивительной истории, поэтому он с особенным трепетом отнесся к четырем новорожденным оленятам, присланным в Уипснейдский зоопарк.

«Детеныши оленя Давида были очаровательными, крохотными созданиями с длинными тонкими ногами, которыми они еще не научились управлять, и удивительными раскосыми глазами, придававшими им поистине восточный вид... Их надо было кормить вечером, в полночь и на рассвете... Должен признать, мне очень нравились эти ночные дежурства. Идешь по залитому лунным светом зоопарку к конюшне, где поселились оленята. По пути проходишь мимо клеток и загонов и видишь их обитателей. В сумерках медведи кажутся тебе вдвое больше, они ворчат друг на друга, пробираясь сквозь заросли ежевики. Потом дорожка ныряет в волчий лес, лунный свет серебрит стволы деревьев и отбрасывает темные тени на землю. Волки призраками мелькают среди деревьев, выскакивают на поляны и бесшумно исчезают среди стволов.

А потом ты подходишь к конюшне и зажигаешь фонарь. Оленята начинают суетиться и громко блеять. Открываешь дверь — и они бросаются тебе навстречу на своих разъезжающихся ножках, начинают сосать твои пальцы или полы твоего халата, а потом так неожиданно пихают тебя головками под колени, что ты чуть не падаешь. А затем наступает долгожданный момент, когда соски наконец-то попадают в их ротики, и они с жадностью сосут теплое молоко, их глазки поблескивают, а молоко в уголках рта походит на смешные усы. В мерцающем свете фонаря, слушая причмокивание маленьких оленят, я понимал, что эти животные — одни из последних представителей своего вида, беженцы животного мира, находящиеся на грани вымирания. Мне было ясно, что существование этих малюток полностью зависит от человека».

Джилл Джонсон помогала Джеральду выхаживать маленьких оленей Давида. Она вспоминает:

«Обычно я доила коз, а Джерри брал бутылку козьего молока, чтобы кормить оленят. Но это была непростая задача, потому что оленята могли проглотить соску. Тогда мы решили найти для оленят козу-кормилицу. И это нам удавалось, пока оленята были маленькими, но очень скоро они

стали больше своей приемной матери. Они залезали под нее и поднимали козу в воздух. Только так они могли сосать молоко.

После успешного завершения этого предприятия мы стали заниматься уходом за больными и осиротевшими животными. Нам даже разрешали помогать ветеринару при операциях. Но именно олени Давида подтолкнули Джеральда к идее разведения животных в неволе. Мы часто говорили о том, что животных, разведенных в Вобурне, можно было бы выпустить на волю в Китае. Тогда это была всего лишь мечта, но впоследствии она воплотилась в жизнь».

В Уипснейде Джеральд продолжил составлять список животных, находящихся под угрозой исчезновения. Впоследствии он признавался другу, что испытывал смесь ужаса, отчаяния, решимости и любви. Он часто цитировал предсмертные слова Сесиля Родса: «Так много нужно сделать, так мало сделано!»

Джилл Джонсон казалось, что Джеральд в Уипснейде очень одинок. Интеллигентность отдаляла его от коллег по работе. Семья никогда не навещала его, по крайней мере, Джилл о подобном не слышала. Вскоре он переехал из дома Бейли и поселился в унылом и холодном месте, которое Джеральд прозвал «лачугой». Несколько коттеджей для смотрителей расположились перед пабом «Чекерс» на задворках зоопарка. Иногда капитан Бил приглашал его на карри, которое он готовил в западноафриканском стиле с огромным количеством перца чили. «Карри капитана было настолько острым, — признавался Джеральд Джилл Джонсон, — что меня бросало в испарину, словно в лихорадке».

Больше всего в Уипснейде Джеральд подружился с Гасом. «В фигуре Гаса, — вспоминал он, — не было ничего романтического». Низкий лоб нависал над крупным носом, как у неандертальца. А нос походил на чудовищный гриб, по какому-то недоразумению выросший на лице. Лицо Гаса вечно было покрыто угрями, он страдал от аденоидов и грыз ногти. «Гас был самым непривлекательным человеком, какого мне когда-либо доводилось видеть, — писал Джеральд в своих воспоминаниях много лет спустя, — но у него было добрейшее сердце и открытая душа». Именно Гас отправился пешком в Данстейбл и обратно, чтобы достать клей и резину, когда Джеральд проколол шину на своем велосипеде. Именно Гас достал ему полбутылки виски — бог знает откуда, потому что в то время бутылка виски ценилась примерно так же, как, например, алмаз «Кохинор». У Джеральда случился плеврит, и какое-то время он находился почти при смерти. Именно Гас следил за состоянием обуви Джеральда, чистил ее и ухаживал за ней, чтобы Джерри не приходилось делать это самому.

Сердце Гаса навеки было отдано морским свинкам, и все свои деньги он тратил на то, чтобы построить для своих обожаемых зверюшек идеальную клетку. Когда Джеральд понял, что Гасу никогда не собрать денег на то, чтобы осуществить свою мечту, он решил отблагодарить друга за его доброту. Он нарушил данную себе клятву жить только на заработанные деньги и никогда не просить помощи у матери. «Я написал маме, — вспоминал он, — рассказал ей о Гасе и о его морских свинках. Вскоре я получил от нее письмо, куда были вложены десять хрустящих бумажек. Мама писала: «Только не обидь его, дорогой. Скажи Гасу. что умер твой дядя, который очень любил морских свинок, и оставил тебе эти деньги».

Благодаря помощи Джеральда Дворец морских свинок был построен, и был назначен день его торжественного открытия. «Это было замечательное событие, — вспоминал Джеральд. — На открытие пришли родители Гаса, его собака, кошка, я, его золотая рыбка, его жаба и девушка-соседка, симпатичная, как клецка. Морские свинки перебрались из своего старого обиталища в новый дворец с достоинством царственных особ. Из паба были принесены три банки пива и немного бузинного вина, чтобы отметить это важное событие. Все участники так развеселились, что мама Гаса упала в пруд с золотыми рыбками, а Гас наконец-то решился поцеловать соседку».

Во Дворце морских свинок, где жили и другие грызуны, Джеральд встречался со своими подружками. По его воспоминаниям, это было самое романтичное и доступное место для свиданий. Но на это соглашались не все девушки. Джеральд вспоминал:

«Моя подружка из ближайшего городка вдруг сказала: «Послушай, ты обращаешь больше внимания на этих крыс, чем на меня. Мне не нравится твой отсутствующий взгляд». Я решил, что это несправедливо, поскольку большая часть ее одежды была разбросана вокруг, но вынужден был признать, что ореховые сони были совершенно зачарованы нашим поведением.

Наконец я встретил очаровательную девушку с девонширским акцентом, кожа которой напоминала сливки, а крупные, серо-голубые глаза окружали ресницы, длинные, как побеги алтея, Ей нравились сони, но возникла другая проблема.

«Нет, не надо, только не сейчас, — воспротивилась она моим ухаживаниям. — Мы потревожим этих милых маленьких мышек. Да и кроме того, ты же не можешь быть уверенным, что они не станут на нас смотреть!» В конце концов Джеральд нашел свое счастье с дочерью местного полицейского, «пышногрудой, готовой к любовным утехам блондинкой», ухаживавшей за детенышами. Ее офис располагался в деревянном домике. В обеденное время Джеральд со своей подружкой запирались изнутри. «Мы старались увидеться при первой же возможности, — рассказывал Джеральд другу. — Я собирался жениться на ней». Пару раз Джеральд возил свою подружку в Борнмут, чтобы познакомить с семьей. «Она была довольно рослой и полной девушкой, — вспоминала сестра Джеральда, Маргарет. — Джерри был очень увлечен ею. Но какой молодой человек не увлекся бы подобной девушкой?» Ничто не длится вечно, и вскоре дочь полицейского нашла себе другого приятеля.

То, как Джеральд Даррелл проводил свободное время в Уипснейде, окружающие видели совершенно иначе. Джилл Джонсон вспоминает:

«Официантки в кафетерии считали, что он выглядит, как греческий бог, но назвать его красивым было нельзя, хотя он был довольно привлекателен. В нем не было мужской силы, но его нельзя было назвать и женственным. Сказать по правде, я не помню, чтобы у него были серьезные увлечения. Если кто-то с ним и встречался, то это я, но я была просто приятелем, который по случайности оказался девушкой. Мы были очень близки, но между нами не было интимности. У нас не было приятелей и подружек, мы оба хотели узнать о животных все, что только возможно. В Уипснейде не было чем заняться по вечерам. Нам некуда было пойти, в те дни еще не было телевизоров. Обычно по вечерам мы катались на велосипедах, а порой мы оказывались на сеновале. Если вы думаете, что там мы занимались чем-то предосудительным, то глубоко ошибаетесь. Джеральд говорил: «Ш-ш-ш... Тихо... Пусть нас никто не слышит. Я хочу почитать тебе Гусмана, может быть, тебе он понравится». И он начинал читать мне вслух стихи своим великолепным голосом.

Джерри был очень интеллигентным, намного более развитым, чем любой из смотрителей, которые собирались в пабе по вечерам. Он был прирожденным мыслителем, но любил и повеселиться. Иногда, сидя в темноте возле больного животного, он рассказывал мне чудесные истории, причем порой они были довольно грубыми. Он удивительно относился к женщинам — довольно космополитично, но с латинской утонченностью. Как-то раз я пришла в офис с другой девушкой, а тут вошел Джеральд. Он опустился на колено перед незнакомкой и произнес страстную и возвышенную речь в ее честь. «Я хочу задать вам один вопрос, — сказал он, — но не знаю, как это сделать». Мы подумали, что он хочет попросить ее выйти за него замуж. Но он расхохотался: «Не подскажете ли вы мне, где здесь мужской туалет?» Он был очень веселым, живым, ярким, добрым, милым необычным и особенным человеком».

Люси Пендар, дочка инженера, работавшего в Уипснейде, вспоминает о Джеральде как о щедром и добром молодом человеке с прекрасным, хотя порой и непристойным, чувством юмора.

«Появление Джерри в Уипснейде изменило нашу жизнь. Стройный молодой человек с необыкновенными синими глазами, длинными волосами, падавшими на глаза, в замшевых ботинках. Мне он казался настоящим поэтом, а не смотрителем зоопарка! Он мечтал собирать животных для зоопарков. Мы слышали об Уилфреде Фросте и Сесиле Уэббе, великих белых охотниках, но впервые увидели человека, мечтающего о столь опасном и странном занятии! Мы были для Джерри благодарной аудиторией, и он часами рассказывал нам о своем детстве. Мы усаживались вокруг него на траву, а он выдумывал для нас удивительные истории. Джерри объяснял нам свои идеи относительно разведения животных в неволе, многие из которых он впоследствии воплотил в жизнь. Стройный, красивый молодой человек был гораздо более решительным, чем могло показаться на первый взгляд. Никто на нас не сомневался, что он обязательно достигнет всего, о чем мечтает».

Люси Пендар вспоминает, что Джерри был большим весельчаком. Он постоянно цитировал непристойные стишки вроде «Линкольнширского браконьера» или «Последней розы лета», а порой сочинял подобные стишки сам. Когда Люси заболела, Джерри приходил почитать ей. Когда ее одолевали сомнения, он подбадривал ее. Он никогда не обижался на нее. «Невероятно, чтобы человек мог за такое короткое время оказать на меня столь сильное влияние, — вспоминала Люси. — Но Джерри Даррелл навсегда остался в моей памяти. Прекрасный человек. Мы верили в него сильнее, чем взрослые, и мы не ошиблись».

В Уипснейде Джеральд понял, что содержание зоопарка, как и многие другие занятия, не настолько романтично, как ему казалось раньше. Большую часть времени он занимался рутинной

работой — кормил животных и чистил клетки. Джеральд работал во многих отделах зоопарка, каждый из которых назывался по имени содержащихся в нем животных. Начал работать он в львином отделе, где, кроме львов, содержались и вомбаты, песцы, тигры и белые медведи, оказавшиеся на удивление опасными и злобными животными. От львов его перевели к медведям. В медвежьем отделе содержались волки, бородавочники, зебры и антилопы гну. Но хотя Джельду нравилось работать в Уипснейде, хотя у него было время читать о животных в свое удовольствие, иногда ему казалось, что единственное, чему он здесь научится, это убирать навоз и уворачиваться от острых рогов. Он обнаружил, что самыми опасными животными являются не те, кто таковыми считается. Даже зебра с бархатистыми, влажными глазами может превратиться в разъяренного демона, а страшный серый волк ничем не заслуживает своей ужасной репутации.

Повседневная работа в первоклассном современном зоопарке многое дала Джеральду. Но в ней были свои минусы. Джеральда разочаровало то, что в Уипснейде не ведется научной работы, что смотрители зачастую боятся зверей и не любят работу. Его беспокоило то, как ухаживают за животными. Порой ему казалось, что смотрители умышленно подвергают его жизнь опасности. Джеральд любил животных, но он был отнюдь не глуп. Большинство животных в Уипснейде были полудикими. Некоторые смотрители считали, что прекрасно умеют обходиться с ними, но это было не так. Джеральд опасался, как бы не произошло несчастного случая. Часто смотрители просили его сделать что-то такое, чего он сделать не мог, так как знал, что это очень опасно. Однажды ему предложили забрать теленка водяного буйвола у матери — чистое самоубийство! Джеральд подготовился к заданию, но разъяренная буйволица набросилась на него и буквально подняла на рога. Она прижала его к металлической ограде загона и сломала ему несколько ребер.

Единственным исключением среди смотрителей был недавно пришедший в зоопарк из BBC Кен Смит. Джеральд познакомился с ним во время выхаживания оленей Давида. Они подружились и пронесли эту дружбу через всю жизнь.

7 января 1946 года Джеральд отметил свои двадцать первый день рождения и вступил в наследство — он получил три тысячи фунтов, что в пересчете на современные деньги составляет свыше шестидесяти тысяч фунтов. Эти деньги оставил ему по завещанию отец. Джеральд, который раньше мог позволить себе разве что полпинты пива в местном пабе, внезапно превратился в состоятельного человека. За несколько месяцев до этого он решил оставить Уипснейд, чтобы заняться воплощением своей мечты — собирать животных для зоопарков, а потом организовать собственный зоопарк. Джеральд прекрасно понимал, что, оставшись в Уипснейде, он этого никогда не добьется.

Каждый вечер он сидел в своей крохотной, похожей на камеру комнатке в холодной «лачуге» и писал письма известным собирателям животных, предлагая свои услуги. Он хотел принять участие в их экспедициях за собственный счет. Эти бесстрашные супермены казались Джеральду особыми людьми. Но их ответы походили один на другой — у него нет опыта обращения с животными, и они не могут взять его в экспедицию. Если он наберется опыта, то может обратиться к ним позднее.

«И в тот момент, подавленный и угнетенный, я придумал замечательную вещь, — вспоминал Джеральд. — Если я потрачу какую-то часть своих средств на собственную экспедицию, то смогу вполне честно утверждать, что у меня есть опыт, и тогда один из этих великих людей сможет не только взять меня с собой, но и платить мне жалованье. Перспектива казалась мне весьма соблазнительной».

И тогда он решил стать вольным собирателем животных. Джеральд организовал собственную экспедицию по сбору животных для зоопарков. У него был капитал, и он намерен был его вложить. Война приостановила этот странный бизнес — собирание животных для зоопарков. Но теперь наступил мир, и многим зоопаркам требовались животные для пополнения своей коллекции. Зоопарки нуждались в редких, экзотических животных, цены на которые были довольно высоки.

На прощальном ужине в Уипснейде капитан Бил проявил гораздо меньше энтузиазма. «Не вкладывай свои деньги в это дело, — предостерег он юного смотрителя. — Ты наверняка разоришься, попомни мои слова!»

«И не забывай, — напомнил Джеральду Джесси, один из уипснейдских смотрителей, — одно дело лев в клетке, и совсем другое, когда эта зараза подкрадывается к тебе сзади, понял?»

На следующее утро Джеральд попрощался с животными зоопарка. «Мне было грустно, — вспоминал он. — Я был счастлив в Уипснейде. Но, проходя мимо клеток и загонов, я видел в каждом животном то место на земном шаре, куда мне хотелось бы попасть. Животные кивали мне и укрепляли мою решимость».

17 мая 1946 года Джеральд Даррелл покинул Уипснейд и приступил к исполнению своей

мечты. Работа в зоопарке дала ему важные практические навыки в избранной им профессии. Именно в Уипснейде он понял, каким должен быть зоопарк, и особенно идеальный зоопарк. Позже он писал:

«Покидая Уипснейд, я был преисполнен решимости завести собственный зоопарк. Но я был точно так же убежден, что, если мне удастся реализовать свою мечту, мой зоопарк будет выполнять три функции.

Во-первых, он будет служить цели образования. Я хотел, чтобы люди поняли, как прекрасны и важны другие формы жизни на нашей планете, чтобы они перестали быть высокомерными и чванными созданиями и признали, что и иные формы жизни имеют право на существование.

Во-вторых, я собирался вести научную работу, наблюдать за поведением животных, не только для того, чтобы понять поведение самого человека, но и для того, чтобы помогать диким животным. Если не понимать потребностей различных видов животных, организовать их эффективную охрану совершенно невозможно.

И в-третьих — и это казалось мне наиболее важным, — мой зоопарк должен был стать местом сохранения животных, убежищем для видов, находящихся под угрозой вымирания. Я собирался сохранять и разводить животных, чтобы они не исчезли с лица Земли, как это случилось с дронтом, квaггой и странствующим голубем».

Всему этому суждено было исполниться в будущем. В то время у Джеральда были более насущные проблемы. Он организовывал свою первую, великую экспедицию. Время шло, и идея все больше и больше захватывала его. Его не терзали сомнения относительно этичности затеянного им предприятия. В молодости Джеральд поставил перед собой две задачи — во-первых, он хотел собирать диких животных для различных зоопарков, а затем мечтал организовать собственный зоопарк. Обе задачи были связаны с животными, но парадоксальным образом отличались друг от друга: в то время как идеальный зоопарк Джеральда был призван сохранять животных от вымирания, собирание зверей часто приводило к их гибели. Джеральд не мог не осознавать такого исхода, хотя никогда себе в этом не признавался. Однако браконьер очень скоро превратился в лесничего.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЛАНЫ ПРИКЛЮЧЕНИЙ: 1946-1947

Чтобы подготовиться к экспедиции, Джеральд вернулся домой, в Борнмут. Только одна тучка омрачала семейное воссоединение — странное поведение Лесли, которое внушало опасения.

Лесли всегда был загадкой, разбитым колоколом, издающим фальшивый звук. Корфу, по его собственным словам, «стал опасным моментом моей жизни, пять золотых, счастливых, совершенно деструктивных лет». Иногда к маме приезжал Ларри. «Лесли нужно чем-нибудь заняться», — говорил он. Но она всегда отвечала: «Оставь его в покое, с ним все будет в порядке». Но, в отличие от старшего и младшего брата, это было не так. Даррелы обычно добивались успеха в том, чему решили посвятить свою жизнь. Лесли это не удалось. Много лет спустя он признавался журналистам: «Странно, но как бы сильно я ни старался, мне ничто не удавалось. На мне словно лежало какое-то проклятие».

Все свое наследство Лесли вложил в рыбацкую лодку, которая затонула, прежде чем он вышел из Пул-Харбора. Затем он решил заняться садоводством, но и эта затея не увенчалась успехом. Неспособный ничем заняться, бесцельно блуждающий по жизни, Лесли пытался убедить мир одолжить ему на жизнь. Он пробовал заняться продажей роскошных яхт и моторных лодок. В конце концов Маргарет предостерегла его, что он может кончить тюрьмой за мошенничество, если не одумается. Лесли «помогал» матери, без конца одалживая у нее деньги. Мама вечно давала Лесли финансовые советы, в этом отношении он был ее любимым сыном.

Но ничто не помогало. Хотя Лесли был талантливым художником — Джеральд говорил, что его работы «удивительно прекрасны», — он растратил свой талант и не заработал на нем ни пенни. В конце концов Лоуренс и Джеральд махнули на него рукой. Много лет спустя Джеральд признавался: «Хотя мы со старшим братом много раз пытались помочь Лесли, он вечно совершал какие-то такие поступки, что мы теряли терпение».

Во время войны Лесли работал иа авиационном заводе и жил в Борнмуте с матерью, Джеральдом (пока тот не уехал в Уипснейд) и с греческой служанкой Марией Кондос. В 1945 году ему исполнилось двадцать семь лет. Мария была на десять лет его старше. Между ними возникла связь — одна из многих для Лесли, любовь всей жизни для Марии. Маргарет, наблюдавшая за

развитием драмы, вспоминала:

«Вернувшись из Северной Африки в начале 1945 года, я застала драму в самом разгаре. Как всегда, никто из членов семьи, кроме меня, не мог справиться с семейным кризисом.

Мама, как всегда, ничего не замечала. Я сказала ей: «Мария беременна». Затем я стала искать дом для одиноких матерей, куда бы мы могли отправить Марию. Ребенок родился в сентябре. Мария гордо гуляла с коляской по улицам Борнмута и рассказывала всем вокруг, что это ребенок Даррелов, еще один борнмутский Даррелл, который станет наказанием семьи. Лесли видел ребенка, но ни Джерри, ни Ларри не захотели его увидеть. Они считали, что Лесли не должен жениться на Марии. Да он и сам не собирался этого делать, потому что в то время уже встречался с Дорис, управляющей местным магазинчиком, которая снабжала маму джином в годы войны. Дорис наняла Лесли, чтобы тот доставлял ей пиво. У Джерри и Ларри всегда были сложные характеры. Они могли быть шумными и вспыльчивыми, а затем становились очень правильными и расчетливыми, как ни странно это звучит».

Мальчика назвали Энтони Кондосом. Его мать спала на кухне, и он вспоминал «обезьянок, карабкающихся по мебели, и змей, притаившихся в ящиках комода». Лесли не интересовался ни ребенком, ни его матерью. Как всегда, за все пришлось расплачиваться маме. Мария получила работу в прачечной в Крайстчерче, а затем городском совете, и забрала ребенка с собой. «После того как мы с матерью покинули семейный дом, — вспоминает Тони Кондос, — мы жили в разных местах, переезжая с квартиры иа квартиру по всему Борнмуту. Я думаю, что только Маргарет испытывала симпатию к моей матери. Мама дружила с ней долгие годы, и Маргарет всегда радушно принимала нас в своем доме. Но маме приходилось много работать, чтобы содержать меня. Это были нелегкие годы». Мария очень любила Лесли. Маргарет вынуждена была признать: «Много лет спустя она все еще называла его «roula-mot», что по-гречески означает «любимый», Причем это слово обладает гораздо более глубоким значением, чем его английский эквивалент».

Тони Кондос вырос, не зная, жив его отец или умер. «Хотя мама очень сильно любила его, — вспоминал он, — ее чувства постоянно менялись on любви до ненависти, что сильно смущало меня в детстве. Больше всего сожалел о том, что никогда не знал своего отца. На протяжении многих лет я чувствовал озлобленность против него и других членов семьи. Но стал старше, я начал понимать, что Даррелы сделали для меня и моей матери. Теперь во мне осталась только печаль оттого, что я не стал членом этой семьи... И странным образом я горжусь тем, что я один из них, хоть и безымянный».

А тем временем Джеральд погружался в собственный кошмар. Для новичка путешествие в джунгли далекого континента с целью собирания животных было практически непосильной задачей. Что ему нужно сделать? Куда отправиться? Кого ловить? Сколько все это будет стоить? Учиться времени не было. Джеральду никто не помогал, а число бюрократических препон возрастало с каждым днем. После войны стало очень трудно отправиться куда бы то ни было, а некоторые страны стали и вовсе недоступными.

Месяцы шли, а Джеральд боролся с трудностями, постепенно вырабатывая план действий. Он всегда мечтал увидеть Африку. На этом континенте была страна — мечта любого собирателя животных. Эта неразвитая и редко посещаемая территория называлась Британским Камеруном — узкая полоска земли, расположившаяся вдоль восточной границы Нигерии. Камерун отличался удивительной красотой высокогорий и тропических лесов. А животный мир этой страны отличался огромным разнообразием — здесь водились гориллы, броненосцы и редкие животные ангвантибо, волосатые жабы, гигантские водяные землеройки и крупные орлы.

Решив вопрос, куда отправиться, Джеральд принялся решать другие, не менее сложные — когда, как, с кем и зачем. Работа над разработкой конкретного плана экспедиции заняла несколько месяцев. Заграничные поездки в 1946 году все еще оставались довольно сложным предприятием, привилегией немногих. Информации не хватало. Большую помощь Джеральду оказал английский натуралист Джон Йелланд, известный орнитолог. Он был вдвое старше Джеральда, но разделял его интересы. Несколько месяцев спустя после того, как Джеральд покинул Уипснейд, Йелланд помогал Питеру Скотту организовывать Фонд охраны птиц в Слимбридже на границе Севернских болот в Глостершире, а затем он стал куратором отдела птиц в Лондонском зоопарке. Джеральд рассказал Йелланду о своих намерениях отправиться за редкими животными в Камерун. Энтузиазм молодого человека понравился Йелланду. Они согласились помочь друг другу и отправиться в экспедицию совместно.

Итак, команда была собрана. Были разработаны план, расписание, маршрут. Даже назначена дата отъезда. Но оставалось еще очень многое. Как писала одна из газет: «Эта экспедиция стала их первой поездкой в джунгли. Никто не знал, куда они собирались, никто не давал им никаких заказов,

никто в Камеруне не знал об их приезде». Пять зоопарков — Лондонский, Бристольский, Честерский, Бель-Вью (Манчестер) и Пейтонский — выразили определенный интерес к потенциальной добыче экспедиции и сообщили цены на некоторые редкие виды животных. Однако никто не предложил никаких авансов.

Семья Даррелов сначала была удивлена планами Джеральда, однако затем его затея показалась им весьма привлекательной. Они всегда были уверены, что его странные планы окажутся столь же неосуществимыми, как и у его старшего брата Лесли.

В 1947 году Джеральд перебрался в Лондон. В столице было много интересного для будущего собирателя животных. В Лондоне был первоклассный зоопарк, множество интересных музеев. Здесь жили специалисты-зоологи и дилеры, занимающиеся продажей животных, с которыми можно было проконсультироваться. Джеральд посещал библиотеки и покупал много книг. В Лондоне жил Питер Скотт, единственный сын покорителя Антарктиды, герой войны, художник-портретист, выдающийся художник-анималист, известный натуралист, одним из первых заговоривший о необходимости охраны природы и о сохранении вымирающих видов.

Хотя между Джеральдом и Скоттом возникали разногласия, они сходились в главном. Организованный Скоттом в 1945 году Фонд охраны птиц в Слимбридже на Севернских болотах представлял собой модель заповедника, о котором мечтал Джеральд. Увлеченность Скотта миром живой природы очень импонировала Джеральду. «Мой интерес к процессу эволюции, — писал Скотт. — вызывал во мне глубочайшее уважение к каждому виду флоры и фауны, имевшему такое же право на существование на этой планете, как и homo sapiens. Перспектива исчезновения любого из существующих видов казалась мне ужасной катастрофой, которую человек способен предотвратить». Уничтожение природы и любого из живых существ было, по мнению Скотта, «преступлением против неопределенного, но непреложного закона вселенной».

В то время Скотт жил в Кенсингтоне. Именно к нему молодой Джеральд Даррелл и отправился за советом и поддержкой. Хотя Даррелл был совершеннейшим новичком, Скотт понял, что этому мальчишке удалось склонить на свою сторону Джона Йелланда, поддержавшего идею организации фонда в Слимбридже. Йелланд собирался отправиться в Камерун с Даррелом.

Помимо специалистов Лондон привлекал Джеральда женщинами. В жизни Даррелла между шестнадцатью и двадцатью двумя годами было много женщин. Хотя он и не был девственником, его отношения с противоположным полом были безнадежно наивными. Настало время измениться.

Как-то раз Джерри обедал в греческом ресторане в Вест-Энде вместе с Ларри и его приятелями-поэтами. Здесь Джеральд познакомился с женщиной, познакомившей его с глубочайшими тайнами любви. Он называл ее Джульеттой, однако ее настоящее имя мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Джульетте было за двадцать, она была на шесть-семь лет старше Джеральда. Она была замужем, но жила отдельно от мужа и имела двух маленьких детей. Джеральд влюбился в нее с первого взгляда. Она не отличалась красотой, но ее лицо мгновенно запоминалось. Бледная, печальная девушка с прекрасными, огромными глазами. Джеральду сразу же захотелось защитить и уберечь ее.

«Чем вы занимаетесь?» — спросил он.

«Я рисую лошадей», — ответила она.

У Джеральда возникли некоторые проблемы. «Я не мог в это поверить — уму непостижимо! — вспоминал он. — Но в окружении греков возможно все».

«Вы хотите сказать, что берете лошадь и набор красок и красите их?» — переспросил Джеральд.

«Нет, — засмеялась она. — Я рисую их портреты для владельцев. Разумеется, только породистых лошадей».

«Разумеется, — кивнул Джеральд. — А не могу ли я как-нибудь прийти посмотреть на вашу работу?»

«Можете, — ответила Джульетта. — Приходите завтра, и мы вместе пообедаем».

Итак, свидание было назначено. К Джульетте Джеральд отправился на автобусе, везя с собой дюжину яиц чайки для обеда, в надежде на то, что они окажут возбуждающее действие. Ее дом, как писал Джеральд в своих воспоминаниях, был наполнен запахами кофе и масляных красок, проникающими друг в друга. Она показала ему свои картины. «Конечно, до Стаббса ей было далеко, — вспоминал он, — но рисовала она чертовски хорошо». Он задержался надолго, и они пообедали вместе... Через несколько дней Джеральд переехал из дома тети Пру в Челси и перевез свои вещи к Джульетте. «Это была самая замечательная женщина в мире», — ностальгически вздыхал он по потерянной любви. «Джульетта была первым подлинным увлечением Джерри, — вспоминала его

сестра Маргарет. — Она впервые открыла ему глаза на любовь и секс. Раньше он просто не осознавал, что это такое».

Связь между Джеральдом и Джульеттой длилась два года, хотя большую часть из них он провел за границей. Он серьезно подумывал о браке, хотя впоследствии признавал, что это была бы настоящая катастрофа. У их отношений не было будущего. Как-то утром он отправился домой, в Борнмут, по делам, а вернувшись, обнаружил на туалетном столике письмо от Джульетты. Он вспоминал, что это была «традиционная записка, составленная из фраз, какие можно найти в любом романе из тех, что нравятся всем, но никто не хочет в этом сознаться». Обескураженный неожиданным развитием событий, Джеральд погрузился в глубокий запой, но затем одумался. Он сильно любил эту женщину. В гневе и печали он собрал свои вещи и книги и вернулся в дом тети Пру, поджавши хвост. В конце концов, ничего страшного не случилось. Мир живой природы манил его, и перед ним открывались широкие горизонты и интересные возможности.

Наконец-то Джеральд сумел полностью сосредоточиться на экспедиции. В семейный дом в Борнмуте начали поступать коробки с ловушками, ружьями, фонарями, носками, солью, салом, рыболовными крючками, картами, путеводителями и лекарствами. Маленький Джерри, бывший помощник в зоомагазине и инструктор верховой езды, превращался в натуралиста и исследователя. Он отправлялся в Черную Африку на ловлю горилл и питонов. В том же году старший брат Джеральда Лоуренс решил полностью поменять свою карьеру. Он писал Генри Миллеру с Родоса: «Мой младший брат Джерри настоящий поэт. Сейчас у него период иконоборчества — он утверждается как личность. Он считает тебя плохим писателем, а меня чертовским плохим писателем». В апреле 1947 года Лоуренс пересмотрел свое мнение. Он приехал в Борнмут со своей новой женой Евой. Семья впервые со времен Корфу собралась полностью. Лоуренс писал Генри Миллеру: «Джеральд, как и мечтал, стал зоологом, и в сентябре отправляется в Нигерию». У Маргарет уже было два маленьких сына. Она собиралась разводиться со своим летчиком. На деньги, оставленные ей отцом, она купила большой дом через дорогу от маминого, а Лесли переехал к Дорис Холл, веселой, взбалмошной разведенной женщине с маленьким сыном. Дорис была старше и серьезнее Лесли, у нее был магазинчик в полумиле от шоссе.

Приготовления Джеральда постепенно подходили к концу. Были получены все необходимые разрешения, зарезервированы каюты и места для багажа на грузовом судне, отправлявшемся в Камерун. В конце сентября 1947 года Джеральд получил новый паспорт. В нем говорилось, что он зоолог, проживает в Борнмуте, имеет синие глаза, каштановые волосы и рост в пять футов семь дюймов (170 см).

Грузовые суда не отличались точным следованием расписанию. Корабль, на котором Джеральд собирался отплыть в Африку, должен был отправляться из Лондона. Джеральд поселился у тети Пру в ожидании при бытия судна. Однажды он наткнулся на Ларри, выходившего из книжного магазина с большой стопкой книг в руках.

«Привет, — с удивлением сказал Ларри. — Что ты тут делаешь?»

«Жду корабля», — ответил Джеральд.

«Корабля? А, да... Лондонские доки и все такое. Отправляешься в открытое море. Что ж, по моим наблюдениям, корабли очень медлительны. Они либо не отплывают вовсе, либо тонут, что оставляет тебе достаточно времени, чтобы как следует напиться».

Ларри предложил Джеральду познакомиться со своим старинным приятелем, поэтом и китаистом Хью Гордоном Портеусом. Интересный парень отрекомендовал его Ларри. Живет в подвале в Челси, играет на органе и ест конину. «Он много знает о китайской поэзии, — продолжал Ларри. — Думаю, он тебе понравится — если только ты не слишком высокомерен, чтобы есть конину».

Хью Портеус оказался не менее эксцентричен, чем можно было предположить по описанию Ларри. В его комнате собралось множество молодых женщин, а Портеус помешивал суп в маленьком биде, позаимствованном в лучшем борделе Парижа, на газовой горелке.

Впоследствии Джеральд записал: «Эта сцена меня поразила. Большинство дамочек были полуодеты, на них красовались прозрачные пеньюары и восхитительное кружевное белье. Суп булькал в биде. На книжной полке были разложены бифштексы из конины». В семь часов Портеус посмотрел на часы, вытащил из шкафа миниатюрный орган и призвал всех собравшихся к тишине. В комнате над ним жила дряхлая старушка, миссис Ханидью, и Портеус обычно играл для нее на органе, когда та пила вечерний чай.

«Вам хорошо слышно, миссис Ханидью?» — крикнул он.

Раздался утвердительный стук в потолок, и Портеус поудобнее расположился на своем стуле.

«В следующее мгновение на нас обрушились звуки вальса «На прекрасном голубом Дунае», — вспоминает Джеральд. — Все в комнате пустились танцевать безумный вальс. Груди девушек подпрыгивали, конские бифштексы на книжной полке скакали, биде дрожало на газовой горелке, а книга о путешествии в Китай, написанная в шестом веке, выпала из шкафа. Одна из девушек протянула мне теплую ладонь, вытащила меня в центр комнаты, прижалась ко мне своими мягкими, сладкими губами, и мы стали вальсировать».

В этот момент пришел Тео Стефанидес. Он жил в Лондоне и работал рентгенологом в больнице Ламбет. Тео познакомился с Портеусом через Ларри. Истинный эдвардианский джентльмен, он был одет в твидовый костюм, жилет 1908 года, начищенные до блеска ботинки и мягкую фетровую шляпу. Его борода и усы были безукоризненно расчесаны, а начинающие седеть волосы идеально подстрижены. «Даже я, — вспоминал Джеральд, — который знал Теодора с десяти лет, не мог представить его в подобной атмосфере». Девушки вообще никогда не видели ничего подобного. К разочарованию хозяина дома и Джеральда, они встретили вновь прибывшего с истинным восхищением.

«Они ворковали вокруг него, как голубки у фонтана. Они подносили ему оливки и сырное печенье. Они сидели возле него и впитывали каждое его слово. Теодор сидел, подобно Санта-Клаусу, погрузившись в воспоминания. Он выдавал шутки, которые казались устаревшими еще в 1898 году.

«М-м-м... да... существуют скороговорки, которые вы вряд ли слышали, — твердил Теодор. — Какой шум беспокоит устрицу сильнее... гмм... да... сильнее всего? Шумный шум беспокоит устрицу сильнее всего!» Девушки разражались бессмысленным хихиканьем. Они старались прижаться к Теодору. Им никогда не доводилось слышать подобных шуток. Они казались им такими же восхитительными, насколько чудесной показалась бы им работающая прялка в прихожей».

Странный вечер продолжался. Джеральд и Портеус уединились в уголке. Девушки не обращали на них никакого внимания, они были полностью поглощены одетым с иголочки Тео. А он вспоминал о своем парижском приятеле, биологе, занимавшемся обитателями пресных водоемов и собравшем очень интересную коллекцию ракообразных в четырнадцати биде, соединенных в сложную систему. Нахваливая грибной суп, Тео вещал о том, что в мире существует 2841 вид грибов, причем более двух тысяч из них ядовиты. «Золотистые, зеленые, голубые, карие и черные глаза, — вспоминал Джеральд, — с восхищением следили за Тео. Девушки напомнили мне детей, слушающих сказку о Синей Бороде».

«Знаете ли вы, — поведала одна большеглазая красавица Джеральду, когда тот наконец сумел привлечь ее внимание, — что мозг гориллы больше человеческого?»

«Я это знаю с семи лет», — мрачно проворчал Джеральд.

В конце концов Джеральду сообщили, что судно отплывает в Камерун из Ливерпуля. Старый германский грузовой корабль, захваченный англичанами во время войны, должен был отплыть в Африку в начале декабря. Джеральд сел на первый же поезд и отправился навстречу своей мечте. Через пару дней к нему присоединился Йелланд. Багаж экспедиции был благополучно погружен на корабль, а личные вещи заняли свое место в каютах. Прощальные телеграммы были получены вовремя, последние слова прощания сказаны, и сходни подняты. Но корабль категорически отказывался выходить из дока. 2 декабря 1947 года, проведя три дня на борту по-прежнему стоявшего Доке корабля, Джеральд распаковал портативную пишущую машинку и начал писать свое первое послание к маме — первое длинное, членораздельное повествование в своей жизни.

«Дорогая мама,
мы все еще в доках Гарстона в Ливерпуле. Чертов корабль оказался немецким, и никто не знает, как он устроен. Что-то в двигателе испортилось, и вокруг него суетятся толпы потных мужчин, пропахших машинным маслом. Мы уже три дня на борту, но это за счет фирмы, так что все не так уж плохо. Созерцать мы можем только очень грязную пристань, на которой разбросаны гнилые бананы. Джон говорит, что весной здесь будет очень симпатично, так что если мы задержимся достаточно долго...»

Каюта, где поселили Джеральда и его напарника, была большой и прилично обставленной, но больше всего поразила Джеральда корабельная пища, совершенно удивительная для послевоенной Британии, где продукты распределяли по карточкам. «На завтрак, — вспоминал он, — мне подали овсянку с молоком и сахаром, почки и бекон с картофелем, тосты, джем и масло на огромной тарелке,

а также настоящий кофе». Выпивка на судне была удивительно дешевой и лилась, как вода. «Пиво (довоенного качества) стоило десять пенсов, виски и джин обходились в шиллинг, а пятьдесят сигарет мы могли получить за три шиллинга». Капитан, по замечанию Джеральда, оказался «глупым, напыщенным идиотом», зато остальные офицеры были очень «милы». Остальные пассажиры считали Джеральда с его спутником парой гомосексуалистов, но относились к ним с глубокой симпатией и желали им поймать массу зверей.

«Не волнуйся за нас, мы прекрасно проводим время. Большую часть дня мы корчимся от хохота. Надеемся отплыть завтра утром, а если повезет, то уже сегодня вечером.

С любовью, Джерри».

Однако отплыть им удалось только 14 декабря, через две недели после того, как смелые исследователи поднялись на борт. К тому времени смех их несколько поутих, их одолевала скука от нескончаемого ожидания. Корабль поднял якоря, вышел из доков, повернул к Мерси и отправился на юг, в Ирландское море, по направлению к экватору. Впереди были синие моря, залитые тропическим солнцем.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЙ

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

НА КРАЮ СВЕТА: ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАМЕРУН 1947-1948

Трижды корабль чуть не утонул. В Бискайском заливе шторм был настолько силен, что Джеральд и Йелланд свалились со своих коек вместе со всем скарбом. Становилось все жарче. Корабль подходил к Канарским ост-ровам. В море появились обитатели теплых вод, на корабль залетали экзотические насекомые — бабочки, стрекозы и крупные оранжевые божьи ко-ровки. Они появлялись с невидимого, но уже довольно близкого африканского берега.

«Мы видели множество летучих рыб, — писал Джеральд матери. — Вокруг корабля играют дельфины, а вчера мы наблюдали трех китов примерно в пятидесяти футах от нас. На поверхности воды много португальских корабликов, странных медуз с небольшими парусами. Они движутся, подгоняемые ветром. Эти паруса ярко-фуксинового цвета, и на фоне голубого моря они смотрятся великолепно».

Несмотря на все задержки и шторма, корабль продвигался к своей цели. В сочельник он уже находился в сорока милях от побережья Сенегала. Рождество было отмечено поистине лукулловым пиршеством. Сначала в столовой был устроен роскошный обед, затем все принялись распевать Рождественские гимны в каюте помощника капитана, а потом веселье переместилось в гостиную. Естественно, что рождественская вечеринка сопровождалась обильными возлияниями. Это была первая пьянка, живо описанная Джеральдом. На следующее утро он с трудом мог припомнить, что происходило вечером, но Йелланд все записал в своем дневнике.

«Мы набрались до такой степени, что Джерри, который раньше держался от маленького священника и его жены на почтительном расстоянии, почувствовал к ним неожиданный прилив дружеских чувств. Они ушли довольно рано, но, когда священник вернулся в гостиную за оставленной книгой, Джеральд обнял его, сунул ему в рот сигарету, на немыслимом французском обозвал его «мой милый друг» и предложил вместе выпить. Только приход жены священника спас его от участи, худшей, чем смерть. Взглянув на нее, Джерри возопил: «А вот и моя дама!»

Через несколько дней корабль достиг берегов Африки. Этот момент показался Джеральду совершенно волшебным.

«Судно пробивалось сквозь утренний туман по спокойному ровному океану. Едва различимые возбуждающие запахи доносились к нам с невидимого берега — запахи цветов, сырой растительности, пальмового масла, тысячи других опьяняющих запахов, поднятых с земли восходящим солнцем — бледным, влажным сиянием света, слабо мерцающим в тумане. Поднимаясь выше и выше, солнце жаром своих лучей разрывало пелену тумана, висевшего над водой и над берегом. Клочья тумана, медленно поднимаясь вверх, растворялись в воздухе, открывая взору залив и очертания береговой линии. Впервые я увидел Африку».

На блистающей в лучах утреннего солнца воде было разбросано несколько лесистых островков, а за ними виднелся берег, покрытый густыми лесами, над которыми возвышался величественный горный массив Камерун, позолоченный утренним светом. Над островами летали стаи серых попугаев, издавая пронзительные крики и свист. Они направлялись с островов к берегу. Внезапно в разрыве тумана Джеральд увидел крупного орла, охотящегося за рыбой, и двух коричневых коршунов, кружащих над ним в расчете на остатки с барского стола. И затем он снова ощутил волшебный аромат, который становился «сильнее, богаче, опьянял наше воображение картинами огромных лесов, заросших тростником болот и широких тайн ственных рек, мирно текущих под балдахином листвы громадных деревьев», — аромат Африки. «Мы почувствовали себя в мире грез».

Много лет спустя, с ностальгией вспоминая первую высадку на африканском берегу, Джеральд говорил другу: «Это произвело на меня такое впечатление, что я несколько часов, даже

несколько дней после приезда находился словно под воздействием наркотиков. Достаточно было стакана пива, чтобы я воспарил, как орел. Сидеть, пить пиво, наблюдать за ярко-оранжевой ящерицей, покачивать головой... Эти впечатления остались в моей памяти навсегда. Они живы, потому что я тогда жил по-настоящему.

Для Джеральда и его друга Джона Йелланда каждая минута первых дней, проведенных в Африке, каждый вид, каждый звук, каждое лицо, каждое животное и растение было источником удивления и радости. Они словно родились заново — все было им незнакомо и неожиданно. Они бродили, словно в трансе, восхищаясь и радуясь тому, что их окружало.

«В первый же вечер, — вспоминал Джеральд, — мы пообедали и отправились в маленький ботанический сад. Британцы повсюду устраивают ботанические сады, это для них словно загородные клубы. Вооружившись факелами мы спустились к небольшой речке, протекавшей в окружении пышной растительности. Словно пара школьников, мы принялись ловить все, что нас окружало, — древесных лягушек, мокриц, многоножек. Мы вернулись в гостиницу, нагруженные банками и коробками, и разбирали свои трофеи до утра».

Из маленькой белой гостиницы, расположившейся на вершине холма посреди уютной, усаженной цветами столицы Камеруна Виктории, Джеральд в припадке энтузиазма написал матери: «Страна эта просто великолепна. Мы с Джоном буквально захлебываемся от восторга при виде птиц и цветов». Куда бы ни отправились наши исследователи, везде им встречались массы экзотических созданий. На кокосовой плантации неподалеку от города они обнаружили гигантских многоножек — «наша первая добыча, шести футов в длину и толстые, словно сосиски». На берегу их поразили странного вида крабы — «пурпурные, с одной большой клешней и одной маленькой», а также стайки мелких рыбешек, головки которых напоминали миниатюрных бегемотов. «Если здесь все так великолепно, — писал домой Джеральд, — нам крупно повезло».

Джеральду и Джону часто приходилось общаться с местным населением. Делать это приходилось на ломаном английском, универсальном языке, которым Джеральд очень скоро овладел в совершенстве. Вот как описывал он матери типичный разговор с африканцем:

«Я: Доброе утро (очень по-английски).

Абориген: Доброе утро, сар. (Снимает грязную тряпку, заменяющую ему шляпу.)

Я: Мы ищем маленькую добычу[1]. Здесь есть маленькая добыча?

Абориген: Сар?

Я: Маленькая добыча. МАЛЕНЬКАЯ. ДОБЫЧА.

Абориген: А! Маленькая добыча, сар? Да, у нас есть много, сар, много!

Я (викторианским тоном): Где эта маленькая добыча, а?

(Абориген издает ряд восклицаний и жестов, которых я не понимаю.)

Я (притворяясь, что понял): Ага! Это место далеко-далеко? Абориген: Нет, сар, вы идти, идти пять минут, сар. Я (торжественно воздевая руки): Хорошо, ты показать мне.

Процессия пускается в путь. Впереди идут два аборигена, за ними мы с Джоном, ощущая себя так, словно снимаемся в голливудском фильме. Так мы проходим примерно полмили, а потом наши проводники принимаются отчаянно спорить на берегу довольно бурной реки. Я спросил одного из них, как можно переправиться на тот берег, и он сказал, что перенесет нас. Полагая, что другого выхода у нас нет, я вознес краткую молитву Господу и взгромоздился ему на спину. Как он перебрался через реку, я не знаю: вода доходила ему до бедер, а дно было довольно каменистым. К моему удивлению, он благополучно высадил меня на другом берегу и отправился за Джоном. Я никогда не видел ничего смешнее — Джон сидит на туземце, одной рукой вцепившись ему в шею, а другой придерживая сумку с банками и коробками для образцов. Когда они добрались до середины реки (самая трудная часть путешествия), Джон начал смеяться и его веселье заразило туземца. Он остановился посреди реки и согнулся от хохота Я думал, что они оба свалятся в речку и все мои ценные экспонаты унесет течением».

Безопасно преодолев реку и тронувшись на поиски «маленькой добычи», англичане ощутили страшную жажду и спросили у своих проводников, нет ли поблизости кокосовых пальм. Кокосовое

[1] У африканцев любое животное называется «добыча». Звери подразделяются на четыре категории: «маленькая», «большая», «плохая» и «очень плохая» добыча.

молоко — единственный напиток, который в Африке можно пить без опаски.

«Мы проделали в скорлупе отверстия и сели на обочине дороги немного подкрепиться. Примерно в полумиле от нас росли высокие пальмы. Мы могли видеть, как мужчины забираются на пальмы, усаживаются на макушке и обрубают длинные ветви. Каждая ветка падала с пронзительным свистом, а когда она достигала земли, раздавался гулкий удар. Во время работы африканцы пели, и слушать это пение было очень приятно. Они пели обо всем, что видели, завершая каждый куплет протяжным припевом «Эоооо, эоооо». Когда Джон садился в машину, они пели: «Вот Джон садится в машину, эоооо, эоооо». Затем африканцы делали короткую паузу и пели: «Он едет в Беманду за молоком... эоооо, эоооо». И так далее. Вокруг нас пели птицы, доносился свист падающих ветвей, протяжное пение африканцев — и все эти звуки эхом отдавались в стволах деревьев. Это было чудесно. Джон сел, утирая пот, струившийся по его лицу, отхлебнул кокосового молока из своего ореха и сообщил мне: «Чертовски здорово, а, парень?»

Виктория была всего лишь прологом к настоящему шоу, а «маленькая добыча» ни в какое сравнение не шла с «большой, большой добычей», которую Джеральд с Джоном рассчитывали поймать в диких джунглях. Всю первую неделю они разбирали багаж и готовились к шестимесячному путешествию, которое им предстояло. Они намеревались проехать двести миль добраться до маленького городка Мамфе, разбить там лагерь и собирать животных в первобытном тропическом лесу.

В понедельник, 5 января 1948 года они наконец-то двинулись в путь. Такие путешествия стали для них обычными в последующие полгода. Для начала грузовик опоздал на четыре часа и прибыл до отказа забитым родственниками и знакомыми шофера. «После продолжительной, шумной и бестолковой перебранки пассажиры были высажены из машины со всеми хозяйственными предметами и домашним скотом. Затем шофер подогнал машину для погрузки; в связи с тем, что он при этом два раза наехал на живую изгородь и крепко задел стену гостиницы, мое доверие к его профессиональным способностям значительно уменьшилось, — вспоминал Джеральд. — Имущество наше было погружено в машину с такой ужасающей быстротой и небрежностью, что я принялся гадать, какая его часть доедет до Мамфе неповрежденной. Позднее выяснилось, что пострадали лишь наиболее необходимые и труднозаменимые вещи». На лобовом стекле грузовика большими белыми буквами было выведено «С богом!». «Только значительно позже мы поняли, какой насмешкой звучала надпись на машине».

Итак, великое путешествие началось. В письме к матери, которое никогда прежде не публиковалось, Джеральд так описывал начало этого пути:

«Итак, мы готовы были отправиться. Мы с Джоном вышли из гостиницы и уселись настолько величественно, насколько это позволяли обстоятельства. Мы пронеслись по Виктории и проехали примерно пять миль, когда грузовик издал невероятно впечатляющее рычание, затем некоторое бульканье и двигатель заглох. Мы вылезли из машины. Пока шофер и остальные участники экспедиции копались во внутренностях мотора, Пайос (наш стюард) разложил на обочине дороги скатерть, достал пиво и принялся отгонять мух от наших лежащих тел. Примерно через полчаса все было готово, мы снова уселись и двинулись дальше со скоростью 15 миль в час. Через десять миль чертов двигатель снова заглох, и все повторилось снова. На пути до Кумбы (городка, где мы намеревались заночевать) мы останавливались четыре раза.

Примерно в десяти милях от Виктории плантации кокосовых пальм уступили место лесам. Мы с Джоном буквально рты разинули от удивления. Ты не представляешь, насколько здесь красиво: гигантские деревья, в сотни футов высотой, склоняются над дорогой. Каждое дерево укрыто древесными папоротниками, серым мхом и лианами с меня толщиной. На одиноком телеграфном проводе сидят сотни зимородков, каждый не больше ласточки, но раскрашен в ярко-оранжевый и голубой цвета. На деревьях расположились стаи птиц-носорогов, а по обочинам дороги шныряют очень красивые ящерицы с оранжевой головкой, ярко-голубым тельцем, по которому разбросаны красные, желтые и ярко-зеленые пятна. На солнце они кажутся невероятно яркими. Однажды из-за грузовика раздался истошный вопль. Мы вскочили, думая, что наш повар свалился и погиб. Оказалось, что он увидел крупную ящерицу (Джон утверждает, что она была четыре фута длиной) на обочине дороги. Мы слезли и окружили эту тварь. Мы стали медленно приближаться, и тогда ящерица набросилась на

водителя. Тот, решив, что благоразумие — главное достоинство храбрости, бросился бежать. Так что мы смогли увидеть только длинный хвост, исчезающий в кустах.

Местность вокруг довольно холмистая, холмы покрыты густыми лесами. На каждый холм мы поднимались с пугающим скрежетом, производимым коробкой передач нашей машины. Спускаясь с другой стороны холма, мы непременно натыкались на речку, которую приходилось преодолевать по мосткам, перекинутым через глубокие овраги. Джон назвал эти мостки «смертельной ловушкой» — четыре прогнивших бревна, связанных несколькими сомнительными веревками, без каких бы то ни было поручней или чего-либо в этом роде. После четвертого такого моста мы к ним привыкли и уже можем преодолевать их, не зажмуриваясь».

Примерно к пяти часам машина добралась до Кумбы, где они остановились на ночь в доме местного врача — «симпатичного толстенького маленького шотландца, увлеченного орнитологией». Шотландец с гордостью продемонстрировал им свою коллекцию птичьих шкурок. На рассвете машина снова тронулась в путь. Где-то около полудня они добрались до Бакебе и сделали остановку на три дня, так как гостиница в Мамфе была занята.

«В Бакебе было чудесно. Мы оказались в самой гуще леса. На следующий день я нанял охотника и двух мальчиков. Вооружив их нашими ружьями, я отправился в джунгли, подобно Фрэнку Баку. В чаще леса царит зеленоватый полумрак. Повсюду возвышаются огромные термитники, напоминающие гигантские грибы. Вокруг летают необычные белые бабочки, которые мелькают между стволами деревьев, как обрывки белого кружева. На солнечных полянках живет множество насекомых, в том числе и черные муравьи длиной в полтора дюйма. К несчастью, они обнаружили меня прежде, чем я их, и это оказалось весьма болезненно. Я пританцовывал на полянке, а охотники стряхивали с меня муравьев, приговаривая: «Простите, сар», словно это они насажали на меня кусачих тварей. Стоит споткнуться о корень, как слышишь сзади три голоса, вразнобой повторяющих: «Простите, сар». Мы увидели нескольких обезьянок на деревьях, следы дукеров, мелких крыс и леопардов. Потом мы обнаружили следы рыжей водосвинки и решили выследить зверя. Мы прошли примерно четыре мили и наткнулись на целую стаю. Один детеныш находился примерно в двадцати футах от меня».

Наконец-то натуралисты смогли приступить к непосредственному собиранию животных. На следующий день Джеральд отправился в лес и среди других зверей поймал существо, оказавшее огромное влияние на его будущую карьеру. Это была волосатая лягушка — «здоровенная лягушка, ноги и туловище которой покрыты удивительными наростами, напоминающими волосы». Но большую часть собранных животных составляли звери, пойманные и подаренные другими людьми. Агент компании «Юнайтед Африка» в Бакебе подарил Дарреллу домашнего детеныша собакоголового павиана, доктор из Кумбы прислал двух птенцов гигантского зимородка, англичанин, живший в сотне миль от Бакебе, предложил Джеральду трехлетнего шимпанзе, местный мальчишка принес «очаровательную крысу с рыжим мехом и желтым животиком», а житель соседней деревни притащил детеныша дрила (на сегодняшний день эти обезьяны в Африке находятся в наиболее бедственном положении).

«Мой дрил — очаровательное крохотное создание ростом примерно в один фут. Он еще очень маленький, и розовые пятнышки у него на спинке размером всего в шиллинг. Сначала он дичился, но очень скоро стал совсем ручным. Когда я возвращаюсь из леса, дрил с громкими криками бросается ко мне, обхватывает мою ногу, забирается до талии и замирает там, издавая тихое блаженное попискивание. Уверен, что, когда мы начнем раздавать зверей, мне не захочется с ним расставаться».

Джеральд всем сердцем полюбил Камерун. Его совершенно очаровал извечный покой девственных лесов, он с восторгом следил за птицами и животными, населяющими этот удивительный мир. Мир дикой природы радовал его не меньше, чем собственная, постоянно растущая коллекция. Но из писем и полевых дневников становится ясно, что Джеральд Даррелл, приехавший в Камерун в 1948 году, — это совсем не тот Джеральд Даррелл, которого позже узнает весь мир. И в одном отношении смелый два-дцатитрехлетний англичанин вряд ли бы сумел привлечь сердца тех, кто искренне полюбил его впоследствии. Джеральд искренне любил животных, но смело отправлялся на охоту, если считал это необходимым. Он отправлялся в джунгли Камеруна с ружьем, позаимствованным у Лесли, он отлично умел обращаться с оружием и, не колеблясь, пускал его в ход. Это считалось совершенно нормальным. Ни одна уважающая себя экспедиция в Африку в те дни

не обходилась без солидного набора оружия — ведь нужно было питаться самим и кормить собранных плотоядных зверей. Но порой молодой Джеральд Даррелл давал волю своему охотничьему инстинкту без особой необходимости, чего он никогда бы не сделал в более старшем возрасте.

Через день после прибытия в Бакебе он попытался подстрелить рыжую водосвинку, считая, что из нее получится отличный ужин, и забывая о том, что за живой экземпляр этого животного он получил бы в Англии сто пять-десят фунтов стерлингов (по сегодняшнему курсу эта сумма равняется примерно трем тысячам). 7 января, в свой двадцать третий день рождения, он подстрелил черного коршуна, воровавшего цыплят. Джеральд убил птицу влет в разгар деревенского праздника под восторженные крики местных жителей. «Толпа пронесла меня по главной улице, — писал он домой, — с воплями и песнями. Все пели и танцевали. Тушку птицы я подарил вождю племени, мы вежливо раскланялись и обменялись комплиментами. Я чувствовал себя словно в фильме о Тарзане. Моими усилиями репутация Белого Человека не только не пострадала, но и серьезно укрепилась».

В субботу 10 января экспедиция выехала из Бакебе и направилась в Мамфе. Вот как рассказывал о довольно затруднительном путешествии на север Джеральд:

«Утром мы тронулись из Бакебе в Мамфе. Все складывалось невероятно смешно. Представить себе подобную сцену просто невозмояшо. Наш багаж громоздился огромной горой в шесть футов высотой — коробки с птицами, крысами, насекомыми и лягушками. За всем этим богатством присматривали Пайос, наш стюард, Филлаи, повар, охотники — Эмануэль, Дэниел и Эдвард, плотник с женой и ребенком, жены и дети охотников, жена вождя племени и трое детей агента компании «Юнайтед Африка». Все рассчитывали вместе с нами добраться до Мамфе. А кроме тех, кого я уже перечислил, на наши проводы пришли примерно пятьдесят родственников, желавших проводить отъезжающих. Было уже около двенадцати. Грузовик должен был прийти к восьми. Но к подобным опозданиям мы уже привыкли. Наконец грузовик прибыл, и, слава богу, он оказался довольно вместительным. Но водитель привез с собой шестерых родственников, которым захотелось прокатиться. Как нам удалось запихнуть все наше богатство в кузов — ума не приложу. Примерно шестьдесят человек с пронзительными криками носились вокруг грузовика, пытались залезть в кузов, в воздухе летали связки ямса, сладкого картофеля и бананов. Огромная толпа родственников совершенно меня оглушила. Когда наконец провожающие отхлынули, я смог забраться в грузовик. Указав на коробки и клетки со зверьем, я грозно сообщил, что, если хоть одно животное погибнет или пострадает по дороге до Мамфе, я всех посажу в тюрьму. После этого африканцы притихли, словно мышки, и мы благополучно добрались до Мамфе».

Мамфе располагается в самой судоходной части крупной реки Кросс-Ривер на границе с необитаемой территорией Камеруна. Это довольно нездоровое место: здесь очень распространена малярия, да и проказа — не редкость. Джеральд и Джон провели в Мамфе около недели. Они часто обедали в обществе живущего в Камеруне англичанина по имени Робин. Его дом располагался на холме в четырехстах футах выше реки. Джеральда совершенно очаровал подобный образ жизни — в самом сердце Черной Африки, вдали от цивилизации, но тем не менее во вполне комфортных условиях.

«Дом стоит у слияния двух рек. Водная гладь вокруг широка и необозрима, словно крупное озеро. На берегах раскинулся девственный лес, а посередине красуется белоснежная песчаная отмель. По вечерам можно увидеть, как пять бегемотов, живших в реке, резвятся и плещутся в воде. Сумерки сгущаются, и вот животных уже не видно, а слышен только их рев, ворчание и плеск. Две реки сливаются в окружении довольно скалистых берегов, которые соединены так называемыми подвесными мостами. Термиты славно потрудились над этими хлипкими сооружениями за последние двадцать лет. Доски скрипят и крошатся под ногами, когда идешь по такому мостику в ста двадцати футах над стремительным потоком и острыми скалами. Над водой снуют зимородки и ласточки, красные и голубые, а но вечерам на окружающих реку деревьях резвятся обезьяны».

В те времена жизнь в Африке была довольно привлекательной для европейцев, решивших поселиться среди девственной природы. В Камеруне не было отелей, ресторанов, магазинов, кинотеатров, библиотек, электричества и — Джеральд сделал на этом особый упор — белых

девушек. Но в качестве компенсации этих неудобств путешествующие британцы могли позволить себе роскошь образа жизни, практически не изменившегося со времен расцвета Империи. Джеральд чувствовал себя здесь, как рыба в воде. Он не мог удержаться, чтобы не написать домой о том, насколько его жизнь в Африке отличается от лишений послевоенной поры в Англии.

«Если забыть о тяжелой работе, связанной с уходом за животными, мы живем здесь, как настоящие аристократы. Нас окружает роскошь. Если нам захочется, мы можем менять рубашки хоть пять раз в день. Я пишу это письмо вот уже полтора часа: я сижу за столом, возле меня стоит стакан пива, а Пайос, наш стюард, почтительно стоит за моим стулом, готовый в любой момент наполнить опустевший сосуд и подать мне новую сигарету, когда я докурю ту, что торчит сейчас у меня во рту. Пайосу всего шестнадцать лет, но он просто великолепен. Ему удается содержать весь дом в идеальном порядке. Наши постели всегда заправлены, стол накрыт, ванна наполнена водой и так далее. Сейчас время обеда, и до меня доносятся соблазнительные запахи — готовят здесь очень вкусно. Цыпленок стоит три шиллинга, бананы — пенни за связку из двенадцати штук. Нам выделяют четыре бутылки виски на месяц, но я выпиваю их в одиночестве, Потому что Джон не пьет. За обедом и по вечерам мы курим сигары, которые тут удивительно дешевы. Штат нашей прислуги состоит из двух поваров, двух стюардов и мальчишки-прачки, а также плотника, которому мы платим два шиллинга в день. Мы собираем животных в полной роскоши».

Из честных, откровенных писем, посланных Джеральдом матери, становится ясно, что он полюбил Африку и освоился на новом континенте сразу же, как только ступил с корабля на твердую землю. Он впервые уехал из Европы (если не считать самого раннего детства). Старомодный, колониальный образ жизни пришелся Джеральду по душе. Цвет кожи и национальность автоматически причислили его к элите местного общества, как только он ступил на землю Камеруна. По своему отношению к местному населению и восприятию собственного статуса и положения Джеральд стал колонизатором из колонизаторов. Он смело общался и с людьми, и с животными, не испытывая ни малейшего страха или затруднения. Время от времени в своих письмах он шутливо называл себя «строителем империи» или «великим белым хозяином».

Освоившись с имперской ролью, Джеральд отправляет домой письма с рассказами о ходе экспедиции. Читать их довольно удивительно. Вот рассказ о том, как он покупал у местного охотника довольно редкую птицу.

«Охотник сидел на земле, надвинув шляпу на глаза и куря сигарету. Он подробно объяснял собравшимся африканцам, какой он умный, что сумел поймать такое существо. Охотник поздоровался со мной, не поднявшись, не сняв шляпы и не вытащив сигареты изо рта. К тому моменту я уже был в ярости. «Поднимись, сними шляпу, вытащи изо рта эту гадость и поздоровайся со мной, как положено!» — заорал я в лучших традициях Великого Белого Хозяина. Охотник подчинился, как нашкодивший школьник».

Пятьдесят лет спустя читать такое неудобно. Но в то время подобное поведение было совершенно естественным и даже обязательным для англичанина в Африке. Для новичка в колониальном мире не было иных примеров поведения, а любые отклонения от неписаных правил имперской игры грозили серьезными осложнениями.

Осложнял положение Джеральда и его возраст. Он был обаятельным молодым человеком, обладающим уверенностью в себе и способностью убеждать. Но, как и у любого человека его возраста, уверенность в себе с легкостью превращалась в высокомерие, эготизм — в эгоизм, а энтузиазм — в хамство. Джеральд был замечательным человеком, обаятельным и интересным, с отличным чувством юмора. Но он с легкостью поддавался перепадам настроения, мог быть чрезмерно властным и грубым. Среди воспитанных, вежливых англичан среднего класса в Англии сороковых годов он постоянно ощущал ограничения, накладываемые на него обществом. Но в Африке богатый член Белого Клуба буквально расцвел на глазах. Казалось, что в дебрях африканских джунглей джинн вырвался из бутылки. Может быть, этот джинн и не всегда заслуживал одобрения, но это был настоящий джинн. С возрастом Джеральд Даррелл обрел мудрость и сострадание к человеку, чувство ответственности за живую природу и за создания, населяющие этот мир.

Со временем англичане решили разделиться. Джон Йелланд устроил свой лагерь в Бакебе, где было удобно собирать птиц, а Джеральд перебрался в Эшоби, небольшую деревушку, затерянную в джунглях экваториального леса, тянувшегося на сотни миль и подступавшего к горам — царству горилл. Место для сбора животных и рептилий было выбрано идеально.

В среду 18 января 1948 года Джеральд со своими спутниками покинул комфорт и роскошь Мамфе, променяв их на сомнительные радости Эшоби. По словам местных жителей, в Эшоби без труда можно было найти любое животное. Проехать в эту деревушку было невозможно, поэтому экспедиция отправилась пешком, таща весь багаж на спинах, как в древние времена. Отправление в Эшоби оказалось еще более живописным и необычным, чем все предыдущие переезды.

«Мы с Джоном завтракали под деревьями во дворе гостиницы, когда появились десять моих носильщиков. Вид их не предвещал ничего хорошего.

— Не думаю, что ты дойдешь до Эшоби в такой компании, — с сомнением проговорил Джон. — Скорее всего, ты будешь съеден ими, прежде чем вы успеете пройти полмили по лесу.

...В это время подошел парикмахер, чтобы подстричь меня перед уходом в Эшоби. Мысль о том, что перед уходом в лес следует подстричься, была высказана Джоном, и я счел ее вполне разумной.

Я сел, парикмахер почтительно накрыл меня простыней и приступил к работе. Вдруг носильщики начали дружно прыгать, отряхиваться и громко ругаться. Я ничего не понимал, пока не почувствовал на ноге несколько острых укусов: посмотрев вниз я увидел колонну муравьев, приготовившихся к атаке. Подо мной переливалась сплошная черная масса. Я позвал на помощь, двое слуг подскочили ко мне, закатали брюки и начали снимать с ноги муравьев... Создавшаяся ситуация заслуживает описания: носильщики прыгают, пытаясь избавиться от муравьев и очищая от них наш багаж, я усмиряю дрилов, путаясь при этом в простыне парикмахера, а двое слуг продолжают снимать с меня муравьев».

В конце концов экспедиция была готова к выходу. Носильщики взвалили на спины тюки с багажом, процессия двинулась к ближайшему подвесному мосту и постепенно исчезла в лесу по направлению к Эшоби. За талию Джеральда держались два крохотных дрила, а на руках он нес маленького крокодила, завернутого в простыню. «Мои носильщики зловещего вида шагали вперед, нагруженные багажом, — писал Джеральд матери. — Рядом со мной, как личные телохранители, шествовали Пайос и мой повар, а следом семенил Дэн, который нес кошелек и стеклянные банки. Мы пересекли два шатких подвесных моста. Наша экспедиция более всего напоминала Стэнли, разыскивающего Ливингстоиа в джунглях Африки». Джон Иелланд проводил своего друга до подвесного моста через Кросс-Ривер. На другой стороне Джеральд оглянулся и помахал компаньону рукой, а затем повернулся и углубился в лес.

Дорога до Эшоби оказалась невозможно плохой — она постоянно петляла, шла в гору, была очень узкой и страшно длинной. В письме домой Джеральд писал:

«Порой ты чувствуешь тропинку под ногами, а временами она полностью исчезает. Большую часть времени тратишь на то, чтобы перелезать через огромные валуны футов шести высотой, через поваленные деревья и прорубать дорогу среди ползучих лиан. Малютки-дрилы вели себя очень хорошо. Они занимались друг с другом, не требуя моего внимания. Время от времени они попискивали, чтобы я знал, что они все еще со мной. Через час дрилы уснули, и мне пришлось поддерживать их рукой, чтобы они не свалились. Когда мы остановились на привал, чтобы выпить пива, Эймос (маленький дрил) бессовестно описал меня, но я был уже настолько мокрым от пота, что практически этого не почувствовал. По пути к деревне нам пришлось преодолеть быструю речку по весьма неустойчивым и скользким камням. Когда я наконец добрался до берега, то чувствовал себя настоящим победителем. С радостным воплем я прыгнул на берег, но тут оказалось, что он довольно глинистый, ноги у меня разъехались, и я грохнулся в грязную воду. Дрилы заверещали от ужаса и стали карабкаться мне на голову. Пайос и повар бросились мне на помощь, повторяя традиционное «Простите, сар». В конце концов мы все же добрались до деревни».

Теперь Джеральд сумел на собственной шкуре ощутить все прелести африканской жизни. В Эшоби он вошел вспотевшим, промокшим, уставшим, грязным и разозленным. Несколько дней назад он отправил в деревню гонца, чтобы тот подготовил базовый лагерь. Теперь Джеральд, осмотрел приготовленные строения и остался совершенно не удовлетворен. Конечно, до голливудских красот

Эшоби было далеко, но все же то строение, которое предстало перед взглядом натуралиста, напоминало лачугу, покрытую банановыми листьями. Джеральд изловил своего посыльного и приказал немедленно устроить все, как должно.

«Вскоре собралась целая бригада, — писал он матери, — по большей части состоявшая из весьма уродливых старух, более всего похожих на ведьм. На них были только какие-то грязные тряпки, обмотанные вокруг пояса. Все старухи курили короткие черные трубки». Через полчаса Джеральд решил вернуться в деревню за пивом. «Пайос заставил владельца единственных в деревне стола и стула уступить их мне, и я по-царски расположился под единственным же деревом, росшим в центре деревни».

В Эшоби Джеральд впервые лицом к лицу столкнулся со всеми прелестями племенной жизни в буше — с нуждой, лишениями и болезнями. «Вокруг меня собралось все население деревни, демонстрируя симптомы всех известных науке болезней — от фрамбезии до проказы. Даже маленькие дети, которым было не больше пяти, с ног до головы были покрыты огромными язвами, в которых копошились мухи. У одной женщины напрочь отсутствовала пятка. У другого мужчины не было носа и половины пальцев». Джеральд с трудом допил пиво и вернулся в свой лагерь, несколько напуганный перспективой пребывания в столь нездоровом месте.

За время его отсутствия в лагере навали порядок, построили кухню, более-менее правильно раскинули палатки. Уже начали строить иомещешш для животных — «Дом Добычи». С визитом вежливости пришел вождь племени, все нанятые Джеральдом работники приступили к исполнению своих обязанностей. Так началась первая экспедиция Джеральда Даррелла в джунгли Африки.

Надо сказать, что началась она не слишком хорошо. В первую же ночь в Эшоби разыгралась жуткая гроза. Дождь подмыл неваяшо установленные палатки, и утром оказалось, что практически все имущество промокло — постель, книги, сам натуралист, словом, все. В своем дневнике 22 января Джеральд записал:

«Проснулся промокший и продрогший после ужасной ночи, выпил немного виски с чаем. После этого оказалось, что смерть отступила. Поднялся и побрился. Крокодил укусил меня за палец, ранка воспалилась, пришлось промывать и лечить. Утром оказалось, что Пайос заболел. У него жар, хотя пульс нормальный. Не имея специальных медикаментов, дал ему виски с аспирином, укрыл всеми имеющимися одеялами и заставил потеть. В три часа он был совершенно здоров и после еще одного глотка виски приступил к работе. Мне приходится держать птиц в коробках, что им не нравится. Если бы Джон это увидел, он бы меня убил, старый страус».

Почти сразу же стали поступать животные. Джеральд отправил маме список своих приобретений:

«Четыре дикобраза (по пять шиллингов за каждого); один мангуст (два Шиллинга); одна летучая мышь (один шиллинг); четыре детеныша крокодила (по пять шиллингов — самый длинный в четыре фута длиной); два броненосца (пять шиллингов каждый), девять черепах (по одному шиллингу), десять крыс за два шиллинга (они замечательно зеленые с яркими мохнатыми спинками и носами); один взрослый желтый бабуин за два фунта и один красноухий гвенон за два шиллинга».

Даже Джеральду было трудно точно определить, к какому виду принадлежат приобретенные им животные, но один или два привлекли его внимание.

«Желтый бабуин, которого я назвал Джорджем, поступил ко мне из Французского Конго, проделав путь в пять сотен миль. Представляете, как быстро распространяются здесь новости — уже в Конго знают, что я покупаю животных. Джордж ростом в два фута и ручной, как котенок. Если почесать его под мышкой, он валится на спину и заливается смехом. Африканцы поначалу боялись его, но скоро полюбили, и теперь он большую часть времени проводит на кухне, учиняя там настоящий разгром. Если обед задерживается, значит, Джордж опять разлил суп или устроил какое-нибудь другое безобразие.

Красноухий гвенон совершенно очарователен. Его спина разрисована зелеными полосами, ноги и руки симпатичного серого цвета, щеки белые красные уши и красный хвост длиной два фута. Ярко-красный! У него самые крупные светло-карие глаза, какие мне только доводилось видеть у обезьян. Он издает приятное, негромкое щебетание, похожее на птичье. Пальцы у гвенона длинные и

костлявые, как у старика. Когда даешь ему пригоршню кузнечиков, он берет их своими длинными пальцами, внимательно рассматривает и отправляет в рот, а потом инспектирует состояние своих ладоней — все ли пальцы на месте».

Экспедиция Джеральда произвела огромное впечатление на невероятно бедное население окрестных деревень. Африканцы являлись в любое время дня и ночи, порой проходя довольно длинный путь. Они приносили настолько странных и разнообразных животных, что даже профессиональный зоолог затруднился бы с точным определением половины из них. Самым замечательным в работе Джеральда было то, что он никогда не знал, какое животное появится из очередной корзины — маленькое или большое, редкое или обыкновенное, опасное или кроткое.

Как-то раз в два часа ночи Джеральда разбудил дрожащий ночной сторож, сообщивший ему, что прибыл человек с огромным питоном. Джеральд с неохотой поднялся, ожидая увидеть охотника с двухфутовой змеей. «Толпа, в которой оказались почти все жители деревни, хлынула в лагерь. В центре беснующейся, жестикулирующей массы людей четыре человека несли на палках на плечах огромную плетеную корзину, напоминавшую своими очертаниями гигантский банан. Они поставили корзину к моим ногам. ...В корзине, заполнив ее целиком, находился питон таких размеров, какого мне еще не приходилось видеть. Он был настолько велик, что не умещался в корзине: около трех футов хвоста змеи торчало наружу и было крепко притянуто лианами к внешней стороне корзины». Когда стало ясно, что вытряхнуть змею из корзины не удастся, Джеральд попытался вытащить питона за хвост. Когда и этот маневр окончился неудачей, он стал тащить ее за голову. Но питон упорно не желал покидать свое убежище. Пришлось разрезать корзину и вытряхивать питона. «Питон смотрел на меня сверкающими черными глазами и громко шипел. Мне пришлось сбегать в палатку и подкрепиться добрым глотком виски, чтобы успокоить разгулявшиеся нервы. Теперь я Первый Человек в деревне, потому что прикоснулся к голове и к хвосту змеи и остался в живых».

Большинство животных, приносимых в лагерь, были вполне обыкновенными. За редкими экземплярами Джеральду приходилось отправляться самостоятельно. Вот как описывает он свое первое путешествие по тропическому лесу. Красота леса, звуки и запахи девственной природы очаровали Джеральда навсегда.

«В листве под ногами копошатся сотни видов насекомых, каких я не только никогда не видел, но о каких я даже никогда не слышал. Стоило перевернуть прогнившее бревно, как перед моими глазами открывался мир, подобного которому не встретишь даже в фантастическом романе. Каждое дуплистое дерево — это общежитие для самых разных созданий от змей до летучих мышей, от сов до удивительных пауков. Любой лесной ручеек встречал меня лягушачьим хором, балетом крохотных рыбешек, а с укрывающих речушку деревьев дождем сыплются разнообразные плоды, ветки, лепестки цветов. Повсюду кишат млекопитающие, птицы, рептилии и насекомые, обитающие в этом залитом солнцем, благоухающем царстве природы. Никогда не знаешь, куда посмотреть. Каждый лист, цветок, лиана, любое насекомое, рыба, лягушка или птица заслуживают самого подробного изучения. Я знаю, что ночью лес поступает в распоряжение совершенно других, спрятавшихся от солнечного света созданий. Любому натуралисту прекрасно известно, что ничто так не сбивает высокомерие ученого, как тропический лес».

Джеральд ощущал свое единение с миром окружающих его джунглей. «В Камеруне я побывал в соборе, — вспоминал он, — уходящем высоко в небо, так что было невозможно разглядеть фрески на потолке. Таким собором был для меня тропический лес. Не побывав в тропическом лесу, невозможно себе представить, насколько он сложен, удивителен и разнообразен. Впервые читая «Путешествие на «Бигле» Чарлза Дарвина, я считал, что он поддался поэтическому преувеличению. И только здесь, в Африке, я понял, что Дарвин не сумел по-настоящему оценить всю красоту тропического леса».

Охота в этом первобытном мире была трудным, а порой и опасным занятием. Однако Джеральд очень быстро стал в этом деле настоящим специалистом. Охотничьи вылазки его не пугали. В погоне за соблазнительной добычей он считал, что цель оправдывает средства.

«Я совершал совершенно незаконные поступки, охотясь по ночам при свете фонарей. Мы пользовались фонарями, похожими на шахтерские. Их укрепляли на лбу. В ярких лучах можно было

видеть, как сверкают глаза животных, а свет настолько ослеплял их, что мы могли ловить зверей голыми руками. Каждую ночь я в сопровождении нескольких охотников отправлялся в лес, пытаясь раздобыть чрезвычайно редкого лемура — ангвантибо. Если бы мне удалось его поймать, сотрудники Лондонского зоопарка были бы на седьмом небе от радости. Но пока удача мне не улыбнулась.

В ту ночь нам не везло. Мы прошли несколько миль, не встретив ни одного животного. Затем мы вышли на берег реки. Речка была не слишком широкой, но довольно быстрой. Берега ее состояли из огромных плит серого песчаника. Вода пробила в камне несколько своеобразных канатов примерно трех футов шириной и двух футов глубиной. Берега речки густо поросли папоротниками. Со мной были всего два охотника. Элиас — маленький и толстый, с лицом старого боксера — переваливался с боку на бок. Он любил яркие саронги с голубыми и оранжевыми цветами по всему полю. Другого охотника звали Андрая[2]. Он был высоким и гибким, обладал красивым лицом и удивительно длинными пальцами. Походка Андраи была осторожной, крадущейся. Он жестикулировал, как типичный грек, а в одежде предпочитал бледные, пастельные тона. В эту ночь к нашему постоянному составу присоединился молодой парень по имени Эймос, на которого мы нагрузили все сети, сумки и мешки. Эймос оказался для нас довольно странным спутником. Он часто спотыкался, с грохотом ронял жестяные банки, с шумом раздвигал кустарник и при каждом удобном случае цеплялся за ветки различными частями своего груза.

Мы решили пройти вдоль этих каналов. Первым шел Элиас, за ним я, за мной Андрая, а за ним наш придурок Эймос, производивший шума не меньше, чем стадо испуганных слонов. Элиас сказал, что мы можем встретить крокодилов, и вырезал мне рогатину на случай подобной встречи. Я подумал, что вероятность такого события весьма мала, поэтому, когда никто не видал, выкинул свою рогатину. Не успел я это сделать, как Элиас внезапно остановился и протянул мне руку, шепотом прося передать ему рогатину. Я ответил, что потерял ее. Элиас застонал от возмущения, вытащил свое мачете и кинулся вперед. Я попытался рассмотреть, кого же он пытается поймать. И тут я увидел что-то темное, извивающееся, размером примерно с детеныша крокодила. Элиас подкрался ближе, сделал быстрый бросок и попытался прижать лежавшего зверя к песку плоской поверхностью ножа. Это ему, однако, не удалось, зверь проскользнул между ногами Элиаса и, нырнув в воду, быстро поплыл в сторону Андраи. Тот бросился ему навстречу, но зверь проскочил мимо него и, похожий на миниатюрную торпеду, устремился в мою сторону. Я был убежден, что мы имеем дело с крокодилом, поэтому, когда животное приблизилось ко мне, я бросился на него, стремясь сверху схватить его голову. Зверь судорожно метнулся в сторону, я почувствовал, как его тело скользнуло по моей груди, руки мои не успели ухватиться за него, и он поплыл дальше. Теперь на пути зверя оставался только Эймос. Андрая, я и Элиас наперебой кричали, объясняя ему, что нужно делать. Эймос остановился и с разинутым ртом смотрел на плывущего зверя. Приблизившись к Эймосу, не сделавшему ни малейшей попытки схватить его, зверь проплыл мимо него и спокойно направился дальше, поднимая легкую волну. Он успел доплыть до груды крупных камней на берегу, а Эймос все еще стоял неподвижно и следил за ним.

...Эймос показал нам скалу, под которой спрятался зверь. Скала находилась около воды, чуть выше поверхности воды находилось отверстие, в котором скрылся зверь. Элиас и Андрая одновременно склонились к ней и стукнулись с размаху головами. После короткой перебранки Андрая снова наклонился и засунул руку в нору с целью определить, какова ее длина. Зверек, очевидно, приготовился к таким действиям. Через мгновение Андрая с криком боли вытащил обратно окровавленную руку.

— Эта добыча кусает людей, — произнес Элиас с видом человека, сделавшего важное открытие.

С трудом удалось нам доказать Андрае, что именно ему, как самому высокому из нас, следует снова просунуть руку в нору и извлечь оттуда зверька. В ходе острой дискуссии Элиас и Андрая взаимно обвинили друг друга в трусости и успешно доказали ошибочность подобного утверждения.

Андрая лег на живот в шести дюймах от воды и стал медленно вводить руку в нору, все время объясняя нам, как умно он это делает. Затем наступило короткое молчание, нарушавшееся только яростным сопением Андраи, старавшегося нащупать зверя. Вдруг раздался торжествующий крик, Андрая вскочил на ноги и выпрямился, держа зверька за хвост.

---

[2] Джеральд Даррелл в своих книгах называет охотника Андрея. На самом деле его звали Андреас, он до сих пор жив.

До последней минуты я был убежден, что мы имеем дело с очередным детенышем крокодила, поэтому, увидев находящегося в руке Андраи зверя, был сильно удивлен. Андрая раскачивал за хвост крупную, с приглаженной шкуркой водяную землеройку — одно из редчайших животных Западной Африки.

Землеройке, однако, быстро надоело висеть на собственном хвосте, она слегка повернулась, грациозно подтянула свое мускулистое, гибкое тело и впилась зубами в большой палец Андраи. Гордый охотник взметнулся в воздух, разразился душераздирающими криками боли и стал дергать рукой, стараясь вырвать палец из зубов зверька.

— О-о-о! О-о-о! — кричал он. — О, Элиас, Элиас, отцепи его! О-о-о! О, Иисус! Он убьет меня... О-о-о! Элиас, скорее!

Мы с Элиасом включились в борьбу, пытаясь помочь Андрае, но я так хохотал, что толку от меня было немного. Наконец мы отцепили землеройку от пальца охотника и засунули ее, шипящую и яростно сопротивляющуюся, в мешок. Андрая сидел на берегу речки, тихо стонал и оплакивал гибель своего бледно-розового саронга. Когда он убедился, что смерть ему не грозит, мы двинулись в обратный путь. На берегу реки мы поймали двух крокодилов, так что ночной поход оказался весьма удачным».

Нельзя отрицать, что Джеральд и его африканские помощники, к которым он стал относиться со всевозрастающей симпатией, в сложившихся обстоятельствах проявили храбрость, настойчивость и немалый опыт. Казалось, Джеральд с колыбели готовился к такому занятию, как ловля зверей в ночных джунглях. Его энергия и энтузиазм были неистощимы, чувство юмора никогда его не покидало, а непредсказуемость жизни зверолова доставляла ему истинное наслаждение. Джеральду нравилось ощущение неизвестности. Он никогда не знал, что готовит ему грядущий день. Ночь за ночью, день за днем отправлялся он в тропический лес и практически никогда не возвращался с пустыми руками. Коллекция животных и птиц росла и требовала ухода. Джеральд писал матери:

«Мой день проходит так. В шесть часов в палатке появляется Пайос и будит меня. Он приносит мне чай. После трех чашек я наконец ощущаю себя живым и прямо в ночной рубашке отправляюсь кормить птиц и проверять, кто сбежал или сдох этой ночью. К тому моменту когда я завершаю это важное дело, вода уже согрета и я могу помыться. После ванны я надеваю обычную одежду, вытаскиваю обезьян из спальных коробок и привязываю их к колышкам. За это время Пайос успевает приготовить мне завтрак: папайя, два яйца, тост и кофе. Я съедаю завтрак, выкуриваю сигарету и приступаю к основной работе дня.

Сначала ко мне прибегают четверо деревенских мальчишек с птицами, которых мне нужно посмотреть. Заслуживающих внимания я оставляю для Джона, а остальных покупаю на корм плотоядным, потому что они все равно уже полумертвы от жестокого обращения. После этого я направляюсь к Дому Добычи, где моих указаний уже дожидается Дэн, мой десятилетний помощник. Я чищу птичьи клетки, а он моет контейнеры для зерна и воды и наполняет их.

Затем мы переходим к животным. Мангусте нужно дать дохлую птицу, чтобы можно было почистить ее клетку, не боясь быть искусанным. Потом я приступаю к клеткам с дикобразами. У меня есть взрослая пара, одна взрослая самка и маленький детеныш. Детеныш очень мил. По вечерам он резвится и играет, как крольчонок. Если его напугать, он упирается лапами в землю и топорщит свои иголки, становясь похожим на твою игольницу. После дикобразов я перехожу к летучим мышам. Они всю ночь уплетали бананы и папайю, поэтому утром их клетка похожа на настоящую помойку. После этого мне нужно накормить обезьян, которые галдят так, что не слышно даже собственных мыслей.

После обезьян меня ждут рептилии. Хамелеону нужно дать воды и наловить кузнечиков. Черепахи предпочитают фрукты и зелень. А крокодилов нужно помыть (довольно трудное занятие, надо заметить).

И вот настало время обеда. Пайос подает мне суп, цыпленка со сладким картофелем и зеленой папайей, свежие фрукты, кофе и сигару. Трудна ты, доля зверолова! После обеда я засыпаю до чая (если всю предыдущую ночь бродил по лесу) или отправляюсь в лес с охотниками. После чая мы повторяем все сначала: кормление дикобразов, обед для летучих мышей, кормление крыс, молоко для обезьян, мясо для мангусты, вода и так далее, и так далее. Примерно около семи я наконец-то добираюсь до ванны. Ванна моя стоит прямо на улице, и я принимаю ее на глазах восхищенных зрителей. После ванны ужин: утка, или оленина, или мясо дикобраза, горошек, картофель, сладости,

кофе, сигара. На десерт меня ждет виски. Затем я обхожу свое хозяйство, проверяя, все ли в порядке, и ложусь спать.

Мне нужно так много рассказать тебе, что если бы у меня было время, я сел бы и написал тысяч десять слов. Я бы рассказал о том, как толпы местных мальчишек каждое утро притаскивают мне банки и коробки с кузнечиками, как местный крестьянин пытался утопить свою жену и как я с моими помощниками с трудом оттащили этого человека и не дали ему утопить еще и собственную тещу...»

Джеральд провел в Эшоби несколько недель. Коллекция его росла с такой скоростью, что Дом Добычи скоро был полон. Джеральд изучил местные леса и повадки животных, а также обычаи местных жителей. Он проникся любовью и уважением к этим бедным, но добрым, смелым, верным и талантливым людям. Африканцы тоже полюбили Джеральда. Хотя он по-прежнему оставался для них «хозяином», но он больше не чувствовал себя в их окружении чужим и не требовал, чтобы они относились к нему почтительно и благоговейно. Он все больше чувствовал себя в Африке как Дома. «Вечерами, — писал он матери, — я отправляюсь на кухню поболтать с африканцами, чтобы обсудить такие животрепещущие темы, как то, кто должен управлять Камеруном и действительно ли бог создал мир за семь дней». Отъезд Даррелла из Эшоби огорчил и его самого, и африканцев.

«За два дня до того, как я должен был покинуть Эшоби и присоединиться к Джону в Бакебе, меня посетил вождь и сообщил, что в честь моего отъезда жители деревни устраивают прощальный вечер с танцами. Меня просят принять участие в торжестве. ...Мое появление в деревне был встречено аплодисментами и приветственными возгласами. Я увидел многочисленную толпу жителей деревни всех возрастов, одетых в свои лучшие костюмы; среди прочих здесь находился и мальчуган в привлекательном костюмчике из двух тряпок от старого мешка, на одной из которых большими белыми буквами было выписано название фирмы; вождь и члены совета надели свои самые яркие, праздничные наряды. Элиаса, который был назначен распорядителем праздника, я узнал не сразу: на нем были огромные парусиновые туфли, коричневые, заколотые булавками брюки и яркая зеленая рубашка. На конце длинной цепочки для часов висел большой свисток, который Элиас частенько пускал в ход для наведения порядка.

...По сигналу Элиаса оркестр приступил к работе. Прыгая внутри круга танцующих и вихляя всем телом, Элиас непрерывно выкрикивал команды и указания: «Вперед... встречайтесь и кружитесь... поворачивайтесь вправо... приседайте... все вперед... снова приседайте... вперед...» и так далее Когда танцы закончились, вождь произнес в мою честь речь. Это было очень смешно, потому что он стоял в центре площади и несчастный мальчик, которого использовали как переводчика, должен был пробегать по двадцать ярдов, чтобы сообщить мне о том, что он сказал, а затем бежать обратно, чтобы выслушать следующее предложение. Речь вождя выглядела примерно так:

— Жители Эшоби! Вы все знаете, зачем мы сегодня собрались... попрощаться с джентльменом, который так долго был вместе с нами. Никогда еще в истории Эшоби не встречали мы такого человека... деньги текли из его рук так же легко, как воды в руслах ручьев и рек. Те, у кого были силы, ловили в лесу добычу, за которую они получали хорошие деньги. Женщины и дети приносили кузнечиков и муравьев, получая за них деньги и соль. Мы, старейшины деревни, хотели бы, чтобы господин навсегда поселился у нас, мы дали бы ему землю и построили хороший дом. Но господин должен вернуться в свою страну с добычей, которую мы, жители Эшоби, поймали для него. Мы надеемся, что господин расскажет жителям своей страны, как жители Эшоби помогали ему. Мы надеемся, что господин снова вернется к нам и пробудет с нами подольше.

Эта речь была встречена продолжительной овацией. Я поблагодарил всех за любезность и доброту, обещал вернуться при первой же возможности и сказал, что об Эшоби и его жителях сохраню самые приятные воспоминания. Это мое утверждение, кстати, бьшо вполне искренним. После этого оркестр, состоявший из трех барабанов, двух флейт и бубна, исполнил африканскую версию «Боже, храни короля» и вечеринка завершилась».

Силы Джеральда были на исходе. Он находился на грани нервного истощения. Ему приходилось жить в нездоровой и необычной для себя обстановке. Его кусали и царапали самые разнообразные клыки, когти, зубы, шипы, клювы, хоботки и челюсти. В него вцеплялись клещи, муравьи, вши, жуки и крысы. Он всю ночь собирался упаковывать багаж и животных, чтобы на

рассвете покинуть Эшоби и добраться в Мамфе к десяти, пока не станет слишком жарко. Но после ужина силы оставили Джеральда, и в девять часов он рухнул как подкошенный. К десяти он уже не мог встать. В туалет его провожали Пайос и Джордж, местный мальчишка. Джеральд скорчился на постели, предоставив сборы своим помощникам. Каждые пять минут в палатку вбегал верный Пайос, смотрел на Джеральда и укоризненно покачивал головой. Позже к Джеральду зашел Джордж, решивший порадовать его сообщением, что если тот умрет, то у Джорджа больше никогда не будет такого хорошего хозяина.

«Это было начало приступа песчаной лихорадки, которую я где-то подцепил, — писал Джеральд матери. — Состояние мое было паршивым: лихорадка эта не убивает и не причиняет особого вреда, но во время болезни ты постоянно ощущаешь, что вот-вот умрешь. Ты ходишь, покачиваясь, словно мертвецки пьяный, все, что находится дальше десяти футов от тебя, расплывается в тумане. Ты потеешь, словно в аду, и чувствуешь, что твоя голова распухает буквально на глазах».

В таком состоянии Джеральду предстояло совершить пятичасовой переход через буш под лучами жаркого экваториального солнца. Опершись на верного Пайоса и на вырезанную кем-то из жителей деревни палку, несчастный белый человек плелся за колонной из шестидесяти черных носильщиков, половину из которых составляли женщины. Через первую же маленькую речку его перенес старик, который пришел попрощаться. «Я заплакал, когда увидел, что вас несут, — сказал Джеральду Пайос. — Я решил, что вы умерли». Процессия двинулась дальше, медленно поднимаясь на холм. Джеральд был вынужден буквально повиснуть на Пайосе. Носильщики двинулись дальше. Скоро они исчезли из виду. «Каждые двести ярдов мы останавливались, чтобы передохнуть, — вспоминал Джеральд. — Я падал на тропинку, обливаясь потом, как герой фильма, а Пайос обмахивал меня шляпой».

Так или иначе, но Джеральд сумел добраться до Мамфе к половине десятого, а уже в два часа он обедал с Джоном Йелландом в Бакебе. Воссоединение компаньонов было сердечным. Джеральд высоко ценил Джона как орнитолога и человека, ему нравилась неторопливость и чисто английское чувство юмора, присущее этому доброму и мудрому человеку. Как приятно было снова оказаться в обществе соотечественника, разговаривать на нормальном английском языке, услышать новости последних месяцев и осмотреть коллекции друг друга.

После трех дней отдыха в Бакебе Джеральд почувствовал себя гораздо лучше. Его огорчало только то, что ему так и не удалось поймать ангвантибо. Но вскоре и эта причина для огорчений исчезла. Вскоре после возвращения в Бакебе Джеральд отправился в экспедицию к горе Нда-Али, почти отвесные склоны которой покрывали густые леса. Джеральд должен был устроить лагерь и провести в горах дней десять, занимаясь ловлей шимпанзе, живших в горах. Он писал домой:

«Рано угром я сел на велосипед, на раме примостился местный мальчишка с сумкой, набитой пивом и провизией, и отправился на встречу с охотником, который должен был стать моим проводником. Мы проехали около пяти миль. Я уже начал сомневаться, что мои ноги способны сделать хотя бы еще одно движение. Но тут я заметил человека, который шел ко мне с корзиной из пальмовых листьев. Думая, что меня ожидает еще одна мешотчатая крыса или дикобраз, я остановился и подождал его. Когда африканец подошел, я, к своему удивлению, узнал в нем одного из охотников, которые помогали мне в Эшоби. Я спросил его, что он принес, и он ответил, что у него есть маленькая добыча. К стыду своему, я должен признаться, что, увидев содержимое его корзины, практически утратил дар речи. Я щедро вознаградил охотника, бросил мальчишку и с триумфом вернулся домой, прижимая к груди драгоценного ангвантибо».

Джеральд получил своего первого ангвантибо очень вовремя. Вскоре после этого из Англии пришло сообщение (от приятеля Джеральда по Уипснейдскому зоопарку, Кена Смита), что Британское зоологическое общество отправляет в Камерун на поиски этого загадочного животного легендарного зверолова Сесиля Уэбба. Ветеран-зоолог, объездивший с экспедициями половину мира, считал Даррелла и Йелланда новичками, неспособными поймать по-настоящему редкого зверя. Со своей стороны, они относились к нему как к досадной помехе, опасному сопернику.

В конце концов Уэбб встретился с новичками. «Он оказался крупным, высоким мужчиной (шести футов шести дюймов ростом, я полагаю (около двух метров), — писал Джеральд матери, — с выступающей вперед челюстью и водянистыми голубыми глазами. Одет он был в вылинявшие джинсы, а на голове его красовалась настолько странная панама, что я с трудом подавил в себе желание расхохотаться. Он беззаботно спросил нас, удалось ли нам поймать ангвантибо, на что мы ответили утвердительно. За несколько дней до нашей встречи я ненадолго уезжал в Беменду и только что

вернулся в Мамфе, где и остановился знаменитый исследователь. С превеликим удовольствием я сообщил ему, что у нас есть целых три ангвантибо!!!!»

Но и Уэбб не вернулся из Камеруна с пустыми руками. Джеральд передал ему самое замечательное животное из своей коллекции — шимпанзе Чалмондейли (Чамли). Английский чиновник подарил обезьяну Дарреллу с тем, чтобы тот передал ее в Лондонский зоопарк. Джеральд согласился, полагая, что шимпанзе не может быть больше года и размеры его довольно скромны. Каково же было его удивление, когда из прибывшего грузовика выгрузили большой ящик, в котором сидел взрослый шимпанзе лет вось-ми-девяти, с огромными руками, громадной головой, массивной волосатой грудью, по объему примерно вдвое превышавшей грудь самого Джеральда, и крупными зубами, придававшими его липу зловещее, воинственное выражение.

«Я открыл дверцу с некоторым внутренним трепетом. Чалмондейли удовлетворенно вздохнул, звякнул длинной цепью, прикрепленной к его ошейнику, элегантно почесал под мышкой и вышел из клетки. Внимательно оглядев окружающих, он царственным жестом протянул мне руку для пожатия и вошел в дом так, словно был его хозяином. Чамли осмотрел нашу гостиную с видом среднеевропейского монарха, инспектирующего гостиничную спальню на предмет нахождения в ней клопов. Затем, видимо, удовлетворившись увиденным, он подвинул к себе кресло, уселся в него, скрестив ноги, и выжидающе уставился на меня.

Некоторое время мы молча разглядывали друг друга. Потом я вытащил пачку сигарет. Чалмондейли немедленно оживился. Было совершенно ясно, что после долгого путешествия ему не помешала бы сигаретка. Я протянул ему пачку, он вытащил сигарету, осторожно сунул ее в рот, а затем положил пачку на стол. Я протянул ему коробок спичек, полагая, что закурить будет обезьяне не по силам, но он ловко открыл коробок, зажег спичку, закурил и бросил коробок на стол. Чамли снова скрестил ноги и откинулся в кресле, с блаженным выражением на лице выпуская клубы дыма через нос».

У Чалмондейли были и другие пристрастия. Он любил горячий, сладкий чай и пил его из огромной, сплющенной металлической кружки, переворачивая ее до тех пор, пока последние капли оставшегося на дне сахара не попадут к нему в рот. После этого он либо протягивал кружку за добавкой, либо просто отставлял ее в сторону. Проявил Чамли любовь также и к пиву, хотя Джеральд предложил ему этот бодрящий напиток всего лишь раз. Шимпанзе мгновенно вылакал бутылку с явным удовольствием, опьянел и начал буянить. После этого ему не давали ничего крепче лимонада или чая. Джеральд расставался с этим удивительным животным с чувством глубокой грусти, но вскоре им суждено было свидеться вновь.

Наконец в июле настала пора упаковывать вещи и сворачивать экспедицию. Начинались дожди. К тому же у Джеральда закончились деньги. Расходы на путешествие и содержание птиц и животных оказались весьма значительными. Ситуация стала настолько угрожающей, что Джеральду пришлось смирить свою гордыню и отправить домой слезную телеграмму с просьбой выслать 250 фунтов (по нынешним деньгам примерно пять тысяч фунтов). Денег ему одолжила подружка Лесли, владелица магазина Дорис.

Компаньоны распродали ставшее ненужным оборудование. Джон Йелланд записал в своем дневнике:

«Джеральд начал продавать наш дом вечером и продал его вместе со всем содержимым, включая его собственный зонтик и тропический шлем, мое масло для кожи, два мешка кукурузы, полмешка кокосов, всю посуду, кастрюли и сковородки, а также несколько обойм патронов. Познания Джеральда в торговле оказались настолько обширными, что он сумел за пятнадцать шиллингов всучить какому-то типу будильник, который отставал за сутки на целых полтора часа. Он продал и разбитые часы — они продолжали тикать, вот только стрелки у них не двигались. В конце концов мы обедали на треснутых тарелках, но у нас появились деньги, чтобы отправить телеграммы в зоопарки Честера и Бель-Вью».

Джеральд с Джоном собирались отплыть 24 июня, но их коллекция животных оказалась настолько большой, что все клетки и коробки — пятьсот кубических футов — не уместилась на корабле, который они выбрали. Корабль отплыл без них. К счастью, вскоре отплывал грузовой пароход Но даже его пришлось ждать целый месяц. Компаньоны стали готовиться к отплытию.

«Нельзя подняться на борт парохода, — писал Джеральд, — и ждать, что кок станет кормить ваших животных». Для кормления зверей и птиц следовало сделать колоссальные запасы. Очень

скоро лагерь экспедиции в Кумбе стал напоминать огромный рынок. Повсюду валялись бананы, папайи, ананасы, апельсины, яйца, связки кукурузных початков, картофель и бобы, а вдалеке красовался обглоданный скелет целого буйвола.

В этот момент Джеральд свалился с жесточайшей малярией. Целую неделю его била лихорадка. Экспедиция должна была добраться в порт Тико, откуда отплывал корабль, вечером 24 июля. На следующий день на рассвете корабль отправлялся в Англию. Но за день до отплытия доктор категорически запретил Джеральду вставать. «Вы должны провести в постели не меньше двух недель, — заявил он. — Вы не можете отплыть с этим судном». В противном случае упрямый англичанин мог умереть прямо в море, о чем доктор ему и сообщил.

Но трясущийся, покрытый потом Джеральд втиснулся в кабину грузовика и под проливным дождем вместе со всем своим зверьем отправился в порт. Перед погрузкой дождь наконец прекратился, но животные основательно промокли по дороге. Находящийся буквально при смерти Джеральд не успокоился, пока не высушил несчастных зверей и не накормил их. А затем стюард принес ему бутылку виски, способного свалить и лошадь, и Джеральд улегся на свою койку, уверенный в том, что эту ночь он не переживет.

Но он ее пережил. Путешествие пошло ему на пользу, к тому же им очень повезло с погодой. Матросы нашли для шимпанзе Су место для игр, а также одеяла и лакомства для всех обезьян, которые простужались или болели. Единственное происшествие за все время путешествие — это бегство мангусты. Она вылезла из клетки и свалилась за борт.

В четверг 10 августа 1948 года в четыре часа вечера корабль вошел в доки Ливерпуля. Джон Йелланд и Джеральд Даррелл ступили на английскую землю. Африканское путешествие закончилось. Они отсутствовали более семи месяцев и за это время собрали более двухсот животных и птиц. Они привезли в Англию девяносто пять млекопитающих (включая трех ангвантибо, сорок обезьян, детеныша шимпанзе и гигантскую белую мангусту), двенадцать рептилии и девяносто три редкие птицы. Груз был настолько экзотичным, что привлек внимание местной прессы. «Ангвантибо прибыл! — гласили заголовки. — Единственный живой ангвантибо в европейском зоопарке!»

«Вот и последняя клетка установлена в машине, — писал Джеральд, — грузовики трогаются в путь, увозя животных навстречу новому этапу в их жизни. А мы начинаем уже думать о подготовке нового путешествия».

Экспедиция в Африку была невероятно трудным делом, но увенчалась полным успехом, что перевело Джеральда Даррелла и Джона Йелланда в ряды самых крупных британских звероловов. Эта экспедиция стала исходным пунктом выдающейся карьеры Джеральда Даррелла.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В СТРАНЕ ФОНА: ВТОРАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ В КАМЕРУН 1948-1949

Когда африканские животные были пристроены в английские зоопарки и в кармане Джеральда перестал гулять ветер, он вернулся домой в Борнмут. Его встречали так, словно он только что вернулся с Луны. Его малярия, которую семейный доктор, Алан Огден, диагностировал как особо опасную разновидность *plasmodium falciparum,* являлась своеобразным знаком отличия, полученным за храбрость на поле сражения. Лесли в ту время жил у Дорис, а Маргарет с детьми расположилась у мамы. На Рождество из Аргентины приехали Ларри и Ева, так что праздники семья провела в полном составе.

Джеральд всегда был отличным рассказчиком. Дом на Сент-Олбэнс-авеню он описал не хуже, чем свои увлекательные путешествия. В комфортном окружении родных и близких он расслаблялся после всех трудов и опасностей прошедшего года. Медленно — впрочем, не так уж медленно — его внимание переключилось на местных девушек, заметно подросших за время его отсутствия. Все долгие месяцы, проведенные в джунглях Камеруна, он был абсолютно лишен женского общества. Он даже подумывал о том, чтобы устроить себе отпуск — замысел, вызвавший неадекватную реакцию. «Ничто так не возмущает зверолова, — писал он, — как восклицание друзей, услышавших, что он решил устроить себе отпуск, вернувшись домой после полугода сплошных укусов, царапин, проблем и опасностей: «Но ты ведь только что вернулся из отпуска!»

Во время короткого пребывания Джеральда у родного очага он познакомился с молодой женщиной, чье двусмысленное очарование поразило его с первого взгляда и на всю жизнь. Звали эту

женщину Диана, но Джеральд дал ей восхитительное имя — Урсула Пендрагон-Уайт. Его отношение к этому порхающему мотыльку было сложным и неоднозначным, но нет сомнения, что ее божественная красота и далекий от божественности язычок оставили в душе Джеральда глубокий след. «Я обнаружил, — писал он, — что Урсула — единственная, кому удается будить во мне самые разные чувства: от тревоги и уныния до безграничного восхищения и полнейшего ужаса».

Урсула только что закончила школу. Она жила в Кэнфорд Клиффз — шикарном районе Борнмута (хотя в своих книгах Джеральд утверждал, что она из Лаймиштона, Нью-Форест, чтобы скрыть ее подлинное происхождение и имя). Впервые он увидел Урсулу на верхней площадке городского автобуса. Ее «сладкий родосский акцент оказался столь же проникновенным и пронзительным, как пение канарейки».

Сестра Джеральда, Маргарет, запомнила Урсулу иначе. Ей она представлялась «молоденькой, легкомысленной пташкой, с длинными светлыми волосами, сидевшей, склонив голову набок, что очень раздражало всех вокруг». В своих книгах Джеральд утверждал (опять же, чтобы никто не догадался, кого он имеет в виду), что у Урсулы были темные вьющиеся волосы. Ее большие глаза обрамляли длинные черные ресницы, а над ними изгибались очень темные брови. «Ее рот, — писал Джеральд, — имел такую форму и мягкость, что казался совершенно, ни при каких обстоятельствах, непригодным для поедания копченой селедки, лягушачьих лапок или черного пудинга».

Когда Урсула поднялась, чтобы выйти из автобуса, Джеральд заметил, что она довольно высокого роста, что у нее длинные ноги отличной формы и «та гибкая, подвижная фигура, которая заставляет молодых людей сразу же погрузиться в распутные мысли». Он расстроился, полагая, что никогда больше не увидит эту замечательную девушку. Но через три дня она ворвалась в его жизнь и осталась в ней на целых пять лет.

Джеральд встретил Урсулу вновь на дне рождения у приятеля, и она мгновенно окрестила его «жукологом». Стоило Джеральду увидеть ее, как он потерял голову. Его очаровала не только ее красота, но и совершенно уникальная речь — «ее суровая, решительная, непрекращающаяся война с английским языком». Эта стройная, очаровательная красотка страдала от своеобразной разновидности устной дислексии. Она использовала слова и выражения совершенно не в том смысле, какой они в себе несли. Было совершенно невозможно предугадать, что она скажет в следующую минуту. Она могла с восторгом рассуждать об «архипелагах Моцарта», о том, что быков отправляют к ветеринару, чтобы «хлестать», и об «абордаже», сделанном ради избавления от внебрачного ребенка. В мире Урсулы никогда не было огня без дыма, а катящийся мох не обрастал камнями. В чопорном мире борнмутского высшего света «она роняла кирпичи, как неопытный подсобник на стройплощадке».

Эта встреча стала началом длительной (и, возможно, так никогда и не прекращавшейся — это осталось неясным) романтической игры кота с мышью. Чтобы произвести на Урсулу впечатление, Джеральд убедил бывшего мужа Маргарет, Джека Бриза, отвезти его на свидание на старинном «Роллс-Ройсе». Джек надел свою офицерскую форму, чтобы выглядеть как персональный шофер... Продолжая свою игру, Джеральд пригласил свою подругу на обед в «Грилл-рум» («Она отличалась аппетитом ненасытного питона, — вспоминал он, — и совершенно не думала о деньгах»), затем на симфонический концерт (на концерт Урсула принесла своего щенка-пекинеса, он вылез из корзинки и устроил небольшой переполох), а затем на природу и в свой любимый паб «Квадрант и Компас», где престарелые завсегдатаи не сумели устоять перед ее невероятным английским («Прелестная молодая женщина, сэр, — сказал один из убеленных сединами ветеранов, — несмотря на то, что иностранка»). В те дни Джерри с трудом находил общий язык с отцами своих подружек, и высокомерный, чопорный отец Урсулы не стал исключением. Как-то раз Джеральд привез Урсулу домой довольно поздно, и ее отец набросился на него с хлыстом, угрожая вытрясти из него всю душу, если подобное еще хоть раз повторится.

Но хотя Джеральд был влюблен в Урсулу, его сердце было навсегда отдано животным. Она понимала, что раньше или позже ее возлюбленный кончит свои дни в объятиях гориллы или будет сожран на завтрак голодным львом. Однажды она позвонила ему. Голос Урсулы был настолько пронзительным, что Джеральду пришлось отодвинуть трубку от уха.

«Дорогой, — радостно сообщила Урсула, — я обручилась!»

«Я почувствовал внезапную сердечную боль, — вспоминал Джеральд об этом горьком

моменте. — Одиночество навалилось на меня. Не то чтобы я был влюблен в Урсулу или собирался жениться на ней — боже сохрани! Просто я неожиданно понял, что теряю человека, который всегда освещал окружавший меня мрак».

Вскоре Урсула вышла замуж за своего избранника. Много лет спустя они с Джеральдом встретились в изящном эдвардианском кафе «Кадена», заполненном весьма респектабельной публикой. Когда открылась дверь, стало ясно, что Урсула вскорости ожидает второго ребенка.

«Дорогой! — с порога закричала она. — Дорогой мой! Дорогой!»

«Она обняла меня, — вспоминал Джеральд, — и поцеловала именно так, как целуются во французских фильмах. Английские цензоры обычно вырезают подобные поцелуи как неприемлемые для британской публики. Целуясь, Урсула жужжала, как целый рой обезумевших от похоти пчел. Она изо всех сил прижималась ко мне, чтобы я ощутил всю прелесть ее объятий и почувствовал, что она искренне рада меня видеть. Несколько пожилых леди и один неплохо сохранившийся отставной военный уставились на нас с явным неодобрением».

«Я думал, ты замужем», — сказач Джеральд, с некоторым усилием высвобождаясь из объятий старинной подруги.

«Так и есть, дорогой, — отвечала Урсула. — Ты не заметил, что я стала лучше целоваться?»

Они уселись за столик.

«Не думаю, что сейчас я бы тебе понравилась, — задумчиво произнесла Урсула. — Я изменилась, стала ужасно скучной».

«Ты так считаешь?» — дипломатично спросил Джеральд.

«О да, — ответила Урсула, глядя прямо на него своими огромными голубыми глазами. — Боюсь, что теперь меня назвали бы мелкой божоле».

Джеральд не намеревался задерживаться в Англии надолго. Африка навсегда вошла в его душу. А кроме того, делать в Британии ему было совершенно нечего. С целеустремленностью новичка и с опытом умудренного жизнью зверолова он начал планировать вторую экспедицию в Камерун, на этот раз намереваясь добыть более крупных и ценных животных, в том числе гориллу, гиппопотама и слона. Каждый из этих зверей оценивался британскими зоопарками в тысячу фунтов, что в пересчете по современному курсу составило бы около двадцати тысяч. Стремление Джеральда заполучить крупных животных диктовалось не только алчностью, но и насущной необходимостью. Первая экспедиция съела почти половину его наследства. Вторая должна была обойтись примерно в ту же сумму, а возможно, даже и больше. Ему необходим был успех — иначе его ждало разорение.

Джеральду крупно повезло. Богатый владелец частного зоопарка редких животных в Пейтоне, Герберт Уайтли, выразил готовность приобрести половину пойманных им животных по возвращении в Англию, а также согласился купить всех зверей, которых отвергнет Лондонский зоопарк. Джеральд считал Уайтли немного эксцентричным — он был настолько застенчив, что, когда люди приходили повидаться с ним, он бежал через весь дом, запирая двери, а потом скрывался на специальном лифте. Однако этому странному богачу удалось завоевать сердце молодого натуралиста своим стремлением разводить животных в неволе. «Он пытался разводить аллигаторов и желтых саламандр, — вспоминал Джеральд. — Самым большим его увлечением было выводить голубые разновидности. И результаты поражали специалистов. Он вывел голубых голубей, голубых догов, голубых уток».

На этот раз Джон Йелланд не смог сопровождать Джеральда в Камерун, и на его место он пригласил своего старинного приятеля Кена Смита. Джеральд познакомился со Смитом в Уипснейде, а потом жил с ним по соседству в Борнмуте. Смит был старше Даррелла и но возрасту (ему было уже тридцать семь лет), и по положению (Смит служил управляющим Пейтонского зоопарка), но Джеральд считал его младшим партнером. Хотя физически Смит вряд ли подошел бы на роль Тарзана и во многом уступал своему юному другу, когда дело касалось общения с крупными и опасными животными в джунглях, но он отлично знал свое дело и мог стать верным и надежным компаньоном в долгой, трудной экспедиции.

С помощью Смита Джеральд отлично подготовился к африканской поездке. На этот раз он приобрел более тяжелые ружья, прочные клетки, галлон рыбьего жира и двенадцать дюжин детских сосок для выкармливания детенышей, несколько теплых свитеров («чтобы гориллы не простудились на корабле по пути в Англию») и роскошный свадебный тент для устройства лагеря в джунглях.

Вторая экспедиция не должна была стать простым повторением первой, хотя Джеральд снова намеревался ловить животных в окрестностях Мамфе. На этот раз он решил исследовать новые территории, лежащие к северу. В саванне Центрального Камеруна ему должны были встретиться

совершенно иные звери.

В начале января 1949 года, за несколько дней до своего двадцатичетырехлетия, Джеральд со своим компаньоном взошли на борт грузового судна, отплывавшего из Ливерпуля в Африку. Весь многочисленный и тяжелый багаж уже был погружен. Пресса, восторженно встретившая Даррелла полгода назад, проявила интерес к новой экспедиции. Столь необычный способ зарабатывания на жизнь становился весьма популярным и интересовал читателей. «Он снова отправляется в Черную Африку», — гласил один из заголовков. «Мистер Даррелл, ученый, собирается проехать 500 миль по Африке на грузовике, а затем приступит к восьмидневному сафари. Он собирается поймать гориллу, буйвола, а возможно, даже гиппопотама. «Мы попытаемся поймать гориллу в своеобразную мышеловку, — заявил натуралист. — Это довольно неприятное животное».

Корабль отплыл вовремя, путешествие прошло без приключений. Развлекал Джеральда только его спутник. «Он просыпается по утрам, — писал Джеральд матери, — и сообщает мне, что ему приснилось, как он поймал гориллу с помощью стюардессы и представителя ливерпульского банка. На следующий день он читает о буйволах. Разумеется, чтение оказывает на него определенное действие. Примерно в полночь он часа полтора борется со своим одеялом, пот струится по его лицу и он просыпается с дикими криками».

10 февраля корабль достиг берегов Камеруна. Джеральд записал в своем дневнике: «Мы вышли на палубу около шести часов утра, слегка пошатываясь после сердечной прощальной вечеринки, состоявшейся накануне. Я увидел знакомые островки, покрытые лесами, тонущие в густом тумане... Было так приятно снова вернуться в Африку». А потом, словно забыв, зачем он приехал, Джеральд замечает: «Я должен заработать денег на этой поездке. Я чувствую это всеми костями, а Смит — своими варикозными венами».

Магия Африки снова оказала на Джеральда свое действие. В каждой трещине на стене, на каждом дереве кишели самые различные животные. На закате на дорогу вылетали козодои, на деревьях кричали турако, самые экзотические птицы перелетали с ветки на ветку точно так же, как в Британии порхают обыкновенные дрозды. Джеральд писал домой: «Виктория прекрасна, как всегда. Все деревья в цвету. Каждое дерево покрыто огромными восковмми цветами всевозможных оттенков: желтыми, голубыми, лиловыми и малиновыми. Кусты гибискуса буквально пламенеют на солнце, а все дома увиты пышно цветущими бугенвиллеями. Кен бродит по городу, разинув рот от удивления. Я боюсь, как бы он не растерял все свои зубы».

«Меня помнят буквально все, — писал Джеральд в своем дневнике. — Все исключительно милы и готовы помочь». По тропическому телеграфу весть о том, что знаменитый зверолов вернулся, распространилась в мгновение ока. Через несколько дней события замелькали, как в калейдоскопе. «А теперь сообщу тебе нечто удивительное, — писал Джеральд матери 14 февраля. — Мы положили начало нашей коллекции, приобретя молодого самца шимпанзе!!! Он жил у плантатора и его жены, и они решили отдать его нам. Обезьяна исключительно мила. Стоило мне взять его на руки, как он тут же протянул ко мне губы для поцелуя».

Новое приобретение только закрепило за Джеральдом репутацию большого оригинала. Он часто ездил по Виктории на велосипеде, а шимпанзе Чарли сидел сзади, вереща от восторга и порой закрывая хозяину глаза руками. Велосипед резко вилял в сторону, так что Джеральд чуть было не передавил половину населения столицы. И Джеральд, и Кен Смит с ума сходили от зверей и получили прозвище «звериные маньяки» в белом сообществе Камеруна. Африканцы же звали их «хозяевами добычи». Но если Джеральда считали просто эксцентричным, Кен Смит выглядел довольно комично, причем даже для своего юного компаньона. Отправившись купаться за город, он заслужил бурные аплодисменты со стороны собравшихся поглазеть на него африканцев тем, что оглушительно чихнул, от чего его зубные протезы выскочили и упали в воду.

Джеральд знал, что занятие зверолова требует от человека определенных странностей и необычного склада характера. Позже он писал:

«Большинство людей считают, что зверолов должен быть мускулистым, похожим на Тарзана здоровяком, но на самом деле большинство звероловов от рождения выглядят полумертвыми. Чтобы добиться успеха в своей профессии, зверолов должен родиться слегка сумасшедшим, развить в себе чувство юмора и полностью лишиться обоняния (вам когда-нибудь приходилось просыпаться рядом с клеткой обезьяны?). Очень неплохо, если зверолов имеет приличное состояние, чтобы не зависеть

от доходов, связанных с его профессией. Разумеется, зверей ловить можно самыми разнообразными способами — ловушками, сетями, выкуривая их из нор и дуплистых деревьев, с охотничьими собаками или по ночам (особенно полезно при ловле рептилий), но в отличие от широко распространенного убеждения, ловля диких животных — не слишком опасное занятие. Это дело опасно настолько же, насколько глуп сам зверолов.

На самом деле, основная трудность заключается не в том, чтобы поймать зверя, а в том, чтобы содержать его в неволе, после того как ты его поймал. Содержание пойманных животных можно сравнить с детским садом, где двести-триста привередливых детей с желудками, чувствительными, как дебютантка, с самыми разнообразными пристрастиями. Естественно, что, когда проводишь жизнь в непосредственной близости с этими созданиями, у тебя возникает множество сложных и раздражающих ситуаций, особенно в отношении звериного туалета. У меня была белка, которая соглашалась ходить в туалет только в мою шляпу, и мешотчатая крыса, опорожнявшая кишечник исключительно в контейнер для питьевой воды.

Порой зверолову приходится брать детеныша в постель, чтобы тот не замерз, и это иногда приводит к весьма острым ощущениям, к примеру, если речь идет о маленьком дикобразе».

Звероловы решили устроить основной лагерь на берегу реки неподалеку от Мамфе. Сюда должны были стекаться животные со всех окрестностей, а также из полевьгх экспедиций. Кен Смит обосновался в Мамфе и стал главным хранителем и ветеринаром коллекции, а Джеральд разъезжал по близлежащим лесам и горам, собирая животных по списку, а затем привозил их в основной лагерь.

18 февраля небольшая экспедиция тронулась из Виктории по направлению к Мамфе. По пути они должны были проехать через деревушку Кумба. «Мы выехали довольно рано, — писал Джеральд в своем дневнике, — и прибыли в Кумбу в удобное для нас время. Дорога была восхитительной. Было приятно осознавать, что мы наконец-то приближаемся к цели своего путешествия». Через два дня звероловы достигли Мамфе, где с помощью тридцати помощников, к восторгу местного населения, натянули роскошный английский свадебный тент. Лагерь стал походить на средневековый шатер, раскинувшийся на берегу медлительной коричневой реки возле девственного леса.

Неделя ушла на различные приготовления. Сколачивались клетки, рылись водоемы, заготавливалось продовольствие, местным охотникам показывались рисунки необходимых экспедиции зверей — словом, выполнялись тысячи совершенно обязательных заданий, без которых приступать к ловле зверей было невозможно. В начале марта все наконец устроилось, и Джеральд отправился в джунгли в поисках редкой «добычи». С этого момента жизнь его по физическим и эмоциональным нагрузкам можно было бы сравнить только с жизнью межгалактического путешественника: каждый день новое приключение, каждая минута очередное, удивительное открытие. Трудно переоценить удивительный документ, который Джеральд создавал каждый вечер в неверном свете фонаря, отстукивая двумя пальцами на маленькой машинке свои впечатления, хотя по-хорошему ему нужно было давно уже свалиться от усталости.

Дневник 1949 года доказывает, что перед нами уже совершенно другой человек, не тот, который впервые ступил на землю Камеруна в прошлом году. Имперские претензии и колониальное высокомерие исчезли. Теперь Джеральд с глубоким уважением относится и к Африке, и к африканцам. Хотя в нем все еще чувствуется некоторая снисходительность, но он уже понимает, что африканцы, с которыми ему приходится проводить массу времени, являются такими же людьми, как любой другой представитель этого вида — включая и самого Джеральда, и его компаньона Кена Смита. Он понимает, что без помощи африканцев его предприятие обречено на провал, что он полностью зависит от этих людей во всем — от ловли зверей до приготовления пищи. Во время второй камерунской экспедиции Джеральд настолько сблизился с африканцами, что почувствовал себя кровным братом одного из них, чье имя осталось навсегда связанным с его именем.

Еще одна подмеченная им черта, которая поражает, когда читаешь дневники Джеральда, — это удивительная щедрость Африки. Первобытная Африка по-прежнему оставалась девственной, дикой, живущей в прекрасном и жестоком мире. Здесь, в окружении бесчисленного множества летающих, бегающих, прыгающих, ползающих, плавающих созданий, было трудно поверить в то, что кому-то из них грозит полное исчезновение.

Джеральд все с большим восторгом относится к красоте и разумности тропической природы. Он не перестает удивляться и восторгаться. Каждая лесная поляна, речная отмель, любой участок саванны приносил ему очередной сюрприз. Недели идут за неделями, и на страницах дневника перед нами предстает не тот суровый колонизатор, когда-то впервые ступивший на землю Камеруна, а

сердечный, чувствительный молодой человек, счастливый оттого, что ему довелось попасть в этот земной рай.

Дневники Джеральда показывают и его растущее литературное мастерство. Он все лучше подбирает слова, чтобы описать те чудеса, которые его окружают. Он становится более наблюдательным, его чувство юмора обостряется, а умение увлечь читателя нарастает с каждой страницей. Его язык становится все более богатым и выразительным. Вот как он описывает в своем дневнике события 3 марта, когда экспедиция на каноэ отправилась вниз по реке Мамфе. В этом отрывке уже чувствуется рука настоящего писателя.

«Даже если во время этой увеселительной прогулки мы бы не поймали ничего ценного, все равно отправиться в нее стоило. Было так чудесно брести по колено в коричневой, медленно текущей воде. То и дело перед глазами открывались белоснежные сверкающие на солнце песчаные отмели, напоминающие огромные белые ребра. Вдоль отмелей торчали засохшие деревья: дожди подмыли их корни, и теперь они засохли. На другой отмели деревья сплошной стеной уходили ввысь. Их наглухо оплетали лианы, древесные папоротники и тысячи самых разнообразных растений. Жужжание бесчисленных насекомых прерывал только плеск весел, опускающихся в теплую, как парное молоко, воду. Внезапно с отмели взлетела бородатая ржанка, издавая пронзительные крики. Потом откуда-то сверху почти беззвучно упал орел-рыболов, схватил добычу и взмыл к небесам. А за ним пролетела тяжелая птица-носорог. Если вечером сесть на большой серый камень, которых на таких отмелях огромное множество, то увидишь, как на водопой сбегутся обезьяны, перелетая с дерева на дерево в почти непроглядной чаще веток и листьев. Время здесь застыло: человек полностью теряет ощущение времени. Можно провести в лесу и час, и десять — лес не имеет времени. Стемнело — значит, день кончился. Стало светло — настал новый день. Ты постоянно осознаешь только великое, нескончаемое Сейчас».

Джеральд прекрасно передает в своем дневнике удивительную увлекательность процесса ловли зверей, требующего от зверолова выдержки и проницательности. Отправившись в короткую экспедицию в район Эшоби между 4 и 8 марта, он собирался добыть двух очень редких белок — *Anomalurus* (белку-летягу) и *Idiurus* (карликовую соню-летягу). Ни в одном зоопарке мира таких животных еще не было, они представляли огромную ценность и научный интерес. Но доставить их в Англию в целости и сохранности было нелегкой задачей.

Путешествие в Эшоби оказалось не менее утомительным, чем в прошлом году. Джеральда встретили с теплотой и восторгом, как старого друга. Все население деревни собралось, чтобы приветствовать белого богатого зверолова. Весь вечер Джеральд общался с охотниками, объясняя им, кого он хочет поймать. «Они сказали, что постараются и с божьей помощью обязательно их поймают. На этой оптимистической ноте наша гулянка закончилась, и мы разошлись по постелям».

С первыми лучами солнца Джеральд со своими охотниками отправился искать дерево, где он видел летягу в прошлом году. К его удивлению, животное по-прежнему жило там же, хотя поймать его оказалось весьма нелегко.

Вернемся же к дневнику.

«Поскольку мы подняли ужасный шум возле дерева, зверек, сидевший внутри, испугался и выскочил из дупла. Он взлетел в воздух, словно выпущенный из катапульты. Мне впервые довелось увидеть соню-летягу в полете. Это было удивительно прекрасное, захватывающее зрелище. Соне нужно было пролететь около сорока футов, чтобы достичь соседнего дерева, и она проделала этот путь с грацией планера. Перепонки по обе стороны ее тельца расправились, как зонтики. Перед самым деревом соня распрямилась, выпустила коготки, потом вцепилась в кору и стремительно поползла по стволу, словно огромная гусеница. И тогда я совершил поступок, о котором жалею до сих пор: я поднял ружье и выстрелил. Соня камнем упала на землю. Я бросился вперед, крича охотникам, чтобы те отозвали собак, и молясь, чтобы соня оказалась только раненой. Разумеется, несчастная кроха была мертва. Я подобрал ее и плакал над этим прелестным созданием...»

На следующий день Джеральд с охотниками поднялись на рассвете и обошли десять деревьев, окуривая их дымом. На первых девяти никого не оказалось — только несколько летучих мышей, многоножки и скорпионы.

«Мы подошли к последнему дереву. Я ужасно устал, мои легкие были заполнены дымом,

поэтому я просто сел и перестал обращать внимание на происходящее. Сети были расставлены, костер разведен. Охотники закидали его зелеными листьями, чтобы было побольше дыма. Потом мы уселись и стали ждать. Мне в ладонь впился острый шип, и более всего мне хотелось оказаться дома в своей постели. Наконец я приказал снимать сети, так как было ясно, что поймать никого не удалось. Джеймс полез снимать сеть, и вдруг я заметил, что он достает кого-то из дупла. Он подошел ко мне, держа животное за хвост. «Маса хотеть такой добыча?» — с неуверенной улыбкой спросил он. Мне достаточно было только глянуть на зверька, как сердце мое чуть не вырвалось из груди. За длинный пушистый хвост Джеймс держал соню-летягу. Глаза зверька были закрыты, бока тяжело вздымались. Передо мной была настоящая *Idiurus macrotis*. «Скорей, скорей, — в страхе закричат я, — неси коробку для этой добычи... нет, не эту, покрепче... вот эту... Теперь положи внутрь маленький листок... маленький листок, а не целый куст... скорее!» Соня со всеми предосторожностями была помещена в ящик. Она была без сознания — наверное, надышалась дымом, ее крохотные розовые лапки судорожно подергивались. Я схватил огромный пучок листьев и принялся размахивать ими перед зверьком, пытаясь обеспечить ему приток свежего воздуха. Постепенно соня пришла в себя, я закрыл ящик, и мы тронулись в обратный путь. Когда мы вернулись, уже почти стемнело. Клетку для *Idiurus* мне пришлось мастерить в полной темноте при свете фонаря. Но заснуть мне удалось лишь благодаря солидной порции «Белой лошади». Я снял шкуру с крыланов и почистил ружье, а потом рухнул в постель и заснул как убитый. *Idiurus* — самое удивительное маленькое создание. Оно похоже на английскую соню, только отличается более серым цветом шкурки. Скорость, с какой этот зверек перебирается с дерева на дерево, просто удивительна. Она бежит, как собака, в отличие от *Anomalurus*, которая ползает по деревьям, как гусеница».

Следующий день для Даррелла стал поистине красным днем календаря. В глубине леса охотники нашли дуплистое дерево 150 футов высотой. Заглянув в дупло, Джеральд обнаружил, что там полным-полно *Idiurus*ов. К счастью, поблизости росло небольшое деревце, на которое мог залезть охотник и набросить сеть на дупло, чтобы выбирающиеся оттуда сони запутывались в сетях. В тот день Джеральду удалось поймать восемь сонь, а также трех необычных летучих мышей, которых Джеральд принял за совершенно новый вид. «Я убил их с величайшей осторожностью, чтобы не повредить шкурку, — записал он в своем дневнике, — и упаковал их в вату».

Хотя Джеральд ужасно устал, он решил доставить летяг в Мамфе той же ночью, так как не смог устроить им подходящую клетку. «Эти маленькие твари выпрыгивали из банки и пытались забраться наверх по стенкам клетки, — писал Джеральд в дневнике. — Смит смотрел на них с восторгом и носился вокруг тента, как неутомимый блуждающий огонек. Я смертельно устал, но звуки, которые издавали летяги в своем новом жилище, наполняли мое сердце радостью».

На следующий день в лагерь пришел Джеймс, тот самый мальчишка, который изобрел способ забраться на желанное дерево. За ним шел носильщик, тащивший большую корзину, накрытую банановыми листьями. «Нашим глазам предстало удивительное зрелище — настоящая черная дыра, кишевшая летягами всех полов и возрастов. Их там было тридцать пять! Мы со Смитом чуть с ума не сошли. Если бы нам удалось довезти их до Англии живыми, мы бы потрясли зоологический мир до основания!»

Джеральд так писал маме о событиях этого дня:

«Я хочу сообщить тебе великую новость! В углу нашей палатки стоит клетка шести футов высотой, в которой поселились тридцать редчайших животных Западной Африки — карликовые сони-летяги. В наших музеях есть всего несколько шкурок этих зверьков, а живьем их видели в джунглях не более дюжины человек, не говоря уже о том, чтобы увидеть их в Европе. Если мы сможем доставить их в Европу в целости и сохранности, это будет зоологическим событием года. Даже мой ангвантибо померкнет рядом с этими удивительными созданиями. Но не будем загадывать, так как эти крохи живут у нас всего двадцать четыре часа и нервничают, как старые дамы в темной комнате. К тому же они очень привередливы в отношении еды».

Джеральд собирался отправиться с экспедицией на север, ближе к горам, где лес переходит в огромную, поросшую травой саванну — овер-шенно иной мир, с иной растительностью, иными животными, более прохладным климатом. Британский чиновник утверждал, что самым лучшим местом для экспедиции будет Бафут, область, по размерам своим превышавшая Уэльс. Племена Бафута подчинялись интеллигентному, богатому и эксцентричному правителю — Фону. Его дворец

был построен на границе саванны и лесистой местности, где можно было поймать интересных и ценных животных: шимпанзе, мангустов, львов, леопардов, кобр и зеленых мамб. «Африканцы выполняют все, что он скажет, — сказал чиновник Джеральду. — Он премилый старый мошенник, и вернейший путь к его сердцу — доказать, что вы можете выпить не меньше его самого и привезете выпивку с собой». В тот же день Джеральд отправил к Фону посланца с бутылкой джина и запиской, в которой он просил разрешения посетить его владения с целью ловли редких зверей. Через четыре дня посланец вернулся с личным письмом от Фона:

Резиденция Фона Бафута, Беменда, 5 марта 1949 года.

Мой дорогой друг!

Твое письмо от 3 марта получил, кстати, с приложением, и оценил.

Да, я принимаю твой приезд в Бафут на время два месяца насчет твоих животных и тоже очень буду рад отдать тебе в распоряжение один дом в моих владениях, если ты мне хорошо заплатишь.

Сердечно твой, Фон Бафута.

Джеральд решил немедленно выехать в Бафут.

«11 марта. Мы отправились в Бафут и прибыли туда в половине четвертого. Дом для гостей построен на обочине дороги на крутом берегу. Лестница из пятидесяти ступеней ведет на веранду, а за ней и в дом. Стоя на веранде, видишь через дорогу похожий на крепость дворец Фона, окруженный маленькими кирпичными строениями и бесчисленными хижинами жен правителя. Стоя на верхней ступеньке, я увидел, как Фон в окружений многочисленных членов совета направляется ко мне через широкий двор. Я спустился и встретил его у подножия лестницы. Мы обменялись рукопожатием и улыбнулись друг другу, как давно потерявшие друг друга братья».

Фон был высоким, стройным человеком с живым, веселым лицом. На нем было простое белое одеяние и маленькая белая шапочка, но с первого взгляда было понятно, что он самый главный — так величава и царственна была его осанка. Фон стал Джеральду настоящим другом, родственной душой, и вскорости зверолов в этом убедился. Вот что он пишет в своем дневнике:

«После обмена лестными замечаниями относительно характера друг друга и выражения уверенности в крепости здоровья, Фон удалился, сообщив, что зайдет ко мне позже, когда я распакую вещи. Я поднялся к себе, чтобы достать виски и джин. Когда стемнело, ко мне пришел гонец, сообщивший, что Фон хотел бы прийти побеседовать о мной, если я уже передохнул после долгой дороги. Я достал стаканы и бутылку виски. Фон прибыл с переводчиком, который показался мне совершенно лишним. Мы выпили за здоровье друг друга (он чистого виски, а я разбавленного) и заговорили о добыче. Я достал книги и стал показывать ему картинки, пытался подражать голосам тех животных, которых хотел поймать, рисовал их на клочках бумаги, и все это время наши стаканы наполнялись с ужасающей регулярностью. В начале разговора бутылка была полна, через два часа, когда Фон поднялся, чтобы уходить, в ней оставалось виски всего на два пальца. В конце разговора его речь стала совершенно неразборчивой, и тогда я понял, зачем он взял с собой переводчика. Мы вышли на лестницу, Фон повернулся к переводчику и велел ему выпить. В руке он держал полный стакан виски. Переводчик упал на колени и протянул к Фону сложенные ладони. Фон налил ему половину стакана, и африканец с жадностью выпил живительную влагу. Этот поступок мне не понравился, мне было неприятно видеть, что к человеку относятся как к домашнему животному. Я выпил еще, но неприятное ощущение не прошло. Когда Фон нетвердой походкой пересекал двор, я услышал, что барабаны извещают население Бафута о том, что мне нужна добыча».

Жизнь в Бафуте текла своим чередом. Бесконечные попойки с Фоном перемежались покупкой животных, которые поступали со всех концов страны. Порой силы Джеральда были на исходе. «Сегодня я чуть с ума не сошел, — записал он в дневнике 15 марта. — Животные продолжают поступать, и справиться с этим потоком я не в состоянии... Я смертельно устал». На следующий день ситуация усугубилась. В полном отчаянии Джеральд написал: «Сегодня я точно сошел с ума... Здесь

сущий ад». Помимо животных, которых приносили Джеральду Фон и его подданные, он сам отправлялся на охоту вместе со своими помощниками. Зверей вспугивали на плантациях пальм мимбо с помощью местных мальчишек, стряхивали с деревьев, выкуривали из нор, ловили с помощью ловушек. На веранде просторного гостевого дома стала расти коллекция самых разнообразных представителей животного мира. Многие из них были настоящей редкостью. Здесь бьши крохотные, яркие колибри всего четыре дюйма длиной и крупные птицы, размером с индейку, миниатюрные сони, поместившиеся бы в чайной ложке, и гигантские крысы, размером больше кошки. 14 марта Джеральд отправился на совершенно новую для Африки охоту — на охоту с гончими.

«Что нравится мне в Африке больше всего, так это то, что ты можешь отправиться в буш с твердым намерением поймать какое-то конкретное животное и вернуться с совершенно другой добычей. Сегодня я собирался поймать галаго Аллена и молотоглава. Мы не поймали ни того, ни другого, но зато заполучили совсем другого зверя.

Со мной отправились Джозеф, четыре охотника и две собаки, которые выглядели так, словно только что вернулись из Белсена. Меня уверили, что это первоклассные охотничьи собаки. Потом я некоторое время пререкался с одним из охотников, который хотел взять с собой свое датское ружье: не желая возвращаться домой с дробью в ягодицах, я сказал твердое «нет». Мы прошли мимо нескольких плантаций мимбо, вспугнули белку и упустили ее, а затем вышли на просторный луг. Растительность здесь футов шесть высотой и напоминает миниатюрный бамбук. Листья имеют очень острые края, так что пробираться по этим зарослям довольно неприятно.

Мы шли дальше. Вскоре собаки подняли отчаянный лай, и охотники заявили, что они почуяли траворезку, то есть гигантскую тростниковую крысу. Несколько охотников направились в траву за собаками, а другие расставили сети почти у земли. Я думал, что собаки, скорее всего, взяли след хромой древесной лягушки (эти дворняжки выглядели так, что бегать быстрее подобного создания им явно было не под силу), поэтому уселся поудобнее, достал термос и принялся прихлебывать чай. Я только что налил себе вторую чашку, как раздался отчаянный шум и гам. Трава раздвинулась, и что-то темно-бурое размером с приличного бобра кинулось на меня, круто свернуло и запуталось в сети. Джозеф и другой охотник (по-моему, его звали М'ервеги) бросились на зверя, но тот сопротивлялся так отчаянно, что они оба очень скоро оказались на земле. После громких криков и полезных советов мы наконец сумели запихнуть нашу добычу в мешок и убедились, что это действительно оказалась траворезка, причем очень крупная, двух футов в длину, с круглой, похожей на бобровую, мордочкой. По-научному эта крупная крыса называется *Praomys tullbergi tullbergi*.

Вскоре после поимки тростниковой крысы мы вспугнули еще одну, которая промчалась буквально у меня между ног. Мы пытались преследовать ее около мили с громкими криками. Это напомнило мне охоту с гончими: сначала собаки лают и рычат, маленькие колокольчики, прикрепленные к их ошейникам, звенят, как сумасшедшие; затем охотники, я сам и целая толпа мальчишек с громкими криками бросаются вдогонку. Мы несемся через высокую траву, которая режет нам руки и лицо, перепрыгиваем (частенько промахиваясь) небольшие ручейки, бежим по плантациям мимбо. И наконец, покрытые потом и пылью, мы понимаем, что собаки добычу упустили. Я валюсь на землю, пытаясь перевести дух, откуда ни возьмись появляется мальчишка, держащий в руках грязный калебас, узкое горлышко которого заткнуто листьями. Джозеф заглядывает внутрь, а затем оказывается, что в калебасе сидит «шиллинг», то есть галаго Аллена. Это именно тот зверь, о котором так страстно мечтает весь Лондонский зоопарк!»

Хотя по-настоящему крупной добычи Джеральду добыть так и не удалось, качество и количество более мелких зверьков поражало воображение. 16 марта он получил мешотчатых крыс, мангустов, гигантскую тростниковую крысу, белок трех видов, детенышей дикой кошки («злющих, как черти») и «украшение коллекции — существо, которое Лондонский зоопарк мечтал заполучить давным-давно, двух огромных волосатых лягушек!!!! Я был так рад, что послал Фону сообщение, приглашая его прийти и выпить со мной сегодня вечером».

Визит оказался весьма запоминающимся, и 17 марта Джеральд записал в дневнике:

«Сегодня Фон пришел ко мне около семи и ушел в одиннадцать вечера, опустошив бутылку джина. Позже он послал за своими женами, они пришли и всю ночь распевали песни и играли на барабанах под моими окнами. Заметив, что джин кончается, Фон собрался уходить, и мы с ним рука об руку в сопровождении трех мужчин с фонарями стали спускаться по длинной лестнице, у

подножия которой толпились обнаженные женщины, которые пели и танцевали. Мы с Фоном были хорошо освещены, мы чуть было не падали со ступенек, но каждый раз успевали спасти жизнь друг другу в последнюю минуту. Каждое такое событие население Бафута встречало криками ужаса. Затем мы пересекли большой двор. Жены продолжали танцевать перед нами, сзади нас, повсюду. Затем мы добрались до дворца Фона, рухнули в кресла и стали наблюдать за танцами.

Когда я сорвал голос, рассыпая комплименты танцевальному искусству жен Фона, самим танцам и оркестру, мы стали друзьями на всю жизнь. Потом Фон спросил меня, не хочу ли я потанцевать. Подобная перспектива напугала меня до полусмерти, и я быстро отказался, сообщив, что, к своему глубокому сожалению, так и не научился танцевать. Фон на минуту задумался, а потом просиял радостной улыбкой. Он поднялся, схватил меня за руку и сообщил: «Я учить тебя национальный танец».

Мне пришлось подчиниться. Хлопая в ладоши, мы обошли весь двор. Нельзя сказать, что наш танец выглядел весьма привлекательно. Я постоянно запутывался в длинном, ярком одеянии Фона, и нам приходилось останавливаться, пока несколько слуг выпутывало мои ноги из одежды Фона. К тому же он засыпал на ходу, я тоже, поэтому, с чувством глубокого сожаления, нам пришлось прервать такую чудесную вечеринку. Я сказал, что мне пора идти. Фон проводил меня до ворот и сентиментально со мной распрощался.

Какое бы жестокое похмелье ни ждало меня на следующее утро, в тот момент мне хотелось, чтобы этот вечер никогда не кончался!»

Через два дня Фон вернулся. На этот раз Бафуту предстоял праздник срезанной травы. В четыре часа придворный гонец примчался пригласить Джеральда на праздник. С удивительной ловкостью он проложил для гостя дорогу среди радостных африканцев. Они пересекли двор и оказались во дворце Фона. Совет Бафута, состоявший из пятидесяти старейшин, уже был в полном сборе. Старики сидели, прислонившись спинами к стене, и попивали из сделанных из коровьих рогов сосудов мимбо («молочно-белую жидкость, очень чистую, светлую и сладкую — но очень крепкую!»). В дальнем углу двора под огромным манговым деревом на богато украшенном троне, вырезанном из камня, восседал сам Фон. На нем было восхитительное одеяние и остроконечная шапочка с кисточкой из слоновьего хвоста. Джеральда усадили по правую руку от правителя (высокая честь!), и одна из жен Фона подала ему стакан мимбо.

Затем настала пора угощать население. За то, что подданные приносили сухую траву, чтобы покрыть крышу дворца Фона, тот устраивал для них праздник. Фон поднялся и вместе с Джеральдом двинулся в путь мимо восторженных членов совета, своих жен, «оглашавших воздух криками, пронзительности которых позавидовал бы любой краснокожий». За воротами дворца Фона встречала толпа подданных, разразившихся при виде правителя криками восторга. Джеральда снова усадили по правую руку от Фона, мимбо потекло рекой, вожди мелких племен выражали свою почтительность и удалялись, получив царственный кивок от Фона.

В своем дневнике Джеральд описал ход праздника, в котором он тоже принял посильное участие.

«К этому времени я поглотил уже изрядное количество мимбо и преисполнился необычайного благодушия. Затем, к моему ужасу, рядом с нами появился столик с двумя стаканами и бутылкой джина какой-то немыслимой марки, о которой я никогда прежде не слыхивал и впредь не жажду возобновлять это знакомство. Фон налил в мой стакан на четыре пальца джина, я попросил принести воды. Фон что-то рявкнул на своем языке, и к нам тут же подбежал мужчина, державший в руках бутылку горькой настойки.

— Горькая! — гордо объявил Фон. — Ты любишь джин с горькая настойка?

— Да, — сказал я и через силу улыбнулся. — Обожаю джин с горькой настойкой.

Первый же глоток этого пойла едва не прожег мне горло: в жизни не пил чистого спирта да еще с таким отвратительным привкусом. Даже Фон, которому, казалось, все было нипочем, после первого глотка как-то странно заморгал. Он сделал второй глоток, немного подумал, а потом сообщил мне:

— Мы отдавать этот крепкий питье всем наш маленький-маленький люди, а потом уйти в мой дом и пить «Белая лошадь»...

Мы облизнулись в предвкушении, хотя я с трудом представлял себе, как буду себя

чувствовать, отполировав мимбо и джин «Белой лошадью».

К этому времени во дворе собралось огромное множество народа, угощавшегося самыми разнообразными блюдами и напитками. Повсюду стояли калебасы с пальмовым вином, мимбо и кукурузным пивом; лежали огромные тыквы и связки бананов; тушки тростниковых крыс, мангустов, летучих мышей, питонов коптились и жарились над огнем на бамбуковыгх палочках. Гостям подавали сушеную рыбу, крабов и креветок, красный и зеленый перец, папайю, апельсины, манго, кассаву, сладкий картофель и другие овощи. Это был настоящий народный праздник. Когда гости приступили к угощению, Фон стал подзывать к себе членов совета и разливать им джин в сосуды с мимбо. Затем он поднялся, и мы перешли во дворец, где нас ждала «Белая лошадь».

Когда мы прикончили бутылку, мы успели обсудить множество интереснейших тем, начиная от достоинств различных марок ружей и кончая русским вопросом. Затем Фон, уже как следует набравшийся, послал за своими женами и заставил их петь и танцевать во дворе. Оркестр исполнял различные мелодии, и один из мотивов оказался в удивительно подходящем для конги ритме. Раззадорившись, я предложил Фону научить его европейскому танцу. Фон был в восторге, и мы вышли во двор. Фон уселся в ожидании. Я встал и попросил его дать мне пятерых членов совета, чтобы я мог обучить их этому танцу. Пятеро стариков поднялись и присоединились ко мне.

Наступила такая тишина, что слышно было, как шелестят на ходу шелковые одежды государственных мужей. Я выстроил их всех за собой, чтобы каждый держался за талию другого; потом кивнул оркестру, музыканты с жаром заиграли мелодию в ритме конги — и мы пустились в пляс: раз, два, три, четыре, пять, БРЫК, раз, два, три, четыре, пять, Б РЫК. Я снискал всеобщее одобрение: все остальные члены совета вскочили и присоединились к нашему танцу, а следом за ними выстроились и тридцать жен Фона. Нечего и говорить, что сам Фон не выдержал и, поддерживаемый с обеих сторон, уцепился за талию последней в цепочке жены.

Мы протанцевали около двух миль. Я вел процессию вокруг двора Фона, по лестницам, по комнатам, а музыканты бежали за нами, играя, как сумасшедшие. Я совершал любые па, какие только приходили мне на ум, подпрыгивал, вертелся, отбрасывал ногу в сторону, и огромный хвост африканцев в точности повторял мои движения. Африканцы улыбались и выкрикивали следом за мной:

— Раз, два, три, четыре, пять... БРЫК!

— Раз, два, три, четыре, пять... БРЫК!

Наконец мы остановились, обливаясь потом. Фон во время танца несколько раз падал, теперь же его под руки проводили к трону и с почестями усадили. Он сиял и с трудом переводил дух. Фон похлопал меня по спине и сообщил, что мой танец «отличный, очень, очень много отличный». Мы с ним выпили немного мимбо и снова стали наблюдать за танцорами. Более всего эта вечеринка напоминала мне бальный зал в сумасшедшем доме, куда пришли Фред Астер и Виктор Сильвестр.

После двух часов непрерывных танцев Фон подозвал к себе одну из своих дочерей, девочку лет четырнадцати, и усадил ее ко мне на колени, заявив, что теперь она моя и я должен на ней жениться. Мне пришлось соображать очень быстро. Я беспомощно оглядел зал и впервые за все время заметил, что очень многие в толпе вооружены копьями. Я утер пот со лба и стал соображать, что же мне делать. Если я соглашусь, Фон может запомнить это и утром потребовать выполнения обещания. А сейчас он настолько пьян, что я должен отказаться с максимально возможным тактом, чтобы не обидеть его. Прежде всего я поблагодарил Фона за то, что он так любезно предложил мне свою дочь, однако же, сказал я, как мне известно, он отлично осведомлен о дурацких обычаях европейцев, и, следовательно, понимает, что англичанин при всем желании не может завести себе больше одной жены. Фон рассудительно закивал и согласился, что это дурацкий обычай. Поэтому, продолжал я, мне поневоле придется отклонить его в высшей степени лестное предложение — ведь у меня уже есть жена в Лондоне, и будет незаконно и далеко не безопасно привезти с собой туда вторую. Но я заверил Фона, что, не будь я женат, я бы с радостью женился на его дочери и провел в Беменде весь остаток своей жизни. Моя речь была встречена громкими криками и рукоплесканиями. Фон немного всплакнул оттого, что такому замечательному плану не суждено осуществиться. Затем вечеринка завершилась. Фон и все присутствующие проводили меня к лестнице, продолжая пританцовывать в ритме конги Даррелла. Ну и похмелье же меня ждет!»

Ловля диких животных всегда сопряжена с риском, как для животного, так и для человека, особенно если ловцы используют не самые испытанные способы поимки. Джеральду необходим был

отдых, но поток животных не иссякал. В своем дневнике 21 марта он записал:

«Охотник принес мне самку обезьяны, которая попала в жесткий стальной капкан. На ноге у нее отсутствовали три пальца, нога загнила и распространяла ужасный запах. Бедная малютка пробыла в капкане не меньше двух дней. Как только я развязал ее, она легла и не шевелилась. Сначала я решил пристрелить ее, хотя эта идея меня совершенно не привлекала, но потом я подумал, что попробую вылечить несчастное создание. Сначала нужно было ее накормить. Обезьянка была истощена, и твердая пища сейчас была бы для нее вредна. Тогда я развел для нее молоко и насильно влил в нее полчашки. Обезьяна стала выглядеть получше. Затем я занялся ее ногой, которая была в таком плохом состоянии, что меня буквально тошнило. Кости пальцев были перебиты, и мне пришлось их полностью ампутировать. Затем я увидел, что подушечка ноги загноилась. Мне пришлось промыть ногу и нанести антисептическую мазь. Я перевязан ногу, положил обезьяну на одеяло и поместил в коробку, чтобы она могла немного отдохнуть. Примерно в пять часов она проснулась, немного поела и выпила еще молока, но вид ее ноги мне не нравился. Однако она не сорвала повязку, а для обезьяны это что-то да значит. Бедная малютка поняла, что я хочу помочь ей, и позволяла себя осматривать, хотя, когда к ее клетке подходили местные мальчишки, она очень пугалась. Надеюсь, я смогу ее спасти».

Джеральд в Бафуте вел увлекательную жизнь, переходил вброд реки, кишащие змеями, голыми руками ловил зверей в норах. Но в какой-то момент его стали преследовать неудачи. Возможно, удача от него отвернулась, возможно, виной всему стало нараставшее переутомление и излишняя самоуверенность. Он упустил несколько ценных животных, а некоторые промахи могли не только погубить его репутацию зверолова, но и просто стоить ему жизни.

Впервые смерть прошла рядом, когда он пытался сделать раненой кобре укол формалина в голову. Затем 22 марта взрослая белка Стрейнджера прокусила ему вену на запястье, и Джеральд истекал кровью, как «недорезаная свинья». Вскоре после этого на Джеральда напали три очень возбужденные смертельно ядовитые зеленые гадюки, а он был в одних шортах и сандалиях. «Господи, как же я подпрыгнул! — лаконично записал он в своем дневнике. — В тот момент я по-настоящему испугался».

24 марта Джеральд отправил свою коллекцию в Мамфе, «предоставив Смиту самому разбираться с кучей визжащих и ревущих животных». Джеральд явно переутомился и стал раздражительным, что особенно сильно проявлялось, когда шел дождь. В таком нервном, неуравновешенном состоянии он неосторожно взял голыми руками змею, которую принял за безобидную слепозмейку. Эту добычу принесла Джеральду жизнерадостная толстуха. 13 апреля, через две недели после последней записи, он смог описать в дневнике все, что произошло.

«Я заглянул в калебас и увидел тонкую змею, которую ошибочно принял за безобидную слепозмейку. Я вытряхнул змею на землю, чтобы получше рассмотреть. Змея показалась мне совершеннейшей слепозмейкой, и я смело взял ее в руки. Взглянув на нее, я с удивлением увидел пару больших, блестящих глаз, а ведь у слепозмеек глаз не бывает. И тогда, как последний дурак, я, вместо того чтобы бросить змею на землю, сообщил Пайосу, что у нее есть глаза. И когда я сделал это удивительное открытие, змея плавно повернула голову и вцепилась мне в палец.

Я бросил змею столь стремительно, словно она была раскаленной, зажал палец и бросился в дом. К счастью, Пайос отлично знал, что делать, и через три секунды мой палец уже был туго перетянут, а ранка, после мучительных моральных усилий, надрезана бритвой и засыпана марганцовкой. К этом времени палец уже распух и стал сильно болеть. Пульс мой, насколько я мог определить, оставался нормальным. Прошло десять минут после укуса».

Положение Джеральда было тяжелым. По справочнику он выяснил, что укусившая его змея была норной гадюкой, укус которой вызывает смерть от паралича сердца и нервной системы в течение двенадцати часов. Спасти жизнь зверолова могла только противозмеиная сыворотка, но в Бафуте ее не было. Джеральд сильно сомневался, что она есть где-либо еще. К счастью, в Беменде, в сорока милях от дворца Фона, жил врач-англичанин. Дорога туда заняла пять часов, но зато у врача оказалась сыворотка. Если бы сыворотки у него не было, Джеральд Малькольм Даррелл, двадцати четырех Лет от роду, зверолов, скончался бы еще до наступления ночи. Вот что написал он в своем дневнике.

«Я сидел в полной панике, анализируя свои симптомы. Мальчика послали за шофером Фонова вездехода, чтобы тот отвез меня в Беменду. Я сомневался, что там есть сыворотка, но, по крайней мере, там был врач. Через полчаса мой палец и запястье распухли и стали сильно болеть. Кожа покраснела, скорее всего, из-за тугой повязки, но место укуса оставалось белым.

Прибежал шофер. Разумеется, чертов вездеход не желал заводиться. Его пришлось толкать по дороге. Я стоял на лестнице, прихлебывая коньяк и отчаянно матеря сотни две африканцев, которые толкали машину. Когда машина завелась, у меня уже распухли лимфатические узлы в обеих подмышках, а правая рука, куда меня укусила гадюка, горела огнем».

Правая рука Джеральда распухла, а лимфатические узлы увеличились до размера грецкого ореха. Голова и шея страшно болели, и чувствовал он себя «отвратительно».

«Мы неслись так быстро, как только позволяла дорога. Первую остановку мы сделали в британской миссии. Там была медсестра, которая не знача, что делать, но наложила мне две повязки на руку — одну на предплечье, а другую на бицепс. Они были настолько тугими, что рука моя за пару секунд посинела. Затем руководитель миссии отвез меня в Беменду на своей машине, более быстроходной, чем вездеход Фона. Примерно через час после укуса, я уже входил в дом доктора.

— Привет, Даррелл, — радостно приветствовал меня доктор. — Кто вас укусил?

К моему несказанному удивлению, у него оказалась сыворотка, и он сделал мне пять уколов — три в палец и два в руку. Уколы были весьма болезненными, у меня кружилась голова и было страшно больно. Когда доктор закончил свою работу, он щедрой рукой налил мне виски, за что я был ему очень признателен. Затем я принял горячую ванну и после легкого ужина отправился в постель. Рука моя все еще сильно болела, но чувства облегчения и усталости были столь сильны, что я уснул как убитый. Доктор сказал мне, что, когда я приехал, зрачки у меня уже были сильно сужены.

Рука продолжала болеть в течение нескольких дней, и я не мог ни продолжать свое эпическое повествование, ни ухаживать за животными. В конце недели я собирался вернуться в Мамфе без какой-либо стоящей добычи. Но затем, за день до моего отъезда, свершилось чудо! Я отдыхал после чая, когда вошел Пайос и сообщил, что человек принес «лесную собаку». Я подумал, что увижу очередную виверру или генетту. Парень принес большой мешок, из которого доносились весьма устрашающие звуки. Заглянув внутрь, я не смог удержаться от радостного восклицания. В мешке сидела почти взрослая золотистая кошка, разозленная до крайности».

В Лондонском зоопарке золотистой кошки не было вот уже пятьдесят лет.

В конце апреля Джеральду стало ясно, что у экспедиции возникли проблемы. Собирание зверей — это процесс, подчиняющийся вселенскому математическому закону. В каждом успехе таятся зерна будущих неудач: чем больше животных поймает зверолов, тем больше времени он должен будет тратить на уход за ними, а следовататьно, у него вовсе не останется времени на ловлю новых зверей. Хотя компаньоны ловили довольно мелких животных, некоторые из них в неволе заболевали. Каждый день несколько животных умирало от болезней, травм или неправильного питания. Подробный список пойманных зверей, составленный Джеральдом 26 апреля, гласил, что было поймано 394 животных, из них 34 сбежало, а 108 умерло — и половину из них составляли заветные сони-летяти. Процент потерь составлял почти 40%.

Однако беспристрастная статистика не способна охарактеризовать способности Джеральда как зверолова. Некоторых животных несложно содержать в неволе, другие очень трудно приспосабливаются. Некоторых содержать вообще невозможно — как, например, сонь-летяг. Способности зверолова определяются тем, насколько хорошо он ухаживает за пойманными животными — как заботится о них, в какой чистоте содержит клетки, насколько правильно их кормит и так далее. В этом смысле поведение Джеральда соответствовало самым высоким меркам. Но работа эта была очень, очень трудной. 28 апреля он записал в дневнике о том, что умерли королевская антилопа, одна волосатая лягушка и две сони-летяти. «Теперь у меня осталась только одна карликовая соня-летяга, — жаловался Джеральд. — Вчера вечером я дал им немного картошки и, к моей радости, они почти всю ее съели. Если бы я смог приучить их к этой пище, было бы несложно доставить их в Англию живыми».

Питание животных превращалось в настоящий кошмар. Никто из плотоядных зверей не отказывался от козлятины, но подавать им это мясо следовало по-разному. Одни предпочитали мясо с

кровью, другие любили жирные куски, третьи требовали, чтобы мясо рубили на мелкие кусочки. Насекомоядные птицы любили крылатых термитов, и Джеральд часами собирал этих насекомых по ночам при свете лампы. Крыланы предпочитали бананы в кожуре, броненосцы поедали яйца и молоко, но в рот не брали ничего сладкого. Золотистая кошка любила мозги, а совятам в пищу следовало добавлять немного ваты, чтобы сделать ее более грубой. Один вид обезьян питался только апельсинами, причем поедал кожуру, а мякоть выбрасывал. Кормление сонь-летяг вообще превратилось в неразрешимую загадку. «Я в жизни не встречал настолько упрямых созданий», — писал Джеральд.

Поймать и содержать в неволе крупных животных — слонов, гиппопотамов или леопардов — Джеральду оказалось не под силу. Финансовое состояние экспедиции близилось к краху. Хуже того, разрешение на поимку гориллы было отозвано, хотя Джеральд все еще надеялся поймать животное во французской части Камеруна. Он собирался поймать гиппопотама из стада, которое обитало в реке Мамфе неподалеку от основного лагеря экспедиции, устроив ловушку на одной из троп, по которым ходили эти гиганты. Но этот план целиком зависел от помощи вольных охотников на гиппопотамов, которых Джеральд нанял для выполнения этой задачи. «По-прежнему никаких признаков появления чертовых охотников на гиппопотамов, — писал он в дневнике 24 апреля. — Если мы не поймаем бегемота, мы будем полностью разорены и никогда больше не сможем ловить животных». В отчаянии Джеральд слышал ворчание и плюхание гиппопотамов ниже по течению, примерно в двухстах ярдах от лагеря. «Черт бы побрал этих ублюдков! — писал он о ненадежных охотниках. — Черт бы побрал чиновников из зоопарков, которые считают ловлю зверей плевым занятием!»

Хотя Кен Смит убеждал его, что они поймали зверей достаточно, чтобы оправдать стоимость экспедиции, у них оставалось всего 50 фунтов. 28 апреля Джеральд вынужден был написать матери письмо с просьбой выслать денег. «Сотня-другая полностью нас выручит, — писал он. — Не волнуйся о том, что я не смогу вернуть тебе эти деньги, потому что мы совершенно определенно сумеем продать своих животных не меньше чем за тысячу фунтов. Это не считая гиппопотама. Если мы поймаем гиппопотама, мы получим прибыль, и приличную. А шансы на поимку этого зверя — девяносто к десяти. Если ты не сможешь одолжить нам денег, не волнуйся. Мы можем как-нибудь продержаться». Несколько дней спустя Кен написал письмо миссис Даррелл и Лесли в еще более несчастном тоне. В своем послании он оценивал собранную ими коллекцию в две с половиной тысячи фунтов (примерно пятьдесят тысяч по современным меркам) «по минимальным рыночным ценам».

Итак, гиппопотам должен был решить судьбу экспедиции. Несколько попыток поймать животное из ближайшей колонии не увенчались успехом, к великому облегчению Смита, который считал, что им не поймать и не довезти до Англии такое крупное животное. «Если бы твоя мать знала, что я отпускаю тебя на эту чертову отмель, где бродят гиппопотамы, без охраны, — заявил он Джеральду после очередной ночной вылазки, — она бы никогда меня не простила».

Крестьяне из ближайших деревень не одобряли попыток поймать гиппопотама, поскольку место, где они обитали, считалось заколдованным. Джеральду посоветовали отправиться подальше, в район Ассагема (четыре часа на каноэ ниже по течению). 30 апреля он предпринял последнюю попытку поймать гиппопотама. «Вчера Джеральд отправился в Ассагем, — писал Смит в письме к многострадальной миссис Даррелл, — чтобы попытаться все же поймать гиппопотама. Я убеждал его в необходимости соблюдать осторожность и не рисковать. Надеюсь, мои усилия не пропадут даром».

Тропики Камеруна состояли из рек, окружающих их лесов. Лес был глухим, а порой и враждебным — сокровищница живой природы, обра^ щаться с которой и восхищаться которой следовало с осторожностью. Река же, наоборот, была открытой и дружественной — сверкающая голубая лента, где животный мир изменялся с удивительной скоростью. 30 апреля Джеральд описал в своем дневнике впечатления от путешествия в Ассагем; Здесь его писательский дар проявился в полную силу.

«Каноэ прибыло почти вовремя. Мы стащили багаж вниз с холма на песчаную отмель и погрузили все в лодку. Мы оттолкнулись и отдались на волю течения. Стоило нам покинуть места, обитаемые человеком, как мы попали в настоящие джунгли.

Я решил, что путешествовать по африканской реке в каноэ — это самое замечательное и прекрасное занятие, какое только можно себе представить. На протяжении трех миль река была очень спокойной, ровная вода черным зеркалом раскинулась между серых, скалистых берегов. Лес по

берегам реки был совершенно непролазным, деревья и кустарники сплелись, образуя непроходимые заросли. Две зеленые линии обрамляли реку так далеко, как только хватало глаз. Можно было увидеть все оттенки зеленого — яркие, сверкающие и нежные, пастельные: зелень нефрита, оливок, бутылочного стекла, изумруда, шартреза — листья и ветки сплетались в удивительную филигрань. Даже серые скалы были покрыты, порой полностью, ковром колышущихся под ветром папоротников и пятнами поблескивающего мха.

Мы миновали несколько отмелей. Белоснежный, как слоновая кость, песок блестел на солнце. Повсюду валялись выбеленные временем стволы поваленных деревьев. Лес замер в молчании. Единственными звуками, нарушавшими это молчание, было пение цикад, тихое, хрипловатое, печальное воркование изумрудных горлиц и ленивое, спокойное плюханье весел о воду. Вдалеке звуки, издаваемые насекомыми и птицами, перекрывались неясным рокотом. Постепенно он становился все громче, и вскоре из тихого ворчания превратился в угрожающий мощный рев. Спокойные до сей поры воды вскипели, мы почувствовали, как начало раскачиваться на волнах наше каноэ. По воде пошли длинные, сверкающие, черные волны, без-жалостно раскачивающие хрупкую лодочку. Мы перестали грести — всего несколько движений, чтобы удержать каноэ на верном курсе, а все остальное предоставили реке. Мы достигли излучины. Посреди реки торчали огромные острые скалы, напоминавшие скелет какого-то доисторического монстра. Река разделилась на несколько рукавов. Огибая скалы, вода пенилась, тысячи брызг взлетали в воздух, образуя множество мелких радуг. Рев воды стал настолько громким, что мы почти не слышали друг друга. Каноэ неслось вперед, и какое-то время нам казалось, что мы вот-вот разобьемся о скалы. Но внезапно течение успокоилось, и вот мы уже снова скользим по ровной водной глади. Мы оказались на мелководье, в сонном царстве, где вода лениво перекатывает мелкие камешки.

Подобное речное путешествие идеально во многих отношениях. Мы плыли достаточно медленно, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть все вокруг. Перед нами разворачивалась великолепная картина леса, словно кто-то специально для нас сделал срез и позволил увидеть все ярусы тропических джунглей. Мы видели крохотные наземные растения и лохматые вершины лесных гигантов, высота которых достигала нескольких сотен футов. Надо всем царил ленивый покой — теплая вода, лес, уходящий за горизонт, красота девственной природы.

Порой река изгибалась, образуя глубокие бассейны с тенистыми берегами. Из глубин поднимались гиппопотамы и провожали нас внимательным, но вполне дружелюбным взглядом. Затем они плюхались в воду, и только расходящиеся круги и поднимающиеся на поверхность серебристые пузырьки показывали, что здесь только что был речной гигант. На отмелях мы купались. Рыбки нас совершенно не боялись. Крохотные серебристые создания кружились вокруг нас и тыкались в наши ноги. Мы проплыли мимо стаи обезьян, спустившихся к реке на водопой. Они галдели и кричали, по-видимому, отпуская в наш адрес нелестные замечания. А потом поднялся просто оглушительный шум — на отмели стояла взрослая антилопа, первая, которую мне довелось увидеть в этом лесу. Она была прекрасна — блестящую каштановую шкуру покрывали широкие белые полосы и пятна, издалека напоминавшие странную надпись. Охотники закричали, чтобы я стрелял. Чувствуя, что мне нужно поддержать свою репутацию, я тщательно прицелился куда-то на пятьдесят ярдов правее антилопы и выстрелил.

Раздались крики разочарования, а Пайос подозрительно покосился на меня. Он-то знал, что стрелок я отменный. Антилопа какое-то мгновение стояла спокойно, а потом бросилась бежать и, к моей радости, скрылась в джунглях.

В Ассагем мы прибыли около четырех. Это маленькая деревушка, где живет около семидесяти человек, шестьдесят из которых находятся в весьма преклонном возрасте, зато оставшиеся десять вполне молоды и полны сил. Меня встретил вождь племени, грязный старик, страдавший таким количеством болезней, что, казалось, стоит дунуть на него, и он рассыплется на мелкие кусочки. Он отвел меня в хижину шамана, где мне предстояло расположиться. Я распаковал свой багаж и устроил себе постель под белыми черепами, несколькими тамтамами и другими предметами «народной медицины». Потом я отправился в лее, прошел около пяти миль и видел массу животных, в том числе и огромную стаю обезьян, несшуюся куда-то по верхушкам деревьев. Они производили ужасающий шум --их крики смешивались со свистом листьев, когда они перелетали с ветки на ветку. Я вернулся домой и уснул как убитый».

События следующих двух дней были самыми безрадостными в короткой карьере Джеральда в

качестве зверолова. Он планировал поймать детеныша гиппопотама, а железное правило реки гласило, что сделать это, не убив его родителей, невозможно, поскольку разгневанный гиппопотам превращается в весьма опасное животное.

Около шести утра 1 мая Джеральд с небольшой группой охотников вышли из Ассагема и поднялись вверх по течению реки, где они нашли небольшое стадо, состоявшее из самца, самки и детеныша подходящего возраста. «Мы собирались застрелить взрослых гиппопотамов, — писал Джеральд, — а после этого поймать детеныша не составило бы труда. Я высадился на берег и направился в лес, чтобы найти удобное место для стрельбы. Первый выстрел оказался неудачным — я никогда до этого не стрелял из тяжелого ружья и не учел отдачу. Самка гиппопотама с плеском ушла на глубину. Я подумал, что она уплывет, но она всплыла всего в нескольких ярдах правее. На этот раз я попал ей прямо между глаз». В какую-то долю секунды Джеральд Даррелл совершенно по-иному оценил свой поступок. Он с ужасом смотрел на дело рук своих. «Она камнем ушла в мутную воду, а я страшно расстроился».

Но предстояло еще застрелить самца. «Я чувствовал, что должен постараться избавиться от него, не убивая, — записал Джеральд в дневнике тем вечером, — так как и одного убитого гиппопотама мне было больше чем достаточно. Мы сели в каноэ и поплыли по направлению к нему. Я стал стрелять в воду, чтобы отпугнуть зверя. Так мы гнали его примерно две мили вниз по течению. Гиппопотам ревел, сопел. В один момент он выглядел так угрожающе, что мы подумали, что он вот-вот набросится на нас».

Итак, самка была убита, а самца удалось отогнать достаточно далеко. Казалось, поймать детеныша не составит труда. Но его нигде не было видно. Судя по всему, он тоже ушел на глубину. Поскольку детеныш исчез, было решено, что он стал жертвой крокодила, тем более что поблизости действительно всплыл крокодил — именно там, где в последний раз видели детеныша. «Удовлетворенное выражение крокодильей морды вывело меня из себя, — записал в дневнике Джеральд, — и я влепил ему пулю между глаз». Как он и опасался, в желудке крокодила они обнаружили останки детеныша гиппопотама — «черт бы побрал кровожадную тварь!».

Позже охотники вытащили тушу самки гиппопотама со дна и транспортировали ее в деревню, где ее обглодали до скелета голодные жители деревни. Африканцы набросились на огромного зверя, «как стая диких зверей, они дрались, толкались, кричали и рыдали». Одна старуха тащила ребро, которое было больше ее самой, а за ней неслись голодные старики и пытались отнять у нее ее добычу. «Она была очень старой, — вспоминал Джеральд. — Старуха была в двадцати футах от берега, когда ее догнали. Ребро и его владелица исчезли в толпе — повсюду виднелись ножи, раздавались отчаянные крики. Старухе наконец удалось выбраться, и она со слезами и причитаниями побрела по берегу, зажимая глубокий порез на лбу. Я отрезал большой кусок мяса и отдал его несчастной старухе, а затем проводил ее до дома, чтобы никто не отобрал у нее мой подарок. Там я промыл рану. Теперь, как только она меня видит, начинает пританцовывать и хлопает в ладоши».

Подавленный неудачей, Джеральд записал в дневнике: «Даже не думал, что все это меня так расстроит. Если бы мне удалось поймать детеныша, я бы не так переживал из-за того, что мне пришлось убить самку, но до чего же стыдно убить огромное, ленивое, забавное животное без всякой причины!»

Насколько известно, несчастная самка гиппопотама и крокодил были последними животными, погибшими от руки Джеральда Даррелла. Когда четыре года спустя он написал свою знаменитую книгу о путешествии в Камерун «Гончие Бафута», то не стал писать о своих охотничьих подвигах, поскольку ему явно хотелось об этом забыть. В последующие годы его выводили из себя даже отдаленные звуки охоты на фазанов. Он не мог смириться с тем, что эти прекрасные создания погибают от рук охотников. Браконьер в нем окончательно уступил место ревностному охранителю природы. «Для меня путь в Дамаск был очень длительной дорогой с односторонним движением», — признавался он много лет спустя. Именно охота на гиппопотама возле Ассагема открыла ему глаза.

Два гиппопотама были мертвы, и тем самым Джеральд исчерпал лимиты своего разрешения. В подавленном настроении он вернулся в Бакебе и остановился в огромном доме со стенами в три фута толщиной. «Укрывшись от мира, — записал он в своем дневнике 10 мая, — я послал за местными охотниками, чтобы поймать кое-каких зверей с французской стороны горы Нда-Али».

Этот амбициозный замысел так и не осуществился, все шло не по плану. Удача окончательно отвернулась от Джеральда. Сначала он свалился с песчаной лихорадкой. Хотя охотники установили

множество ловушек, в том числе три на леопарда, толку от них не было. Особенно угнетало Джеральда то, что они не могут поймать леопардов, так как всю ночь он слышал их рычание, а днем их можно было увидеть невооруженным глазом. Ни один из этих зверей не соблазнился свежим мясом, разложенным в качестве приманки. Джеральд писал, что его охотники, многие из которых были поклонниками Великого Леопарда, верили, что в этих животных вселяются души их умерших предков, поэтому ловушки Джеральда совершенно бесполезны.

Неприятности следовали одна за другой. С 14 до 22 мая Джеральд вообще не прикасался к дневнику. 23 мая он записал: «Здесь все валится из рук. Нам не удалось поймать ни одного зверя, да еще и эта проклятая песчаная лихорадка. Я получил очень грубое письмо от Кена, в котором он обвиняет меня в бездействии. Я послал ему резкую отповедь и сегодня получил его извинения».

Несмотря на раздражение, Джеральд не мог оставаться равнодушным к очарованию Африки. В конце мая он записал в своем дневнике:

«Сегодня, к своему удивлению, я проснулся в половине шестого. Только что рассвело. Я поднялся с постели и увидел самую красивую и незабываемую картину, какую мне только доводилось видеть в своей жизни.

Белый как снег туман начинал рассеиваться и редеть. Он поднимался в небо, открывая взору лес и горы. Нефритово-зеленые лесистые склоны гор поднимались из белого тумана. Они напоминали темные острова посреди белоснежного моря. Небо отливало яблочной зеленью. Солнце только собиралось подниматься из-за леса, и на востоке туман слегка золотился. По мере того как солнце поднималось все выше и выше, небо из зеленого становилось золотым, а потом нежно-розовым. Внизу в деревнях закричали петухи, на фоне розового неба пролетели три птицы-носорога, издавая присущие этим птицам дикие, истерические крики».

Джеральд неподвижно стоял, смиренно впитывая эту красоту. Ноги его приросли к земле, он не мог оторвать глаз от открывающейся перед ним картины. Здесь он с особой силой ощутил зов природы. Эта картина оста? лась в его памяти навсегда, он вспоминал ее в разное время и в разные местах. Он видел потерянный рай.

Камерунский дневник заканчивается 23 мая. Две недели спустя Джеральд отправил письмо матери, и, кроме этого послания, иных письменных свидетельств африканского путешествия не осталось. В конце месяца Кен Смит написал Лесли, благодаря его за присланные деньги, которые помогли звероловам успешно завершить свое путешествие. Джерри все еще оставался в Бакебе, но вскоре вернулся в Мамфе. Джеральд и Кен стали сворачивать лагерь, собираясь перебраться на побережье и дожидаться корабля. К сожалению, в это время начались сильные затяжные дожди. «Большую часть дня и ночи идут проливные дожди, сопровождающиеся страшными грозами. К счастью, добрый старый тент с честью выдерживает это испытание, в противном случае, мы промокли бы насквозь. Даже странно подумать, что всего через восемь недель мы окажемся в Англии».

Затем случилось несчастье. Два англичанина прибыли в Камерун в надежде заполучить молодую гориллу, которую им пообещали. Они даже отказались от возможности отплыть из Тико 3 июня, считая, что высокая цена на горилл в Британии с лихвой покроет все расходы, связанные с дополнительным пребыванием в Африке. Но гориллу так и не привезли, а следующий корабль отплывал только через два месяца. Джеральд и Кен остались на побережье под проливными дождями. Ни гориллы, ни денег, ни корабля — обстоятельства складывались так кошмарно, что Джеральд был вынужден продать свое великолепное ружье и дробовик, а также все, без чего можно было обойтись. 8 июня он написал матери:

«Мы сможем отплыть только 6 августа, так что домой прибудем не раньше 20-го. Наше положение таково, что мы можем многое продать по чертовски низким ценам и расплатиться с долгами, но не думаю, что у нас останется достаточно денег, чтобы снова отправиться в экспедицию. Эта мысль нас страшно огорчает, и мы используем любую возможность, чтобы заполучить какое-нибудь крупное животное, пока мы еще в Африке. Наша коллекция в зоологическом плане великолепна, но нам нужны крупные животные, которых зоопарки с радостью бы приобрели для своей идиотской публики».

Запертый в Мамфе Джеральд все чаще обращается мыслями к родному дому и особенно к оставленным в Англии подружкам: «Попроси Марго, если ты, конечно, ее увидишь, передать

приветы Розмари и Конни из Бари Клуба. Что случилось с Дианой (Урсулой)? Она написала мне весьма холодное письмо...»

Теперь Джеральд и его компаньон поменялись местами. Теперь уже Кен Смит отправлялся на вылазки, в джунгли и горы, стараясь за оставшееся время поближе познакомиться с местной природой. «Это была его первая вылазка, — писал Джеральд, — и он радовался, как школьник. Он заслужил эту радость».

Бесконечная работа по уборке клеток и кормлению животных в базовом лагере была столь же увлекательна, как ловля зверей в джунглях. Джеральд писал домой:

«Отправляясь в буш, вы видите новые места и ловите новых животных. В лагере же можно по-настоящему изучить животное. Каждый день приносит новые открытия. Например, Мэри, самка шимпанзе, каждое угро умывается, а к вечеру ее солома уже вся в грязи. Поэтому, прежде чем улечься, она выкидывает грязную солому из клетки и спит на чистой, свежей подстилке. Она любит лежать на спине и ласково смотреть на того, кто станет с ней играть. Если шлепнуть ее по заду, она прикрывает его ладонями и разражается хихиканьем. Мэри безумно любит одежду. Она подманивает людей к своей клетке, похлопывая себя по животу или выделывая сальто, а когда человек оказывается в пределах досягаемости, она протягивает руку и с резким звуком срывает с несчастного рубашку или другое одеяние. Голый африканец с возмущешгем смотрит, как Мэри натягивает на себя его одежду и жеманится. Оба шимпанзе так растолстели, что с трудом двигаются. Как-то раз я решил проверить, насколько жаден Чарльз, самец шимпанзе. Я просовывал через решетку бананы, и он хватал их всеми руками и ногами и засовывал в рот сразу по два. И несмотря на это, он начинал кричать, стоило мне остановиться. Он ужасно боится щекотки. Стоит коснуться его шеи, как он тут же заливается беспомощным смехом».

Джеральд больше не был простым наемником, звероловом и охотником. Хотя у него не было формального образования, постоянное близкое общение с более чем тремястами животными самых различных видов, наблюдение и изучение их внешнего вида, привычек и повадок, а также изучение среды их обитания дало ему возможность получить такую полевую практику, какой мог бы позавидовать любой дипломированный зоолог мира. Знания в области поведения животных у Джеральда Даррелла были просто безграничными. Из зверолова он превратился в настоящего зоологического полиглота.

«Ни одно животное не похоже на другое, — писал он позже. — Они могут раздражать, беспокоить, выводить из себя, но с ними никогда не заскучаешь. Они отличаются друг от друга, как люди. Среди них есть выдающиеся особи, прирожденные комики, отличные ребята, трудные подростки, жадины, любознательные исследователи, лицемеры, умственно отсталые, особи с расщеплением личности и так далее. Наблюдение за пойманными животными — самая большая радость любой экспедиции. Так что я быстро разделался с человеком, который сказал мне как-то, что не понимает, как я могу так любить животных, ведь они такие скучные и похожи друг на друга».

Но работа по уходу за животными была очень трудна. «У меня не остается времени ни на что, даже на сон, — писал Джеральд матери. — Не успеваешь в полночь накормить рыжих водосвинок, как оказывается, что уже рассвет и надо приступать к чистке клеток». Только после кормления ночных животных можно было немного расслабиться. «У меня есть три благословенных часа. В это время я могу заняться чем угодно — как правило, находится два-три вида, которых надо было бы заспиртовать, и парочка тех, с кого нужно снять шкурку. Затем можно принять ванну, немного передохнуть, кое-что записать в дневник и отправляться кормить га-лаго и рыжих водосвинок. Затем нужно отнести последнюю бутылочку последнему детенышу — и можно падать в постель». Если звероловов приглашали на обед, то, как вспоминает Джеральд, «нам так хотелось спать, что беседа с нами была не более содержательна, чем разговор с книжным шкафом».

Недели шли, дожди не прекращались, трава становилась все гуще, насекомых становилось все больше, и животные стали страдать. А тут еще Кен Смит вернулся с холмов с очередной партией животных. В конце июля коллекция звероловов пополнилась на пятьсот животных, в том числе крайне редких и интересных. Джеральд больше не был простым звероловом, он хотел узнать о пойманных им животных все, что только возможно. Наконец в начале августа настало время сворачивать лагерь и перевозить коллекцию в Тико, чтобы отправляться в Англию. «Это было самое ужасное путешествие в моей жизни», — вспоминал Джеральд.

Для перевозки животных потребовалось три грузовика и большой фургон. Ехали по ночам, чтобы зверям не было жарко. Каждые три часа приходилось останавливаться, чтобы сбрызнуть коробки с лягушками холодной водой. Ночью нужно было делать две остановки, чтобы накормить детенышей теплым молоком из заранее приготовленных термосов. На рассвете машины останавливались и разгружались. Клетки устанавливались в тени деревьев, и начиналась привычная работа по уборке и кормлению. Утром 7 августа караван достиг доков. Животных стали грузить на грузовой корабль — тот же самый, на котором Джеральд возвращался домой в прошлом году.

Оставалось еще одно неприятное дело. Джеральду сообщили, что на банановой плантации неподалеку от порта рыли дренажные канавы и обнаружили там массу змей. Несмотря на то что он недавно чуть не умер от укуса змеи, Джеральд не смог устоять перед искушением посмотреть на змей. Но обстоятельства складывались неблагоприятно. Во-первых, время поджимало, и отправиться на плантацию можно было только ночью, во-вторых, змеи оказались габонскими гадюками — наиболее ядовитыми змеями Западной Африки. Габонские гадюки не только очень ядовиты, но еще и обладают длинными зубами. Это позволяет им вводить яд глубоко в тело жертвы, что приводит к быстрой смерти. Мало того, габонские гадюки охотятся по ночам, так что в это время они особенно активны.

Со всей осторожностью Джеральд спустился в гадючью канаву на веревке, вооружившись моргающей лампочкой, мешком и рогатиной. Спускаясь, он слышал протестующее шипение и видел, что под ним свиваются в кольца примерно тридцать крупных гадюк. Это было самое страшное и опасное приключение за всю звероловскую карьеру Джеральда. От него требовались недюжинная храбрость и хладнокровие, а также умение обращаться со столь опасными созданиями. Примерно полчаса Джеральд находился в яме. Он потерял один ботинок, лампочка погасла, и он остался в темноте в окружении разъяренных змей. Затем его вытащили наверх. В мешке Джеральда сидела дюжина ядовитейших змей. «Я сел на землю, — вспоминал он, — закурил сигарету и попытался умерить дрожь в руках. Теперь, когда опасность была позади, я начал понимать, какую ужасную глупость я только что совершил и как мне страшно повезло, что я остался жив!»

На следующий день корабль отплыл в Англию. Главной задачей Джеральда было довезти до Британии живыми сонь-летяг. Эти создания полюбили авокадо, и хотя в Камеруне был не сезон авокадо, звероловам удалось добыть немного этого овоща из личных запасов капитана. Но, несмотря на все их усилия, проделав путь в четыре тысячи миль, в одном дне пути до Ливерпуля последняя соня сдохла. Хотя большинство животных перенесло путь очень хорошо, Джеральд был очень огорчен потерей своей драгоценной летяги. «Я был страшно подавлен, — писал он, — и впал в полнейшую депрессию».

Возвращение в Англию нельзя назвать очень радостным. Корабль вошел в доки Ливерпуля 25 августа 1949 года. Однако Джеральду и Кену Смиту было чем гордиться. Они преодолели болезни, трудности, лишения, опасности, одиночество, укусы ядовитых змей и ужасы Африки. Они сумели справиться с трудной задачей перемещений по Камеруну — на разваливающихся грузовиках по шатким мостам над бездонными пропастями. И они привезли в Англию более пятисот животных семидесяти видов в 139 контейнерах. В восьмидесяти восьми ящиках были млекопитающие, в сорока двух рептилии, в четырнадцати птицы и в двух сухопутные крабы. Экспедиция обошлась в две с половиной тысячи фунтов и принесла скромную прибыль около четырехсот фунтов, не считая оборудования, которое можно было продать за девятьсот. Это было существенное достижение.

Пресса тоже разделяла такое мнение. На борт поднялись репортеры крупнейших газет, сверкали вспышки фотоаппаратов. «Двое англичан на новом Ноевом ковчеге» — - гласил заголовок «Дейли экспресс». «Смелые охотники привезли 500 зверей», — писала «Стар». Следом за журналистами прибыли представители Лондонского, Эдинбургского, Манчестерского, Бристольского, Пейтонского, Честерского и Дублинского зоопарков, а также импортер животных Роберт Джексон, которого особенно интересовали змеи. Они толпились на палубе, обсуждая цены и зоологическую ценность того или иного животного, рассматривали волосатых лягушек, усатых обезьян и шипящую золотистую кошку. Фургоны и грузовики выстроились на берегу длинной чередой, и сделки были заключены. Примерно треть животных приобрел Честерский зоопарк, Лондонский соблазнился особо редкими животными, многих из которых никогда не видели на туманном Альбионе. Лондонский зоопарк приобрел волосатую лягушку и множество насекомых.

Хотя звероловам и не удалось привезти крупных животных, привлекающих внимание публики, более мелкие животные, привезенные экспедицией, вызывали всеобщий интерес. «Докеры,

разгружавшие бананы, с изумлением прекратили свою работу, увидев высокого молодого блондина, который засунул руки в деревянную клетку и вытащил оттуда извивающуюся черную тварь с длинными, мохнатыми лапами — первое создание подобного вида, когда-либо появившееся в Англии, — писала газета «Йоркшир пост». — Первое знакомство с Британией явно не удовлетворило волосатую лягушку. Она возмущенно заквакала и забила своими волосатыми лапами».

Звероловы уже в пиджаках и галстуках позировали для фотографов — лысеющий Кен Смит прижимал к груди детеныша крокодила, а взъерошенный Джеральд Даррелл держал на руках маленького гвенона или поглаживал усатую обезьяну, примостившуюся на его плече. Сердца всех журналистов завоевал шимпанзе Чарли, но все их внимание было приковано в Джеральду. «Удивительный молодой человек, — писал один из Журналистов, — с красивым худощавым лицом, длинными пальцами и в костюме отличного покроя». Другие воспринимали Джеральда иначе. «На первый взгляд, — писала газета «Иллюстрейтед Лондон ньюз», — двадцатичетырехлетнего Джеральда Даррелла можно принять за преуспевающего фермера. У него ясные глаза, здоровый цвет лица и широкие плечи, как у всех, кто живет и работает на свежем воздухе. Однако его речь заставляет забыть о картофеле и коровах. Его привлекают совершенно иные аспекты живой природы». Действительно, змеиные укусы, охота на гиппопотамов, колдовские проклятия на леопардовых ловушках и охота с гончими на бескрайних просторах Бафута были далеки от картофеля и коров. Так Джеральд впервые столкнулся с прессой. Он был звездой, хотя всего лишь на пару дней. Он уже ступил на путь, которого еще не осознал.

Еще не спустившись на берег, Джеральд сообщил, что они с Кеном Смитом планируют через несколько месяцев отправиться в третью экспедицию — на этот раз в Южную Америку. Но хотя все мысли Джеральда были прикованы к обитателям джунглей, его ждала новая встреча, существенно повлиявшая на его дальнейшую жизнь. В списке британских зоопарков, которые он собирался посетить, последним значился зоопарк Манчестера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ЗАВОЕВАНИЕ НОВОГО МИРА: ЛЮБОВЬ И БРАК 1949-1951

Джеральд Даррелл относился к числу тех мужчин, которые искренне любят женщин. Выросший в теплой, уютной атмосфере дома, управляемого женской рукой, он всегда считал женщину источником комфорта и безопасности, а став подростком, увидел в ней и кое-что еще. Как показывают его развлечения во Дворце морских свинок в Уипснейдском зоопарке, Джеральд вел себя точно так же, как любой нормальный молодой человек его лет. Он был весьма привлекателен: светлые прямые волосы, артистически спадавшие на лоб, честные голубые глаза, открытая улыбка, квадратная челюсть и удлиненное аристократическое лицо. Все это могло очаровать любую женщину. Но сильнее всего женщин привлекала неординарная личность Джеральда, его обаяние и чувство юмора.

Вернувшись в Англию, Джеральд использовал любую возможность, чтобы компенсировать себе вынужденное полугодовое воздержание. По вопросам, связанным с зоопарками, ему пришлось исколесить всю страну от Честера до Дадли и Веллингборо. В середине сентября он оказался в Манчестере, где ему предстояло решить кое-какие вопросы с зоопарком Бель-Вью. Он остановился в маленьком отеле, владельцем которого был мистер Джон Томас Вулфенден. Прибытие в эту скромную гостиницу стало поворотным моментом жизни Джеральда, хотя он об этом еще не догадывался.

В то время в отеле проживали балерины из кордебалета Оперы «Сэдлерз Уэллс». Театр прибыл в Манчестер с двухнедельными гастролями. Прибытие обаятельного молодого путешественника и зверолова произвело на юных дам определенное впечатление. Не меньшее впечатление Джеральд Даррелл произвел и на девятнадцатилетнюю дочь владельца гостиницы — яркую, но весьма сдержанную девушку по имени Джаклин, которую все звали Джеки. Позднее она вспоминала, что «болтливые балерины постоянно щебетати о некоем восхитительном мужчине, воплощении мечтаний любой женщины. А потом одним дождливым воскресным утром покой нашей гостиницы нарушила толпа этих несносных созданий, следом за которыми вошел спокойный, симпатичный молодой человек, похожий на Руперта Брука. Судя по идиотскому поведению дамочек, этот мужчина мог быть (и был) только самим Чудо-мужчиной».

Джеки всегда с презрением относилась к людям, которых считала «поверхностными, испорченными экстравертами». К этой категории она поначалу отнесла и Джеральда Даррелла. Больше всего он напоминал ей американского киноактера Дэна Эндрюза, а вел себя, словно петух, попавший в курятник. Заметив, что Джеки разглядывает его, Джеральд внимательно посмотрел на нее. Их глаза впервые встретились, он уставился на нее, «словно василиск», и бедная девушка в смущении ретировалась. Воспоминания о первой встрече в заполненной людьми комнате сохранились и у Джеральда: «Возле камина в окружении всех этих девушек сидело создание, более всего напомнившее мне нахохлившегося птенчика. Я помню этот момент в мельчайших деталях. Помню, как подумал тогда: «Господи, да ведь она просто красавица!»

Джеки поспешно покинула гостиную и постаралась в ближайшие дни свести свое общение с мистером Даррелом к минимуму. Вскоре она узнала, что у Джеральда роман сразу с тремя балеринами, остановившимися в отеле ее отца (сам Джеральд впоследствии припоминал только одну). Этот факт еще более укрепил ее в нежелании иметь ничего общего с таким неприятным, но, к счастью, временным постояльцем.

Джеральд пробыл в гостинице еще две недели. Они с Джеки практически не встречались. Но как-то утром мачеха попросила ее проводить мистера Даррелла на станцию, поскольку он (трудно поверить!) не имел ни малейшего представления о том, где она находится. Джеки согласилась, хотя особою энтузиазма не проявила. Она вспоминала: «Убедившись в том, что я не в восторге от его общества, мистер Даррелл пустил в ход все свое обаяние, которое действовало на женщин совершенно неотразимо. Когда же ему не удалось добиться ощутимых результатов, он воспользовался присущим ему чувством юмора. К моему смущению, ему удалось рассмешить меня — причем так, что я даже пожалела об его отъезде».

Не рассчитывая встретиться с Джеральдом снова, Джеки благополучно о нем забыла и сосредоточилась на занятиях вокалом — она собиралась стать оперной певицей. У нее был прекрасный голос — глубокое контральто, — суливший ей прекрасное будущее. По совету преподавателя Джеки даже взяла псевдоним — из Вулфенден она стала Рейзен. Такая фамилия более соответствовала карьере оперной певицы. Какой же шок испытала будущая примадонна, когда поздней осенью дверь гостиницы, пережившей капитальный ремонт, отворилась и на пороге снова появился учтивый молодой человек. Джеральд собирался отправиться за животными в Британскую Гвиану и объезжал английские зоопарки, принимая заказы. Хотя большую часть времени молодой зверолов проводил вне отеля, все вечера он сидел в гостиной и ужинал вместе с семьей, «обмениваясь игривым» шутками с моей мачехой и ведя с отцом долгие, бесконечные беседы о текущих событиях. Он очень скоро подружился со всеми, кроме меня»

Джеральд отлично сознавал, как к нему относится Джеки, но это не остановило его, когда он решил пригласить ее поужинать в ресторане. «Эта идея мне понравилась, — вспоминала Джеки. — В тот момент у меня не было кавалера, и я подумала, что мне будет приятно провести вечер с таким «светским львом». К своему удивлению, я обнаружила, что вечер удался на славу. Нам было очень хорошо вместе». Приключения Джеральда в Африке казались Джеки очень увлекательными, а рассказы о необычной семье и о годах, проведенных на Корфу, ее совершенно очаровали. У Джеки никогда не было настоящей семьи. Ее родители развелись, когда ей было всего два года. Несколько лет девочка жила в семьях родственников. Неудивительно, что она завидовала счастливому, безоблачному детству своего спутника. Очень скоро она рассказала ему то, о чем никогда и никому не рассказывала. «Ко времени возвращения домой, — вспоминала она, — я полностью избавилась от чувства недоверия и враждебности. Я почувствовала, что наконец-то обрела друга, с которым можно поговорить и расслабиться».

Через пару дней Джеральд уехал. Подготовка к новой экспедиции требовала много времени и сил. До самого отъезда он не давал о себе знать.

В начале 1950 года Джеральд поднялся на борт маленького, грязного грузового корабля, стоявшего в Ливерпульском порту. К этому времени он уже считался одним из крупнейших звероловов Британии. С ним сотрудничали все ведущие зоопарки страны. Профессия зверолова позволяла Джеральду удовлетворять свою страсть к животным. Он вспоминал, что в тот момент на каждого знакомого ему человека приходилось более сотни не менее знакомых животных. Но ловля зверей не способствовала быстрому обогащению. Просто Джеральд не мог себе представить иного занятия. «Если говорить о моей работе, — скромно признавался он в письме к приятелю, — то я просто не могу представить себя, занимающимся чем-либо еще, даже если бы мне этого очень захотелось. Навыки мои весьма скромны. Я могу переносить змеиные укусы, управлять

неустойчивым каноэ умею стрелять, объезжать лошадей, перемещаться по тропическому лесу и часами неподвижно сидеть в засадах. Это практически все, что я умею. К счастью, в профессии зверолова никакие другие навыки мне не требуются».

27 января Джеральд высадился в Британской Гвиане. Он впервые ступил на землю Нового Света:

«Гвиана оказалась совершенно восхитительным местом. Она совершенно не походила на те страны, где я бывал прежде. Я словно попал в огромный цветочный магазин. Каждое дерево и кустарник были покрыты цветами. Я слышал странные звуки, объяснить происхождение которых не мог. Казалось, что это деревья борются с оплетшими их со всех сторон орхидеями. Шорох листвы звучал громче, чем жужжание целого роя пчел. Сначала я ничего не понимал, но затем, присмотревшись, обнаружил среди листьев сотни две колибри. Птички пили нектар с орхидей. Именно они-то и производили эти странные звуки. В другой раз я плыл на каноэ по небольшой речке, вся поверхность которой была покрыта водными растениями с мелкими листочками, похожими на горчицу, и шелковистыми, розовыми цветами. Казалось, что лодка скользит по роскошному розовому газону. Господи, мне нужно быстрее, как можно быстрее вернуться туда, пока еще не стало слишком поздно. Как часто я опаздываю! Удастся ли мне еще когда-нибудь пережить пробуждение, подобное тому, которое я пережил в Джорджтауне? Все вокруг было совершенно обыкновенным, словно я находился в пригородном английском доме. Я не понимал, где я нахожусь, и, открыв глаза, ожидал увидеть каюту парохода. Но вот я оторвал голову от подушки и увидел огромную магнолию с блестящими, похожими на тарелки листьями, на которой сидели танагры трех разных видов. Красные с черным, кобальтовые, белые с зеленым птички сновали но веткам, разыскивая насекомых. Такие моменты никогда не изглаживаются из памяти. Помню, что тогда я ощутил себя хозяином собственной жизни. Все окружающие считали меня сумасшедшим, безумным фанатиком, но я знал, чего хочу. И до сих пор я считаю пампу местом истинного покоя и мира».

Кен Смит остался в столице Гвианы, Джорджтауне, присматривать за основной коллекцией, а Джеральд отправился в глубь страны на поиски редких зверей. Спутником Джеральда в этом путешествии стал странствующий художник Роберт Лоуз. Им вместе предстояло брести по болотам, продираться сквозь джунгли и заросли, переправляться через озера и реки, часами сидть, неподвижно в неустойчивых каноэ, есть и спать в окружении фантастического количества птиц, зверей и рептилий. Они побывали во множестве мелких городков, начиная от Эдвенчера, расположившегося близ устья реки Эссекибо (там им удалось поймать лунного увари), и до ранчо легендарного Тини Мак-Турка Каранамбо в саванне Рупунуни, где они гнались за гигантским муравьедом, выследили самую крупную в мире пресноводную рыбу — арапаиму и поймали самого крупного грызуна — капибару. Звероловы бродили по побережью, изрезанному сложной системой узких, извилистых речушек. Половину времени им пришлось провести по пояс в воде в попытках поймать огромную жабу пипу и парадоксальных лягушек, водосвинку и древесных дикобразов («прирожденных комиков животного мира»).

Побережье показалось Джеральду волшебной страной. «Мы медленно плыли по узкому ручью, — писал Джеральд в своем дневнике. — В темной воде отражалось звездное небо, причем с такой отчетливостью, что нам казалось, что наше каноэ плывет в космическом пространстве, направляясь к загадочной планете. Из камышей выглядывают кайманы, с глубины всплывают странные рыбы и со смачным звуком заглатывают роящихся над водой мошек. На дне каноэ в банке сидят амфибии, благодаря которым этот вечер и оказался таким удачным. Каждые пять минут мы посматривали на них и с глубоким удовлетворением вздыхали. Поимка этих невообразимо уродливых созданий преисполнила нас радости, понять которую может только звероловы».

Джеральд обещал писать Джеки из Гвианы, как только представится возможность, но обещания своего не сдержал, и она с чувством некоторого облегчения целиком отдалась занятиям вокалом. Долгая манчестерская зима и напряженные занятия вытеснили из ее памяти воспоминания о странном молодом человеке, одержимом своими зверями.

Но Джеральд ее не забыл. Как он ни пытался, это ему не удалось. «Обычно во время путешествий я забывал обо всех, — вспоминал он, — но это несчастное личико преследовало меня постоянно — и когда я чистил клетки, и когда плыл в каноэ вниз по ручью. Лицо этой девушки постоянно всплывало в моей памяти. И тогда я подумал: «Почему, черт побери, я забыл обо всех, кроме нее?» Я решил при первой же возможности соблазнить Джеки и узнать ее поближе».

Во время этой экспедиции Джеральду пришлось иметь дело с весьма опасными животными

— от гадюки, яд которой убивает человека в течение нескольких секунд, до анаконды длиной в восемь футов и толщиной с бедро балетного танцора. Но встречались ему и довольно милые создания — например, обезьяны-белки, напомнившие зверолову клумбу с анютиными глазками. И несмотря на это, ему не удавалось изгнать из памяти образ молоденькой девушки из Манчестера. Даже общение с не менее впечатляющей загорелой Ритой не помогло. Джеральд встретился с Ритой в джорджтаунском борделе миссис Кларабель. Среди очаровательных девушек всех цветов кожи, заполнивших гостиную, он сразу же обратил внимание на ослепительное создание, красота которой заставила померкнуть всех остальных. «У нее была очень светлая, каштанового цвета кожа, — писал он в своем дневнике. — Такой цвет мог бы получиться, если бы развели половину плитки шоколада в пинте сливок. У Риты были длинные, вьющиеся черные волосы, густые, как грива льва. Она была стройной, гибкой, теплой и настойчивой. Восхитительные ноги, невероятно выразительные руки, глубокий, музыкальный смех, напоминавший пение жаворонка. Я сразу же сел рядом с ней.

— Меня зовут Джерри, — представился я. — А вы — самая прекрасная девушка в мире.

— Не могу того же самого сказать о вас, — отрезала Рита».

В апреле у звероловов кончились деньги. Было решено, что Джеральд вернется в Англию с большей частью коллекции, а Кен Смит останется в Гвиане, ожидая перевода от своего компаньона. Джеральд должен был оплатить все долги экспедиции и прислать денег на билет Смиту в Европу. 27 апреля 1950 года на грузовом судне «Аракака» Джеральд отплыл в Англию. Это было довольно трудное путешествие. Мало того, что он тревожился о финансовых проблемах экспедиции, так его еще измучила малярия, которую он подцепил в Камеруне.

Когда майским утром Джеки увидела в гостиной своего отца Джеральда, это стало для нее огромным потрясением. «Он похудел, постройнел и даже, на мой предубежденный взгляд, выглядел весьма привлекательно». Джеральд приехал в Манчестер, потому что именно здешний зоопарк решил приобрести большую часть животных, привезенных из Британской Гвианы. Он собирался продать зверей как можно быстрее, чтобы выслать деньги Кену Смиту. Тогда тот мог бы приобрести новых животных до возвращения домой. Хотя большую часть дня и ночи Джеральд проводил, занимаясь уходом за своими питомцами, Джеки польстило то, что он не забыл о ней в течение столь долгого времени. Но тем не менее перспектива ухаживания со стороны столь странного человека пугала ее, и она постаралась держаться отчужденно.

Все ее усилия пропали даром. Джеральд не скрывал своего интереса. Джеки не относилась к тому тину женщин, который всегда его привлекал. Она не была «крупной, тяжеловесной блондинкой», к которым его бессознательно тянуло в прошлом. «Меня всегда притягивали блондинки, — признавался он своему другу много лет спустя. — Но сердце мое было отдано брюнеткам».

У Джеки была предшественница, имя которой осталось неизвестным. Но физически эта загадочная девушка очень напоминала Джеки. «Моя первая любовь, — вспоминал Джеральд, — вошла в мою жизнь, когда я решил брать уроки танцев в Боримуте. Она была невероятно похожа на Джеки. Но мне удалось всего лишь раз поцеловать ее». Увлечение Джеральда стало настоящей любовью не с первого, а со второго взгляда. Миниатюрная, с большими карими глазами, дерзкими губами, темно-каштановыми волосами и мальчишеским поведением, Джеки показалась Джеральду довольно симпатичной. Но он и представить себе не мог, кем она станет в его жизни.

Джеки всегда была очень цельной, разумной, уверенной в себе женщиной, имеющей собственное мнение и готовой отстаивать его всеми силами. По своему развитию она казалась старше своих лет, обладала чисто английским чувством юмора и ценила это качество в других людях, особенно когда этот юмор был таким непредсказуемо оригинальным и фантастическим, как у Джеральда. Она во многих отношениях дополняла Джеральда, поскольку обладала теми качествами, которые напрочь отсутствовали в ее избраннике. Он был романтиком и мечтателем, она обладала практичностью и приземленностью. Он колебался, она принимала решения. Она была компетентна в тех вопросах, которые ставили его в тупик. В ее обществе Джеральд чувствовал себя настоящим мужчиной, его мечты воплощались в реальность, а невозможное становилось возможным. И ему никогда не было скучно с ней. «Я могу достаточно долго выносить только одного человека, — признавался он другу, — и человек этот — Джеки... Она настолько стремительна, что стимулирует мой разум, как щедрая доза адреналина».

Джеральда не обескуражили отказы Джеки. «Она могла быть очень резкой, — вспоминал он. — Ее прежние ухажеры были довольно неопытными, я же был первым почти взрослым мужчиной, с которым ей довелось иметь дело. Она была немного напутана и не знала, как себя со мной держать.

Она знала, что я — довольно светский человек, что у меня были «романы» с женщинами. Мне казалось, что она считала меня привлекательным, но никак не поддавалась моим чарам».

Сначала Джеральд попытался увлечь ее тем, что сильнее всего увлекало его самого, — миром животных. Ему нужно было составить длинный список животных, привезенных из Южной Америки. Не поможет ли она ему напечатать этот список на пишущей машинке ее отца? Джеки согласилась, рассчитывая, что чем быстрее Джеральд закончит свои дела, тем быстрее он уедет. Но задание оказалось поистине неподъемным. Она даже не пред-полагала, что в мире существует такое множество разнообразных птиц и животных, обладающих совершенно непроизносимыми названиями. Джеки постоянно задавала Джеральду вопросы и тем самым дала ему возможность сделать второй шаг. Может быть, предложил он, ей стоит сходить в зоопарк и посмотреть на этих загадочных созданий собственными глазами?

«Сначала эта идея меня не привлекла, — писала Джеки, — поскольку я была убеждена, что держать зверей в неволе аморально. Странно, но Джерри не пытался переубедить меня или принудить отправиться с ним в зоопарк на следующий же день. Он не защищал зоопарки, но попытался объяснить мне, в чем состоит действительное предназначение хорошего зоопарка, почему так важно сохранить диких животных для последующих поколений в условиях демографического взрыва и развития цивилизации.

Зоопарки, спорил со мной он, являются последним прибежищем для диких животных. Количество людей на нашей планете постоянно увеличивается, человек захватывает пространства, где обитали звери, вытесняя их из мест обитания. Интересы человечества неизбежно будут вступать в противоречие с потребностями дикой природы. Животные оказываются припертыми к стенке. Главной мечтой Джеральда была организация зоопарка, где он мог бы содержать и разводить животных, чтобы спасти их от полного уничтожения. Ему хотелось, чтобы зоопарки перестали быть местом развлечения, а превратились в серьезные научные учреждения, заботящиеся о благополучии животных».

Джеральд отвел Джеки в зоопарк Бель-Вью, где в большом деревянном здании разместились звери и птицы, привезенные им из Южной Америки. Из прежних посещений зоопарков Джеки вынесла убеждение в том, что это «ужасные, вонючие загоны, где она не стала бы держать даже дохлую кошку». С первого же взгляда ей стало ясно, что она попала в совершенно другой мир. В помещении приятно пахло свежей соломой, кормами и теплыми телами зверей. Еще большее впечатление произвело на нее отношение Джеральда к своим питомцам.

«Внезапно этот казавшийся мне поверхностным молодой человек стал совершенно иным. Его стеснительность исчезла без следа, когда он шел между рядами клеток, раздавая каждому зверьку особое лакомство и разговаривая с ними. Он действительно заботился о них, и звери довольно забавно отвечали на его любовь и заботы. Как маленькие дети, они кричали и визжали, пытаясь привлечь его внимание. Они прыгали и метались по клеткам, чтобы он их заметил. Я медленно шла следом за ним и с робостью заглядывала в каждую клетку, поражаясь и восторгаясь их обитателями. Несомненно, эти звери понимали, что я смотрю на них совершенно по-особенному, но казалось, что они не возражают против моего присутствия.

Мы довольно долго пробыли в зоопарке. Джерри накормил зверей, поменял мокрую солому в их клетках, а я уселась на коробку и наблюдала за ним. Он работал очень сосредоточенно и умело. Было ясно, что эта работа доставляет ему удовольствие. Он разговаривал с каждым животным, которым занимался. Джеральд почти забыл о моем присутствии и полностью переключил свое внимание на зверей. Его поведение меня просто зачаровало».

После посещения зоопарка отношения между молодыми людьми развивались стремительно. Джеки работала в офисе отца. Телефон на ее столе не умолкал — это Джеральд бомбардировал ее приглашениями на обед, чашечку кофе, чая или в кино. Заметив, что дочь слишком много времени проводит вне офиса, отец встревожился. Его беспокоило то, что Джеки увлеклась человеком, «очень резко отличающимся от мужчин ее круга».

Кризиса удалось избежать. Однажды утром Джеральд, к величайшему облегчению мистера Вулфендена, объявил о том, что он уезжает из Манчестера. Все привезенные им животные благополучно пристроены в различные зоопарки, а теперь он должен навестить маму, которую не

видел с января.

Джеки проводила Джеральда на станцию, попрощалась с ним и вернулась в свой офис. Почти сразу же позвонил ее отец. Джеральд сел на поезд? Все нормально? «Да, — ответила Джеки, — он уехал». Не успела она повесить трубку, как дверь офиса распахнулась. На пороге стоял Джеральд с огромным букетом увядших хризантем.

— Это для тебя, — сказал он.

Джеральд почти уехал, но в последнюю минуту передумал.

— Не выйдешь ли ты за меня замуж, а? — спросил он.

Не получив положительного ответа, он пожал плечами и криво усмехнулся:

— Я и не думал, что ты согласишься.

Джеральд во второй раз за это утро покинул офис Джеки. На этот раз он не вернулся. Но очень скоро в гостиницу стали приходить письма, открытки, посылки и длинные телеграммы. Отец Джеки был потрясен. Он хотел знать, что происходит между его дочерью и этим парнем, Дарреллом. Совершенно очевидно, что этот тип хотел овладеть Джеки, если уже не сделал этого.

— В конце концов, кто такой этот парень? — спросил мистер Вулфенден. — Судя по его рассказам, он происходит из весьма сомнительной семьи, у него нет денег и, по-видимому, никогда не будет.

Если Джеки и собирается выйти замуж, то ей следует подыскать себе надежного человека, «адвоката или врача, который сможет поддержать ее, даже если она лишится голоса».

Оглядываясь назад, Джеки признает, что отец был прав. «У моего отца не было оснований полагать, что в будущем Джерри изменится». Джерри всеми силами старался показаться ленивым и нечестолюбивым. У него не было денег, он был расточителен, его портфель был битком набит неоплаченными счетами. Он считал, что оказался на мели, что у него никогда не будет денег на новую экспедицию. Еще в Африке он пристрастился к виски, в Англии он тоже не отказывал себе в спиртном, полагая, что за рюмкой сумеет позабыть о своих проблемах. Это беспокоило отца Джеки больше всего. «Из-за проблем с алкоголем мой дед умер довольно молодым, — вспоминала Джеки. — Отец сам после пары рюмок превращался в безумного лунатика. Из-за врожденного отвращения к алкоголю он считал, что любого, кто склонен к вышивке, следует опасаться как огня, особенно если подобный тип имеет нахальство ухаживать за его дочерью».

Но Джеральд не сдавался. Когда Джеки сурово отчитала его за письма и подарки, он предложил приехать в Манчестер и поговорить с ее отцом, чтобы прояснить все недопонимание. Через два дня он снова появился в гостинице и заперся в кабинете с отцом Джеки. Она ожидала услышать крики и брань, но вместо этого из-за закрытой двери доносились только тихие голоса и смех. Наконец появился счастливо улыбающийся Джеральд.

Он сообщил Джеки, что ее отец ничего не имеет ни против него лично, ни против того, чтобы он женился на его дочери. Позже Джеки вспоминала: «Джеральд всегда обладал умением получать то, что хотел, и никто не мог ему отказать».

Джеки была в ярости. Мало того, что Джеральд игнорировал ее отказ, так еще и собственный отец идет у него на поводу! Чтобы наказать отца, она стала проводить все свое время с постояльцем. Если отец действительно считает, что она влюблена в Джеральда, что ж, так тому и быть. Она убедила Джеральда задержаться в Манчестере на несколько дней и каждую минуту проводила с ним, приводя в ярость пожилого отца. «Я затеяла эту игру, чтобы наказать отца за глупость, — вспоминала Джеки, — но внезапно поняла, что наши отношения с Джеральдом изменились. Проводя вместе каждую свободную минуту, мы стали очень близки эмоционально. Расстаться нам было бы нелегко».

Джеральд вернулся в Борнмут. К этому времени мама уже продала свой дом и переехала к Маргарет, в дом через дорогу. Марго устроила в своем доме множество небольших квартирок и сдавала их. Комнаты, расположившиеся на всех трех этажах, заполнили эксцентричные обитатели — трубачи-джазисты, художники, специализирующиеся на обнаженной натуре, разведенные жены и транссексуалы, приехавшие с Мальты. Маргарет запомнила приезд Джеральда.

«Его приезд оказался главным событием последних двадцати четырех часов. Мамино лицо, в отличие от моего, сияло от предвкушения встречи с обожаемым мальчиком. Я громко застонала, когда знакомое мальчишеское лицо, очень похожее на мое собственное, расплылось в улыбке оттого, что все бросились к воротам, чтобы встретить его. Он вышел из машины, очень высокий, стройный, элегантный. В одной руке он держал саквояж, очень осторожно, словно в нем лежал драгоценный

подарок, но я-то знала, что это было не так. Тут же последовала оживленная дискуссия относительно того, где можно было бы разместить здоровенную деревянную клетку, дожидавшуюся нашего решения в багажнике такси. Я сразу же поняла значение саквояжа и деревянной клетки.

— Если он переступит порог моего дома, — заявила я мрачным тоном, — мне конец.

— Слишком поздно, дорогая, — радостно заявила мама, наблюдая за тем, как множество рук подхватило тяжелый ящик и жильцы дома Маргарет потащили его через гостеприимно распахнутые ворота.

— Просто несколько обезьянок, — пояснил Джеральд, наконец-то соизволивший обратить на нас с мамой свое внимание, но не отрывавший взгляда от окна на втором этаже, откуда за происходящим с интересом наблюдали две полуобнаженные дамочки.

— Надеюсь, в этом саквояже нет ничего опасного? — поинтересовалась мама, нежно целуя своего сыночка.

— Просто шестифутовый питон, — беззаботно махнул рукой Джеральд. — Он совершенно безвреден».

Джеральд остался совершенно без денег. В течение дня он мог позволить себе лишь чай с печеньем. Экспедиция не принесла тех доходов, на которые он рассчитывал. У него было всего двести фунтов и никакой работы. Здоровье его резко пошатнулось — давали знать о себе последствия злокачественной малярии, которую он подцепил в Камеруне.

Что делать? Ситуация была непростой. О браке следовало забыть. Во-первых, Джеки еще была несовершеннолетней. Джеральду нужно было найти работу. Единственное, что он умел, это заботиться о животных, но найти место в зоопарке было практически невозможно. На этот счет он не обманывался. К тому же он ухитрился поссориться с Джорджем Кэнсдейлом, директором Лондонского зоопарка, очень влиятельной фигурой в Федерации зоологических садов Великобритании и Ирландии.

«Кэнсдейл ненавидел Джерри от всего сердца, — вспоминала Джеки, — и делал все, что было в его силах, лишь бы навредить ему. Кэнсдейл страшно ревновал Джерри, поскольку считал себя «единственным» специалистом по фауне Западной Африки и не терпел вторжения на свою территорию. Более всего Джерри повредило то, что он ухитрился привезти в Англию очень редкое млекопитающее — ангвантибо, что не удалось сделать Кэнсдейлу. Джерри впервые привез живого ангвантибо в Англию, что стало настоящей зоологической сенсацией. Кроме того, Джерри никогда не стеснялся критиковать зоопарки и Лондонский зоопарк в частности. Он считал современные зоопарки развлекательными учреждениями, мало чем отличающимися от цирков».

Дэвид Эттенборо, современник Джеральда, впервые начавший готовить цикл передач о зоопарках для Би-би-си еще в 1954 году, рассказал историю об экспедициях в Западную Африку, организованных Лондонским зоопарком. Его слова доказывают, что у Джеральда были все основания для критики.

«В зоопарке не поддерживалось нормальное количество животных, поэтому нужно было постоянно отлавливать новые экземпляры в джунглях. Зоопарк по-прежнему придерживался викторианской идеи о том, что научно организованный зоопарк должен демонстрировать посетителям как можно большее количество видов, словно речь шла о коллекции марок. Джордж Кэнсдейл был очень властным человеком и не пользовался большой популярностью среди сотрудников. Его постоянно обвиняли в различных нарушениях. Думаю, что многие были бы рады, если бы он ушел со своего поста. Представьте себе его реакцию, когда какой-то младший смотритель из Уипснейда осмеливается говорить, что в Лондонском зоопарке все устроено не так, как нужно!»

Но это действительно было так. Британский зоологический истеблишмент отверг Джеральда. Отказали ему и директора некоммерческих зоопарков, которым Кэнсдейл разослал письма, где обвинял Джеральда в невнимательном отношении к животным и вопиющей некомпетентности.

Джеральд обосновался в суматошном и безалаберном доме Маргарет. Ночные звуки напоминали ему джунгли Амазонки. Он безуспешно продолжал искать работу. Наконец, отчаявшись найти что-нибудь подходящее, он написал в зоопарк Бель-Вью и согласился на временную работу в аквариуме. В его обязанности входил также присмотр за рептилиями. Эта работа должна была продолжаться до конца 1950 года. Джеральд никогда не писал о столь тяжелом периоде своей жизни.

Упомянул о нем он всего лишь дважды — один раз в письме к другу и второй раз, обращаясь в банк. Несмотря на свою беспечность, он понимал, что этот незавидный пост хоть в какой-то мере поможет ему восполнить финансовые потери, понесенные в результате последней экспедиции. Кроме того, он мог быть рядом с Джеки — в Манчестере он поселился в гостинице ее отца.

Отъезд Джеральда из Борнмута Маргарет запомнила не хуже, чем его прибытие. «Запугав всех обитателей дома, Джеральд с величайшими предосторожностями уложил своего питона в саквояж и, оставив меня наедине с протестующими обезьянками, запертыми в гараже, отбыл. У меня зародилось мрачное предчувствие, что он еще вернется. Единственным утешением служило лишь то, что мои жильцы этого не заметят».

К тому моменту когда Джеральд вернулся, обезьяны в гараже поняли, что присматривать за ними некому, и сумели выбраться на свободу. Маргарет узнала об этом от раздраженного соседа. Лорд Бут позвонил ей и сообщил, что в его спальне сидит какой-то зверь, который сожрал весь табак и вырубил свет во всем доме.

Вскоре возле дома остановилась полицейская машина.

— Доброе утро, — поздоровался офицер. — Вы ничего не потеряли? Может быть, пару обезьян?

Как оказалось, сбежали двенадцать обезьян, а поймать сразу удалось всего трех. Остальные выбрались в город. Местные газеты на следующий день расписывали подвиги несчастных зверушек на первых страницах. Джеральд немедленно вернулся и постепенно сумел собрать всех своих питомцев. «Обезьяны радостно и трогательно приветствовали своего приемного отца, — вспоминала Маргарет. — Эта сцена была трогательной для всех, кто не подвергся бесчинствам и укусам со стороны этих милых крошек!»

К этому моменту Джеки уже достигла совершеннолетия и могла выйти замуж без согласия отца, но это лишь осложнило жизнь в родительском доме. Она испытала огромное облегчение, когда Маргарет пригласила ее погостить в Борнмуте. Маргарет снова вышла замуж. Свадьба оказалась хорошим поводом представить Джеки остальным членам семьи, что было особенно важно, если она собиралась в нее войти.

Джеральд привез Джеки в Борнмут. Они приехали довольно поздно, и Джеки сразу же включилась в жизнь этой необычной семьи. Все, что она знала о них, основывалось только на рассказах Джеральда, но и этого было более чем достаточно. «Мысль о том, что мне придется познакомиться со всеми, приводила меня в ужас, — вспоминала она. — Если бы они не приняли меня, то жизнь рядом с ними была бы несносной».

Встретили Джеки Маргарет и ее второй муж, рослый молодой мужчина по имени Малкольм Дункан. Маргарет в длинном клетчатом халате сидела на диване. Комната напоминала «фруктовый сад, охваченный огнем». На стенах висели яркие восточные ковры и открытки из разных городов. На взгляд неопытной Джеки, атмосфера в доме Маргарет была весьма богемной.

Маргарет приветствовала приехавших радостной улыбкой и сообщила, что мама устала и легла спать, еда в кладовке, а постели приготовлены. Все расположились вокруг камина и основательно подкрепились. Маргарет предложила Джеральду и Джеки, если они решат пожениться, поселиться в одной из квартир ее дома.

Однако не все обрадовались Джеки. Маргарет вспоминает: «Пока Джеральд жил у меня, у него был бурный роман с одной из моих жиличек, привлекательной молоденькой медсестрой скандинавской наружности с крашеными светлыми волосами. Она влюбилась в Джерри и была очень недовольна тем, что он привез с собой Джеки. Она поняла, что между ними все кончено. Не думаю, что она долго переживала. Очень скоро наша медсестра утешилась с молодым человеком, жившим у подножия холма».

На следующее утро Джеральд представил Джеки маме. «Я была поражена, — вспоминала Джеки знакомство с остальными членами семьи. — Она оказалась совсем не такой, какой я ее себе представляла. Вместо высокой, строгой женщины, рисовавшейся в моем воображении, передо мной появилась маленькая, нежная женщина с веселыми голубыми глазами и седыми волосами.

— Какое счастье, дорогая, что вы не блондинка, — сказала мама, лукаво улыбаясь.

Позже я узнала, что все подружки ее обожаемого сыночка были голубоглазыми блондинками (миссис Даррелл считала их настоящими коровами). Мысль о том, что подобная блондинка может стать ее невесткой, приводила ее в ужас».

Выбор Джеральда удивил не только его мать. Маленькая, очаровательная, задорная, лукавая

Джеки казалась совершеннейшим ребенком. Она совершенно не походила на тех, кого Джеральд приводил домой раньше. Маргарет и мама головы сломали, пытаясь понять, как же он ухитрился влюбиться в подобную девушку. Даже сама Джеки не могла дать ответ на этот вопрос, но родственники приняли ее немедленно.

Оставалось познакомиться с братьями Джеральда. Ларри был в Югославии по делам Министерства иностранных дел, а Лесли примчался к Маргарет в тот же день. «Он ворвался в гостиную, взглянул на маму, потом на меня, повернулся на каблуках и удалился в кухню, — вспоминала Джеки. — Джерри заставит его вернуться и познакомит нас. Лесли был темноволосым молодым человеком с пронзительными голубыми глазами. Как и большинство членов семьи, он оказался невысоким, чуть выше меня». Лесли понравился Джеки, как и остальные Даррелы. Ей было трудно расстаться с этой гостеприимной, дружной, веселой семьей и вернуться в неприветливую атмосферу отцовской гостиницы.

Жизнь с отцом становилась все труднее. Хотя Джеки больше не нуждалась в его разрешении, чтобы выйти замуж, она надеялась по крайней мере на благословение. Но отец был категорически против ее брака с Джерри. Впрочем, он не разрешил бы ей выйти замуж и за любого другого мужчину. «Отец не хотел смягчаться, — вспоминала Джеки с горечью. — В конце концов он вообще отказался обсуждать со мной эту тему». Назревал кризис. Джеральд настаивал на том, чтобы она приняла решение. Маргарет предлагала жилье. Мама сказала, что поможет молодоженам деньгами, до тех пор пока Джеральд, лишившийся заработка в зоопарке Бель-Вью, найдет новую работу. «Я чувствовала себя ужасно, — писала Джеки. — Я не хотела расставаться с отцом и идти против его воли. Но я чувствовала, что мне предоставляется отличная возможность выйти из-под его опеки и начать жить собственной жизнью».

Джеки колебалась. Ей приходилось принимать нелегкое решение. У Джеральда не было работы и денег. Если бы она вышла замуж против воли отца, тот лишил бы ее всяческих средств. Перед ней открывалась перспектива музыкальной карьеры, но после свадьбы на этом можно было поставить крест. Джеральду нужна была жена, которая разделяла бы его увлеченность животными и была бы готова путешествовать вместе с ним. Джеки не была уверена в том, что она этого хочет. Да, Джеральд был интересным и обаятельным товарищем. Она чувствовала, что может на него положиться. Но, с другой стороны, ее беспокоила разница в их темпераментах, У них было так мало общего. Противоположности притягиваются, Джеральд и Джеки идеально дополняли друг друга. Она была левой половинкой, а он правой. Ее увлекали история и политика, а ему эти вещи казались скучными. Она любила жить в городе, он же задыхался без леса и степи. Она любила крикет, он же эту игру терпеть не мог — как, впрочем, и любую другую. Она была бережлива и серьезно относилась к жизни, он же отличался экстравагантностью и жил настоящим. Единственным, что их объединяло, была любовь к животным и к музыке, хотя и даже в этом их вкусы не совпадали: Джеки любила оперу и джаз, Джеральд же предпочитал совершенно другую музыку.

Решение проблемы пришло неожиданно. В конце февраля 1951 года отец Джеки на несколько дней уехал по делам. Сразу же после его отъезда в гостинице неожиданно появился Джеральд. Времени на раздумья не оставалось — Джеки должна была принять решение раз и навсегда... И мгновенно... «Если ты выйдешь за меня замуж, — предупредил ее Джеральд, — тебе придется порвать отношения с отцом, так что принимай решение сознательно». Джеки пообещала дать ответ в течение сорока восьми часов. Следующие два дня они провели так, словно ничего не случилось. Вечером второго дня они отправились в кино, потом вместе поужинали. В гостиницу они вернулись, когда уже все легли спать. Они уселись в гостиной, возле камина, и стали болтать обо всем, кроме женитьбы. «Внезапно я почувствовала себя ужасно уставшей и с ужасом обнаружила, что уже пять часов утра, — вспоминала Джеки. — Мы бросились к выходу, столкнулись в дверях, и Джерри очень тихо спросил меня:

— Ну, так ты выйдешь за меня замуж?

В такое время суток я не могла ему сопротивляться и ответила:

— Да, конечно, выйду».

Отец мог вернуться в любую минуту. Оставался лишь один выход — бегство. Джеки и Джерри решили перебраться в Борнмут и пожениться как можно скорее. У них было всего сорок фунтов, но этой суммы им вполне хватило. К ужасу мачехи Джеки, парочка весь следующий день лихорадочно упаковывала ее вещи — и немало вещей Джеральда! — в чайные ящики, коробки и бумажные пакеты. В шесть утра на двух такси вместе со всем багажом Джерри и Джеки отправились на станцию и сели в первый же поезд, отправлявшийся на юг. Пока они запихивали свой скарб в вагон, пожилой кондуктор неодобрительно поглядывал на них.

— Жениться собрались? — спросил он наконец.

Борясь с рассыпающейся на глазах коробкой, Джеки утвердительно кивнула.

— Бог в помощь, — сказал он и махнул флажком.

«Кондуктор был совершенно прав, — позже признавал Джеральд. — К счастью, бог действительно нам помог».

Поезд тронулся, унося влюбленную парочку по направлению к Лондону. Отец Джеки, вернувшись домой, дочери уже не застал. Дома его ждала возбужденная жена и коротенькое письмо. Он так и не простил дочь.

«Я больше никогда не видела ни своего отца, ни мачеху, ни братьев, ни сестер, — вспоминала Джеки. — Я не встречалась ни с кем из членов моей семьи».

Возвращение в дом Даррелов походило на перелет из тени в свет. Вся семья собралась, чтобы приветствовать пару. Перспектива свадьбы приводила всех в восторг. Даже Ларри прислал из Белграда письмо, в котором выражал свое одобрение. Оставалось только назначить дату. Джеральд считал, что они должны пожениться как можно быстрее, на тот случай если отец Джеки примчится с пистолетом. Был выработан план и распределены роли. На следующее утро Джеки и Джеральд отправились в местную регистрационную палату, Маргарет занялась продуктами, а мама и Лесли взяли на себя обеспечение церемонии напитками. Свадьба была назначена через три дня — в понедельник 26 февраля 1951 года. Заказали свадебный торт, цветы, кольцо — «скромное, тонкое, золотое», — подготовили небольшую квартирку для молодоженов. «Атмосфера в доме царила удивительная, — вспоминала Джеки. — Все были в полном восторге, а мы с Джерри ощущали себя античной парой». В разгар подготовки появился первый муж Маргарет, Джек Бриз. Его тут же назначили шафером.

— Бедолага, — сочувственно покачал головой Джек. — Как тебя угораздило связаться с Даррелламu? Или у тебя не оставалось выхода, а?

Утро 26 февраля выдалось хмурым и туманнъгм. В регистрационную палату явились молодожены. Свидетелями выступали Маргарет и Джек Бриз. Джеки надела старое пальто, одолженную блузку и новую пару чулок. «Даррелл ради такого случая даже почистил ботинки, — вспоминала Джеки. — Воистину удивительное событие!» Церемония была короткой, но этого времени Джеки хватило, чтобы снова начать сомневаться.

— Слишком поздно, — шепнул Джеральд, держа жену за руку. — Я тебя заполучил.

По крайней мере, так его слова запомнила Джеки. Сам же Джеральд вспоминает события этого дня иначе. «Не хочу показаться вредным, — поправлял он ее гораздо позже, — и готов признать, что моя память не идеальна, но мне кажется, что на самом деле я сказал: «Слишком поздно. Теперь я твой».

Брак был оформлен. Джеральд Малкольм Даррелл, зоолог, двадцати шести лет, и Джаклин Соня Рейзен, студентка, двадцати одного года, стали мужем и женой. Как и всем молодоженам, им предстояло бороться с трудностями. Большинство браков — это путешествие и приключение, но начало семейной жизни — дело нелегкое. Джеральд и Джеки не стали исключением. Но их брак был довольно необычным, скорее его можно бьшо назвать стратегическим союзом. У Джеральда и в меньшей степени у Джеки, не пожените они в 1951 году, жизнь сложилась бы совершенно иначе.

Они были очень разными людьми — разными по характеру и по внешности, — но в течение довольно длительного периода времени они идеально дополняли друг друга. Без энергичной и упорной Джеки Джеральд никогда бы не смог реализовать свой потенциал и никто бы не узнал о нем. «Я знала, что жизнь с Джеральдом полностью изменит привычный для меня мир, — вспоминала Джеки. — Но я так любила его, что была уверена в собственных силах».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ПИСАТЕЛЬ: 1951-1953

Маленькая квартирка в доме Маргарет оказалась славной уютной комнаткой, окнами выходившей в сад. Из окон открывался великолепный вид на холмы Сент-Кэтринз-Хед. Денег на медовый месяц у молодоженов не было, но семейная жизнь вдохновляла их сама по себе. «Медовый месяц мы провели на ковре, — вспоминал Джеральд о первых днях семейной жизни, — перед камином в гостиной». В их комнате разместилась двуспальная кровать, небольшой стол, гардероб, комод и одно широкое кресло. Обстановка была простой, но уютной, особенно когда в небольшом камине разгорался огонь. Отсутствие кухонных принадлежностей молодоженов не беспокоило, так как

они питались вместе с семьей.

Доступные им радости были весьма скромными, но они никогда не скучали. «У нас было множество книг, — вспоминала Джеки, — нам было где гулять, а старина Джек Бриз подарил нам свой приемник. У Джерри было две слабости — чай и сигареты, и я твердо решила, что бы ни случилось, но он не должен себе в этом отказывать». Время, проведенное в маленькой квартирке в доме Маргарет, стало самым счастливым временем их брака, Джеки наслаждалась общением с остальными членами семьи, ничто не отвлекало молодого мужа от жены.

«Джеки была очень добра к Джерри после свадьбы, — вспоминал семейный врач Даррелов в Борнмуте, Алан Огден. — Для Джерри тогда было нелегкое время, ему не хватало уверенности в себе. Джеки никогда не жаловалась и поддерживала мужа во всем. Она смело преодолевала трудности и излучала практический оптимизм».

Злейшим врагом молодой пары были деньги. Вернее, их отсутствие. Денег не было, перспектив никаких. Три дорогих экспедиции Джеральда полностью съели отцовское наследство. Средств еле-еле хватило на то, чтобы оплатить все расходы. Молодожены были бедны настолько, что не могли позволить себе покупать газеты, поэтому каждый день они отправлялись в читальный зал Борнмутской библиотеки просматривать объявления о приеме на работу. У Джеральда не было образования и опыта работы. Когда все попытки найти работу в Англии провалились, он решил поискать что-нибудь за границей — в африканских колониях. Семья даже подумывала о возможности эмигрировать в Австралию. Они выискивали адреса зоопарков в Австралии, Америке и Канаде и рассылали письма с просьбой о приеме на работу. В этих письмах Джеральд подробно излагал все свои заслуги в области ловли зверей и ухода за ними. Некоторые зоопарки не ответили вовсе, другие сообщили, что вакансий у них нет. Маргарет вспоминала, что Джеральд был настолько подавлен, что временами принимался плакать.

Ссора с Джорджем Кэнсдейлом также не пошла Джеральду на пользу. «Кэнсдейл повел себя возмутительно, — вспоминала Джеки. — Он всеми силами старался уничтожить Джеральда. К счастью, у Джерри остались друзья в мире зоологов, которые вовремя предупредили его о намерениях Кэнсдейла, чтобы он был готов. Весь первый год нашего брака мы провели без денег в крохотной комнатке, занимаясь бесплодной вендеттой. Ситуация угнетала Джерри, но в то же время укрепляла его решимость доказать зоологическому миру, что он может и будет работать с животными».

Джеральд согласился на временную работу. Его бывший коллега предложил ему поработать в маленьком зоопарке в Маргейте. Эта работа означала для Джеральда крушение всех надежд. Зверинец в Маргейте обладал всеми худшими качествами зоопарков, которые в то время были не научными учреждениями, а заведениями, предназначенными для развлечения праздной публики. Но это было лучше, чем совсем ничего. Хотя жалованья за эту работу не полагалось, Джеральд был рад снова поработать с животными. А Джеки предстояло «чистить бананы, апельсины, вынимать косточки из вишен, выкармливать из бутылочки детенышей — словом, узнавать об уходе за животными на собственном опыте».

Но в конце концов молодожены снова вернулись в Борнмут совершенно без денег и без каких-либо перспектив. И тогда Джеки придумала выход. В промежутках между нарезанием фруктов и чисткой клеток в Маргейте она обдумывала возможность заработать хотя бы несколько фунтов. Она отлично знала, что Джеральд — прекрасный рассказчик, способный увлечь кого угодно своими рассказами о детстве, проведенном на Корфу, и о приключениях в африканских джунглях. Может быть, имеет смысл предложить эти рассказы вниманию более широкой аудитории? Джеки не знала, умеет ли Джеральд писать, но в семействе Даррелов уже был один писатель. Ларри, как она знала, всегда пытался заставить Джерри писать, даже когда тот бьш еще мальчишкой. Если Джеральд не сможет создать литературное произведение, Лоуренс ему обязательно поможет. Джеки вспоминала: «Если один Даррелл может писать и прилично на этом зарабатывать, то почему бы и другому не попробовать? Итак, я приступила к осуществлению операции «Пила». Бедный Даррелл страдал. День за днем я приставала к нему, чтобы он что-нибудь написал.

— Я не умею писать. По крайней мере, не умею писать так, как Ларри.

— Откуда ты знаешь — ведь ты никогда не пробовал?

— Ну о чем я могу написать?

— Напиши о своих путешествиях.

— Да кому это интересно?

— Мне интересно. Так что пиши и не увиливай».

Но Джеральд не любил писать. И у него были проблемы с правописанием, свойственные всем

членам семейства Даррелов за исключением мамы. Несмотря на живость и увлекательность своих африканских дневников, Джеральд был убежден в том, что у него нет литературного таланта. Чтобы усадить его за письменный стол, потребовалось нечто большее, чем зануда-жена. И это произошло в мае 1951 года. Энергичный и настойчивый Ларри вернулся из Белграда с новой женой, черноволосой, экзотичной Евой.

Ларри уволился со службы, чтобы Ева, находившаяся на большом сроке беременности, могла родить ребенка в Англии. Он приехал в Борнмут по пути в Оксфорд, где Еве предстояло лечь в больницу Черчилль. Ева была уже третьей женой, с которой клану Даррелов довелось познакомиться за последние три месяца. Через месяц после свадьбы Джеки и Джеральда Маргарет вышла за Малкольма Дункана. Джеки и Джеральд были свидетелями на свадьбе.

Джеки волновалась перед встречей с Ларри. Она много слышала о нем — о его таланте, интеллектуальной энергии, передовых взглядах и богемном образе жизни. Репутация Ларри, особенно в его отсутствие, поднялась на невероятную высоту. Состоявшаяся наконец встреча немного успокоила Джеки. «Хотя встреча с семейным гением меня беспокоила, должна признать, что он оказался гораздо лучше, чем я могла себе представить. Ларри был маленьким и коренастым. В нем безошибочно можно было узнать Даррелла. Он обладал присущим всем членам этой семьи обаянием и чувством юмора, хотя гораздо более изысканным и утонченным».

Ларри очень обеспокоило то, что Джеральд не может найти работу и сидит без денег.

— Почему бы тебе не написать книгу об этих чертовых путешествиях и не заработать немного денег? — заявил он своему отчаявшемуся младшему брату. — Англичане обожают истории о пушистых зверушках и о приключениях в джунглях. Это элементарно!

Убедить Джеральда ему не удалось, но он согласился подумать о том, чтобы написать книгу о трех своих экспедициях.

—Дорогой мой, — возмутился Ларри, — ты серьезно полагаешь, что сможешь втиснуть все три путешествия в одну книгу? Да ты с ума сошел! Тебе нужно написать по книге о каждом из них.

Джеральд был непреклонен. Он не умеет писать. Ему не о чем писать. У него даже нет пишущей машинки. Это плохая идея. Он не собирается этим заниматься. Но Ларри настаивал. Он убеждал младшего брата попробовать. Он с радостью прочтет первые главы, выскажет свое мнение и поможет всем, что будет в его силах. Он даже согласился порекомендовать Джеральда своим издателям, «Фабер и Фабер».

—Послушайся моего совета, — предостерегал он неопытного писателя, — не связывайся с агентами. Они обведут тебя вокруг пальца и прикарманят твои денежки. Они могут быть полезны только тогда, когда ты добьешься успеха.

Алан Томас отвез Ларри и Еву в Оксфорд. В конце мая у них родилась дочь, Сафо. В Борнмуте у Джеральда обострилась малярия. Алан Огден пришел его осмотреть. «Джерри лежал на матрасе на полу в очень скромно обставленной комнате, — вспоминал он. — Он часто возвращался из тропиков и заверял меня, что с ним все в порядке. А я всегда отвечал ему: «Бог знает!» На этот раз у него случился приступ злокачественной малярии. Я прописал ему хинин. Когда я сказал Джеки, что ему требуется легкая диета с большим количеством жидкости, она спросила, подойдут ли для этой цели чай и хлеб, потому что ничего другого они все равно не могут себе позволить».

Джеки поняла, что пора что-то предпринимать. «Мы жили в крохотной комнатке и могли позволить себе потратить всего два фунта в неделю, поэтому нам приходилось сидеть на хлебе и чае, — вспоминала она и с горечью добавляла: — И мы продолжали бы жить подобным образом, если бы я не пнула его в задницу и не заставила подняться и сделать что-нибудь». Сопротивление Джеральда было сломлено настойчивостью Джеки. Решение было принято через несколько дней после отъезда Ларри и Евы. Джеральд слушал передачу по радио о жизни в Западной Африке и безжалостно критиковал журналиста. Джеки была поблизости. Если он считает, что сможет рассказать о том же самом гораздо лучше, почему бы не попробовать? «Пообещай мне, что ты сделаешь это, — настаивала Джеки. — По крайней мере, это будет хоть что-то. Нельзя же сгнить здесь заживо».

Прошло несколько дней. Эта тема больше не поднималась. Затем Джеки случайно услышала, как Джеральд спрашивает у Маргарет, нет ли у кого-нибудь из ее знакомых пишущей машинки, которую можно было бы одолжить на время. Маргарет сказала, что машинка есть у Джека Бриза, правда, сейчас он в отъезде, так что придется подождать. Но Джеральд уже не хотел ждать. Он не мог ждать. Ему нужна была пишущая машинка. Если он не может ее оплатить, придется продать кое-что из его драгоценных книг, чтобы получить деньги. Утрата обожаемых книг подстегнула Джеральда. Он уселся и начал писать заметки о своих африканских приключениях, выискивая эпизоды, которые уместились бы в пятнадцатиминутной передаче.

— Я придумал, — гордо сообщил он Джеки. — Напишу про волосатую лягушку и о том, как я ее поймал.

Вот так Джеральд Даррелл создал свое первое профессиональное литературное произведение. Усевшись за крохотный стол в крохотной комнатке на задах дома Маргарет, выпив бесчисленное количество чашек чая, которые приносила внимательная Джеки, на старенькой пишущей машинке, взятой напрокат, двумя пальцами, со вздохами и стонами, с периодами мрачного молчания, до смерти пугавшими жену, он писал слово за словом, строчку за строчкой. История приобретала зримые очертания. «Охота на волосатую лягушку» стала первым творением Джеральда Даррелла.

Каждая страница этого опуса поступала к Джеки, которая давала свои советы и исправляла многочисленные орфографические ошибки довольно сложным образом. Она печатала исправления на липкой ленте, вырезала их и наклеивала в нужное место — «нудное занятие, но благодаря ему этот чертов рассказ был наконец закончен». Джеки вспоминала: «Меня увлекла история странной амфибии с длинными, похожими на волосы наростами на лапках, которую Джерри отыскал, поймал и привез в Лондонский зоопарк. Я просто не могла дождаться, когда он закончит новую страницу».

История начиналась так:

«Наш базовый лагерь в Камеруне расположился на берегу реки Кросс на опушке леса. Здесь мы натянули огромный тент, под которым жили сами вместе с пойманными животными. Как только известие о нашем приезде распространилось по округе, к нам стали приходить охотники из разных деревень, предлагая купить пойманных ими животных. Иногда зверей приносили в корзинах или заворачивали в пальмовые листья, порой привязывали к длинной палке, а иногда упаковывали в собственные набедренные повязки. Тогда охотник стоял перед нами полностью обнаженным, что совершенно его не смущало, и торговался он не менее отчаянно, чем будучи при полном параде».

Джеки переворачивала страницу, и история продолжалась:

«Все охотники, приходившие в наш лагерь, отлично знали, какие животные нас интересуют. Они знали их всех, кроме одного, которого мы хотели поймать больше всего... Волосатую лягушку они никогда не видели. Конечно, лягушек в окрестных ручьях и болотах водилось немало, но вот лягушки с волосами... Решив, что я разыгрываю их, словно детей, они предложили мне водяную крысу. Но я имел в виду совсем не водяную крысу. Я хотел иметь лягушку с волосами на лапах, и ничто другое меня не устроило бы».

Еще одна страничка падает на пол. Джеральд отхлебывает из чашки и продолжает стучать по клавишам. Джеки читает:

«Ночь за ночью мы с охотниками проводили в холодных болотах, переворачивая каждый камень и заглядывая во все норы, перекрикиваясь изо всех сил, чтобы заглушить шум водопада. Я уже решил, что удача опять от нас отвернулась, когда заметил свою первую волосатую лягушку. Она сидела на камне около глубокой заводи, большая, жирная, прекрасная, шоколадно-коричневая лягушка. Она была такой здоровенной, что заняла бы. наверное, целую кастрюлю, а ее лапы покрывала длинная густая бахрома из волос. Я знал, что, если она прыгнет в темную воду, мне ни за что ее не поймать, поэтому я бросился вперед и ухватил лягушку за лапу. Но я недооценил способность рептилии к самообороне: ее когти...»

Джеки поздравила себя. Этот человек может писать. И он может писать отлично! Простая, безыскусная, незатейливая история, лишенная каких бы то ни было литературных претензий, воплотила в себе все, чему научили Джеральда годы чтения и ожесточенные литературные споры с Ларри. Он использовал в своем первом рассказе фрагменты из африканских дневников. Живой, образный, веселый и богатый язык Джеральда сразу же привлекал внимание читателя.

Рассказ отослали на Би-би-си, и чета Даррелов с трепетом стала ждать ответа. Но ответа не было, и вскоре Джерапьд впал в прежнюю депрессию. «Ты же прекрасно знаешь, просто не можешь не знать, что многие произведения Ларри были отвергнуты, — твердил он Джеки. — Не следует полагаться на удачу первого мелкого рассказика». Через несколько Дней совершенно неожиданно он предложил ей: «Почему бы тебе не подстричься? Мне надоело, что ты выглядишь, как беженка из Центральной Европы». Не обсуждая эту тему более, Джеральд и Маргарет затащили Джеки в ванную и безжалостно обкромсали ее шевелюру в четыре руки, когда они закончили, она стала еще более походить на мальчика, но и ей, и Джеральду результат понравился. Скоро Джеки подстриглась еще короче.

Осенью они наконец получили письмо от мистера Т. Б. Рэдли с Би-би-си. Продюсер прочел рассказ о волосатой лягушке, и он ему очень понравился. Он считал его просто замечательным. Не может ли мистер Даррелл позвонить на радио, чтобы они могли обсудить перспективы дальнейшего сотрудничества? В тот день в доме на Сент-Олбенс-авеню царило радостное оживление. Телефона в

доме не было, поэтому все бросились в магазинчик, где жили Лесли и Дорис. Джеральд поднял трубку, набрал номер и стал ждать ответа. Да, подтвердил мистер Рэдли, он хотел бы запустить рассказ о волосатой лягушке в эфир. Гонорар составит пятнадцать гиней. Джеральду предложили самому прочесть свой рассказ.

В пятницу 7 декабря 1951 года Джеральд отправился в Лондон на репетицию в студии 3Д. В воскресенье 9 декабря он прочел свой рассказ в прямом эфире в самое хорошее время, когда все сидят у своих приемников — между 11.15 и 11.30 утра. Джеральд оказался прирожденным диктором, его теплый, глубокий, проникновенный баритон звучал не хуже, чем голос Дилана Томаса, который примерно в то же время читал свои рассказы и стихи.

За первым выступлением последовали другие — «Тайны животных», «Как зоопарки получают своих зверей» и другие. Однако вопрос о книге оставался открытым. Успех «Волосатой лягушки» окончательно убедил Джеральда в том, что можно попробовать написать книгу. У него была тема — первая экспедиция в Камерун — и даже готовое название: «Перегруженный ковчег» (если бы Ною пришлось собрать животных из одного только Камеруна, его ковчег и то оказался бы перегруженным!). Книга существенно отличалась от пятнадцатиминутной радиопередачи — она должна была быть более сложной, работа над ней потребовала бы больше времени, усилий и таланта. Джеральд начал писать, а мама стала выплачивать ему по три фунта в неделю.

Джеральд стал вести странный образ жизни, немало осложнивший его семейные отношения. Оказалось, что ему лучше работается по ночам, когда все спят. Но Джеки приходилось спать в крохотной комнатке при свете под лязганье клавиш пишущей машинки, стоявшей всего в нескольких футах от изголовья ее кровати. Она практически лишилась сна. Ситуация улучшилась, когда вернулся Джек Бриз и одолжил Джеральду свою портативную пишущую машинку. Книга стала физическим и психологическим испытанием для мужа и жены.

Хотя «Перегруженный ковчег» был первой книгой Джеральда, его нельзя назвать произведением, вышедшим из-под пера новичка. Джеральд знал, о чем хочет рассказать, и отлично представлял, как добиться поставленной цели. Много лет спустя он рассказывал своему другу, критику Дэвиду Хьюзу, о том, как создавалась эта книга:

«Все началось давным-давно, когда Лесли приезжал домой из школы по выходным и рассказывал мне истории про Билли Бантера. Он всегда приукрашивал их собственными изобретениями и рассказами о школьных приключениях. У него был дар, не меньший, чем у Ларри, но не столь хорошо развитый. Бессознательно я усвоил его манеру рассказывать истории. Начиная работу над «Перегруженным ковчегом», мне было трудно передать характеры людей. Наконец я понял, что легче всего это сделать, если дать описание и передать речь персонажа — большинство людей любят прямую речь. Сначала я решил имитировать речь физически, но на бумаге сделать это невозможно. Поэтому мне пришлось сидеть и придумывать, как бы облечь в слова собственные впечатления. Мне пришлось научиться монтировать книгу, если говорить языком кино. Я научился редактировать события, чтобы они переходили одно в другое легко и непринужденно, выискивать эпизоды, которые могли бы связать мой замысел воедино и придать ему законченную форму».

Умудренный опытом Джеральд говорит об этом с юмором. Молодой же Джеральд проклинал тот день, когда решил написать книгу — это дело оказалось ничуть не легче, чем уборка в обезьяннике. «Писательский труд в смысле физическом, — писал он впоследствии, — оказался наиболее утомительным и неприятным из всех занятий, доступных человеку. Я стал писать от отчаяния, лишившись всего своего капитала. Если бы я мог располагать неограниченными средствами, я бы никогда не написал ни слова. Но, обнаружив у себя на руках жену, двух пеликанов, обезьянку капуцина и всего сорок фунтов в кошельке, я не имел выбора».

Частенько Джеральд писал свою книгу, лежа на животе на полу. Он выкуривал бесчисленное множество сигарет и выпивал огромное количество чая. «Когда я проявляю симптомы усталости, — жаловался он, — жена, вместо того чтобы утереть мой потный лоб, безжалостно показывает мне банковский отчет о состоянии моего счета».

Приступая к написанию книги, Джеральд должен был решить две задачи: как восстановить события камерунской экспедиции и как сделать их интересными для читателей. Он надеялся, что дневник экспедиции поможет ему решить первую проблему, но ошибся. «Я обнаружил, что дневники практически бесполезны», — говорил он. Как правило, записи велись по ночам после утомительного рабочего дня. На страницах было множество пятен от чая, виски, лекарств, раздавленных жуков, крови. Джеральду приходилось часами расшифровывать собственные записи, проявляя недюжинные способности детектива.

Возникала и еще одна весьма серьезная проблема. Сырой материал путевых записок читается

как полнейшая неразбериха, набор не связанных между собой событий, происходящих без цели и смысла. Даже на самых ранних этапах своей литературной деятельности Джеральд прекрасно понимал, что автор нехудожественной литературы не может игнорировать приемы, применяемые при создании художественного произведения: ему приходилось организовывать материал, отбирать необходимое, сокращать, менять местами, анализировать цельность написанного и излагать свой опыт на бумаге. Ему пришлось с огромным трудом преодолевать соблазн превратить свою книгу в набор отдельных занимательньгх фактов. «Истина и факты могут быть связаны, — писал другой известный писатель, работавший в том же жанре, Гэвин Максвелл, — но гораздо чаще они противоречат друг другу. Собрание фактов, как бы добросовестно они ни были подобраны, может установить истину разве что случайно». Даррелл полностью соглашается: «За исключением пары-тройки интересных фактов дневники оказались для меня совершенно бесполезны».

Неудивительно, что многое из того, что можно найти в камерунских дневниках Даррелла, не вошло в его книгу. А того, о чем мы читаем в книге, не найти в дневнике — в том числе и всего, что связано с самим автором. Джеральд Даррелл, каким он предстает в книге, совсем не похож на Джеральда Даррелла, который за четыре года до этого вел дневники в джунглях Камеруна. Белый господин, отважный охотник, грубый, безжалостный, эгоистичный молодой человек, любитель виски исчез (не без помощи Джеки). Его место занял другой, не менее реальный Даррелл — обаятельный, веселый, скромный, самоотверженный любитель животных, с искренним уважением относящийся к африканским охотникам, от которых он полностью зависел.

Бесполезность дневников для создания литературного произведения не затормозила процесс работы. Джеральд, как и его брат Ларри, обладал уникальной зрительной памятью. «Грубо говоря, я способен запомнить все с яркостью глянцевой журнальной обложки, — говорил он. — Моя память настолько точна, что я могу путешествовать по ней и с помощью ножниц вырезать нужные для книги куски».

Вторая проблема заключалась в том, что Джеральд не хотел идти по стопам предыдущего поколения писателей, создававших книги о путешествиях и животных: «Я старался прежде всего не быть скучным, пытался создать словесную картину тех стран, по которым путешествовал. Помимо этого, я изо всех сил старался сделать так, чтобы даже самые уродливые — по человеческим стандартам, конечно, — звери, птицы и рептилии выглядели в моей книге симпатичными и интересными. Достаточно только посмотреть на них непредубежденным взглядом». Итак, в памяти возникли воспоминания о стране, именах, датах, фактах и людях. Героями новой книги, написанной вопреки сложившимся стандартам подобной литературы, стали дикие животные, наравне с людьми имеющие право жить на нашей планете.

Книга Джеральда Даррелла обладала еще одним неоспоримым достоинством. «В детстве я читал множество книг, называющихся «Девяносто лет в Тибете» и тому подобных, — говорил Джеральд Даррелл коллеге, — и в них полностью отсутствовал юмор. Смертельная скука пронизывала их от первой до последней страницы. Я твердо решил, что, если когда-нибудь напишу книгу о путешествиях, она будет веселой».

Работа была напряженной и увлекательной. «Даррелл работал над книгой так, как я даже не могла себе представить, — вспоминала Джеки. — Каждое утро меня ожидала кипа напечатанных страничек. Я должна была все это прочесть и поправить. Постепенно книга стала принимать форму. Мы оба работали с огромным увлечением. Я снова почувствовала, что история путешествий Джеральда меня увлекает, хотя раньше терпеть не могла книги о животных и путешествиях. Книга Джеральда отличалась от всего, что я читала прежде».

На страницах книги появился Джордж, бабуин, игравший на барабанах, и Чамли (сокращение от Чалмондейли), шимпанзе-джентльмен с сигаретой и банкой пива; редкий зверек ангвантибо, черноногая мангуста и гигантская водяная землеройка; реки, кишащие водяными змеями, и пещеры, где живут питоны; невероятная красота ночного леса и возбуждение от охоты во мраке; опытные охотники Элиас («низенький, толстенький, с по-обезьяньи низким лбом и выступающей вперед челюстью») и Андрая («очень высокий и невероятно худой, артистически деликатный, рисующий картинки на песке своими длинными пальцами»); масса необычных животных, атмосфера джунглей, дух приключений.

Были в этой книге и восхитительные пассажи, обладающие поистине гипнотическим воздействием на читателей, которые особенно нравились Джеки:

«Когда попадаешь в лес, он кажется после дневного света темным, мрачным, прохладным. Свет просачивается сквозь тысячи листьев и приобретает зеленоватый оттенок, придающий всему окружающему призрачный, сказочный характер. Множество опавших листьев покрывает почву

толстым слоем, мягким, как ковер, издающим приятный запах земли. Кругом стоят гигантские деревья, опирающиеся на большие изогнутые корни-подпорки; толстые ровные стволы вздымаются вверх на сотни футов, верхние ветви и листва сливаются в бесконечную зеленую лесную крышу... Не зная обычаев и повадок лесных жителей, в больших тропических лесах только случайно можно обнаружить живых существ. Непрерывно раздается лишь резкий, пронзительный звон цикад, да маленькая птичка, стыдливо укрываясь в чаще, сопровождает нас...»

Джеки стала мечтать о том, что книга принесет им много денег. Но она все не заканчивалась и не заканчиватась. «Мне начало казаться, — вспоминала она, — что Джерри решил написать «Унесенных ветром».

На самом деле, когда она подсчитала слова в готовой рукописи, оказалось, что Джеральд написал шестьдесят пять тысяч, чего было более чем достаточно для книги подобного жанра. Вскоре рукопись была запакована между двух листов картона, на первый лист наклеили этикетку с названием, именем автора, его адресом и количеством слов. Затем Джеки отнесла посылку на почту и отправила ее в издательство «Фабер» с припиской о том, что автор является братом Лоуренса Даррелла.

Снова потянулись долгие недели ожидания. В этот момент пришли два предложения о работе за рубежом. Даррелла приглашали в Управление охотничьего хозяйства Уганды и в Хартумский музей в Судане. Джеральд отправился на собеседования. От работы в Судане он отказался сразу же, поскольку ему пришлось бы на два года оставить Джеки, а вот Уганда показалась ему привлекательной. Но тут к власти пришло правительство консерваторов, которое принялось наводить экономию на всем, и должность в Уганде была сокращена.

Через шесть недель после отправки рукописи Джеральд получил письмо из издательства. Ему сообщали, что его рукопись прочли и согласиы напечатать. Не может ли он приехать в Лондон для переговоров? Джеральд не мог. У него не было денег даже на билет. Если они хотят сделать ему какое-нибудь предложение, то могут выслать его почтой. Издательство привыкло иметь дело с неимущими авторами, поэтому они не стали настаивать на своем. Джеральду, как неопытному и неизвестному автору, предложили двадцать пять фунтов авансом и еще двадцать пять фунтов после публикации книги. Джеральд немедленно принял предложение. Ему нужны были деньги. А кроме того, он хотел видеть свою книгу напечатанной.

Со временем Джеральд начал сомневаться в разумности совета Ларри относительно литературных агентов. Ведя переговоры с издательством, он понял, что ему нужна помощь кого-либо, разбирающегося в этом бизнесе и готового отстаивать его интересы. Осознавая шаткость своего положения, он решил написать агенту Ларри, Спенсеру Кертису Брауну, сыну основателя крупного агентства, клиентами которого были Ноэль Кауард, Сомерсет Моэм и А. А. Милн. Кертис Браун ответил немедленно и попросил прислать экземпляр рукописи. Он также запросил у издательства гранки. Через несколько дней Джеральд получил новое письмо от Кертиса Брауна. Не может ли Джеральд приехать в Лондон, чтобы встретиться с ним? И снова Джеки и Джеральду пришлось бежать к Лесли, чтобы воспользоваться его телефоном. Весь клан Даррелов собрался в гостиной, с тревогой прислушиваясь к тому, как Джеральд объясняет, что не может приехать в Лондон из-за финансовых затруднений. Они слышали, как он положил трубку и выскочил, громко хлопнув дверью.

— Что вы думаете? — восторженно воскликнул он. — Он так хочет встретиться со мной, что готов оплатить мне дорогу.

Вскорости деньги были получены, причем сумма значительно превышала стоимость проезда. В конверте Джеральд нашел чек на сто двадцать фунтов. «В это было невозможно поверить, — вспоминает тот удивительный день Джеки. — Впервые мы получили физическое подтверждение того, что кто-то поверил в способности Джерри».

Джеральд настоял на том, чтобы Джеки поехала в Лондон вместе с ним. После полутора лет, проведенных в крохотной комнатке, эта поездка была для них как глоток свежего воздуха. Офис Кертиса Брауна располагался в огромном старинном здании, вполне в духе Диккенса, поблизости от рынка Ковент-Гарден. Агенту тогда было немногим за сорок. В глаза сразу же бросались его каштановые волосы и воинственные усы. Кертис Браун пользовался репутацией импульсивного человека — однажды он довел Дилана Томаса буквально до истерики. Но Джеральду и Джеки он понравился. Он сказал им, что книга ему очень понравилась и что, если ею распорядиться правильно, она принесет им большой доход.

— Если «Фабер» еще не заключал соглашения относительно продажи прав в Америку, — сказал он, когда Даррелы собрались уходить, — то я бы хотел, с вашего разрешения, показать

рукопись своему американскому приятелю, с которым сегодня ужинаю.

Вернувшись в Борнмут, Джеки свалилась с жестоким гриппом. Она была совершенно разбита и чувствовала себя отвратительно. Внезапно она услышана, как кто-то бежит по лестнице. Дверь распахнулась, на пороге стоял Джеральд, весьма возбужденный и радостный.

— Вот лекарство, которое заставит тебя почувствовать себя лучше, — сказал он, протягивая телеграмму несчастной жене.

Джеки прочла текст: «Продал американские права за пятьсот долларов. Поздравляю. Спенсер». (В те времена пятьсот долларов равнялись примерно семи с половиной тысячам фунтов на сегодняшние деньги.)

«Лед тронулся», — вспоминала Джеки.

Одно печальное событие несколько омрачило приподнятое настроение. Полгода назад Джератьд в последний раз встретился со своим любимым шимпанзе Чамли, которого в 1948 году он переправил в Лондонский зоопарк с помощью Сесиля Уэбба. Чамли был счастлив встретить старого друга. Он радостно обнял Джеральда, пожал ему руку, и они выкурили по сигарете. Джеральд не знал о трагическом происшествии, пока ему на глаза не попалась статья в «Дейли экспресс»:

ШИМПАНЗЕ ЧАМЛИ

Залез в автобус №53 А;
Укусил женщину;
Набросился на мужчину;
Вел себя как настоящий Кииг-Конг.

Чамли был необычайно популярен в Лондонском зоопарке. Его неоднократно показывали по телевизору. Миллионы зрителей видели, как он пьет чай и курит. Проблемы с ним начались в начале 1952 года, когда у него заболели зубы и его отправили к ветеринару. Дантист Чамли не понравился и он набросился на врача. Оттолкнув смотрителя, Чамли сумел открыть дверцу своей клетки, вырвался на свободу и бросился через Риджентс-Парк. Он выскочил на проезжую часть и залез в автобус № 53А. Очутившись в автобусе, он нежно обнял пассажирку. Женщина закричала, тогда Чамли укусил ее, соскочил с. автобуса и направился к остановке, где собралась небольшая очередь. Все разбежались, кроме одной слепой женщины. Тогда Чамли набросился на отставного майора, а потом, по свидетельству очевидцев, забрался на балкон, принялся колотить себя в грудь и издавать крики, наподобие Кинг-Конга. Напуганный враждебным и недружелюбным миром, Чамли радостно встретил смотрителя, когда тот наконец его разыскал.

«Чамли очень мил, — сообщили члены семьи смотрителя журналистам на следующий день. — Он способен растрогать любую женщину — милое, веселое существо. Если он и укусил кого-то, то только со страха».

Казалось, инцидент был исчерпан. Но в канун Рождества Чамли снова выбрался из клетки, пересек Риджентс-Парк и пытался забраться в запертые машины на Глостер-Гейт, рассчитывая, что кто-нибудь его подвезет. На этот раз ему не повезло. «Он превратился в опасное животное, — заявил журналистам «Дейли экспресс» Джордж Кэнсдейл, директор Лондонского зоопарка. — Порой он спокоен и уравновешен, а временами превращается в сущий кошмар. В канун Рождества он был в плохом расположении духа. К сожалению, мне пришлось принять единственно правильное в подобной ситуации решение и застрелить шимпанзе».

Новости ужаснули Джеральда, собравшегося отметить Рождество в кругу семьи в Борнмуте. Он решил вставить в «Перегруженный ковчег» прощальную главу о своем друге.

«Чамли решил, что, если он прогуляется по улицам в канун Рождества» когда у лондонцев хорошее настроение, кто-нибудь дружески угостит его кружкой пива. Но глупые люди не поняли хорошего, праздничного настроения шимпанзе. Он не успел изложить свою точку зрения владельцам автомашин: примчалась группа смотрителей, и Чамли снова был водворен в зоопарк. Из милого, умного животного, удостоенного даже права выступать по телевидению, Чамли вдруг превратился в свирепое и опасное чудовище, которое могло снова убежать и искусать каких-нибудь почтенных граждан. Во избежание подобных ужасов Чамли был приговорен к смертной казни и расстрелян».

«Произошедшее с Чамли глубоко потрясло Джерри, — вспоминала Джеки, — он обвинял Лондонский зоопарк и Джорджа Кэнсдейла в некомпетентности и невнимательности к потребностям приматов, которым нелегко привыкнуть к жизни в замкнутом пространстве. И снова Джеральд был

весьма несдержан. Все были в курсе того, что именно он думает о компетентности и способностях работников Лондонского зоопарка». В будущем Джеральду предстояло не раз сталкиваться с Лондонским зоопарком, ведущей организацией Английского зоологического сообщества. Трудно поверить, что судьба Чамли не оказала никакого воздействия на его отношение к этому заведению.

Тем временем Джеральд приступил к написанию второй книги, «Три билета до Эдвенчер», веселый рассказ о своей третьей экспедиции в Британскую Гвиану. Хотя «Перегруженный ковчег» еще не вышел, Спенсер Кертис Браун предложил Джеральду начать работу, чтобы сразу же удовлетворить потребность публики в продолжении. «Три билета до Эдвенчер» были написаны за шесть недель. Поскольку «Фабер» не собирался предлагать Джеральду больше, чем было заплачено за «Ковчег», Кертис Браун решил показать книгу Руперте Харт-Дэвису, недавно организовавшему собственное издательство. Руперт предложил начинающему автору гораздо более щедрый аванс. После краткого перерыва Джеральд приступил к работе над третьей книгой, «Гончие Бафута», посвященной второй камерунской экспедиции. В самый разгар работы, 31 июля 1953 года, в Британии была наконец опубликована его первая книга «Перегруженный ковчег» с прекрасными иллюстрациями Сабины Баур.

По удивительному совпадению, первая книга Джеральда Даррелла вышла практически одновременно с новой книгой его брата, Лоуренса, посвященной греческому острову Родос. Книга Лоуренса называлась «Отражения морской Венеры». «Фабер» выпустил обе книги одновременно. В рекламной статье говорилось: «Поиски животных... и человека — двойная Демонстрация удивительного таланта Дарреллов».

Обе книги вышли удивительно вовремя. Наступал золотой век британской литературы, посвященной путешествиям. Воспоминания военных лет перестали омрачать настроение, и лишения послевоенного времени остались позади. У всех было ощущение того, что наступает новая эпоха. Молодежь с удивлением обнаружила, что вокруг раскинулся огромный мир, по которому можно путешествовать с путеводителем, а не с ружьем в руках. Почти одновременно с Дарреллами появились другие талантливые писатели — Лоуренс ван дер Пост, Гэвин Максвелл, Патрик Ли Фермор и Норман Льюис. Все новые миры открывались перед читателями. Жак Кусто написал «В мире безмолвия», Генрих Харрер «Семь лет в Тибете», а Джон Хант «Покорение Эвереста». Все эти книги были опубликованы в знаменательном 1953 году.

Книги Дарреллов пришлись как нельзя кстати. «Великолепные творения братьев Дарреллов!» — кричали рекламные статьи. Книгу Лоуренса восторженно встретили эстеты, творение же Джеральда пользовалось популярностью среди рядовых читателей. «Дейли мейл» объявило «Перегруженный ковчег» книгой августа, Би-би-си — книгой декабря. Пресса публиковала восторженные отзывы, а в книжных магазинах за книгой выгстраивались очереди. «Поздравляю, — сказал Джеральду Лоуренс. — Теперь мы участники циркового представления. Ты в блестящем трико летишь в трехстах футах над ареной, а я, зацепившись за трапецию, пытаюсь затуманенным взором разглядеть тебя, чтобы вовремя поймать за щиколотки, когда ты окажешься достаточно близко».

«Перегруженному ковчегу» уделили внимание практически все ведущие национальные газеты. Благосклонно встретили произведение начинающего писателя и видные критики. Все хвалили книгу за обаяние, свежесть восприятия, юмор, совершенно новый подход к миру живой природы и далеких стран и за живой, образный язык. Критики оценили смелость, чувствительность, гуманизм и любовь к животным, присущие автору. «То, что Джеральд Даррелл сделал для диких животных, — писал один из критиков, — можно сравнить только с материнской любовью». Все восхищались зверями, о которых написал Джеральд, — «это словно чаепитие у Безумного Шляпника!» Некоторые сравнивали «Перегруженный ковчег» с его литературными предшественниками — викторианскими приключенческими романами для мальчиков и с недавними бестселлерами, авторы которых разделяли взгляды Даррелла на животных — в том числе с книгой полковника Билла Уильямса «Слон по имени Билл» и с популярным исследованием поведения животных, проведенным Конрадом Лоренцем и описанным им в книге «Кольцо царя Соломона».

«Как человек, Джеральд Даррелл обладает добротой и хорошим чувством юмора, которое он способен обнаружить даже в старом смотрители обезьянника, — писал Найджел Никол сон в «Дейли диспатч». — Как зоолог, он весьма скромно скрывает свои познания. Как писатель, он обладает всем сразу — ясностью видения, отличным юмором, живым стилем и точным знанием того, как не быть скучным, не становясь при этом легкомысленным... Это выдающаяся книга».

Лоуренс ван дер Пост в своей статье в журнале «Кантримен» также выгразил свое восхищение этой книгой: «Ловля животных открывает нам Африку с другой стороны. Мы видим этот континент более нежным, чувственным, загадочным и семейным. Какое облегчение взять в руки книгу об Аф-

рике, в которой нет тамтамов, львов и слонов!»

Питер Кеннел в «Дейли мейл» оценил книгу как «увлекательную... Он обладает удивительным даром находить нужные слова». Раймонд Мортимер в «Санди тайме» написал, что книга «очень веселая» и, несомненно, найдет своих поклонников среди людей всех возрастов и литературных пристрастий. Джон Хиллаби в «Спектейторе» заметил, что «Перегруженный ковчег» знаменует собой появление книг нового поколения, «характеризующихся новым, свежим подходом к реализму». Гэвин Максвелл в «Нью стейтсмене» писал, что Джеральд «описывает детали своих путешествий с соответствующей степенью энтузиазма». За несколько месяцев было продано двадцать семь тысяч экземпляров «Перегруженного ковчега», книга уверенно занимала первые строчки в рейтингах. С тех пор она переиздается постоянно и практически всегда имеется в продаже.

Но не все было таким безоблачным. Пара опытных звероловов продолжали относиться к Джеральду как к неопытному новичку. Они неодобрительно отнеслись к его книге, считая ее легковесной. Почти в то же время была опубликована биография соперника Даррелла по Камеруну Сесиля Уэбба, которая в зоологических кругах была принята с гораздо большим энтузиазмом. И хотя большинство критиков восторгались душевным описанием африканских охотников, некоторые критиковали Даррелла за использование исковерканного английского для передачи речи африканцев. Тогда такой подход считался колониальным и унизительным. (Но в то же время один критик превозносил книгу за использование исковерканного английского, называя творение Даррелла «лучшей и самой доброй книгой, написанной об Африке».)

Более серьезные критики подвергали сомнению этичность того, чем Даррелл занимался в Африке. «Айриш таймс» задавалась вопросом, этично ли само существование зоопарков и можно ли ловить животных, чтобы затем выставлять их на всеобщее обозрение. Но, как указывал другой критик, «даже те, кто не одобряет ловлю диких животных и заточение их в клетки, не смогут противостоять искушению последовать за мистером Дарреллом в его путешествия».

Никто не мог предсказать, какое воздействие эта книга окажет на публику, но ее влияние на умы молодежи несомненно. Она ознаменовала собой начало эры охраны окружающей среды. В первой книге и в последовавших за ней «Трех билетах до Эдвенчер» и «Гончих Бафута» еще нет замечаний автора относительно реальной роли зоопарков и сохранения исчезающих видов животных. Не затрагивал он и темы разведения диких животных в неволе.

И это удивительно. Джеральд думал об этом уже давно, еще во время

войны, когда он был еще подростком. В более поздних книгах он пишет о том, что эти мысли не покидали его, когда он работал в Уипснейде в 1945—1946 годах. Но пока ему не перевалило за пятьдесят, он не писал о сохранении исчезающих видов животных и об охране окружающей среды. Почему же так случилось?

Может быть, потому, что его идеи тогда еще не до конца сформировались, чтобы выносить их на публичное обсуждение? Или начинающий автор счел свои книга неподходящим местом для решения сложных зоологических вопросов? А может быть, он почувствовал, что общественное мнение еще не готово к восприятию его идей? Возможно, он был не до конца уверен в собственных силах и не хотел еще сильнее восстанавливать против себя зоологический истеблишмент, от которого он продолжал зависеть.

Один критик ближе всего подошел к истинной оценке «Перегруженного ковчега». Влиятельный критик Джеффри Григсон в «Кантри лайф» написал, что Джеральд Даррелл в литературе сделал то же самое, что и художник-примитивист Анри Руссо в живописи. Восприятие природы у Даррелла было совершенно детским, и сам он был, по мнению критика, сущее дитя природы. Книга написана о воплощении детской мечты в детском мире чудес. Серьезные вопросы остались без ответа, хотя автор и решился их задать, пусть даже в подтексте.

Григсон писал: «Мистер Даррелл не сосредоточивается на опасностях, трудностях и тяготах. Он не жалуется на судьбу, не теряется перед проблемами и сложностями жизни, он не взвешивает все за и против ловли диких зверей. Животные, пойманные под камнями, в пещерах, в реках, на верхних ветвях деревьев, для него — все равно что птичьи яйца в апреле для маленького мальчика. Некоторые выживут, другие погибнут. Некоторым будет хорошо, кто-то будет страдать, но счастливого зверолова это не волнует. Он любит мир. Он любит своего высокого худого помощника. Он любит маленького и толстенького охотника. Ему нравится исковерканный английский. Он любит лес... Этот писатель принимает мир, он наслаждается им и хочет поделиться своим наслаждением с читателем».

В сентябре 1953 года «Перегруженный ковчег» вышел в американском издательстве «Викинг», а следом за этим последовали издания в разных странах Европы. В США книга была

встречена не менее восторженно, чем в Англии. Все крупные газеты поместили благосклонные рецензии. В отличие от британских коллег, американские звероловы отнеслись к начинающему писателю дружелюбно и с симпатией. Даррелла называли «самым молодым британским звероловом», его книгу хвалили за «абсолютную достоверность и искусство жить в соответствии с истинным законом джунглей».

Жизнь Джеральда изменилась словно по мановению волшебной палочки. Его брат Лоуренс, на протяжении многих лет работавший в литературе, еще никогда не удостаивался такого внимания прессы. Однако он с присущей ему щедростью радостно встретил успех младшего брата. «Не думаешь ли ты, что этот дьяволенок пишет чертовски хорошо? — писал он своему другу Генри Миллеру. — Его стиль напоминает свежий хрустящий лист салата. Мой младший брат добился выдающегося успеха своей первой же книгой и заработал неплохие деньги. Удачно для того, кто начал карьеру всего с двадцати пяти фунтов и билетов на поезд, оплаченных литературным агентом». Ричарду Олдингтону Лоуренс писал: «Мой брат Джерри? Он обладает замечательным ирландским даром потрепаться... Знаешь ли ты, что эти дурацкие книги о животных расходятся многотысячными тиражами? Мой агент утверждает, что он абсолютно уверен в постоянном спросе на подобную литературу. Мне бы хотелось любить животных так, как он». Лоуренс никогда не завидовал брату и не предавал его. Алан Томас торговал книгами Даррелла в книжном магазине Борнмута. Он вспоминает, что как-то раз ему позвонила женщина, прочитавшая рецензию на «Отражения морской Венеры», и сказала: «Я бы хотела заказать книгу мистера Даррелла. Я имею в виду другого Даррелла, не того, который пишет про зверей».

К своему удивлению, Джеральд мгновенно стал знаменитостью. Выступая в популярной телевизионной программе «Сегодня вечером в нашем городе», он познакомился со знаменитой шведской кинозвездой Май Цеттерлинг, только что вернувшейся из Голливуда. Рассказы Джеральда о его книге и о столь необычном способе зарабатывать на жизнь покорили киноактрису, и она стала верным другом Даррелла, а впоследствии вышла замуж за одного из его близких друзей. Трудно представить, как сильно изменилась жизнь Джеральда Даррелла. Еще вчера ему не на что было добраться до Лондона, он не мог позволить себе ничего, кроме чая и хлеба, а сегодня о нем пишут известные критики и кинозвезды почитают для себя за честь познакомиться с ним.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

О ЗВЕРЯХ И КНИГАХ: 1953-1955

Теперь Джеральд был более состоятелен, чем когда-либо. Вместо того чтобы вложить полученные средства в недвижимость или акции, он решил организовать новую, уже четвертую по счету экспедицию. Джеки никогда не путешествовала, она всю жизнь провела в Европе, поэтому выбор страны остался за ней. Может быть, ей понравилось красивое название, может быть, ее привлекали те романтические понятия, которые были связаны с этой страной — танго, гаучо, пампасы, Эвита Перон... Словом, Джеки выбрала Аргентину. «Даррелл, разумеется, мечтал о Южной Америке, — вспоминала она, — и предлагал включить в наш маршрут Чили, а при первой возможности и Парагвай».

Началась подготовка к путешествию. Джеральд еще писал свою третью книгу «Гончие Бафута», поэтому основную тяжесть по организации аргентинской экспедиции приняла на себя Джеки. Очень скоро стало ясно, что вдвоем им с этим делом не справиться. Им нужен был секретарь. И вскоре такой человек появился. Секретарем Даррелловв стала Софи Кук. Ее мать бежала из гитлеровской Германии. Софи была спокойной, довольно застенчивой, очень сосредоточенной женщиной лет сорока. Она стала первой из череды секретарей, работавших с Джеральдом на протяжении всей его жизни. Софи перепечатывала рукопись «Гончих Бафута», исправляла грамматические ошибки и исполняла все секретарские обязанности, связанные с поездкой в Аргентину. Это было замечательное, но нелегкое время. Трех человек запихнули в крохотную комнатку дома Маргарет — порой им было трудно даже повернуться, особенно когда комната стала заполняться предметами, необходимыми для будущей экспедиции, от сосок для ягнят и поилок для колибри до кинокамер и одежды для жаркого климата. «Наша маленькая квартирка выглядела, как склад утильсырья, — писала впоследствии Джеки, — и бедная Софи с огромным трудом протискивалась по утрам к своему столу. Но она никогда не ворчала, не суетилась и стоически продолжала печатать и готовить нам чай».

Когда в команде появился третий человек, дело пошло быстрее. По совету Ларри, имевшего

богатый опыт путешествий по всему миру, Джеральд обратился в аргентинское посольство и Министерство иностранных дел Англии. В результате экспедиция получила статус «официальной миссии». Никогда еще официальные миссии не были столь экзотичными. Агент забронировал для Дарреллов места на корабле, отплывающем в Буэнос-Айрес, и заверил, что они будут путешествовать с комфортом. В конце ноября 1953 года Джеральд и Джеки отправились в путешествие, которое должно было стать их медовым месяцем. Вся семья провожала их на вокзале в Борнмуте, а в Тилбери Джеральда и Джеки уже ожидал корабль.

Судно, где они собирались провести медовый месяц, оказалось кораблем для перевозки эмигрантов. Это был старый военный корабль, перевозивший эмигрантов из Испании и Португалии в Латинскую Америку. Билет в туристский класс обеспечивал Дарреллам некоторые удобства в сравнении с другими пассажирами, но только и всего. Каюта, по воспоминаниями Джеки, более всего напоминала «гроб-переросток», без иллюминаторов, без свежего воздуха, без дневного света. Медовый месяц предлагалось провести на двухэтажной койке, а стоять или разместить багаж в каюте попросту не представлялось возможным. Джеральд был в ярости, но это оказалось еще не самым страшным. Корабль кишел тараканами, в общей ванной царила невероятная грязь, в мрачном, обшарпанном салоне подавали только пиво, а пища была отвратительной. И тем не менее путешествие доставило Джеки удовольствие. «Мне нравилась каждая минута нашего путешествия, — писала она, вспоминая тропические ночи на палубе, песни и танцы эмигрантов, звуки их гитар, экзотические порты. — Но бедный Даррелл не мог скрыть своего разочарования».

Первую остановку в Новом Свете корабль сделал в Ресифе, на севере Бразилии, а затем двинулся к югу — сначала в Рио, потом в Сантос, а оттуда вверх по грязной Рио-де-ла-Плата. И вот в утреннем тумане появились смутные очертания Буэнос-Айреса. Джеральд воспрянул духом. Ничто не может сравниться с прибытием в новую страну на борту старого корабля. 19 декабря 1953 года пара молодоженов со стажем впервые ступила на землю Аргентины.

Поскольку они прибыли с официальной миссией, встречать Дарреллов прибыли журналисты. Аргентинские репортеры были ужасно удивлены тем, что парочка проделала такой долгий путь, чтобы собирать каких-то дурацких зверей. «Когда люди узнают, что вы интересуетесь животными, — вспоминал Джеральд, — они сразу же начинают сомневаться в ваших умственных способностях». Аргентинские журналисты окрестили элегантных Джеральда и Джеки «научными авантюристами в героическом мире». Их причислили к ряду великих конкистадоров, в котором рядом с Кортесом и Писарро стояли Бугенвиль, Ла Кондамин и Дарвин.

«Джеральд Даррелл — это не охотник прошлых времен, — писал еженедельный журнал «Веа и Леа». — Он работает ради науки. Он ищет неизвестных животных и хочет привезти их в Англию живыми, чтобы изучать их поведение и пытаться разводить их в неволе». «А чем будет заниматься Джаклин?» — интересовался другой репортер. «Я собираюсь использовать ее в качестве приманки для ягуаров», — без тени улыбки отвечал Джеральд.

«Перед нами прекрасная молодая пара, — отмечала газета «Эль Хогар». — Она миниатюрная и стройная с трогательной челкой, напоминающей о столь недавнем детстве. Действительно, рядом со своим мужем она похожа на девочку. А Джеральд Даррелл — это высокий молодой человек со светлыми волосами и яркими мальчишескими глазами. В поисках удивительных животных он прошел джунгли Африки и Британской Гвианы, где смерть подстерегала его на каждом шагу».

Каждому, кто прибывает в чужую страну ради того, чтобы ловить диких и, возможно, опасных животных, нужен помощник. Незадолго до отплытия Джеральда в Аргентину Ларри прислал ему письмо, в котором настоятельно рекомендовал обратиться к Бебите Ферейре, его давней подруге, живущей в Буэнос-Айресе. «Из всех женщин, которых я знал, Бебита была больше всего похожа на греческую богиню, — писал Джеральд. — Мы поддались ее невероятному очарованию с первого взгляда. Мы практически поселились в ее квартире, поедали замечательные и удивительно вкусные блюда, слушали музыку, болтали о пустяках. Очень скоро мы стали полагаться на Бебиту во всем. Ее никогда не удивляли самые странные просьбы, и она могла организовать все, что угодно». Но даже помощник, обладающий невероятной энергией Бебиты Ферейры, не может предусмотреть всего. Экспедиции пришлось столкнуться с событиями, не поддающимися контролю гостеприимной хозяйки.

Джеральд изначально собирался посетить унылые болота Терра-дель-Фуэго, чтобы ловить там уток и гусей для фонда Питера Скотта, поэтому для него стало неприятным открытием то, что купить билеты на самолет в эту часть света в ближайшем будущем оказалось практически невозможно. Пока этот вопрос выяснялся, Джеральд и Джеки решили совершить краткое путешествие в пампасы. Они отправились на ферму своих новых друзей «Лос-Инглесес».

«Аргентина — это одна из немногих стран мира, где можно отправиться в путешествие и на полпути одновременно увидеть и точку отправления, и место назначения, — писал Джеральд. — Плоская, как бильярдный стол, пампа простирается вокруг вас, и кажется, что она уходит далеко на край света». Ловить зверей Джеральд начал именно в пампе вокруг «Лос-Инглесес». Первыми трофеями экспедиции стали восемь земляных сов и пара кукушек гуира. Самые распространенные в окрестностях «Лос-Инглесес» птицы оказались самыми редкими и находящимися на грани вымирания. Речь идет о чайях, или «больших крикунах», крупных, похожих на гусей птицах, которые вызывали неукротимый гнев местных фермеров за то, что их стаи опустошали огромные поля люцерны. Немногие из собранных Джеральдом за всю его жизнь птиц произвели на него такое впечатление, как Эгберт, птенец чайи, которого он поймал через несколько дней после приезда в «Лос-Инглесес»:

«Это был самый трогательный, самый забавный и самый очаровательный птенец, которого я когда-либо видел. Ему вряд ли было больше неделя от роду. Тело его было совершенно круглым, величиной не больше кокосового ореха. На длинной шее сидела высокая куполообразная голова с крошечным клювом и парой приветливых коричневых глаз. Серовато-розовые ноги были непомерно большими по сравнению с размерами тела и, казалось, совершенно не повиновались ему. Из верхней части туловища росли два маленьких дряблых кусочка кожи, похожих на два пальца изношенных кожаных перчаток; они были приставлены к телу словно случайно и исполняли роль крыльев. Одет он был в нечто вроде ярко-желтого костюма из свалявшегося неочищенного хлопка. Птенчик выкатился из мешка, упал на спину, с трудом поднялся на свои огромные плоские лапы и, слегка приподняв забавные крылья, с любопытством уставился на нас. Затем он открыл клюв и застенчиво произнес: «Уип». Это привело нас в такой восторг, что мы забыли ответить на его приветствие. Он медленно и осторожно приподнял одну ногу, вытянул ее вперед и поставил на землю, а потом проделал то же самое с другой ногой. Он смотрел на нас с сияющим видом, явно гордясь тем, что успешно выполнил такой сложный маневр. Немного отдохнув, он снова произнес «уип» и вознамерился повторить все сначала, очевидно, желая доказать нам, что его успех не был случайным... Мне не раз приходилось встречать забавных птиц; как правило, они были смешными благодаря своей нелепой внешности, отчего и самые обычные их движения казались смешными. Но еще ни разу мне не приходилось встречать такой птицы, которая, подобно Эгберту, не только смешна сама по себе, но и беспредельно комична во всех своих действиях. Ни одна птица, которую я когда-либо видел, не могла заставить меня смеяться до упаду».

Следующую остановку Дарреллы сделали в Парагвае, в маленькой деревушке Пуэрто-Касадо на берегу реки Парагвай. Здесь они собирались ловить зверей на поросшей кактусами равнине Чако. Добраться до Чако из Касадо можно было тремя способами — верхом, в повозке, запряженной буйволами, или посредством «автовиа» — своеобразной железной дороги, роль поездов на которой исполняли старые автомобили «Форд». Автовиа тянулась на двести километров. Большую часть своей коллекции Дарреллы пополнили именно благодаря ей. Туда же, куда автовиа не добиралась, они отправлялись на лошадях, постоянно открывая что-то новое для себя — например, восхитительную цветочную реку, попавшуюся им на глаза, когда они пересекали поляну, заросшую золотистой травой:

«Пересекая поляну, мы обнаружили, что она делится на две части широкой извилистой лентой чудесных молочио-голубых цветов, уходящей вдаль, подобно небольшой речке. Когда мы подъехали ближе, я понял, что перед нами действитатьно речушка, но она настолько заросла водяными растениями, что увидеть воду было почти невозможно. Сверху ее прикрывал ковер голубых цветов, а под ним виднелись переплетающиеся глянцевито-зеленые листья. Цветы были такой нежной, чистой голубизны, что казалось, будто кусочек неба упал на землю между рядами коричневых стволов пальм. Мы вошли в речку, копыта лошадей мяли листья и цветы, и позади оставалась узкая полоска воды. Черно-красные стрекозы плавно кружили над нами, сверкая на солнце прозрачными крыльями. Когда мы выбрались на противоположный берег и снова вошли в тень пальм, я повернулся в седле и еще раз полюбовался великолепной улицей голубых цветов; наш след в виде сверкающей полосы воды перерезал ее, как молния летний небосвод».

Дни шли, коллекция росла. Никогда нельзя было предположить, что принесет следующий день. Дарреллы собирали животных сами и покупали их у местных охотников. Очень скоро у них появились самые разнообразные животные — от лягушек Баджета до дикой кошки, от енота-

крабоеда до чернолицего ибиса. Через два месяца пребывания в Чако коллекция стала весьма внушительной. Чако — это рай для птиц, поэтому птиц у Джеральда было вдвое больше, чем других представителей фауны.

«В любой коллекции есть два-три зверя, которые становятся зверолову особенно дороги», — писал Джеральд, рассказывая об обезьянке-дурукула Кае, детеныше енота-крабоеда Пу и о сером лисенке Фокси. Но никто из животных не мог сравниться с Сарой Хагерзак, детенышем гигантского муравьеда. Когда ее поймали, Саре была всего неделя или около того. От носа до кончика хвоста в ней было всего два с половиной фута, а шум она производила, «как пароходная сирена, страдающая ларингитом».

Когда Сару вытряхнули из мешка, в котором ее принесли, она стала кружить по комнате, пока не наткнулась на ногу Джеки. Тогда муравьедаха радостно вцепилась в нее. Джеральд попытался отцепить звереныша, но тот, словно пиявка, прилепился к его руке, перебирая лапами поднялся выше, а потом уютно улегся на плечах, как роскошный меховой воротник, «Так в нашу жизнь вошла Сара Хагерзак, — писал Джеральд, — и она оказалась на редкость очаровательным, милым существом. ...Прежде всего она оказалась исключительно голосистой. Стоило замешкаться с кормежкой или не приласкать ее, когда она требовала внимания, и Сара призывала вас к повиновению во всю мочь своих легких. Главной радостью в ее жизни была возможность обниматься и быть обнятой».

Сара прожила с Даррелламы несколько недель, а потом начались зимние дожди. Настало время подумать о возвращении в далекий Буэнос-Айрес со всеми собранными зверями. Но в это время в Асунсьоне, столице Парагвая, произошла революция. Удача отвернулась от Джеральда. Ему посоветовали покинуть страну при первой же возможности. Единственный доступным средством передвижения был легкий самолет — а это означало, что пойманных животных придется оставить. Эти известия погрузили Джеральда в черную депрессию. Ничего не оставалось, кроме как открыть дверцы клеток и вытустить животных на волю. Но сказать так легче, чем сделать. Многие животные не желали уходить. Джеральд уносил зверей за пределы лагеря, но они возвращались, их носы торчали из-за деревьев. Они сидели и ждали очередной кормежки. Джеральд выбрал нескольких животных, которые могли поместиться в крохотном самолете (в том числе и Сару Хагерзак), и вернулся в Буэнос-Айрес.

Во время краткого перерыва в военных действиях самолет благополучно вывез Даррелов из Асунсьона. Они были в безопасности, но финансовое состояние экспедиции оказалось плачевным. Экспедиция обошлась Джеральду в три тысячи фунтов, он потратил все, что заработал на «Перегруженном ковчеге». Поимка нескольких животных в последние дни пребывания в Аргентине не могла компенсировать потерю тех экземпляров, которые ему удалось поймать в Парагвае.

Вскоре пришла пора покидать Южную Америку. Животных погрузили на палубу корабля «Звезда Парагвая» и тщательно привязали клетки, чтобы атлантические штормы не сдвинули их с места. В салоне друзья распрощались с Даррелламы, и утром корабль отплыл в Англию. «Мы махали и кивали на прощанье, а затем, когда провожающие почти исчезли в темноте, раздался самый печальный звук на свете — низкий мрачный рев пароходной сирены, прощальный привет уходящего в море судна». Джеки было особенно грустно. Она полюбила Аргентину и не хотела покидать новых друзей.

Но питомцы требовали постоянного ухода, так что времени на печаль не оставалось. С первыми лучами солнца Даррелы выпивали по чашке чая и отправлялись чистить клетки, мыть горшки и миски на палубе. Хорошо еще, что плавание проходило в тропических водах, так что птицы не простужались. Сару Хагерзак трижды в день прогуливали по палубе, и так продолжалось до тех пор, пока корабль не вошел в более северные широты.

Но не все было так плохо. В отличие от судна, доставившего Даррелов в Южную Америку, «Звезда Парагвая» была настоящим лайнером. Звероловам предоставили отличную каюту, пища была превосходной, напитки лились рекой, а сервис был на высоте. Даррелы подружились с пассажирами и командой и стали постоянными участниками всех вечеринок и гулянок, которые заканчивались с рассветом. На костюмированном балу Джеральд и Джеки нарядились парагвайцами и получили первый приз. Единственным человеком, кому пребывание на борту шумной семейки с необычным багажом удовольствия не доставило, был капитан, который вечно ворчал по поводу грязи и из-за того, что животные постоянно отвлекали команду.

В июле «Звезда Парагвая» вошла в Лондонский порт. Зверей на этот раз было немного, поэтому их удалось быстро пристроить по зоопаркам. Пейтонский зоопарк приобрел большую часть птиц и животных, в том числе и любимицу всего корабля Сару Хагерзак. «Расставаться со всеми

этими симпатягами было очень тяжело, — вспоминала Джеки и добавляла: — Я начала понимать, что чувствовал Даррелл, возвращаясь из своих путешествий, и почему он так мечтал когда-нибудь создать собственный зоопарк. Ему не хотелось расставаться с животными, привезенными из экспедиций».

Из бескрайней пампы и беспредельных просторов Атлантики Дарреллы вернулись в крохотную комнатку в борнмутском доме Маргарет. Джеральд с головой ушел в литературную деятельность, пытаясь заложить основы финансового благополучия, которое позволило бы ему в один прекрасный день стать хозяином собственного зоопарка. Вторая его книга, «Три билета до Эдвенчер», вышла в свет весной, и теперь Джеральд читал рецензии. Тон рецензий был благожелательным. Критики хвалили обаяние, скромность и чувство юмора автора, его мастерство рассказчика и любовь к тем удивительным созданиям, которых он ловил.

Но одна рецензия выбивалась из общего ряда. Джордж Кэнсдейл, директор Лондонского зоопарка, застреливший Чамли два года назад, напечатал статью в «Дейли телеграф». Кэнсдейл всегда недолюбливал Джеральда, а некролог по погибшему Чамли в «Перегруженном ковчеге» переполнил чашу его терпения. Кэнсдейл получил возможность отомстить и не пожалел яда, чтобы выставить Джеральда чистейшей воды любителем и невеждой. Он признавал, что Джеральд пишет «заразительно», но его экспедиции — это не что иное, как «невинные заграничные поездки». «Если бы они жили так, как описывает Даррелл, — писал Кэнсдейл, — то вряд ли сумели вернуться домой живыми». Он утверждал, что книга писалась в спешке и что ее следовало бы еще отшлифовать. Грамматика хромает, стиль оставляет желать лучшего, информации слишком мало, а анекдотов чересчур много. Настоящий натуралист должен был бы больше внимания уделить ловле зверей, коллекционированию и естественной истории.

Эта рецензия омрачила возвращение домой, но худшее было еще впереди. В отсутствие Джеральда издательство «Харт-Дэвис» решило опубликовать «Гончих Бафута» осенью, не дожидаясь будущей весны. Это означало, что у Джеральда в 1954 году выходили две книги, а на 1955-й не оставалось ни одной. С неохотой он приступил к работе над своей четвертой книгой «Под пологом пьяного леса», где собирался рассказать об экспедиции в Аргентину и Парагвай. Порой лень так одолевала его, что Джеки и Софи приходилось буквально подталкивать его к письменному столу.

Ситуация еще более осложнилась, когда, едва закончив четвертую книгу о путешествии в Аргентину, Джеральд приступил к пятой, поскольку финансовое его положение после очередной экспедиции пошатнулось весьма серьезно. «Новый Ной» стал сборником рассказов для детей о путешествиях в Камерун, Гвиану и Парагвай. «По какой-то причине Даррелл не захотел заканчивать эту книгу, — писала Джеки. — Доведенные до отчаяния, мы с Софи сами написали заключительную главу, что вдохновило его на то, чтобы полностью переписать ее и довести книгу до конца». «Почему вы, две старые карги, не понимаете, что я не машина? — жаловался Джеральд. — Я не могу без конца барабанить по клавишам. Мне нужно вдохновение».

Джеки предложила мужу воспользоваться системой его брата, Ларри, который просыпался в половине пятого, чтобы несколько часов поработать, а остальную часть дня посвящал другим занятиям. Джеральд резко возразил: «Разница между нами заключается в том, что он любит писать, а я нет. Для меня литература — это способ заработать деньги, чтобы иметь возможность работать с животными, и ничего больше. Я не могу называться серьезным писателем, скорее я журналист, которому посчастливилось продать то, что он сочинил».

Однако книги Джеральда продавались очень неплохо. Продажа «Трех билетов до Эдвенчер» шла полным ходом. 15 октября в свет вышли «Гончие Бафута». Шотландская газета купила права на сериализацию новой книги, а спустя какое-то время на Би-би-си подготовили четырнадцать радиопередач. В канун Нового года был выпущен радиоспектакль «Король и конга». «Гончие Бафута» стали Книгой Месяца, продажи шли великолепно, и издательство «Харт-Дэвис» устроило в честь Джеральда обед в «Савое».

Джеральд был польщен, хотя и несколько смущен своим литературным успехом. Он был весьма скромного мнения о своих писательских способностях, особенно в сравнении с талантом старшего брата, которого он считал «настоящим» писателем, хотя ему и не удавалось жить на свои гонорары. Сам же Джеральд рассматривал свою литературную деятельность только как средство получения денег для продолжения карьеры зоолога. Но он глубоко заблуждался. С первых же трех книг стало ясно, что он обладает в высшей степени оригинальным талантом и врожденным даром рассказчика. Его язык был гибким, образным и богатым, наблюдательность натуралиста сочеталась в нем с чувствительностью и эстетизмом поэта. Прирожденный рассказчик, он обладал умением слушать и слышать, подмечать все абсурдное и эксцентричное. Великолепное чувство юмора, любовь

к жизни, к людям и животным обогащали его книги. Талант Даррелла вышел его в первые ряды писателей, пишущих о природе. Он стал одним из лучших английских писателей-юмористов, а его поэтическим описаниям природы могли позавидовать многие. Даже «Поэтри ревью» оценивала его книги за «внутреннюю поэзию, ощущаемую в мастерских описаниях пейзажей и животных, которую вполне можно сравнить с творчеством старшего брата Джеральда, Лоуренса».

Сам же Джеральд по-прежнему не мог оценить своих творений по достоинству. «Единственное, что меня беспокоит, — писал он Ларри, — это насколько долго британская публика будет продолжать читать мой бред, пока он ей не наскучит. В «Харт-Дэвис» считают, что мне надо бы заняться чем-нибудь другим». В конце концов он написал книгу коротких рассказов для детей, но в «Харт-Дэвис» ее сочли слишком «изысканной».

13 ноября 1954 года Джеральд выступил с лекцией в Королевском концертном зале в Лондоне. Идея его напугала, поскольку он никогда не выступал публично. Порой он чувствовал себя буквально больным. Только перспектива отличной рекламы вынудила Джеральда согласиться.

Лекция Даррелла рекламировалась повсюду. На плакатах красовались надписи: «Танцующие обезьяны... Волосатые лягушки... ДЖЕРАЛЬД ДАРРЕЛЛ!» Все билеты были проданы. На Джеральда надели хрустящую белую рубашку, респектабельный галстук и втиснули его в отлично выглаженный темный костюм. В концертный зал он ехал, как к месту казни. Но стоило ему выйти на сцену, как он преобразился. Из невротика, буквально парализованного ужасом, он превратился в блестящего оратора, веселого и умеющего общаться с аудиторией, завораживающего слушателей своим бархатным баритоном и сценическим обаянием.

«Большинство людей, — начал он, — считает, что ловля зверей означает месяцы, проведенные в тропическом раю, бесконечный отдых в шезлонге со стаканом виски в руке, а вся работа ложится на плечи местного населения. Чтобы дать вам представление о подлинной жизни зверолова, я решил рассказать вам о типичной экспедиции». Джеральд говорил о случаях из собственного опыта, о мучениях, сюрпризах, комедиях (но только не о трагедиях!). Он оказался одаренным художником и, говоря об очередном звере, быстро набрасывал мелками на большом листе бумаги, прикрепленном к стене, его портрет. В своей лекции Джеральд использовал фрагменты из снятого во время последнего путешествия фильма — в частности сцену поимки гигантской анаконды. Из-за революции в Парагвае, объяснил он своим слушателям, им пришлось провести все съемки, запланированные на два месяца, за четыре дня, но он выразил надежду на то, что слушатели простят его.

Затем Джеральд перешел к самой интересной части своей лекции. «Теперь я хотел бы представить вам двух представительниц противоположного пола, — заявил он. — Получил я их разными способами. Одну мне удалось поймать на равнине Чако, а на второй я женился. Леди и джентльмены — моя ЖЕНА... и... САРА ХАГЕРЗАК!» Появление Джеки было встречено аплодисментами, а когда на сцене появилась Сара, публика пришла в полный восторг. Радость публики передалась муравьедихе, и она выступила с блеском. «Лекция прошла с огромным успехом, — вспоминала Джеки. — Но истинной героиней вечера оказалась Сара Хагерзак. Она была в полном восторге от реакции публики и так возбудилась, что никак не хотела возвращаться в свою клетку».

«Гончие Бафута» вышли в Англии и в Америке в 1954 году. Позднее эта книга была переведена на большинство европейских языков, а также опубликована в Южной Америке. Рецензии были замечательными, продажи также превосходили самые смелые ожидания. В Британии «Гончих» включили в двадцатку рождественских книг, причем соседями Джеральда стали Агата Кристи, Пол Гэллико и Колетт. Первый тираж в 10 тысяч экземпляров был распродан в мгновение ока, затем прошла первая допечатка, за ней вторая. Эта книга печатается постоянно, вы всегда можете найти ее в продаже. Она была переведена более чем на двадцать пять языков. Выдающийся швейцарский психолог Карл Юнг никогда не расставался с экземпляром «Гончих Бафута». Джеральд стал получать письма со всех концов света, особенно часто ему писали дети, в том числе и из стран, относящихся к коммунистическому блоку. Все эти письма были пронизаны искренней любовью к природе.

«Дорогой Джеральд Даррелл. Как поживаете? — писал один мальчик на ломаном английском. — Меня зовут Алеша. Я живу в России. Я читал много ваших книг. Я очень люблю вашу книгу «Гончие Бафута». Я очень-очень хочу иметь волосатую лягушку. Я очень очень прошу прислать мне волосатую лягушку. И, дорогой Джеральд, напишите мне письмо. Пожалуйста. До свидания. Алеша».

Письмо от пятнадцатилетней болгарки Елены написано более грамотно. «Вы очень популярны среди нашей молодежи, — писала она. — Больше всего мне нравятся «Три билета до Эдвенчер» и «Под пологом пьяного леса». Я очень люблю зверей и страшно жалею, что в моем доме слишком мало места даже для домашних животных. Но у меня есть губка. Ее зовут Клавдий. Он

живет в банке и питается только морской солью. У него есть четыре / пять детей. Губка, бедная губка...»

Критики встретили книгу Даррелла с огромным энтузиазмом, причем в этом английские критики не отличались от своих американских коллег. Все соглашались с тем, что «Гончие Бафута» — лучшая книга Джеральда. Это лучшая книга об Африке, лучшая книга о животных, лучшая книга о путешествиях, лучшая книга обо всем на свете. «Книги редко доставляют мне такое наслаждение, — писал романист Джеймс Хэнли. — Обаяние, юмор, острая наблюдательность делают автора «настоящим фавном, мохнатым созданием, обладающим исключительным обаянием». И еще в книге был Фон.

Этот африканский пьяница — источник постоянных хлопот для политически корректных африканских националистов будущего — проходит через всю книгу, как чернокожий Фальстаф. «Любитель джина король Бафута — это замечательный персонаж», — писал критик из журнала «Тайм энд Тайд», а другой журналист замечал: «Я рад, что в нем сошлись воедино Агамемнон и сэр Тикеджи Рао III и что нашелся поэт, который обеспечил ему бессмертие». Нью-йоркская газета «Сатердей ревью оф литературе» подхватывает: «Мистер Даррелл, способный выпить не меньше любого частного детектива, присоединился к Фону в его поистине лукулловых трапезах, способных вызвать глубочайшее уважение. Во время этих алкогольных возлияний мистер Даррелл сумел запомнить и воспроизвести самые замечательные беседы и глубоко проникнуть в душу африканского короля. Глубина и достоверность изображения делают образ Фона интересным, противоречивым и трогательным».

Но не все было так безоблачно. В мире появился интерес к проблеме отношений животных и зоопарков, колонии и метрополий. Некоторые критики были удивлены тем, что в своей книге Даррелл не коснулся ни одного из этих вопросов. «Он пытается обойтись без объяснений, — писал критик из «Спектейтора». — Он не выносит моральных суждений. Он полностью сосредоточен на частностях». Более того, у него «нет рекомендаций относительно будущего Черного континента», он убежден, что «чем меньше животное, тем ему будет лучше в зоопарке». Дэвид Эттенборо отмечал, что в книге полностью отсутствуют проблемы и трагедии, неизбежные в любой звероловской экспедиции. Из Америки пришло сообщение о том, что книга не понравится «любящим тетушкам Эммам». В своей книге Джеральд не смог обойтись без описаний туалетных привычек своих питомцев, а также смело обсуждал вопросы сексуального поведения обезьян. «И разумеется, мы не можем одобрить пьянство. А о нем говорится на каждой второй странице».

К этому моменту Джеральд уже понял, что превратился в общественное достояние. Он решил, что настало время изменить свою жизнь и предстать перед миром в более приемлемой форме. Смущенный тем, что газеты называют его «ученым», он укрепил свои образовательные позиции для обложек книг и критических статей. Теперь он утверждал, что получил образование во Франции, Швейцарии, Италии, Греции и Англии до войны, а во время войны занимался исследованиями в области сельского хозяйства и экологии.

Имея за плечами три опубликованных бестселлера и два в запасе («Под пологом пьяного леса» и «Новый Ной»), Джеральд добился признания и известности. Известность его была так велика, что Лоуренс писал Генри Миллеру, что Джеральд стал «более знаменитым писателем, чем все мы, вместе взятые», хотя он по-прежнему остается «совершенно не испорченным своей славой и точно таким же, как раньше». Впервые заветная мечта Джеральда иметь собственный зоопарк начала приобретать реальные очертания, хотя позволить себе настоящий большой зоопарк он никак не мог. Чем серьезнее он задумывался над реализацией своей мечты, тем сильнее беспокоились друзья и члены семьи. «Но зачем тебе нужен зоопарк? — спрашивали они. — Почему не кондитерская фабрика, не сад, не ферма — словом, почему бы тебе не купить что-нибудь безопасное и респектабельное?»

«Во-первых, — позднее писал Джеральд, — я никогда не хотел быть респектабельным. Во-вторых, я не думаю, что желание иметь собственный зоопарк является чересчур эксцентричным. Для меня это совершенно естественно. Я всегда интересовался теми, кто живет на этой планете рядом со мной, и всегда хотел жить по соседству с ними, чтобы иметь возможность наблюдать и учиться у них. А что может быть лучше для такой цели, как не собственный зоопарк?»

Теперь мечта Джеральда стала выходить за обычные пределы. Он стал буквально одержим этой идеей, которая была заложена в него генетически. Он инстинктивно понял собственное предназначение. Его не волновало, сочтут ли его эксцентричным или нет. Еще меньше беспокоил его титанический труд. «В те счастливые дни, — вспоминал он, — я не представлял, сколько денег и тяжелого труда потребуется для того, чтобы воплотить мою мечту в реальность».

Но где, когда и как это сделать? Обдумывая свой проект, Джеральд решился обратиться за советом к троим выдающимся натуралистам страны — к биологу Джулиану Хаксли, генеральному директору ЮНЕСКО Питеру Скотту, основателю Фонда в Слимбридже, и Джеймсу Фишеру, известному британскому орнитологу и лектору по вопросам естественной истории. Джеральд также посетил Жана Делакура, «самого невероятного орнитолога в мире», который собрал замечательную коллекцию птиц во Франции. «Жан дал мне множество полезных советов, — писал Джеральд. — Советы человека, обладающего таким огромным опытом, оказались для меня бесценными». В конце беседы Джеральд спросил у великого ученого, есть ли надежда для этого мира. Делакур на мгновение задумался, а потом ответил: «Да. Надежда есть — если мы признаем каннибализм».

24 октября 1954 года, через несколько дней после выхода «Гончих Бафута», Джеральд писал Лоуренсу о своем замысле:

«Я хочу рассказать тебе о моей идее, в исполнении которой мне понадобится твоя помощь и поддержка. Полагаю, что сейчас я вполне могу попытаться сделать то, о чем мечтал долгие годы. Не сомневаюсь, что мои планы покажутся тебе безумными и пустыми. Я хочу создать фонд или организацию со штаб-квартирой где-нибудь в Вест-Индии, чтобы разводить в неволе тех животных, которые находятся на грани исчезновения и которые не смогут сохраниться без помощи человека. Я всегда считал, что это слишком смелая мечта, чтобы ее можно было воплотить в жизнь, но, встретившись с Джоном Хаксли (написавшим мне очень милое письмо по поводу «Ковчега»), я изложил ему свои соображения, и он согласился с тем, что это замечательная и очень нужная идея. Но, как он справедливо заметил, даже если все зоологи мира поддержат меня, лишь немногие смогут поддержать меня финансово. Я пишу тебе, чтобы спросить, не знаешь ли ты какого-нибудь богатого человека?.. Я могу предоставить ряд рекомендаций от известных ученых, в том числе от двух знаменитостей. К сожалению, в наше время известность в научном мире не приносит наличных».

Если бы ему удалось найти трех-четырех жертвователей и собрать десять тысяч фунтов, Джеральд мог бы создать собственный зоопарк. Джеральд рассчитывал на помощь со стороны знакомых Лоуренса, среди которых были такие известные люди, как Фрейя Старк, писательница и путешественница, Осберт Ланкастер, Игорь Стравинский и многие другие. Бухгалтеры Джеральда уже работали над созданием будущего Фонда. Следующим шагом должны были стать большие деньги и известные имена.

14 декабря Джеральд пишет Лоуренсу о Лесли. В марте 1952 года он наконец-то женился на своей разведенной подружке Дорис Холл — «громкоголосой, добросердечной хохотушке Дорис». Ей было сорок шесть лет, на одиннадцать лет больше, чем мужу. Молодожены уехали в Кению, где Лесли стал управлять фермой (в брачном свидетельстве его профессия значилась как «механик по сельскохозяйственным машинам»). Джеральд надеялся, что брату наконец удастся осесть и заняться чем-нибудь серьезным. Первые сообщения из Африки обнадеживали. «Из его писем ясно, что он полностью доволен, — пишет Джеральд Лоуренсу. — Ему нравится его работа и образ жизни. Полагаю, это то, что ему нужно».

Собственная жизнь Лоуренса была довольно напряженной и беспорядочной. В начале 1953 года ему пришлось выбирать между назначением в Россию или в Турцию. Он предпочел уйти в отставку и поселиться на Кипре, чтобы глубже проанализировать свои греческие и средиземноморские корни и обрести новое вдохновение. Он работал над завершением романа «Жюстина», первым томом знаменитого «Александрийского квартета», принесшего ему славу и деньги. Он жил в маленькой деревушке Беллапаис в нескольких милях от Кирении, где купил домик, прилепившийся к холму, на котором возвышались руины средневекового аббатства, утопавшие в апельсиновых и лимонных деревьях. Темноглазая дочка Лоуренса, Сафо, жила с ним. Туда же переехала и мама, ставшая домоправительницей и сиделкой для жены Ларри, Евы, страдавшей серьезным нервным заболеванием.

Кипр в то время переживал сложный момент в своей истории. Греки-киприоты восстали против британского правления и от протестов и забастовок перешли к открытому сопротивлению и вооруженной борьбе за присоединение к Греции. Положение Лоуренса было сложным. Он снова вопреки своему желанию, оказался вовлеченным в политическую борьбу. Он знал греческий язык и понимал психологию греков, поэтому его назначили руководителем информационной службы при британском консульстве в Никозии, из-за чего киприоты стали считать его английским шпионом.

К тому же стало ясно, что брак Лоуренса и Евы уже не спасти. Их совместная жизнь приносила обоим лишь страдания и боль. Осложняли положение Лоуренса и многочисленные гости и посетители. В начале 1955 года на Кипр на два месяца приехали Джеральд с Джеки. «Зная пристрастие Джеральда к киносъемкам, — вспоминала Джеки, — Ларри предложил ему познакомиться с

островом и снять о нем фильм. Джерри не пришлось уговаривать покинуть «Остров пудингов», и очень скоро мне снова пришлось собирать всевозможное оборудование».

Была и еще одна причина, чтобы отправиться на Кипр. Как и его брат, Джеральд никогда не чувствовал себя чистокровным англичанином. Он без труда подхватывался и мог жить где угодно. В его памяти были живы картины счастливого детства, проведенного на греческом острове, он надеялся — хотя Кипр мало напоминал Корфу — обрести нечто подобное и во взрослой жизни. Более того, он думал, что, может быть, на Кипре ему удастся найти место для своего зоопарка — зоопарк мечты на острове мечты. В конце 1954 года по просьбе брата Джеральд написал статью для «Сайпрус ревью», правительственной газеты, которую редактировал Лоуренс, в которой писал и о зоопарках: «Я глубоко удивлен тем, что никто до сих пор не создал зоопарка на Кипре... Преимущества этого острова очевидны, и основным является климат. Удивительно, насколько снижает расходы на содержание зоопарка теплый климат. Он позволяет содержать самых удивительных, редких и деликатных животных. В таком зоопарке их вполне можно было бы разводить».

Джеральд и Джеки прибыли на Кипр 31 марта 1955 года. Джеральд вновь увидел Средиземное море после того, как покинул Корфу еще до войны. «Мой младший и чрезвычайно удачливый брат приехал утром, — писал Лоуренс Фрейе Старк. — Он собирается пробыть здесь два месяца, чтобы закончить книгу и снять два цветных фильма для телевидения. Он просто кипит энергией и энтузиазмом». Среди знаменитостей, гостивших У Лоуренса, был писатель и эллинофил Патрик Ли Фермор с женой. Они на пару дней пересеклись с Джеральдом. «Было очень приятно и удивительно видеть, как похожи братья друг на друга, — вспоминал Ли Фермор. — Они были совершенно одинаковы по внешности, голосу, смеху, юмору и одинаково любили жизнь».

Но ожидания Джеральда не оправдались. Лоуренс устроил небольшую вечеринку, чтобы познакомить брата и невестку с кипрским обществом. А ночью в городе произошло несколько взрывов, в том числе и на местной радиостанции. Началась террористическая борьба киприотов против английского правления. Лоуренс выскочил из дома с криком: «Мои записи!» Джеральд бросился за ним. «Подожди! — кричал он. — Если ты собираешься совершить величайшую глупость в своей жизни, я не отпущу тебя одного. Куда бы я ни отправился, везде происходят революции!»

С планами съемок фильма о Кипре пришлось распроститься. Джеральд и Джеки остались в Беллапаисе и стали снимать фильм о важности водоснабжения для кипрских деревень — довольно странный выбор темы для такого человека, как Джеральд. Ему удалось быстро вспомнить греческий, что облегчило общение с местными жителями. Его по-дружески принимали в самых враждебно настроенных регионах острова. Но на острове, раздираемом гражданской войной, нет места для зоопарков, а в раздираемой скандалами семье нет места для брата. Когда стало ясно, что с телевизионными планами придется проститься, Джеральд и Джеки покинули Кипр и предоставили Лоуренсу и Еве самим разбираться в своих проблемах.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ИДИЛЛИЯ: 1955

12 июня 1955 года Джеральд и Джеки вернулись в Англию и сняли квартиру на северной окраине Лондона. Джеральд заболел желтухой, и ему приходилось придерживаться строжайшей диеты из паровой рыбы, сухарей и полностью воздерживаться от алкоголя — «такого не вытерпит ни один человек в здравом уме!».

Никогда еще Джеральду не было так плохо. Его бил озноб, его мутило, он был заперт в своей комнате, полностью оторван от повседневной жизни. Единственной его опорой была Джеки. Джеральд получил редкую возможность передохнуть, разобрать камни и подумать — ведь больше заняться он ничем не мог.

Вступая в четвертое десятилетие своей жизни, Джеральд начал по-иному оценивать второе — счастливые довоенные годы, проведенные на Корфу. Этот остров всегда жил в его памяти. Он постоянно говорил о нем. Детские годы были связаны с таким счастьем и радостью, что забыть о них было попросту невозможно. Именно Корфу сделал Джеральда тем, кем ой стал. Именно там он почувствовал и развил в себе интерес к естественной истории, именно здесь он ощутил вкус к исследованиям природы и животных, чего никогда не смог бы сделать в старой, склеротической Англии. Во время болезни Джеральд полностью погрузился в воспоминания о счастливом детстве, отдался ностальгии по любви, которая ушла и не вернется. «Корфу, — говорил он гораздо позже своему другу Дэвиду Хьюзу, — это Рождество каждый день».

На Корфу Джеральд впервые понял, что такое наслаждение. «Солнце и море. Музыка. Цвета. И фактура: скалы, бревна, ощущение вещей. А потом купания, плавание, теплая вода на разгоряченной коже... Остров идеально подходил для этого. Здесь, как на съемочной площадке, кипарисы вонзались в небо, оливковые рощи были тонко прорисованы на фоне ночного пейзажа, огромная луна отражалась в спокойной воде — Голливуд для чувств».

Впервые Джеральд задумался над тем, чтобы систематизировать воспоминания детства тремя годами раньше, когда готовил радиопередачу «Мои учителя на острове» для Би-би-си в декабре 1952 года. Тогда он рассказал о своих четырех учителях-эмигрантах, которых он назвал Томас Джонсон (то есть Джордж Вилкинсон), Майкл (Пэт Эванс), бельгийский консул и поляк-горбун (Краевски). Этих несчастных приглашали, чтобы вбить хоть что-нибудь в голову юного упрямца. Характеры учителей были великолепно выписаны. Уже тогда Джеральд задумался над тем, чтобы написать о чудесном острове и о том, что нравилось ему в те годы больше всего, — о пыльных козьих тропах через оливковые рощи, о белоснежных пляжах, о кристально-чистом и теплом, как кровь, море, об узких улочках и ярких прилавках еврейского квартала, где кишели кошки, об удивительном мире пауков, о спичечном коробке со скорпионами, о веранде, где пели птицы...

Для той передачи Джеральд лишь скользнул по поверхности своих воспоминаний, даже не упомянув о своем главном учителе — Тео Стефанидесе. Он считал его другом и наставником, а не нанятым учителем. В этом с Джеральдом были согласны и все остальные члены семьи. Но это было лишь начало. Сейчас же, лежа в постели и не имея возможности заниматься делами, он стал обдумывать эту идею гораздо глубже и серьезнее, чем раньше. Перед ним возник целый мир, о котором можно было рассказать. Он понимал, что все эти воспоминания подобны товарам на восточном базаре. Все это — сырой материал, из которого можно создать книгу, которую он хочет и должен написать, — историю счастливого детства на сказочном острове Корфу. «Об этой книге, — вспоминает Джеки, — он говорил годами».

Джеральд прекрасно осознавал, что если он сделает все правильно, то выиграет. Идея стала воплощаться в жизнь. С одной стороны, целые сцены, порой даже целые главы лились свободно и легко. Они появлялись полностью готовыми, никто не мешал памяти изливаться на бумагу. С другой стороны, Джеральд прекрасно сумел обработать довольно сырой материал, придав ему вид совершенно профессиональный.

Много лет спустя, беседуя с Дэвидом Хьюзом, Джеральд утверждал, что он «совершенно сознательно написал бестселлер». Хьюз записал: «Дар-релл, как хороший повар, соединил три компонента, которые хороши сами по себе, но вместе становятся просто восхитительны. Он взял сказочный ландшафт греческого острова, удивительных его обитателей — животных и самих греков — и добавил ко всему этому эксцентричные характеры членов своей семьи. Остров придал его повествованию покой, рай, солнечный свет, радость. Мир природы обеспечил авантюрную увлекательность. Родственники же внесли в эту книгу веселье, легкость, комедийность». Главным для Джеральда было соблюсти равновесие между всеми тремя составляющими, чтобы читатель не заскучал и мог переключиться с одного на другое.

«Я совершил огромную ошибку, впустив на первые страницы своих родственников», — писал Джеральд в предисловии к своим воспоминаниям. Стоило им появиться, жаловался он, «как они тут же заполонили всю книгу, как это всегда делают герои книг, и зажили собственной жизнью». Единственная трудность заключалась в том, чтобы втиснуть между ними своих животных.

Нет сомнений в том, что Джеральд очень тщательно продумал план будущей книги. «Я очень внимательно отнесся к плану книги, — писал он позже, — и к той очередности, в которой я писал главу за главой. Моя книга — это слоеный торт». Даррелл добавляет немного описаний там, чуть-чуть юмора сям, а за этим следуют сведения из естественной истории — словом, повествование никогда не становится однообразным и скучным для читателя.

Сначала нужно было выбрать название. Если название выбрано неправильно, то книга становится похожа на сражение без цели. Хорошее название не только вдохновляет, но и определяет концепцию книги. Джеральд записывал все варианты, когда они приходили ему на ум. Он думал назвать книгу «Детство со скорпионами», «Мир в Наутилусе». Потом, когда основная тема книги стала яснее, появилось название «Карта рая», «Карта детства». Б конце концов он решил остановиться на названии «Человек с золотыми бронзовками». В отличие от других, это название сразу же вызывало в воображении четкий визуальный образ и к тому же могло служить метафорой по отношению ко всей книге в целом.

Затем возникла структура книги. В ней должно было быть три части» по одной для каждого дома, где жила семья Даррелов — землянично-розового дома в Пераме, нарциссово-желтого дома в

Кондокали и белоснежно-белого дома в Кризеде. Каждая часть состояла из четырех глав (впоследствии это количество было увеличено до шести) и была объемом примерно в двадцать тысяч слов. Неразборчивые цифры, нацарапанные на страничке оглавления, дают нам удивительно точное количество — 105 076 слов — таков объем книги. Дополнения, в том числе предисловие, добавили к объему еще 45 076 слов.

После этого был составлен список персонажей книги. Многих из них Джеральд нарисовал на полях и дал им краткие характеристики. Вот примеры таких описаний: «Ларри — елейный, позер, комичный», «Мама — задумчивая и затравленная», «Спиро — типичный грек, неуловимый, взрывной, грубый, добрый».

Затем Джеральд стал работать над передачей речи и манер каждого из персонажей. Помимо людей в книгу проникли и животные — Роджер, Вьюн, Пачкун, Алеко, Улисс, Додо и масса безымянных, но не менее интересных — гекконы, морские уточки, муравьиные львы, крабы-пауки, осы, гигантские жабы и многие, многие другие.

Потом следовало продумать порядок появления в книге каждого персонажа, будь он человеком или животным, обосновать их отношение друг к другу. Внезапно осознав, что те, о ком он пишет, могут оказаться живы и недовольны своим описанием, Джеральд решил переименовать некоторых из них. Так его учитель-поляк Краевски прошел длинный путь, на котором его именовали и Кваренским, и Петрогубским, и Ведзардопским, и Мулумнивицким. Но в конце концов Джеральд остановился на английском произношении его фамилии — Кралевски.

И наконец, Джеральд написал коротенькое вступление к своей книге, озаглавив его «Слово в свое оправдание», которое решил поместить в качестве предисловия к новой книге (которая теперь уже называлась «Только звери»). В нем он писал: «Эта книга — история довольно любопытного ученичества», рассказ о том, как шестилетний мальчик стал «убежденным зоофилом», живя на старинной вилле на уединенном греческом острове в Эгейском море, где ему удается увидеть огромное множество всяческих животных.

Писать книгу в Вудсайде не удалось. Домовладелец постоянно скандалил из-за того, что Джеральд держал в квартире двух обезьянок. Когда болезнь немного отпустила и лицо Джеральда приобрело относительно нормальный цвет, в Лондон приехала Маргарет, чтобы перевезти брата в семейное гнездо в Борнмут. Здесь он и начал писать свою книгу. «Эта книга была написана в постели в доме моей сестры, когда в мою комнату тянулась бесконечная череда родственников и друзей, которые хотели посплетничать, выпить чаю или вина или просто посоветовать мне, как писать эту книгу Тогда я стал записывать все, что вызывало во мне искреннее удивление».

Почти все свои книги Джеральд написал случайно. Эта же отличалась ото всех остальных. Он писал ее с радостью, со страстью, в его памяти снова оживали счастливые годы райской жизни. Оглядываясь назад, он приводил к выводу, что до этого вообще не писал. «Иногда мне кажется, что все это создал за меня гремлин». Джеки вспоминает: «Я никогда не видела, чтобы Джерри так работал прежде. Текст буквально изливался на бумагу, и бедная Софи должна была перепечатывать страницу за страницей. Через шесть недель было написано 120 тысяч слов. Даррелл окончательно изнемог. Книга была закончена — и автор тоже чуть не кончился вместе с ней».

Даррелу удалось написать чудесную утопию об идиллии на острове, классическое воспоминание о детстве, увиденном глазами взрослого, которому удалось в сердце своем остаться тем же мальчишкой, что и прежде.

В ходе работы Джеральд не переставал думать о названии для книги. На этот раз он решил назвать ее «Как счастливо мы жили».

Но очень скоро после того, как книга была закончена, в приливе вдохновения Джеральд зачеркнул последнее название и написал новое, предложенное зятем его литературного агента: «МОЯ СЕМЬЯ И ДРУГИЕ ЗВЕРИ».

Сначала Джеральд отправил экземпляр рукописи своему наставнику Тео Стефанидесу. Тео просмотрел ее через микроскоп, поправил греческие названия и имена и уточнил детали корфиотской истории и местной биологии. «Апельсины не краснеют раньше ноября, — писал он Джеральду, — это зимний фрукт... Ты уверен, что наземные черепахи едят слизняков, — считается, что они вегетарианцы... Я никогда не видел на Корфу светлячков после мая. Лишь на горе Олимп мне доводилось видеть их в июле... Слово «турецкий» лучше было бы заменить на «персидский» — исправь эту ошибку, пока тебя не обвинили в том, что в битве при Фермопилах сражались турки!»[3]

[3] Удивительно, что Тео совершил ошибку. Речь шла о сражении при Марафоне, а не Фермопилах, на что постоянно указывали греческие издатели книги.

Когда рукопись благополучно прошла первичное испытание, экземпляры были отосланы Кертису Брауну и Руперту Харт-Дэвису. Они отреагировали мгновенно. Оба с восторгом заявили, что это лучшая книга, когда-либо написанная Джеральдом. Несомненно, она станет бестселлером. Харт-Дэвис собирался напечатать книгу немедленно, но, поскольку она должна была стать рождественской книгой, публикацию отложили до осени 1956 года, хотя пришлось ждать почти год. Агент и издатель с сожалением узнали, что книга чуть не прикончила автора, но зато она вышла отлично и практически не требовала редакторской правки.

Джеральд почти полностью лишился сил. Алан Огден рекомендовал ему длительный отдых — и физический, и психологический. Доктор предложил отправиться на острова Силли. Джеральд и Джеки провели там два месяца. Они гуляли, наблюдали за птицами, пили домашнее вино из пастернака и старались ни о чем не думать. Джеральд попытался позабыть о Корфу.

А тем временем книгу прочли члены семьи. Они не просто удивились, они были ошеломлены. Кроме Ларри, никто из них не был объектом пристального публичного внимания. Они с трудом узнавали себя такими, какими видел их маленький Джерри. Мама, которой была посвящена книга, заявила: «Самое ужасное в Джеральдовой книге то, что я начинаю верить, что все было именно так, хотя и знаю, что это неправда».

Ларри же пришел к совершенно обратному заключению: «Джерри обратил свой внимательный взгляд любителя животных на собственную семью и описал ее с ужасающей биологической достоверностью. Он прекрасно воссоздал свою семью, какой она представала перед глазами тринадцатилетнего мальчика. Это плутовская, очень веселая и, боюсь, правдивая книга — лучший аргумент в пользу того, чтобы держать тринадцатилетних мальчишек в закрытых школах и не позволять им вертеться в доме и подслушивать разговоры тех, кто лучше и старше их». В книге младшего брата Ларри выделил два великолепных портрета. С любовью и глубоким чувством Джеральд описал маму и сам остров, красота и покой которого описаны очень поэтично и нежно. А портрет самого Ларри, «брюзги с золотым сердцем», по словам одного из критиков, был, по его собственному признанию в письме к Ричарду Олдингтоиу, «чудовищным портретом гения в возрасте двадцати одного года».

Маргарет, которая предстает на страницах книги довольно пустой девицей, целиком поглощенной мыслями о мальчиках, оказалась достаточно добросердечной, чтобы смириться с этим. Реакция Лесли осталась неизвестной. Джеки, которой места в книге не нашлось, хохотала как безумная, читая рукопись, причем не только из-за того, что детство было описано с точки зрения ребенка, но и потому, что книга была написана с ошибками, свойственными ребенку.

Правда ли все, о чем написано в этой книге? Или, как считают некоторые критики, это плод воображения автора? Может быть, воспоминания Джеральда так же похожи на реальную жизнь, как сахарная вата на обыкновенный сахар? Не уподобился ли автор своему поляку-учителю Краевскому, об одной из историй которого он написан: «Это была замечательная история, которая вполне могла бы быть правдивой... И даже если все это неправда, так должно было случиться, я чувствую это».

В предисловии к своей книге Джеральд написал: «Мне пришлось все перекраивать, складывать, подрезать, так что от истинной продолжительности событий почти ничего не осталось». Чтобы сохранить цельность семьи, Джеральд вырезал жену Ларри, Нэнси, и ввел самого Ларри, который на самом деле жил отдельно и лишь навещал родственников. Порой он присваивал действия Лесли себе, в частности, так в книге появился разговор с арестантом, которого отпустили из тюрьмы.

Как заметил Гек Финн о книге Марка Твена, посвященной его другу Тому Сойеру: «Конечно, кое-что он выдумал, но в основном он говорил правду». Конечно, это свойственно нехудожественной литературе. Тот же самый принцип лежит в основе всех серьезных автобиографий, особенно в той их части, которая касается детства, — вспомните книгу Лори Ли «Сидр с Рози» или «Дом Элрига» Гэвина Максвелла. Но тем не менее многие удивляются, как мог Джеральд так точно и детально запомнить события, отделенные от него больше чем двадцатью годами? Как он мог вспомнить стольких персонажей, мест, ландшафтов, поступки и слова множества персонажей?

«Невероятно популярная книга Джеральда в большей своей части правдива, — заявила Джейн Лагудис Пинчин, профессор английского языка из Нью-Йорка. — Но истина в ней не главное. Джеральд Даррелл пишет художественную прозу. Более того, он пишет художественную прозу особого вида. Настоящие имена и реальные места — всего лишь иллюзия, которая позволяет нам полностью ощутить себя внутри идиллии на острове».

Сам Джеральд это отрицает. «Я бы хотел подчеркнуть, что все анекдоты об острове и его жителях совершенно справедливы», — пишет он в предисловии. Впоследствии он утверждал, что может вспомнить события каждого дня из тех пяти лет, что он провел на Корфу. Эти события

хранились в его памяти, как фотографии в альбоме. «Моя память — точно такая же, как у всех. Но моя обладает цветом, хранит ароматы и звуки». Звуки, ароматы и виды Корфу он запомнил с удивительной четкостью и точностью:

«Я могу вспомнить изгиб запястья, тень улыбки, бородавку, прыщ, старческую руку, изуродованную артритом, гладящую меня по светлым волосам, беззубые десны, желтые белки глаз и голос, произносящий традиционное греческое приветствие. Я помню запах старой одежды, напоминавшей бинты мумии, вонь мочи, запах хлеба, масла, оливок и чеснока, запах выстиранных носков. Под мышками, откуда торчат клочья волос, гораздо более густых, чем на голове старухи, ее бюстгальтер посерел от пота. Крестьяне, пьющие чай, когда мы уже закончили, попкорн в доме Марии, теплые дожди...»

Точность, с которой Джеральд описывал поведение животных, и удивительная достоверность описаний ландшафтов Корфу, что может подтвердить любой, кто побывал на этом острове, подтверждает, что он обладай уникальной памятью. Персонажи книги правдивы: порой автор придает животным чисто человеческие черты, порой дает карикатурное изображение, порой что-то преувеличивает, а о чем-то умалчивает в традициях семьи Даррелов — и они полностью отражают первую реакцию ребенка на удивительную жизнь на средиземноморском острове в те замечательные предвоенные годы. О достоверности книга говорит и тот факт, что она была прочитана и подтверждена Теодором Стефанидесом, большим педантом и любителем точности.

Образ Корфу в книге Джеральда резко отличается от того, какой мы видим в книге Лоуренса Даррелла «Пещера Просперо». Оба брата вспоминают о рае, но рай у них получается совершенно разным. Лоуренс становился мужчиной. Мир Джеральда был миром ребенка, невинным, наивным, не ведающим зла, домашним миром, в котором всегда была мама, где супницы были полны, а к столу мог сесть любой. Это дом, куда он всегда мог прийти сам и привести своих друзей вне зависимости от количества их ног — здесь были одинаково рады и двуногим, и четвероногим, и шестиногим, и стоногим, и даже тем, у кого ног вообще не было. Время доказало, что, однажды покинув этот рай, в него невозможно вернуться — разве что с помощью ручки и бумаги, памяти и воображения.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: 1955-1956

К концу 1955 года Джеральд Даррелл уже написал шесть книг за три года, организовал пять экспедиций и принял участие в восьми. Хотя он постоянно называл себя «ленивым и пугливым», эти качества полностью компенсировались удивительной энергией, как физической, так и умственной. Однако в это время Джеральд решил изменить ход своей жизни. Размеренная, упорядоченная жизнь признанного писателя ему наскучила, он стал снова мечтать о свободе и приключениях в джунглях. Джеральд начал подумывать об организации еще одной экспедиции. Он шутил, что члены семьи, которых он вывел в книге «Моя семья и другие звери», подали на него в суд за клевету, и теперь он вынужден «бежать и скрываться в тропическом лесу».

На самом деле Джеральд мечтал о новой экспедиции. Сначала все шло как прежде: он собирался ловить редких животных для зоопарков и дилеров в Англии. Надеялся он заинтересовать и американцев. Теперь он отлично знал, что добиться коммерческого успеха в подобной экспедиции нелегко. Зато он мог получить отличный материал для новых книг, а книги приносили ему деньги. Джеральд хотел также снимать научно-популярные фильмы, несмотря на то что его съемки в Аргентине и на Кипре провалились. Однако приключения зверолова могли стать отличным материалом для фильмов.

Джеральд долго раздумывал над тем, куда бы ему отправиться, и наконец остановился на Камеруне, решив навестить своего старинного друга, Фона Бафута. Гораздо легче снимать фильм в уже знакомой стране, а знакомые охотники помогут ему поймать необходимых животных. Сначала он собирался ловить крупных, сенсационных животных, хотя ему хотелось, чтобы читатели считали, что он специализируется на ловле мелких зверушек, представляющих научный интерес, которые редко привлекают внимание звероловов. С самого начала эта экспедиция была загадочном и противоречивой, поскольку Джеральд пытался отойти от старого образа мышления.

Сначала он обратился к легендарному американскому зверолову Айвену Сандерсону, приключения которого в довоенном Камеруне так поразили его воображение в детстве. Джеральд хотел получить у великого старика информацию о редких, ценных и мифичесшгх животных, в

частности о гориллах и о загадочных гигантских летучих мышах, которых Сандерсон видел на лесной речке во время одной из своих экспедиций. Обращаться к Сандерсону было не самое лучшее время. Только что сгорели зимние помещения его знаменитого зоопарка в Нью-Джерси, причем вместе с животными. Но зверолов прислал теплое и очень полезное письмо.

«Я слышал о Вашей работе и искренне восхищен Вашей деятельностью.

Теперь давайте поговорим о «гигантской летучей мыши». Хочу заверить вас, что эта чертова тварь не набрасывалась на меня. Она просто пролетела мимо и внимательно на нас посмотрела. У меня сложилось впечатление, что она охотилась за лягушками, которых в той речке была пропасть. Кем бы ни была эта тварь, она была огромной, у нее были острые зубы и здоровенные когти. Летела она медленно. Местные жители отлично знают о ней и относятся с почтением. Эти люди не суеверны и обладают отличным логическим мышлением, гораздо более логичным, чем мышление европейцеви американцев!.. Посылаю Вам карту, на которой с точностью до полумили указано, где именно мы видели это создание[4]. Если говорить о гориллах, то мы видели их к северу от огромной скалы, которую мы прозвали «Деревенским соском». Ассумбо знают все семейные группы. Мы всеми силами старались убедить их не ловить детенышей варварским способом: они собирались убивать матерей, хватать детенышей и убегать. Вы не должны пытаться добыть детенышей гориллы таким образом, но если это Вам удастся, я не завидую, поскольку представляю, чего будет стоить доставить детенышей на побережье.

...Не собираетесь ли Вы ловить водяных землероек? Если Вам удастся доставить их живыми, пришлите мне пару — я хорошо заплачу за них американскими долларами!»

Закончил Сандерсон свое письмо короткой просьбой, очень удивившей Джеральда странными совпадениями. «Загляните к моей матери, — писал американский зверолов. — Она живет в отеле «Берри Корт» в Борнмуте. Это замечательная женщина, и если вы любите хорошо поесть, вы с ней поладите».

Через пять дней Джеральд написал ответ. Информация о гигантской летучей мыши была очень полезной. Он определенно постарается поймать это удивительное животное. Джеральду очень хотелось увидеть животное, напоминающее птеродактиля, обитающее в болотах на границе Конго и Родезии, которое могло бы оказаться и в Камеруне. «Если мы его увидим и сумеем поймать, — писал он Сандерсону, — я обязательно дам Вам знать».

«В отношении зверей, которых Вам хотелось бы приобрести, хочу сказать, что мне очень понравился ваш подход. Когда я прочитал, что Вы хотите купить нескольких водяных землероек, то мое кровяное давление сразу же подскочило. Я ловил их во время прежних экспедиций, но, как и Вы, быстро обнаруживал, что они отказываются что-либо есть. Пожалуй, я сделаю еще одну попытку, и если мне это удастся, то, боюсь, Вам придется заплатить мне очень много американских долларов, чтобы хотя бы в малой степени компенсировать мне тот моральный ущерб, который эти твари мне нанесли!»

Следующее письмо Джеральда Айвену Сандерсону еще менее утешительно, чем первое, что доказывает ответ безутешного зверолова:

«Я задержался с ответом на Ваше письмо от 28 июля в связи с очередным бедствием, обрушившимся на мой зоопарк. На этот раз у нас случилось настоящее наводнение, и вода стояла 36 часов. Один из моих людей сумел спасти животных, но все остальное погибло. За этот год мы третий раз оказываемся на коленях. Сначала случился ураган, который смыл зоопарк в реку. Восстановление обошлось нам в семь тысяч долларов. Затем возник пожар, в котором погибли животные и научное оборудование. Ущерб составил более двадцати девяти тысяч. А теперь еще и наводнение. Нужно готовить еще десять тысяч. К сожалению, я — не «Стандарт ойл оф Нью-Джерси». Честный человек не может заработать сорок пять тысяч в год. Мы вынуждены продать животных, уволить персонал и закрыть зоопарк. Поэтому и я задержался с ответом... Если Вы поймаете птеродактиля, то не просто «даете мне знать», а обязательно назовите его в мою честь!»

Повседневная суета и работа над «Моей семьей и другими зверями» отвлекли Джеральда. Вернулся к своим планам он только через несколько месяцев. В начале 1956 года план третьей камерунской начал воплощаться в реальность. Джеки с помощью секретарши, Софи Кук, взяла на

[4] На карте Сандерсона указано, что гигантскую летучую мышь он видел к северу от Тинты, на реке, которая течет через долину, разделяющую горы Огойя иБеменда. Об этом случае Сандерсон рассказывает в своей книге «Сокровища животного мира»...

себя основную работу по организации экспедиции. Она связывалась с производителями снаряжения, предлагая им рекламу в обмен на их товары. Вскоре дом Маргарет в очередной раз оказался забитым коробками и ящиками со снаряжением зверолова, отправляющегося в джунгли Африки на полгода, а то и больше. «Нашего снаряжения хватило бы на небольшую армию», — вспоминала Джеки. Когда настало время отъезда, багаж экспедиции в порт доставляли два больших грузовика.

А тем временем Джеральд связывался с английскими и американскими зоопарками, а также с правительственными учреждениями. Директор Музея естественной истории в Лондоне заверил его, что на череп гориллы всегда найдется покупатель. Лондонский зоопарк заказал ему рыжую водяную крысу, зоопарк Дадли был готов приобрести любых рептилий, а зоопарк Бель-Вью проявил особый интерес к гориллам и шимпанзе. В мае Джеральд отправился в Голландию, где располагался Международный центр по торговле дикими животными, пытаясь понять, какие виды пользуются спросом. Британские колониальные власти дали ему разрешение па оружие и амуницию, «необходимую для того, чтобы охотиться, убивать и ловить животных и птиц, упомянутых в Перечне Управления по охране диких животных».

Поскольку работы в экспедиции должно было прибавиться, Джеральд решил привлечь к этому делу две дополнительные пары рук. Во-первых, он пригласил с собой Софи Кук, которая с восторгом приняла предложение. А позже к Даррелу присоединился восемнадцатилетний натуралист из Бристоля, Роберт Голдинг, один из тех, кто прислал ему письмо с просьбой взять в следующую экспедицию. Свой выбор Джеральд остановил на Роберте, поскольку тот писал о своем особенном интересе к рептилия.

Джеральд написал письмо своему партнеру по первым экспедициям Джону Йелланду, который теперь заведовал отделом птиц в Лондонском зоопарке. В нем он просил составить список требуемых зоопарку птиц и дать рекомендации по кормлению наиболее ценных видов. В ответ он получил непочтительное письмо, написанное с чувством юмора, мало отличающимся от его собственного.

«Привет, старина-дилер,

благодарю за оскорбительное письмо. Тебе отлично известно, что если я пришлю список птиц, необходимых зоопарку, ты немедленно потеряешь его, не успев отъехать от Борнмута. Советую вспомнить, сколько раз ты терял наши билеты, не говоря уже о многочисленных списках, которые я составлял для тебя раньше. Неудивительно, что камерунская экспедиция без меня кажется тебе совершенно не такой, как прежде... Надеюсь увидеть тебя после возвращения. Деньги за свои ценные советы я успею получить с тебя и позже. Когда же мы наконец получим Груз Белой Женщины? Другими словами, когда ты отплываешь?»

В разгар подготовки Джеральд не переставал думать о собственном зоопарке. Это стало его навязчивой идеей. Позже он писал:

«Как многие другие люди, я был совершенно серьезно убежден в том, что благодаря сознательным или бессознательным усилиям человечества год за годом в нашем мире медленно, но верно исчезают различные живот-ные... Для меня уничтожение животных равносильно уголовному преступлению, как уничтожение всего, что мы не сможем восстановить или заменить, как, например, картин Рембрандта или Акрополя. Я считаю, что зоопарки во всем мире должны сделать своей основной задачей создание жизнеспособных колоний редких и исчезающих видов животных. Затем, если становится ясно, что в диком состоянии этот вид животных уже не встречается, мы, по крайней мере, не потеряем его полностью. На протяжении многих лет мне хотелось создать зоопарк, занимающийся таким делом. Сейчас, мне кажется, наступил идеальный момент для подобного предприятия».

Джеральд понял, что зоопарк лучше всего создавать неподалеку от дома, а не на Кипре, не в Вест-Индии и не в каком-нибудь другом экзотическом месте. Он решил, что Борнмут для этой цели подходит как нельзя лучше. В начале лета 1956 года Джеральд сделал первый практический шаг к исполнению своей мечты. Он написал пояснительную записку относительно создания Борнмутского зоопарка:

«Борнмут, как ведущий южный курорт нашей страны, является идеальным местом для размещения зоологического парка, который мог бы войти в число ведущих зоопарков Европы. Помимо благоприятного климата и удачного размещения, большое количество посетителей, особенно летом, быстро обеспечит окупаемость этого учреждения.

Акцент следует сделать на инфраструктуре зоопарка, а также на применении наиболее современных методов ухода за животными, которых нужно содержать в условиях, максимально приближенных к естественным. Такая система позволит посетителям увидеть животных в естественной остановке, а животные смогут спокойно жить и размножаться. Рождение детенышей, разумеется, является основным аттракционом любого зоопарка. Применяя описанный мной метод, данный зоопарк сможет додобиться гораздо большего успеха в содержании и разведении животных, чем любой другой зоопарк нашей страны».

Процесс организации такого зоопарка должен был находиться под полным контролем Даррелла. Его квалификация для такой работы подходит как нельзя лучше.

«За последние девять лет я финансировал, организовал и провел несколько крупных экспедиций по ловле животных в Африке и Южной Америке, привез в Великобританию большое количество млекопитающих птиц, рептилий, рыб и даже насекомых для ведущих зоопарков и таких организаций, как Севернский фонд защиты пернатых. Многих из привезенных много животных ранее не удавалось доставить в Англию живыми. Я также обладаю знаниями по устройству и управлению зоопарком, а также по содержанию и разведению диких животных в неволе».

Как известный писатель, журналист, лектор, ведущий радиопередач и режиссер телевизионных фильмов, Джеральд Даррелл мог бы обеспечить новому зоопарку отличную рекламу.

«Мои издатели с энтузиазмом восприняли идею написания книги о «рождении зоопарка», а также последующих, в которых бы рассказывалось о его деятельности и развитии, помимо книг, которые я мог бы написать об экспедициях в целях ловли зверей для данного зоопарка. Подобный зоопарк внес бы огромный вклад в просвещение и науку. Растущая популярность фильмов о животных подсказывает, что съемки могли бы стать частью программы деятельности зоопарка. Моя жена и я являемся профессиональными фотографами и операторами и могли бы заняться этой работой».

Сначала Джеральд обратился к Найджелу Николсону, сыну сэра Гарольда Николсона и Виты Саквилл-Вест, независимому издателю и политику. Джеральд отправил ему свою пояснительную записку и сразу же получил ответ. «Мне кажется, это отличная идея, — писал Николсон, — и единственное, что требуется, это убедить упрямого мэра».

Но ни Даррелл, ни Николсон не могли предугадать сопротивления Борнмутского совета и его бесчисленных комитетов. Ответ был получен лишь в конце октября. Идея чиновникам понравилась, и они готовы выделить место для зоопарка. Но поддерживать зоопарк материально они не собирались, так что было бы лучше, если бы зоопарк был поменьше.

К этому моменту настало время отправляться в очередную экспедицию. У Джеральда не было ни времени, ни сил сражаться с местными управленцами. Их ответ его разочаровал, но мысль о создании собственного зоопарка, где он мог бы заняться разведением животных, находящихся на грани исчезновения, его не покинула.

Интерес Джеральда к природе и окружающей среде, а также к проблемам сохранения исчезающих видов животных увеличивался с каждым годом. Даже в середине XX века эти вопросы интересовали лишь немногих, а широкая публика над ними вообще не задумывалась. Джеральд возглавил думающее меньшинство. 29 августа 1956 года в радиопередаче под названием «Человек и природа» он впервые выступил с протестом против уничтожения природы человеком.

«Давайте посмотрим на человека, это странное двуногое, распространившееся по всей планете. Давайте рассмотрим его с научной точки зрения...

Род приматов, *Homo sapiens* отличается от других представителей вида большим объемом мозга, способностью стоять прямо, использовать орудия, а также речью...

Нет, давайте посмотрим на человека с точки зрения поэта:

«Какое чудо природы человек! Как благороден разумом! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движениям! В поступках как близок к ангелу! В воззреньях как близок к богу! Краса вселенной! Венец всего живущего!»

На самом деле человек мало чем отличается от рыжей крысы. Благодаря своей приспосабливаемости и хитрости ему удалось расселиться во всей планете — от самых холодных и продуваемых всеми ветрами гор до душных и влажных тропических лесов. И, как рыжая крыса, куда бы человек ни пришел, он всюду вносит хаос и нарушает равновесие природы».

В течение нескольких минут Джеральд рисовал перед слушателями ужасную картину потребительства, жадности и глупости человека. Он рассказывал об уничтожении тропических лесов, превращении в пустыню некогда плодородных земель. Он рассказывал об уничтожении животных и о вытеснении их любимцами и спутниками человека — собаками, кошками, свиньями, домовыми мышами и рыжими крысами. «Как только человек начинает возделывать землю, они приходят следом за ним. Они охотятся и уничтожают животных, истребляя тех, кого мы больше никогда не сможем увидеть».

Даррелл говорил об исчезновении целых видов. Доведенное до предела истребление приводит к полному исчезновению вида. Наиболее известный случай такого исчезновения — это история дронта. Образ этой птицы в будущем будет связан с деятельностью Джеральда Даррелла и его Фонда охраны дикой природы.

«Дронт — это крупный тяжелый нелетающий голубь размером с жирного гуся. Он так привык к безопасности на своем родном острове, что разучился летать и, подобно страусу, стал жить и строить свои гнезда на земле. Эта птица утратила способность распознавать врагов, которых на ее острове было так немного. Примерно в 1507 году Маврикий был завоеван португальцами. Поселенцы привезли с собой коз, собак, кошек и свиней и выпустили их на острове. Это-то и послужило причиной исчезновения несчастной птицы. Козы поедали растительность, которая служила дронту укрытием, собаки и кошки охотились на взрослых птиц, а свиньи уничтожали яйца и птенцов. К 1681 году эта крупная безвредная птица была полностью истреблена... мертва, как дронт».

Но история эта не безнадежна. Человек научился соблюдать равновесие в природе.

«Во всем мире развивается новое отношение к природе, стремление сохранить ее, а не уничтожить. Принимаются законы по предотвращению загрязнения озер и рек. Программы восстановления лесов запускаются в действие, что приводит к уменьшению эрозии почвы. Защита и искусств венное разведение пушных зверей находит все большее распространение. Человек задумался о защите и других видов животных, понимая ценность для природы любой формы жизни, вне зависимости от того, полезна она для него или нет. Огромные области становятся заповедниками и национальными парками. Здесь природа остается нетронутой. Это живые музеи, предназначенные для будущих поколений».

В 1956 году Джеральд Даррелл имел все основания для оптимизма. Будущее его движения по сохранению исчезающих животных виделось довольно безоблачным. Он стал провозвестником нового Крестового похода, хотя в его книгах еще и не упоминалось об этом.

Вскоре вышла книга, из которой стало ясно, почему этот человек столько внимания уделяет сохранению животных. «Моя семья и другие звери» с самого своего опубликования стала бестселлером. Она вышла в свет 11 октября 1956 года. Все предыдущие книги Даррелла продавались в Британии, да и в других странах мира тиражом более ста тысяч экземпляров. «Моя семья» превзошла их все. Два первых тиража были распроданы еще до публикации. В том же месяце «Моя семья и другие звери» заняла вторую строчку в рейтинге нехудожественных книг, уступив первенство книге Черчилля «История английских ораторов». В Советском Союзе за шесть дней было продано двести тысяч экземпляров книги Даррелла. И до сих пор «Моя семья и другие звери» по тиражам превосходит все остальные книги Даррелла. На протяжении сорока лет делаются все новые и новые допечатки.

«Моя семья и другие звери» была архетипической историей, пробуждающей в сознании человека что-то исконное. Автора полюбили во всем мире. В Британии издание этой книги в мягкой обложке разошлось тиражом в полтора миллиона экземпляров. Интерес к ней проявляли различные средства массовой информации. Трижды книгу пытались экранизировать (лучший сценарий написал сам Даррелл). В 1987 году Би-би-си сняла десятисерийный фильм по книге Джеральда, причем съемки проходили на Корфу. Шли переговоры о создании мюзикла. Сделать его хотел Стэнли Донен, режиссер таких фильмов, как «Поющие под дождем» и «Семь невест для семи братьев». Музыку собирался писать Дэвид Фэншоу.

Критики отмечали энтузиазм читателей. «Моя семья и другие звери» — это волшебная книга, счастливейшая книга, захватывающее повествование, великолепная история, выдающаяся комедия, еще более увлекательная, чем предыдущие рассказы автора о его зоологических экспедициях. Все

отмечали удивительно живое и правдивое изображение природы Корфу. «Жизнь любого живого существа для него праздник, — замечала «Санди тайме», — а окружающие его люди вызывают в нем теплую, хотя и не всегда почтительную реакцию... На страницах этой книги толпятся замечательные, веселые и живые герои, они разговаривают и смеются, отчаиваются и любят, заполняют дом. Паучки-хамелеоны, цикады, светлячки мерцают и переливаются; жабы квакают и урчат, внимательно поглядывая на мир из-под тяжелых век, обрамленных золотой филигранью; скорпионы, сцепившись клешнями, танцуют удивительную сарабанду».

Но главным достоинством этой книги стала семья. «Одно из наиболее впечатляющих собраний удивительных смертных, с каким мне когда-либо доводилось сталкиваться, — гласила реклама программы Би-би-си. — Они удивительны, нелогичны, временами раздражительны, но почти всегда восхитительны. А самое замечательное в них то, что они реальны!» Все критики отмечали удивительное чувство юмора автора. «Эта книга — отличное лекарство против северной зимы, — писал Кеннет Янг в «Дейли телеграф». — Я читал о приключениях Вьюна и Пачкуна и о плаваниях замечательного судна «Бутл Толстогузый», а закрыв книгу, подумал, что мои соседи сочтут меня психически неуравновешенным — так я хохотал». Писатель Питер Грин так отзывался о книге Даррелла: «Это волшебная и совершенно необычная книга, лиричная и комичная, насмешливая, нежная и абсурдная. Мистер Даррелл являет собой нечто среднее между натуралистом Фабром и сказочником Кеннетом Грэмом, сочетая в себе лучшие качества обоих». Привлекательность этой книги, по мнению давнего друга семьи Даррелов Алана Томаса, заключается в том, что в ней читатель встречается с людьми, примирившимися с жизнью и удалившимися в свою Аркадию. После выхода «Моей семьи и других зверей» Джеральд получил первую в своей жизни премию. Международный институт искусств и литературы сделал его своим членом. Его книги стали неотъемлемой частью английской культуры конца пятидесятых — начала шестидесятых годов.

Как и в прошлый раз, когда книга Джеральда вышла одновременно с книгой его брата, «Моя семья и другие звери» была опубликована практически в одно и то же время с «Избранными стихотворениями» Лоуренса. Готовилась к изданию «Жюстина», первый том знаменитого «Александрийского квартета», а третья, несомненно, лучшая книга о Греции «Горькие лимоны» была закончена через шесть недель. За три месяца было продано двадцать тысяч экземпляров.

Удача улыбалась братьям. Через несколько месяцев американское издательство «Даттон» изъявило желание приобрести незавершенный «Александрийский квартет», а также «Горькие лимоны». Лоуренс смог оставить свою должность на Кипре, где его жизнь постоянно подвергалась опасности, и вернуться в Лондон со своей новой подругой — замужней женщиной, Клод Форд, писательницей, родившейся в Александрии. Лоуренс и Клод поселились в небольшом коттедже в Дорсете. Дочь Лоуренса, Сафо, жила с ними. Ева, ее мать, подала на развод и теперь искала работу в Лондоне.

Семья Даррелов редко встречалась с Лоуренсом и Клод. После отъезда Джеральда в Африку они перебрались во Францию, обосновались в Провансе, а потом переехали на маленькую ферму возле Нима. Переезд Лоуренса во Францию оказал огромное влияние на жизнь его младшего брата.

К Рождеству Джеральд, Джеки и остальные участники экспедиции были уже в море. Три дня прошло с момента отплытия из Саутгемптона. На борту судна «Тортугейро» они пересекали Бискайский залив. Других пассажиров на корабле не было. «Корабль был в полном нашем распоряжении, — вспоминала Джеки, — словно собственная яхта». Тот факт, что путешествие обошлось Джеральду в две тысячи фунтов, только усиливало иллюзию. Впереди лежала старая добрая Африка, жаркий, пыльный Мамфе и гордый Фон, а также весь тот мир, который Джеральд не видел вот уже восемь лет. Джеральд поил команду шампанским, он предчувствовал, что путешествие окажется удачным. Но ошибался.

Джеральд собирался отправиться в совершенно новый район Камеруна, куда направил его Айвен Сандерсон, — дикую, лесистую долину Тинта в Ассумбо, на северо-западе от Мамфе. Это было одно из немногих мест Британского Камеруна, где, как считалось, можно найти равнинных горилл. Основной целью экспедиции было снять цветной фильм о жизни горилл и других животных этого района, собрать как можно более полную коллекцию животного мира, а также шкуры и черепа млекопитающих и рептилий для Британского музея естественной истории, подготовить отчет о состоянии популяции горилл в Камеруне и о проблемах, связанных с их защитой, для Общества охраны фауны в Лондоне, а также изучить сообщение Айвена Сандерсона о гигантской летучей мыши, увиденной им в 1935 году. Кроме того, экспедиция намеревалась посетить горные районы,

озера кратера Оку и места, граничащие с Французским Камеруном, где они надеялись раздобыть гигантскую лягушку (Rana goliath). «В этих местах, — писан Джеральд в плане экспедиции, — живет огромное множество самых различных животных — от крохотных мышей до дикобразов, от питонов до жаб». Помимо всего прочего, Джеральд собирался писать книгу о своих приключениях, которая должна была восполнить все финансовые потери от экспедиции.

Таков был план. Журналисты были от него в восторге. «Вместе с женой на съемки фильма о любовной жизни горилл», — гласил заголовок в «Санди экспресс». «Мы надеялись снять, как самец гориллы колотит свою жену субботним вечером, — вспоминала Джеки, — но мы были бы еще более счастливы, если бы нам удалось увидеть процесс ухаживания».

7 января 1957 года корабль медленно вошел в залив Виктория. Хотя вид практически не изменился, прошло немало времени с того момента, как Джеральд впервые высадился на африканском берегу. В Камеруне произошли серьезные изменения. Страна обрела независимость. Джеральд больше не был молодым тигром в чащах леса. Теперь он путешествовал как известный писатель — с женой, секретарем, молодым помощником, а позднее к ним присоединился еще и фотограф из журнала «Лайф». Неприятности начались, как только они ступили на землю Африки.

«Мы прибыли в Камерун во время войны за независимость. Почти сразу же после прибытия нас вызвали в Дом правительства к представителю британской администрации. Чиновники были совсем не рады возвращению Джерри. Они отчитывали его за то, каким он вывел Фона в своей книге «Гончие Бафута», считая, что он изобразил черного клоуна, говорящего на ломаном английском. Сегодня подобное изображение африканцев считается политически некорректным. Они считали наш визит совершенно неуместным в свете складывающейся политической ситуации в Африке. Нам сказали, что, если Джерри собирается вернуться в Бафут, он должен держать рот на замке, в противном случае вся экспедиция окажется под угрозой. Мало того, начальник таможни, англичанин с замечательным именем Пайн Коффин (Сосновый гроб), решил конфисковать наше снаряжение, пожертвованное нам британскими промышленниками, а потом попытался арестовать Джерри, так как у него не было лицензии на оружие (по крайней мере, так утверждал таможенник)».

Даже Хранитель лесов, который должен был заботиться о состоянии фауны и флоры в Южном Камеруне, был настроен враждебно. Скрепя сердце он выдал Джеральду разрешение на съемки фильма и ловлю горилл в лесном заповеднике с помощью местных охотников. Однако способы, которыми Джеральд собирался ловить горилл, казались ему смехотворными; «Стремление мистера Даррелла забрать детеныша гориллы у живой матери кажется мне похвальным, и я настоятельно рекомендую ему испытать подобный способ на практике».

«Бюрократия значительно прогрессировала за те восемь лет, что я не был в Камеруне, — раздраженно замечал Джеральд. — Чтобы общаться с этими людьми, требовались гораздо большее терпение и ловкость, чем при обращении животными. Проведя две недели безо всякой пользы, мы решили перебраться в Мамфе, разбить там лагерь и терпеливо дожидаться разрешения». Ко времени прибытия экспедиции в Камерун власти решили заботиться о природе и никак не хотели разрешать Джеральду ловить охраняемых животных (в том числе и горилл) в заповедниках. Для этого требовалось разрешение высших властей Нигерии, контролировавшей Британский Камерун. Хотя Джеральду объяснили, что в Южном Камеруне осталось не более тридцати горилл, ему обещали дать лицензию на отлов одной особи. Это убедило Даррелла в том, что поимка гориллы будет делом не только трудным, но и неправильным. С самого начала экспедиции Джеральду пришлось отказаться от своей идеи.

Он решил вернуться в страну своего старого друга Фона, в заросшие травами степи севера. Прибыв в Мамфе, он написал Фону, прося разрешения приехать, и через два дня, 25 января, получил ответ из дворца.

«Мой дорогой друг!

Твое письмо от 23-го получил с огромным удовольствием. Мне было более чем приятно читать письмо, посланное тобой из Камеруна.

Я буду рад видеть тебя в любое время. Сколько времени ты захочешь провести здесь, не имеет значения. Мой гостевой дом всегда готов принять тебя, когда бы ты ни захотел приехать.

Пожалуйста, передай мой искренний привет твоей жене и скажи ей, что я буду рад поболтать с ней, когда она приедет.

Искренне твой, Ахиримби II, Фон Бафута».

Это письмо несколько успокоило Джеральда. Что бы ни говорили британские чиновники, но Фон остался на его стороне. Однако семена сомнений, посеянные в его душе, дали свои всходы. «Первые несколько недель, проведенных в Камеруне, оставили неприятный осадок, — вспоминала Джеки. — Джерри сомневался, стоит ли ехать в Бафут или лучше будет ограничиться только Мамфе. Мамфе для него был родным домом, но мы с Софи воспринимали его, как ад на Земле. Климат был ужасным. Мы вставали поутру и принимали душ, сама не знаю зачем, потому что мы с Софи были постоянно покрыты потом и ничего не могли с этим поделать. Но мы никак не могли убедить Джерри сдвинуться с места! Мы умоляли его перебраться в более высокогорную часть Камеруна, в Бафут, где хотя бы по ночам бывает прохладно. Но Джерри ничего не хотел слушать. У него и раньше был лагерь в Мамфе». Здесь можно было расположиться с удобствами, а в окрестных лесах водилось множество всяческой живности. Весть о том, что прибыл «хозяин добычи», быстро разнеслась по округе, и в Мамфе немедленно стали доставлять самых разнообразных животных.

Нежелание Джеральда покидать Мамфе объяснялось гораздо более глубокими причинами, чем простое разочарование от холодного приема, оказанного ему британскими колониальными властями, или проблемами, связанными с поимкой равнинных горилл в Ассумбо. И действительно, чуть позже власти стали относиться к его зоологическому статусу со всем уважением. Джеральда даже пригласили в качестве советника при планировании зоологического сада в столице Камеруна, Виктории. Беспокоил Джеральда некий внутренний страх, какое-то душевное волнение, которое лишало его присущей ему энергии. Боб Голдинг не участвовал в переговорах Джеральда с властями, но за те семь месяцев, что он провел вместе с Джеральдом и Джеки, ему стало ясно, что отношения между ними весьма натянутые. «Мне только что исполнилось девятнадцать, — вспоминал он позднее. — Обстановка экспедиции казалась мне романтичной и слегка пугающей. Я только что закончил школу, у меня еще молоко на губах не об-сохло. Я никогда не покидал Европу, никогда не бывал в подобных местах, не вел такого образа жизни, никогда не общался с людьми, вроде Джеральда и Джеки. Но мне было ясно, что Джерри и Джеки не ладят. Они не ссорились, но между ними не было понимания, ни физического, ни эмоционального. Они были холодны по отношению друг к другу и, разумеется, ко мне» В Мамфе Джеральд запил. Он впал в депрессию, стал раздражителен и ворчлив. Однажды он жестоко разругался с Пайосом, своим «боем», к которому всегда относился с глубоким уважением и любовью. Как-то раз Джеральд повздорил с окружным офицером Мамфе. Они выскочили из дома и принялись гоняться друг за другом. Во время этой ссоры Джеральд так сильно повредил босую ногу острым гравием, что его пришлось на две недели уложить в больницу.

Когда пришло разрешение снимать (но не ловить) горилл в Ассумбо, состояние Джеральда катастрофически ухудшилось. «Я потерял сознание, а очнувшись, обнаружил, что ничего не вижу, — вспоминал он впоследствии. — Встревоженные, мы обратились к местному африканскому врачу. Он посоветовал мне не волноваться и спокойно отдыхать. Я оказался в затруднительном положении — следует ли нам отправляться в трехдневный путь в Ассумбо. Обсудив ситуацию с окружным офицером, я решил остаться». Экспедиция явно не задалась с самого начала. Джеральд написал в письме одному ловцу животных: «Я собираюсь вернуться в Англию раньше, чем предполагал, поэтому, пожалуйста, не присылайте мне новых животных. Сожалею, что приходится отказываться от ваших услуг, но я очень болен и поэтому уеду из вашей страны гораздо раньше».

И вот в этот критический момент, когда судьба экспедиции висела на волоске, Джеки задала вопрос, который все изменил. Зачем ловить животных для чужих зоопарков, когда можно положить начало собственному? «Когда он понял, что мы можем сделать с собранными животными, вернувшись в Англию, — вспоминала Джеки, — он сразу же изменился. Я внушила Дарреллу, что мы можем ловить животных, а затем шантажировать Борнмутский совет, чтобы получить разрешение на устройство зоопарка». До этого Джеральд всегда ловил животных для других зоопарков, теперь же он мог делать это для себя.

План отлично удался. Силы экспедиции разделились. Боб Голдинг в одиночку отправился собирать рептилий. Джеральд и Джеки направились в Бафут, а Софи осталась присматривать за животными в базовом лагере в Мамфе. Боб должен был вернуться в середине апреля, а затем Софи с Бобом должны были приехать в Бафут и присоединиться к Даррелам.

Итак, звероловы разделились. Для Боба Голдинга одинокое путешествие в джунгли стало настоящим испытанием. Он очутился в полнейшей изоляции — физической, психологической, эмоциональной, социальной. Он никогда не испытывал ничего подобного раньше, не довелось ему испытать такого одиночества и впредь. Оставшуюся в душном Мамфе Софи бомбардировал письмами и требованиями легендарный охотник из Эшоби, Элиас Эйонг, о котором Джеральд

рассказал в «Перегруженном ковчеге». Теперь он стал известным человеком и достиг высокого социального статуса. 1 апреля он писал:

«Дорогая Ма,

получил от одного зверолова вашу передачу. Я просил прислать мне кусок мыла, но вы послали мне блок «Санлайта». Мне нужны спички, а также две клетки для животных. Если вы все еще хотите получить этих животных, сообщите мне. Сообщите, когда мистер Даррелл вернется из Баменды.

Самый искренний привет, Всегда ваш. Элиас.

NB. Не сажайте этих зверей в одну клетку, потому что они будут драться и сожрут друг друга».

Джеральд и Джеки добрались до более открытых и прохладных степей Бафута. Когда они прибыли, Фон чувствовал себя не слишком хорошо, поэтому не смог устроить попойку в первый же вечер. На следующее утро он прислал им письмо:

«Доброе утро, дорогие друзья. Сожалею, что не смог выпить с вами, так как был болен. Спасибо за бутылку виски и лекарства, присланные вами. Меня мучает кашель. Если у вас есть лекарства от кашля, пожалуйста, пришлите мне с посыльным. Думаю, виски мне поможет, но точно не уверен. Если у вас есть джин, пришлите бутылочку. Я лежу в постели.

Ваш добрый друг, Фон Бафута».

Очень скоро Фон поправился. «Он приветствовал нас очень тепло, — вспоминала Джеки. — Когда Джеральд рассказал ему о переговорах в Доме правительства, он пришел в ярость и стал рассказывать Джерри, как ему понравилась его книга, особенно та, в которой рассказывалось о нем. «Эта книга, которую ты написал, — сказал он, — она мне ужасно понравилась. Теперь мое имя знают во всем мире. Все люди на земле знают мое имя, вот что ты для меня сделал!» Фон оказался еще огромнее, чем я себе представляла — фантастически огромный мужчина, обладающий безграничной энергией, и великолепный танцор». Как-то вечером Фон устроил праздник и танцевал с Джеки. Под звуки королевского оркестра Фон ростом в шесть футов три дюйма и крохотная Джеки, в которой было чуть больше пяти футов, танцевали самбу. Джеки почти полностью скрылась в просторных одеяниях африканского короля. «Люди думают, что Джерри приукрасил Фона в своих книгах, но это не так, — писала Джеки. — Скорее, он описал его слишком скромно. Фон редко общался с европейцами, но Джерри он обожал».

Несмотря на дружелюбие Фона, настроение Джеральда не улучшалось, а депрессия только усиливалась. Он не хотел ничего менять, ему хотелось увидеть Камерун таким же, каким он предстал перед ним восемь лет назад. С каждым днем Джеральд мрачнел все больше. Джеки пишет, что он перестал есть и каждый день выпивал по бутылке виски. Он курил в постели и прожег дырки в противомоскитной сетке. В результате Джеральд снова свалился с малярией. Потом он и Джеки подцепили какую-то болезнь, связанную с разрушением красных кровяных телец, и стали выглядеть, как живые мертвецы. Джеки вспоминала:

«Несмотря на все трудности, такая жизнь нравилась Джерри. Он прекрасно находил общий язык с местным населением. Лучшим комплиментом для него было то, что он ведет себя совсем не так, как другие англичане. В Камеруне он ночи напролет просиживал с африканцами на пустых банках из-под керосина, курил, беседовал о политике, выпивал. Африканцы ценили то уважение, с которым он к ним относился. Он видел, что всегда страдают маленькие люди, а жирные коты могут позаботиться о себе.

К середине мая коллекция животных так разрослась, что клетки заняли веранду и весь двор гостевого домика Фона. В сотнях клеток сидели шимпанзе, мыши, орлы, колибри, тонкие черные кобры и разноцветные габонские гадюки. Хотя им так и не удалось ни поймать гориллу, ни снять фильм, у них был маленький детеныш шимпанзе, которого назвали Чалмондейли в честь его несчастного предшественника. Была в коллекции и молоденькая самочка шимпанзе, Минни. Ее подарил Даррелу местный плантатор. Когда Минни хотела привлечь к себе внимание, она начинала визжать, как заправский баньши.

В начале июня экспедиция покинула Бафут. Начинался сезон дождей, и, задержись они

подольше, им бы не добраться до побережья. На прощанье Фон устроил праздник и подарил Джеральду одеяние советника Фона Бафута. На рассвете экспедиция двинулась в дальний путь к побережью, где ее уже поджидал корабль «Никойя». Глядя на ряды клеток на Палубе, один из стюардов заметил: «Я многое видел в своей жизни, парень, но мне еще никогда не приходилось видеть целого зоопарка в багаже».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«ОТЛИЧНОЕ МЕСТО ДЛЯ ЗООПАРКА»: 1957-1959

«Никойя» вошла в Ливерпульский порт 7 июля 1957 года. За плечами Джеральда Даррелла остались пять экспедиций. В общей сложности он доставил в Англию более двух тысяч животных из Африки и Южной Америки, в том числе сорок три вида, которых никогда еще не было в зоопарках мира. Но на этот раз его возвращение было иным. Все животные, которых он привез, предназначались для его собственного зоопарка. Как только были спущены сходни, на корабль примчались журналисты. Джеральд решил использовать прессу, чтобы убедить Борнмутский совет устроить зоопарк в этом городе.

«Зоопарк в Борнмуте», — гласил заголовок «Дейли телеграф». В статье говорилось:

«Мистер Джеральд Даррелл, 32, писатель-зоолог, надеется устроить собственный зоопарк в Борнмуте. «Мы верим в то, что городской совет благосклонно отнесется к этой идее и выделит нам земельный участок, — сказал мистер Даррелл. — Если согласие будет получено, я начну работы уже осенью, и к весне новый зоопарк сможет принять первых посетителей». Мистер Даррелл и его жена, Джаклин, только что вернулись из длительной экспедиции в Британский Камерун. Они привезли 200 рептилий, 30 птиц, 18 обезьян, 47 галаго, девятимесячного водяного олененка, единственного в нашей стране, и девятимесячного шимпанзе по имени Чалмондейли Сент Джон Даррелл».\

Эта коллекция и положила начало зоопарку Дарреллов. Чтобы доставить зверей в Борнмут, потребовался целый вагон. Путешествие выдалось не из легких. В вагоне было единственное сиденье на троих взрослых людей, товарный вагон безжалостно кидало из стороны в сторону. Из сотен животных только Чалмондейли от души радовался приключению, за обе щеки уплетал хлеб с молоком, восседая на коленях того, кому удавалось на минутку присесть.

Через четырнадцать часов камерунская экспедиция добралась до Борнмута. На вокзале их уже поджидала вереница грузовиков. Звери из королевства Фона были погружены на машины и доставлены в дом Маргарет на Сент-Олбенс-авеню. Боб Голдинг, повзрослевший и окрепший, наконец-то обрел покой под крышей родительского дома в Бристоле. На следующий день после приезда он получил аккуратно отпечатанный счет на 1 фунт 10 пенсов за апельсиновый сок и сэндвичи, которыми снабдила его в дорогу Джеки.

Джеральд и Джеки были голодны, мучились от жажды, утомлены до крайности, но, пока животные не были устроены, отдыхать им не пришлось. Чалмондейли перекочевал на руки мамы. Над газоном был натянут огромный тент, под которым разместились самые неприхотливые животные — мангусты, циветты и крупные обезьяны. Более деликатные создания — белки, галаго, птицы и рептилии — отправились в гараж, который родственники предусмотрительно освободили еще до приезда Джеральда.

«Животные стоически выносили все испытания, — пишет Джеки о столь необычном возвращении домой. — Они хотели всего лишь быть накормленными и оставленными в покое, а мы мечтали о горячей ванне, стаканчике виски и хорошем обеде. Но прошло немало часов, прежде чем нам удалось все это получить. Чалмондейли наконец-то был уложен в большую корзину, хотя до этого мама и сестра Джерри успели его ужасно избаловать. Только после этого мы смогли подняться в свою комнату и забыться сном».

Через несколько дней пригородный зверинец начал функционировать. Он представлял собой весьма странное зрелище. Вот что пишет о нем сам Даррелл:

«Любой, кто заглянул бы на задний двор дома моей сестры, был бы вынужден признать, что выглядит он, по меньшей мере, нетрадиционно; В углу был натянут огромный тент, из-под которого раздавались разнообразные крики, свист, ворчание и урчание. Вдоль тента выстроилась череда клеток, где сидели орлы, стервятники, совы и ястребы. Рядом стояла клетка шимпанзе Минни. На остатках того, что раньше считалось газоном, резвились и играли четырнадцать обезьянок на длинных поводках. В гараже квакали лягушки, гортанно кричали турако, щебетали белки. Весь день

несчастные соседи, трепеща, наблюдали за жизнью нашего дома из-за кружевных занавесок, а я, моя мама, Маргарет, Софи и Джеки сновали туда и сюда по садику, разнося миски с хлебом и молоком, тарелочки с нарезанными фруктами или, что пугало наших соседей больше всего, с окровавленными кусками мяса или дохлыми крысами... Прошло немного времени, соседи собрались с силами и стали жаловаться».

Больше всего неприятностей причиняла Минни, которая весь день громко кричала. В конце концов ее пришлось отправить в Пейтонский зоопарк, которым руководил Кен Смит. Следом за Минни туда же были отправлены и наиболее прихотливые животные, в том числе и все рептилии. В зоопарке их можно было содержать в тепле, а дом Маргарет к такому оказался неприспособлен. Чалмондейли остался в доме на положении почетного гостя. Журналист из «Вуменз санди миррор», посетивший необычный зверинец, так описывал свое посещение:

«Сначала я подумал, что ослышался, но она повторила: «...Я мама шимпанзе. Войдите и посмотрите сами». Так я познакомился с Чалмондейли. Шимпанзе в розовом жакете играл на ковре в столовой самого обычного дома по Сент-Олбенс-авеню, как ребенок. Вот почему миссис Джеки Даррелл так необычно представилась. Она относилась в Чалмондейли точно так же, как если бы он был человеческим ребенком — ее собственным ребенком. Позже она объяснила: «Я решила никогда не иметь детей — жизнь обычной домохозяйки не для меня. Сейчас я мама Чалмондейли, он поглощает все мое внимание».

Джеки и Джеральд решили провести серьезный эксперимент, писал журналист (опираясь на собственную фантазию, а не на факты). Они хотят посмотреть, можно ли воспитать детеныша шимпанзе, как человека, чтобы он оставался членом семьи и тогда, когда станет взрослым.

«День Чамли проходил очень просто, — писала Джеки. — Он просыпалея, выпивал большую чашку чая с молоком, затем надевал экзотический свитер, который связала для него моя свекровь, «чтобы он не простудился, дорогая». Весь остаток дня он преследовал обитателей дома, пока наконец нам не удавалось уложить его в постель с помощью солидной дозы «Овалтина». Только тогда мы все могли хоть немного передохнуть и перевести дух».

Сначала шимпанзе спал в маминой комнате. Но когда обнаружилось, что она боится зажечь свет, чтобы не разбудить обезьяну, Чамли перевели в маленькую комнатку Джеральда и Джеки. Там он быстро научился зажигать свет, привык к шуму, сигаретному дыму и присутствию многочисленных друзей хозяев. «Любимой игрой Чамли, — вспоминала Джеки, — было залезать на шторы в гостиной и висеть там, к вящей радости всех окрестных ребятишек». Полюбил Чамли играть на площадке для игры в гольф, находящейся в конце улицы. Там он мог залезать на деревья, кувыркаться, гоняться за собаками, пугать игроков и швыряться в прохожих сосновыми шишками. Когда он уставал, то позволял привозить его домой в детском кресле на колесиках.

«За обедом, — писал Джеральд, — Чамли вел себя исключительно воспитанно. Он сидел у меня на коленях и терпеливо ждал, пока я что-нибудь ему дам. Ел он очень деликатно, пододвигал кусочек к краю тарелки указательным пальцем, а затем аккуратно брал его своими длинными хватательными губами. Если подавали что-нибудь вроде зеленого горошка, он тщательно очищал горошины от кожицы, при этом половина оставалась на тарелке, а вторая на моих коленях».

После обеда Чалмондейли любил порезвиться — он обожал прятки, качание на шторах или катание в кресле-качалке, причем раскачивался он с такой энергией, что в конце концов несчастное кресло переворачивалось. Как и любой ребенок, Чамли был очень любопытен и стремился потрогать любой новый для себя предмет. У него было несколько приятелей среди животных — два волнистых попугайчика, один зеленый, а другой желтый, хотя Чамли постоянно считал желтого приятеля каким-то новым видом бананов.

После игр наступало время чая. «Чамли радостно приветствовал появление чайного стоянка, — вспоминал Джеральд. — Он стремился первым усесться за стол и с нескрываемым интересом наблюдал за тем, как я наливал ему чай в чашку. Затем он осторожно пробовал налиток, окуная в него верхнюю губу. Чамли обожал чай и трепетно к нему относился. Чай должен был быть определенной температуры и определенного цвета — не слишком крепкий, но и не слишком слабый. И никакого сахара. Если чай казался ему чересчур горячим или холодным, если в чае было слишком много молока, он отставлял чашку в сторону и принимался дергать вас за рукав, указывая на чайник или молочник, чтобы вы сделали его налиток приемлемым».

Спал Чамли в большой корзине, рядом с которой ставили бумажный пакет на случай, если ему захочется перекусить. На ночь ему оставляли пару помидоров, яблоко, ветку винограда, кусок черного хлеба, четыре бисквита и пакет картофельных чипсов. «Эта пища, — писал Джеральд, —

подкрепляла его в ночные часы, так что от голода он не страдал». А потом наступало утро, утренний чай или, что шимпанзе любил еще больше, четыре кружки какао и сырые яйца.

Чалмондейли стал местной знаменитостью. Соседи отлично знали шимпанзе в футбольных трусах и свитере. Иногда он отправлялся в город вместе с Джеральдом на его мотоцикле. Как-то раз Чамли принял участие в программе Би-би-си, где проверяли уровень его интеллекта. Шимпанзе показал отличные результаты. Уровень его ментального развития соответствовал семилетнему ребенку, хотя по возрасту он был значительно моложе. Когда он заболевал, Джеральд отвозил его к Алану Огдену, который хоть и ворчал, что он не ветеринар, но все же делал ему укол пенициллина, от чего все болезни Чалмондейли обычно проходили. Как-то раз многострадальному Огдену пришлось лечить и карликовую мангусту, которая проглотила солому из своей подстилки.

А тем временем Джеральд искал место для своих животных. Он хотел убедить Борнмутский совет продать или отдать ему в аренду земельный участок, используя зверинец в доме Маргарет в качестве и приманки, и угрозы. Он чувствовал, что город будет рад приобрести новую достопримечательность, которая ему ничего не будет стоить. Сначала совет соглашался и даже предложил два места, каждое из которых оказалось совершенно неподходящим. Но постепенно эта идея перестала привлекать чиновников. Животные представляют опасность, к тому же пахнут, а впрочем, у городе все равно нет свободных земельных участков.

Джеральд попытался развернуть кампанию в прессе. Вскоре в дом Маргарет потянулись журналисты местных и национальных газет. Их встречал Чалмондейли, а затем Джеральд и Джеки. «Нет ли у вас места для зоопарка? — спрашивает мистер Даррелл», — гласил заголовок «Борнмут эко». «Если вы знаете такое место, — писал журналист, — мистер Даррелл с радостью выслушает ваши предложения».

Джеральд получил только одно письмо, от городского совета Пула, небольшого городка, находящегося поблизости от Борнмута. У них есть место для зоопарка — большое, но запущенное поместье Аптон-Хаус, бывшая резиденция семейства Лльюэллин. Пятьдесят четыре акра земли на береге Пульского залива.

Предложение Джеральда заинтересовало. Первичный осмотр подтвердил, что поместье отлично подходит для зоопарка. 6 августа 1957 года Даррелл отправил в совет Пула длинное письмо, в котором излагал свои планы относительно устройства зоопарка, а также прилагал смету расходов на ближайшие два года.

«Я считаю, что придется вложить десять тысяч фунтов в реконструкцию, а затем шесть тысяч на содержание. Я готов содержать зоопарк, но реконструкцию вам придется взять на себя. Хочу подчеркнуть, что собираюсь работать в этом зоопарке не как наемный сотрудник. Я всегда хотел иметь собственный зоопарк, в котором мог бы воплощать в жизнь свои идеи. Хочу заверить вас, что приложу максимум усилий к тому, чтобы наш проект увенчался не только финансовым успехом, но и имел серьезное научное значение для всего мира. За девять лет я сделаю этот зоопарк ведущим зоопарком Англии».

В начале октября Джеральд полностью разработал предложения по созданию зоопарка. Следовало немедленно приступить к ремонту дома и восстановлению окружающего его сада. Входная плата должна была составлять два шиллинга, во время специальных мероприятий ее можно было повышать. В зоопарке должно было быть не меньше семидесяти восьми вольеров, некоторые с прудами, одиннадцать загонов, в том числе для львов и медведей, четыре вольера с прудами для мелких млекопитающих, небольшое помещение для млекопитающих с сорока клетками, обезьянник с шестью клетками, дом рептилий, аквариум и площадка молодняка. Деньги можно было бы сэкономить, превратив теннисные корты в площадку молодняка, площадку для игры в сквош — в аквариум, тренерский дом — в склад и центр питания, а саму усадьбу — в кафе и помещения для персонала. Особенную прелесть проекту придавало то, что береговую линию залива можно было превратить в цепь островков, разместить на них животных и показывать во время экскурсий, проводимых на лодках. Следовало приобрести 875 млекопитающих, птиц, рептилий и рыб, общей стоимостью в 2600 фунтов, но Джеральд мог предоставить зоопарку двести собственных животных — «молодых и в прекрасном состоянии».

Хотя было очевидно, что Аптон-Хаус не совсем подходит для устройства зоопарка, но даже если бы он подходил идеально, разницы бы не было. Приближалась зима, сад Маргарет напоминал, по выражению Джеральда, «сцену из фильма о Тарзане». Сообщение о том, что поместье не может быть готово ранее Нового года, глубоко разочаровало Даррелла. Животные не могли зимовать под тентом. Что же делать?

В этот критический момент Джеки посетила блестящая идея. «Почему бы не предложить

наших животных магазинам города в качестве рождественских «приманок»?» — предложила она.

В Борнмуте был только один крупный магазин. Дж. Дж. Аллеи предоставил витрину для замечательного рождественского «подарка». Так родился «Зверинец Даррелла». В цокольном этаже под наблюдением Джеральда были устроены просторные клетки, стены разрисованы картинами тропического рая, на обозрение публики выставили церемониальные одеяния, привезенные Джеральдом из Бафута. Животных, которые могли разместиться в магазине, привезли незадолго до Рождества, остальных приютил Пейтонский зоопарк. «Зверинец Даррелла» пользовался таким успехом, что просуществовал в магазине в течение нескольких недель после Рождества, хотя обезьяны всегда представляли потенциальную угрозу. И вот наконец гроза разразилась. В воскресенье утром Дарреллам позвонили.

— Это полиция, сэр, — произнес мрачный голос. — Одна из ваших обезьян сбежала, думаю, вам лучше узнать об этом.

Беглянкой оказалась Георгина, молодая самка бабуина. Джеральд поймал такси и отправился в магазин. У витрины, где демонстрировалась мебель для спальни, уже собралась большая толпа. «По витрине словно прошел торнадо, — вспоминал Джеральд. — Простыни были разорваны в клочья, на подушках и одеялах красовались отпечатки обезьяньих лап. На кровати восседала Георгина, радостно раскачиваясь вперед и назад и строя зверские рожи толпе возмущенных прихожан местной церкви. Я вошел в магазин и увидел двух полисменов, залегших за баррикадой из турецких полотенец».

Маргарет, Джеки и два констебля взяли на себя охрану выходов и прохода в отдел посуды, а Джеральд стал приближаться к раздраженному бабуину.

— Георгина, — произнес он спокойным тоном, — иди ко мне, иди к папочке.

Охота длилась примерно полчаса. Георгина носилась по всей витрине, обрывая рождественские украшения, прыгая по перинам и прячась за кроватями, пока наконец один из полисменов не ухватил ее за лапу в лучших традициях форварда регби. Только тогда Джеральд сумел успокоить свою питомицу.

— Господи! — сказал констебль. — Я думал, она меня растерзает. Не слишком она похожа на подростка.

Уход за животными, особенно за приматами, был связан с бесконечными трудностями и проблемами. 9 декабря 1957 года Лоуренс Даррелл получил мемориальную премию Даффа Купера за «Горькие лимоны». Премию ему вручала сама королева. Лоуренс пригласил на церемонию маму, но она отказалась — ей было нечего надеть и, кроме того, она должна была присматривать за шимпанзе.

Рождество Дарреллы отметили в семейном кругу на Сент-Олбенс-авеню. Празднество выдалось беспокойное, поскольку Чалмондейли имел собственные соображения относительно того, как следует проводить праздники. Он забирался на елку, поедал свечи, рвал бумажные цепочки, обжег пальцы в горящем пунше, носился повсюду с рождественским тортом и кинул индейку в камин.

Джеральд был настолько занят хлопотами по организации собственного зоопарка, что не мог уделять время ничему другому, поэтому писать книгу о последней экспедиции он начал не сразу. Питер Скотт посоветовал ему организовать Фонд охраны дикой природы, подобный его собственному Севернекому фонду охраны птиц, организованному в 1946 году. Хотя общество Скотта не всегда радовало Джеральда, он отдавал ему должное и восхищался его организаторскими способностями. Джеральд бьш благодарен за советы и поддержку, которую ему всегда оказывал Питер Скотт. «В те дни, — писал он, — разведение животных в неволе большинством зоологов предавалось анафеме. Но Питер был одним из немногих, кто понимал, что разведение в неволе может оказаться весьма полезным и перспективным способом сохранения видов, находящихся под угрозой уничтожения. Поэтому он целиком и полностью был на моей стороне».

Джеральд предложил организовать неприбыльную благотворительную организацию — Фонд сохранения диких животных, а также зоопарк, в котором он мог бы делать для диких животных то, что Питер Скотт сделал в своем фонде для птиц.

«Целью деятельности Фонда, — писал Джеральд в пояснительной записке, — является защита животных, находящихся под угрозой полного исчезновения, организация экспедиций для ловли редких животных, обеспечение охраны природы во всем мире». Подобного предприятия еще никогда не было, указывал он, и данный зоопарк должен был стать уникальным.

Переговоры с советом Пула затягивались. Джеральд начал жаловаться на непроходимую тупость местных властей и на бесконечные бюрократические препоны, возникающие на пути нормального человека в Великобритании. Эта страна, по словам Даррелла, «была заражена миазмами

кафки-анской бюрократии, свобода гражданина ограничена настолько, что он не может совершать даже самые простые поступки, не говоря уж о столь экзотическом предприятии, как организация собственного зоопарка».

Наконец условия сорокадевятилетней аренды Алтон-Хауса были оговорены. Джеральд должен был вложить десять тысяч фунтов (125 тысяч на современные деньги). В этот сложный момент Руперт Харт-Дэвис сделал Даррелу уникальное предложение. Его издательство готово было выступить с гарантиями для получения банковского займа при условии, что зоопарк будет предоставлять материал для бесконечной серии книг, на которые издательство будет иметь эксклюзивные права.

Это уникальное и щедрое предложение основывалось на уверенности в том, что Даррелл является и будет являться выдающимся писателем. Джеральд обратился в банк с просьбой о займе для финансирования Фонда защиты диких животных. У него были гарантии, а зоопарк должен был приносить прибыль, достаточную для того, чтобы вернуть деньги в течение шести лет. «Сожалею, что не могу предложить личных гарантий, — писал он, — но хочу отметить, что мой доход за текущий финансовый год составит не менее десяти тысяч фунтов. Моя деятельность позволила мне познакомиться с известными людьми в различных областях жизни. Они могли бы оказаться весьма полезными для будущего предприятия. Среди них Джулиан Хаксли, Питер Скотт, Джеймс Фишер, Сомерсет Моэм, Фрейд Старш и лорд Кинросс».

Но, когда стали известны окончательные условия аренды Аптон-Хауса, они оказались совершенно неприемлемыми. Большая часть денег Джеральда должна была пойти на ремонт дома и других помещений, находящихся в ужасном состоянии, а также на проведение освещения, организацию отопления и других коммунальных услуг. «Даррелл был ужасно разочарован, — вспоминала Джеки, — и мы пришли к заключению, что следует отказаться от идеи организовать зоопарк в Пуле».

Джеральд был в отчаянии. Большинство его животных находилось в Пейтонском зоопарке и могло остаться там постоянно, если он не сможет забрать их до определенной даты. У него было соглашение с издательством писать по книге в год, но он все еще не написал новой книги. Теперь ему нужно было писать книгу, ради которой он отправился в экспедицию, чтобы собрать животных для собственного зоопарка. Но идея провалилась. Инстинкт подсказывал Джеральду, что ему нужно забыть об Англии, поскольку местные власти все равно не дадут ему развернуться в полную силу. Но если не в Англии, то где же?

Джеральд забыл о Пуле и стал собираться в новую экспедицию в Аргентину. Он собирался отплыть осенью 1958 года и вернуться летом будущего года. На этот раз он собирался не просто ловить зверей, а снять фильм о дикой природе, подобный тому, какие снимали Питер Скотт, Дэвид Эттенборо и орнитолог Джеймс Фишер. Он рассчитывал вернуться из Южной Америки с материалом не менее интересным, чем у Эттенборо, фильмы которого пользовались огромным успехом.

К этому времени Джеральд стал опытным лектором. Он часто выступал на радио, что подтвердил журналист Том Солмон, взявший у Джеральда интервью в доме на Сент-Олбенс-авеню вскоре после возвращения Даррелла из Камеруна.

«Мы с Джерри записали небольшое интервью в скромном маленьком пригородном домике, сидя на диване в обществе шимпанзе Чалмондейли В некоем подобии купального костюма 1890 года и пластиковых штанах. Шимпанзе носился по дому и привел меня в ужас. Вернувшись в Бристоль, я послал запись нашей беседы в отдел естественной истории. В примечания я отметил, что брал интервью у самого замечательного рассказчика, какого мне только доводилось встречать, и что он мог бы оказать огромную помощь в проведении передач данного отдела. Так я помог Джерри проложить дорогу на радио. Впоследствии мы стали закадычными друзьями. Умение полностью расслабиться перед микрофоном никогда не покидало его. Он стал замечательным ведущим и пользовался бешеной популярностью».

Прошлой весной, когда Джеральд был в Африке, Би-би-си передавала цикл программ «Встречи с животными» по его сценарию. Даррелл рассказывал о разных животных, с которыми ему довелось встретиться в жизни. Режиссером этого цикла была Эйлин Молони, наставница Джеральда в мире радио. «Встречи с животными» повторили трижды, эта программа стала абсолютным хитом. Эйлин обратилась к Джеральду с просьбой написать продолжение, чтобы выпустить его в эфир в начале 1958 года. Новый цикл «Отношения с животными» представлял собой зарисовки, связанные с поведением животных, сравнение животных и людей, рассказы о животных-изобретателях,

животных-архитекторах, животных-воинах, животных-любовниках, животных-родителях и животных меньшинствах — о видах, находящихся под угрозой полного исчезновения.

Джеки предложила Джеральду объединить двенадцать рассказов, входящих в оба цикла передач, в книгу «Только звери». Задача была несложной, к тому же она давала Джеральду возможность выполнить обязательство перед издателями и представить им в 1958 году новую книгу, как это требовалось по условиям контракта. Рукопись книги легла на стол редактора издательства «Харт-Дэвис», которого звали Дэвид Хьюз. Он был на пять лет моложе Джеральда и сам немного писал.

Как-то утром Хьюзу сообщили, что автор знаменитой книги «Моя семья и другие звери» придет в офис, чтобы обсудить редакторские вопросы, связанные с новой книгой. Даррелл приносил издательству приличные деньги. Хотя Руперт Харт-Дэвис не любил общаться с популярными авторами, был нетерпелив и несдержан, но Джеральд Даррелл ему нравился, чего нельзя было сказать о других авторах, таких, как «Слон Билл» Вильямс и Генрих Харрер. К тому же Даррелл, по мнению издательских секретарш, был настоящим дамским угодником. А его книги, как гласило мнение редакторов, нужно было переписывать. Предшественник Хьюза считал Джеральда одним из тех литературных авантюристов, чью неграмотную писанину приходилось полностью перерабатывать, чтобы придать ей читаемый вид. Дарреллу следовало посылать гранки, а не правленую рукопись. «Легенда гласила, — вспоминал Хьюз, — что Даррелл так и не узнал, что неведомый ему литературный негр создал ему очередной бестселлер».

В действительности все оказалось совершенно иначе. Рукопись «Встреч с животными» была блестящей — очень литературной, идеальной с точки зрения грамматики и пунктуации. «Она совершенно не требовала правки, — вспоминал Дэвид Хьюз. — Знакомство с рукописью подсказало мне, что Даррелл действительно любил страны, животных, пейзажи, шутки, вина, погоду и людей, с которыми он встречался. Я подумал, что Даррелл — это энтузиаст с широко распахнутыми глазами, который понравится мне с первого взгляда». Но когда Даррелл вошел в кабинет Хьюза, он не произвел на редактора такого впечатления.

«Он оказался молодым блондином, красивым, энергичным и приятным в общении. После того как мы познакомились, он поднял на меня смущенные голубые глаза и сказал: «Мы все собирались к Берторелли, может быть, вы хотите присоединиться к нам...» Все? Слово «все» решило мою судьбу. Я мгновенно понял, что этот человек удивительно дружелюбен. Я понял, что он сразу же включает понравившихся ему людей в свою орбиту. Его приглашение помогло мне найти друга на всю жизнь.

За спагетти он убедил меня в том, что действительно является авантюристом, хотя и не дамским угодником, а также замечательным писателем, гораздо более серьезным, чем написанные им книги. Успех «Моей семьи и других зверей» казался ему случайным. Вдохновенно расправляясь с огромным куском мяса, Джерри рассказывал мне о Греции, сожалел, что я не видел этой страны. Его рассказы были столь яркими, что очень скоро я почувствовал себя с бокалом узо (греческая водка) в одной руке и с очаровательной нимфой на коленях. Его слова были заразительны. Он умел интересоваться жизнью других людей и заинтересовывать их своей собственной. За ленчем я по-иному взглянул на собственную жизнь, открыл для себя новые возможности. Было ясно, что Даррелл совершенно лишен тщеславия (и самоуверенности). Он наслаждался моментом, его радовал хлеб, мясо, вкус вина, украшение его любимого ресторана, разговоры официанток. Он жил настоящим. Меньше всего он хотел говорить о себе, потому что он просто был самим собой. В этом и состояло его обаяние».

Осуществить желание Джеральда прорваться на телевидение было довольно трудно. У него не было врожденного таланта оператора или режиссера, перед камерой он чувствовал себя довольно скованно (по крайней мере, в тех условиях, которые существовали в те времена). Пленки, снятые им вместе с Джеки во время третьей камерунской экспедиции, не впечатляли, но после профессионального монтажа на Би-би-си получился вполне приличный трехсерийный фильм «В Бафут за добычей». В него включили также интервью с Джеральдом, Джеки и выступление Чалмондейли.

Чалмондейли был буквально создан для публичных выступлений. Он с удовольствием позировал фотографам, демонстрируя свое умение обращаться с щеткой, губкой, шваброй, кухонными весами, телефоном и камерой. Он несколько раз выступал на телевидении, участвовал в рекламной программе студии «XX век Фокс». «Братец Джерри стал телевизионной звездой, — писал

Лоуренс Генри Миллеру из Франции. — Он обзавелся сообразительным маленьким шимпанзе, которого вывез из Конго, и эта зверюга все делает за него». На книжной выставке в «Олимпии» Чалмондейли был почетным гостем на стенде В. Г. Смита. Пригласили его и на торжественный банкет. «На банкете прислуживал очень старый, аристократичный официант, — вспоминал Джеральд, — который явно не одобрял присутствия шимпанзе в ярком свитере, сидевшего у меня на коленях и поедавшего угощение с моей тарелки... Во время обеда он внезапно склонился ко мне и почтительно поинтересовался: «Не хочет ли э-э-э... молодой джентльмен еще немного горошка, сэр?» Чалмондейли совершил путешествие на поезде в Лондон, которое ему весьма понравилось. Напугали его лишь коровы на полях. Как только известие о его присутствии распространилось по поезду, пассажиры стали толпиться в коридорах, к вящему неудовольствию проводников. В результате Джеральду и Чамли пришлось сойти с поезда и добираться до города на машине, что доставило им обоим не меньшее удовольствие, особенно остановки в пабах, пиво и чипсы.

«Мой зверский братец собирается открыть зоопарк в Борнмуте и путешествует повсюду с огромной обезьяной по имени Чамли, — писал Лоуренс Ричарду Олдингтону. — Чудовищные сцены в вагоне-ресторане! Но, должен признать, что это хороший способ привлечь внимание издателей, когда нужно просить у них денег. Наши собственные приемы часто не срабатывают. Я обнаружил, что «Фабер» вечно пугается, когда я предлагаю нетривиальные названия своим книгам. Долгое время я убеждал их назвать «Жюстину» «Секс и секретная служба» или «Нет, не сейчас, за нами наблюдает твой муж». Джерри гораздо грубее (впрочем, с Харт-Дэвисом только так и можно обращаться). Он вечно грозит написать жизнеописание Иисуса...»

Телевизионный фильм Джеральда «В Бафут за добычей» вызвал неоднозначную реакцию. Чалмондейли повзрослел и стал непредсказуемым. Джеральд неуютно чувствовал себя в лучах софитов, сильно потел и смущался, что камера безжалостно фиксировала. «Если Джерри собирается продолжать карьеру телезвезды, — писала Джеки, — ему следует ограничиться съемками на натуре и ни в коем случае не соглашаться на работу в студии».

«Даррелл сильно нервничал, — замечал обозреватель «Обсервера» после выхода второй серии фильма. — но все же он и все его звери обладают удивительным обаянием». Джесси Форсайт в «Крисчен ворлд» превознес Джеральда до небес, и не только за его телегеничность, но и за образ мыслей, который был созвучен его собственному:

«Как человек должен общаться с низшими созданиями? Некоторые люди испытывают настоящую страсть к животным, диким или домашним, широко известным или редким. И эта страсть есть не что иное, как боогом данный инстинкт. Я полагаю, что все мы — обитатели земли, небес и моря — дети божьи. Являемся ли мы хозяевами — или просто доверенными лицами животных?

Величайшее изобретение современной техники — это телеобъективы. Мы исследуем космос, запускаем спутники. Но мы ничего не знаем о жизни тех, кто живет рядом с нами. Жизнь животных в джунглях и пустынях нам неведома. Лучшие телевизионные программы дают нам возможность приоткрыть занавес тайны над жизнью братьев наших меньших. И особенно порадовала меня серия фильмов о Западной Африке, снятых Джеральдом Дарреллом, гениальным молодым исследователем, который собирал животных, называемых в Африке «добычей», и привозил их в Англию. Он почти заставил меня полюбить змею-яйцееда, а ведь змеи всегда парализовали меня ужасом, даже в кино.

Но на протяжении жизни многих поколений знания людей о животных ограничивались только фильмами и книгами или походами в мелкие и крупные, вроде Уипснейдского, зоопарки. Так ли должны сосуществовать на этой планете Человек и Зверь?

Я не перестаю задаваться вопросом. Много тысячелетий назад Господь создал и поселил замечательные создания в разных уголках Земли. И на планете не было места для человека — Господь наслаждался творением рук своих. На протяжении миллионов лет глаз Господен отдыхал, наблюдая за жизнью этих созданий. Затем Он в милости своей позволил нам разделить с Ним эту радость. Разве Он хочет, чтобы эти создания исчезли с лица Земли?»

Джеральд все чаще думал об Аргентине. Би-би-си заказала ему фильм об экспедиции. Хотя студия не могла послать оператора, руководство было настолько уверено в способностях Джеральда, что заключило с ним контракт.

«Джерри безумно нравилась книга Чарлза Дарвина «Путешествие натуралиста на корабле «Бигль», — вспоминала Джеки. — Он мечтал попасть в Патагонию, чтобы своими глазами увидеть пингвинов, морских котиков и морских слонов, обитающих на побережье». В сценарии цикла из восьми получасовых фильмов Терра-дель-Фуэго должна была стать местом съемок двух первых серий («Земля огня» и «На краю света»). Следующие серии были посвящены пампе, Нижним Андам

и Формозе.

Во время подготовки к новой экспедиции возникла неожиданная трудность. Джеральд узнал, что Дэвид Эттенборо тоже собирается в Южную Америку, чтобы снимать свои фильмы. Но когда он позвонил Дэвиду, то смог вздохнуть с облегчением — к счастью, их планы оказались совершенно различными. «Дэвид действительно отправляется на съемки животных, собираясь уделить внимание всего двум-трем видам, — писал Джеральд руководителю программы в Бристоль. — Я же хочу показать полную картину животного мира на огромной территории, от полярных широт до тропических лесов на севере страны». Цикл фильмов Даррелла поражал масштабностью замысла, Джеральд во многом опередил свое время в документальном кино. Он собирался уделить внимание и вопросам охраны окружающей среды, что было довольно необычно. Он составил список видов, которым грозит полное уничтожение, и планировал снять их для своего фильма.

Незадолго до отъезда в Аргентину Джеральд обратился к своему коллеге и наставнику, Питеру Скотту, чтобы уточнить, ие заинтересован ли его фонд в приобретении каких-либо видов птиц. Скотт сказал, что его заветной мечтой было бы приобрести пару редких уток, обитающих в Верхних Андах в Боливии. «Питер, как всегда, был преисполнен энтузиазма, — вспоминал Джеральд, — и умолял меня привезти ему пару этих уток. Он говорил о них так восторженно, что у меня сложилось впечатление, что я их ему уже привез. Его энтузиазм в отношении охраны окружающей среды был так велик, что зажигал всех окружающих. Стоило полчаса поговорить с Питером, и вы уже чувствовали, что в состоянии воплотить самые дерзкие свои мечты». К сожалению, Джеральду не удалось поймать этих уток в Южной Америке, и Скотту не довелось развести редких птиц в своем фонде.

В разгар подготовки к экспедиции Джеральд не переставал думать о собственном зоопарке. То, что произошло чуть позже, превратилось в настоящую легенду. Произошедшее можно было разбить на три этапа. Первый оказался связанным с Джеки. Она писала:

«Я думала, что мысль о зоопарке давно похоронена, но я недооценила упрямство Даррелла.

— Должны же быть хоть где-нибудь нормальные люди, не бюрократы и не градоустроители, — жаловался Джеральд.

Прежде чем осознать, что я говорю, я вдруг предложила попытать сча-стья на Нормандских островах.

— Там и климат получше, да и правительство у них собственное, так что стоит попытаться».

Джеральд согласился. Но он никого не знал на островах, кто мог бы оказать ему какую-нибудь помощь. Разговор закончился ничем, и лучик надежды угас.

Второй этап создания зоопарка был связан с Рупертом Харт-Дэвисом. Джеральд вспоминал:

«С сожалением (идея создать зоопарк на острове мне ужасно правилась) мы забыли об острове Джерси. Спустя несколько недель я отправился в Лондон, чтобы обсудить проект зоопарка с Рупертом Харт-Дэвисом. И тут неожиданно блеснул луч надежды. Я признался Руперту, что перспектива создания собственного зоопарка настолько слаба, что я подумываю о том, чтобы отказаться от своего плана. Я сказал, что мы подумываем о Нормандских островах, но не знаем там никого, кто мог бы нам помочь. Руперт оживился и на моих глазах сотворил маленькое чудо. Он сказал, что у него есть хороший знакомый на островах. Этот человек провел там всю свою жизнь и будет рад помочь нам, чем сможет. Звали его майор Фрезер. В тот же вечер я позвонил майору. Похоже, его совсем не удивило то, что совершенно незнакомый человек обращается к нему с просьбой помочь в организации зоопарка. Это подкупило меня с первой же минуты нашего разговора. Майор предложил нам с Джеки прилететь на Джерси, чтобы он смог показать нам остров и дать всю необходимую информацию. Мы так и сделали».

Майор Хью Фрезер встречал Дарреллов в аэропорту. Это был высокий, стройный мужчина в фетровой шляпе, надвинутой на лоб так глубоко, что ее поля почти касались орлиного носа майора. Они проехали через столицу Джерси, Сент-Хельер, и выбрались за город. Дорога была узкой, деревья так тесно обступили ее, что, казалось, машина несется по зеленому туннелю. Ландшафт напомнил Джеральду Девон в миниатюре. Но дома фермеров были построены из джерсийского гранита, переливавшегося на солнце миллионами золотых звездочек. Довольно скоро они подъехали к двум зданиям, из которых получился бы замечательный зоопарк. Это был приход Тринити, где жил майор Фрезер. Машина свернула, и вскоре глазам Джеральда предстал дом Огр Мэнор (Дом привидений), один из очаровательнейших особняков острова Джерси.

«Поместье было построено в форме буквы Е без средней перекладинки, — вспоминал Джеральд. — Главный дом имел два крыла, причем каждое из них завершалось массивной каменной аркой, через которые можно было попасть во двор. Эти великолепные арки были построены около 1660 года[5] из замечательного местного гранита, как и весь дом. Хью провел нас вокруг дома, не скрывая гордости, показал старинный гранитный пресс для приготовления сидра, коровники, огромный сад, обнесенный каменной стеной, маленькое озерцо, вдоль берегов заросшее камышом, заливные луга с маленькими ручейками».

Гостеприимный хозяин привел гостей обратно на залитый солнцем двор. Джеральд был очарован поместьем. Он повернулся к Джеки и сказал:

— Как здорово было бы устроить наш зоопарк здесь, правда?

Джеральд даже представить себе не мог, что такое возможно. Его мечта не могла исполниться так быстро и так прекрасно. Но тем не менее знаменитая «удача Даррелла» улыбнулась ему и на этот раз.

— Вы серьезно? — удивился майор Фрезер. — Входите же, дорогой мой, давайте сразу же все обсудим.

За аперитивом обсуждение началось, за обедом продолжилось, подали бренди, а майор и Джеральд все еще обсуждали возможность организации зоопарка в поместье Огр. Майор сказал, что содержание поместья становится ему не по карману и он подумывает купить на материке что-нибудь поскромнее. Может быть, Джеральд согласится арендовать поместье, чтобы устроить в нем зоопарк?

«Целый год я мучился, боролся с городскими властями, — писал Джеральд, — а потом прилетел на Джерси и через час после приземления нашел свой зоопарк».

Дарреллы вернулись на материк со смешанными чувствами — их переполняли восторг, радость и облегчение, тревога и сомнения. Устройство зоопарка было делом нелегким, связанным с серьезными трудностями и проблемами. Вернувшись в Борнмут, Джеральд поделился своей радостью, однако все, кто знал его, отнеслись к новостям настороженно. Радовалась только Маргарет. Хотя сама идея казалась ей безумной, зато она наконец-то могла избавиться от обитателей джунглей, заполонивших ее садик.

Выдающийся английский орнитолог Джеймс Фишер, раньше с энтузиазмом относившийся к идее Даррелла разводить животных в неволе, встретил идею организации зоопарка в офшорной зоне скептически. «Ты сошел с ума, дорогой мой, — сказал он. — Натурально сошел с ума. Это слишком далеко. Настоящий край света. Неужели ты думаешь, что хоть кто-нибудь решит пересечь Ла-Манш, чтобы полюбоваться твоим зоопарком? Это безумная идея. Я бы не отправился в такую даль даже для того, чтобы с тобой выпить. Твой план совершенно нереалистичен. Тебя ждет разорение. С тем же успехом ты мог бы открыть зоопарк на острове Пасхи».

Джеральд обратился в сэру Джулиану Хаксли, признанному мэтру биологического мира. «Он всегда благосклонно относился ко мне в прошлом, — писал Джеральд, — но на этот раз моя идея была настолько грандиозной, что я опасался его негативной реакции. Оказалось, что я зря волновался. Сэр Джулиан отнесся к моему замыслу с огромным энтузиазмом». Дяррелл и Хаксли выпили чаю и обсудили устройство обезьянника, вольера для гигантских ленивцев и многие другие детали. Затем сэр Джулиан посмотрел на часы.

— Ты видел фильм, который молодой Эттенборо только что привез из Африки об этой львице... как ее... Эльсе? Ее вырастила Джой Адамсон. Сегодня его повторяют.

«Мы с величайшим биологом Англии, — писал Джеральд, — поднялись и в молчании смотрели фильм о том, как Джой Адамсои гоняется за Эльсой, как Эльса гоняется за Джой Адамсон, как Джой Адамсон лежит на Эльсе, как Эльса лежит на Джой Адамсон, как Эльса спит вместе с Джой Адамсон, как Джой Адамсон спит рядом с Эльсой и так далее и тому подобное...» К концу передачи у обоих было впечатление, что они увидели первый в мире художественный фильм, посвященный естественной истории.

Джеральд прислушался к полученным советам, но воспринял их по-своему. До отплытия в Аргентину оставалось меньше месяца, так что времени на раздумья и промедление не было. Джеральду нужно было либо согласиться на устройство зоопарка на острове Джерси, либо отказаться от этой идеи. Он не раздумывал. Через несколько дней Даррелл вернулся на Джерси, чтобы обсудить практические вопросы с властями острова. Начальник отдела туризма, сенатор Кричевски, отнесся к его идее с энтузиазмом и пообещал полную поддержку. Другие чиновники были не менее благосклонны. Отношение джерсийских властей разительно отличалось от бюрократии в Англии.

[5] На самом деле старейшие постройки имения относятся к XV веку.

Адвокат Хью Фрезера подготовил документы, по которым поместье Огр переходило к Дарреллу. Мечта на глазах превращалась в реальность. Оставалось только организовать сам зоопарк.

К счастью, Даррелл многое продумал, готовя план зоопарка в Пуле, поэтому ему не пришлось долго работать над деталями проекта. План зоопарка в Пуле подогнали под местные условия, перепланировали имеющиеся помещения и строения. Джеральд планировал открыть зоопарк для публики весной 1959 года, когда он еще был бы в Южной Америке. Он должен был перевезти на Джерси животных из Пейтонского зоопарка, а по возвращении пополнить коллекцию южноамериканскими приобретениями. Управлять зоопарком и поддерживать порядок в его отсутствие Джеральд попросил своего старого приятеля Кена Смита, который должен был стать директором Джерсийского зоопарка. «Смит всегда любил перемены и повышения, поэтому Джеральду было нетрудно убедить его приехать на Джерси. Смит сам набирал сотрудников для нового зоопарка. Он согласился оставить свой пост в Пейтоне при условии, что ему будет предоставлена полная свобода действий. Я возражала против этого по ряду причин и, как показало время, была совершенно права».

Когда до отъезда оставалось совсем немного, вышли в свет «Только звери». К удивлению Джеральда — ведь книга не представляла собой ничего особенного, всего лишь рассказы, которые передавались по радио, — она была встречена очень хорошо и прекрасно продавалась. «Если бы животные, птицы и насекомые могли говорить, — писал один из критиков, — они бы вручили мистеру Дарреллу свою первую Нобелевскую премию...» Наконец 18 октября 1958 года, через день после подписания последних документов относительно ввода в права владения поместьем Огр в приходе Тринити на острове Джерси, Джеральд отплыл из Плимута на борту корабля «Звезда Англии» в Буэнос-Айрес. Его сопровождали жена, мама и секретарша. Мама решила провести пару недель в Аргентине. Джеральд многим пожертвовал ради создания собственного зоопарка, но совершенно об этом не жалел. Его будущее теперь принадлежало не ему, а природе.

Аргентина и аргентинцы нравились Джеральду не меньше, чем Джеки. Теплота, обаяние и эксцентричность этих людей всегда импонировали Дарреллам. Стоило им сойти на берег, как их окружила толпа друзей и помощников — Бебита, Хосефина, Рафаэль, его сестра Мерседес, кузина Мари Рене Родригес и многие другие. Их гостеприимство и радость от встречи были неподдельными. Без их помощи Джеральду вряд ли бы удалось успешно завершить экспедицию. Они превращали даже самые серьезные трудности в сущее удовольствие. Единственной проблемой, как всегда, была таможня. Из-за сложностей с таможней Джеральд смог получить свое снаряжение только через месяц после прибытия в Аргентину.

План экспедиции был прост — во-первых, нужно было собрать животных для нового зоопарка и, во-вторых, снять фильм для телевидения. Расписание было не менее прямолинейным. Сначала экспедиция отправлялась на юг от Буэнос-Айреса на «Лендровере», пересекала пампу и попадала на равнины Патагонии, где собиралась наблюдать жизнь колонии пингвинов возле Пуэрто-Десеадо, а также морских котиков и морских слонов на полуострове Вальдес. Здесь Джеральд рассчитывал снять материал для первых двух серий своего фильма. Затем следовало вернуться в Буэнос-Айрес, перегруппировать силы и отправиться в противоположном направлении, на северо-восток страны к подножиям Анд.

Патагония оказалась пустынной, бесплодной равниной, заросшей кустарником. Между дюнами из черного песка бродили духи и призраки давно исчезнувших индейских племен. Колонии пингвинов, где обитали около двух миллионов птиц, протянулись на много миль вдоль берега, изрытого гнездовыми норами, напоминавшими лунные кратеры. «Странные, переваливающиеся, сильные птицы, — писал Джеральд в своих неопубликованных мемуарах, — вышагивали по берегу с шарканьем старых официантов, которым всю жизнь приходилось таскать тяжелые подносы». Морские котики вели собственную жизнь. «Нас встретил шум, подобный гулу пробуждающегося вулкана», — вспоминала Джеки. «Рев, мычание, бульканье, кашель — это было непрерывное кипение звуков, словно варился непомерный котел каши, — писал Джеральд. — Золотисто блестя на солнце, они напоминали беспокойный рой пчел». «Даррелл лихорадочно снимал пленку за пленкой, — вспоминала Джеки. — Он был пьян от удовольствия и настолько влюбился в котиков, что нам с большим трудом удалось утащить его дальше».

Задержка у котиков чуть было не обернулась катастрофой. Маленький пляж, где обитали морские слоны, оказался пустым. На нем лишь беспорядочно громоздились огромные коричневые камни. Похоже было, что морские слоны покинули Терра-дель-Фуэго. Сидя среди камней, члены экспедиции обвиняли друг друга в том, что слишком много времени уделили котикам. И вдруг

произошла странная вещь. «Мария, с видом человека, который не теряется ни при каких обстоятельствах, взяла бутылку вина, — писал Джеральд. — И только хлопнула пробка, как большой, немного вытянутый в длину яйцеобразный валун футах в десяти от нас вдруг глубоко и печально вздохнул и, открыв пару больших, блестящих, черных глаз, спокойно на нас посмотрел». Оказалось, что экспедиция расположилась между двенадцатью морскими слонами, которые спокойно спали, пока люди усаживались и доставали еду. Джеральд быстро снял то, что ему было нужно, и экспедиция вернулась в Буэнос-Айрес в прекрасном расположении духа.

До отъезда в Патагонию Джеки попала в автокатастрофу. За рулем машины была Хосефина, она не заметила, как переключился единственный на всю столицу светофор. «Светофор! — закричала Джеки за долю секунды до того, как «Лендровер» врезался во впереди стоящую машину. «Следующее, что я помню, это то, как я вылетаю через лобовое стекло, — вспо-минала она. — Даррелл успел схватить меня и прижал к себе. Нас заливала кровь. Откуда-то появилась толпа народа, все кричали и предлагали помощь. Я чувствовала себя совершенно нормально и не понимала, откуда льется вся эта кровь». В городской больнице Джеки наложили пять швов на лоб, а бледный Даррелл, испугавшийся гораздо сильнее жены, держал ее за руку. Казалось, ничего серьезного не произошло, но к концу поездки по Патагонии Джеки почувствовала себя очень плохо. У нее постоянно болела спина, а также появились сильные головные боли, усиливавшиеся от тряски. Похоже, у нее была трещина черепа. Жара и влажность аргентинской столицы не пошли ей на пользу, и Джеки решила, что ей следует как можно быстрее вернуться в Англию и начать лечение. Джеральд согласился, и в середине февраля 1959 года она отплыла в Лондон на единственном корабле, где была свободна одиночная каюта.

Присматривать за зверями в Буэнос-Айресе осталась Софи, а Джеральд отправился на север. Он собирался посетить северо-западную провинцию Жужуй, которая с одной стороны ограничена горами Боливии, а с другой — иссохшей чилийской провинцией Сальта. Джеральд собирался устроить лагерь у друзей на плантации сахарного тростника в Калилегуа и начать ловить зверей с помощью маленького черноглазого черноволосого аргентинца Луны и крупного голубоглазого блондина Хельмута. С отъездом Джеки экспедиция лишилась организационного гения. Съемки фильма отошли на второй план. Джеральду не суждено было осуществить свою мечту и стать ведущим режиссером-оператором документального кино.

Джеральд впервые расстался с женой так надолго. Хотя отношения между ними во время камерунской экспедиции осложнились, он очень скучал по Джеки, чувствовал себя забытым и заброшенным. Из Буэнос-Айреса он постоянно ей звонил. Отправившись в джунгли, он стал писать ей длинные письма, в которых не только пересказывал новости и сплетни, но и признавался в том, что он любит ее, и скучает без нее, и безумно хочет увидеть ее снова. Из Калилегуа он написал ей письмо о подъеме на гору высотой пять тысяч футов вместе с Луной и Хельмутом.

«Мы отправились в путь верхом, и это было великолепно. На вершине обнаружилась маленькая деревянная хижина, где мы и расположились. Нас окружал роскошный лес, полный тапиров, туканов и попугаев. Под деревьями росли самые удивительные грибы и поганки, какие мне только доводилось видеть, — сотни грибов самых разнообразных форм и расцветок. Я словно попал на коралловый риф. Мы взяли с собой пятерых охотников и двенадцать собак, но, несмотря на все их усилия, им не удалось никого поймать. Тем не менее наши лошади и вьючные мулы подверглись нападению вампиров. Это было очень интересно. Как в фильме про Дракулу, на рассвете мы обнаружили на их шеях длинные глубокие царапины. Я решил проверить, станет ли вампир кусать меня, поэтому улегся спать на улице. В хижине спали семь человек, и мне захотелось вдохнуть немного свежего воздуха, не пропитанного чесноком. Так что я устроил себе постель возле лошадей и высунул ногу из-под простыни, рассчитывая, что вампир укусит меня. К сожалению, ничего не вышло, хотя я пролежал там всю ночь. А лошадей снова искусали. Чарльз сказал, что вампиры не любят джина и не станут пить мою кровь. К тому же я вспомнил, что летучие мыши переносят бешенство, и перестал сожалеть о неудавшемся опыте.

...Дела наши идут неплохо. Вот список зверей, которых нам удалось Поймать. Одна почти взросла пума, один оцелот, одна кошка Джеффриса, два молодых коати, четыре голубых амазонских попугая, два желтоголовых ара (очень редкие птицы, полагаю, мне удалось поймать их первому), один красноголовьш амазон (Бланко), шесть маленьких длиннохвостых попугаев, два агути, шесть бразильских кроликов, два очаровательных пекари, а детеныш пекари совершенно очарователен».

Коллекция настолько разрослась, что доставлять ее в Буэнос-Айрес пришлось поездом.

Двухдневное путешествие оказалось настолько изматывающим, что Джеральд писал Джеки:

«Путешествие поездом было забавным, но очень утомительным. Бедные звери страдали от жары, а я ничего не мог сделать. Только в Аргентине могло случиться так, что весь поезд узнал о том, что я везу животных, и на остановках меня просили показать пуму и рассказывали мне, где я могу набрать воды...

В мое отсутствие Софи приобрела очень симпатичную капибару и пару молодых, но достаточно взрослых обезьянок-дурукули. Тебе они понравятся, дорогая. Тапир Клавдий чувствует себя хорошо и стал размером с упитанную корову. Он постоянно что-то жует и, как всегда, все делает по-своему. (Бланко только что прибежал с кухни, залез мне на плечо и интересуется, как я себя чувствую.)

Дорогая, ты не должна писать мне, что любишь меня... Если бы это было не так, ты никогда бы не поехала со мной. Всем, что во мне есть, я обязан тебе. Ты — часть меня, а сейчас я словно лишился правой руки. Через два месяца я наконец-то смогу поцеловать тебя и рассказать тебе, что ты для меня значишь... Но помни, хоть я и не вернулся, я всегда был и буду только твоим... Без тебя я ничто».

У Джеральда была масса дел в Буэнос-Айресе. Невероятно, но он пытался там писать книгу об Африке. «Я пытаюсь закончить «Зоопарк в моем багаже», — писал он Джеки, — и надеюсь, что мне это удастся. Я хочу отослать тебе рукопись еще до отъезда из Аргентины, чтобы иметь немного денег по приезде. Это довольно трудно, потому что писать мне удается только по ночам. Я безумно устал, но не прекращаю работы. Мне тяжело, но я не хочу, чтобы ты беспокоилась. Не волнуйся, дорогая, не волнуйся насчет денег: когда я вернусь, то заработаю достаточно, обещаю тебе. Пожалуйста, не волнуйся и не переживай из-за этого. Ты же знаешь, что если я постараюсь, то смогу заработать».

Джеральд собирался на неделю поехать в Мендосу, в предгорья Анд, чтобы поймать редкого волосатого броненосца. Дэвид Джонс, веселый аргентинец, ставший для Джеральда младшим братом и постоянным спутником и заменивший Джеки в решении практических проблем повседневной жизни, вызвался сопровождать его. Дорогу в Мендосу размыло, но Джеральд и его спутник надеялись, что дожди прекратятся. «Если дождь не перестанет, — в отчаянии писал Джеральд, — я не смогу снять больше трех-четырех серий фильма. Я так надеялся на то, что материала о котиках, морских слонах и пингвинах хватит на две серии, но, если ты помнишь, я не уверен в хронометраже».

Растущая коллекция животных временно разместилась в музее Буэнос-Айреса. Времени на другие дела практически не оставалось. Но более всего Джеральда мучили мысли о шаткости и непрочности своего брака.

«Я писал тебе, что люблю тебя? — спрашивал он у Джеки. — Что я скучаю по тебе? Что я хотел бы отплыть уже завтра, чтобы быть с тобой? Ну так вот, я об этом пишу. Дорогая, я весь твой и только твой — не самый легкий груз, но уж так вышло. А теперь мне пора перестать играть любовника средних лет и отправляться в душ, так как мы собираемся на обед к Блонди. Дэвид только что принес мою одежду... Если ты со мной разведешься, я женюсь на нем. Скоро я снова напишу тебе, дорогая. Береги себя для меня».

«Дорогая, — пишет он через несколько дней, — это письмо будет коротким, но в полночь мы с Дэвидом отправляемся в Мендосу и сейчас мы судорожно собираемся. Я напишу тебе, как только мы вернемся, обещаю. Я просто хотел, чтобы ты знала, что я люблю тебя и очень тебя хочу. Поездка будет недолгой, дорогая. Спокойной ночи. Дж.»

В Мендосу Джеральд с Дэвидом выехали в три часа ночи. Поездка прошла спокойно. Джеральд спал до рассвета, а затем сменил уставшего Дэвида. «Вдруг мои глаза широко распахнулись, — писал он Джеки, — ...мы выехали на вершину холма, и перед нами открылась картина Анд, великолепная цепь гор самых причудливых очертаний, укутанных снеговыми шалями. Это было настолько прекрасно, что я разбудил Дэвида, чтобы он тоже полюбовался пейзажем. Но он начал ворчать, а потом сказал мне, что мотор стучит. Это меня так огорчило, что я уселся завтракать, но Дэвид сказал, что для него мотор гораздо важнее Анд, что ему нужно заниматься мотором, а не таращиться на горы. Я был вынужден признать справедливость его слов.

Дорогая, я люблю тебя. Когда ты уехала, я утратил весь интерес в экспедиции. Мне не на кого кричать, некого упрекать, не на кого сердиться, никто не знает, какой я паразит, никто не говорит мне, какой я хороший, никого нет рядом, когда мне кто-то нужен, мне некого любить. Я так хочу

вернуться в Англию, надеюсь, нам удастся вернуться раньше мая. Что бы ты ни решила сделать, я всегда буду любить тебя и надеюсь, что ты тоже любишь меня. Все, чего я прошу, не принимай решения до моего возвращения. Не обещаю измениться, стать хорошим мальчиком и всегда делать то, чего ты от меня хочешь, потому что это была бы ложь. Ты знаешь, что это невозможно, потому что хорошо со мной знакома. Поэтому все, что я могу пообещать тебе, если ты останешься со мной, я буду таким же паразитом, как всегда, может быть, чуть лучше. Все, что я знаю, так это то, что, когда ты уехала, я понял, как сильно тебя люблю!»

Пока Джеральд был в Аргентине, Дэвид Эттенборо снимал и ловил броненосцев, а также других небольших животных в Гран-Чако в Парагвае. Вернувшись в Буэнос-Айрес со своими животными, он узнал, что еще один зверолов ожидает корабля для возвращения в Англию. Это был Джеральд Даррелл. Они встречались раньше, когда Эттенборо только начинал свою карьеру на Би-би-си. В Буэнос-Айресе Джеральд рассказал Дэвиду о создании собственного зоопарка. Эттенборо вспоминал:

«Ему было слегка за тридцать, но выглядел он лет на десять моложе. Длинные волосы постоянно падали ему на глаза. Мы были соперниками, но тем не менее я запомнил только его открытую широкую улыбку и невероятное остроумие. У нас было много общего. Мы обсуждали, как кормить броненосцев, как лечить диарею у этих созданий. Даррелл порекомендовал мне добавлять немного земли в молотое мясо и концентрированное молоко. Мы оба поражались тому, что любимой пищей гривастых волков, представителей семейства собачьих, является не мясо, а бананы. Вечерами мы переходили с пива на дешевое южноамериканское бренди. Джерри увлеченно говорил о своих планах. Он рассказал мне, что собирается открыть собственный зоопарк. Я счел его безумцем. Как может простой человек, не миллионер, иметь собственный зоопарк? Но Джерри был непреклонен. Он уже убедился в том, что может писать бестселлеры. Он написал несколько книг, а полученные деньги направил на финансирование зоопарка своей мечты».

Джеральд рассказал Эттенборо, что его зоопарк будет отличаться от обычных зоопарков, к которым он относился весьма критично. Клетки и вольеры в них построены для удобства публики, а не животных. Большинство зоопарков неправильно подбирают животных, отдавая предпочтение крупным, эффектным зверям — тиграм, львам, носорогам и гиппопотамам. Их дорого содержать, к тому же им нужны большие пространства. Мелкие животные — мармозетки, броненосцы, скорпионы, бабочки и даже муравьи — представляют для публики не меньший интерес, если их правильно содержать и показывать. «Сильнее всего, — вспоминает Эттенборо, — он критиковал зоопарки, в которых не пытаются разводить животных. Когда зверь погибает, зоопарк просто покупает нового... Он собирался изменить положение вещей».

Много лет спустя, вспоминая отъезд из Аргентины, Джеральд поразился своей смелости, своей гордыне. Но как же благодарен он был своему наивному оптимизму, ослепившему его настолько, что он не видел тех трудностей, с которыми ему придется столкнуться.